

МОНГОЛІЯ И КАМЪ.

ТРУДЫ ЭКСПЕДИЦИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Русскаго Географическаго Общества,

совершенной въ 1899—1901 гг.

ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ

П. К. Козлова.

Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ТОМЪ I.

Часть первая.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія „Герольдъ“, Вознесенскій пр., 3.

1905.

П. К. Козловъ.

ПО МОНГОЛИИ ДО ГРАНИЦЪ ТИБЕТА.

Съ тремя картами, пятнадцатью фототипіями и двадцатью семью
политинажами.

Будда на алмазномъ престолѣ.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

По порученію Совѣта И. Р. Г. О. издано подъ наблюденіемъ

А. В. Григорьева,

ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА И. Р. Г. О.

Памяти незабвенного своего учителя,

первого исследователя

природы Центральной Азии,

Николая Михайловича

Тржевальскаго

посвящает труды экспедиции

В. Косиов

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
ВВЕДЕНИЕ	1—6
ГЛАВА I. По Алтаю. Отъ Петербурга до станицы Алтайской. Станица Алтайская. Старовѣръ Рахмановъ; пребываніе его съ товарищами на Лобъ-норѣ. Нашъ путь по внутреннему Алтаю. Маральники. Долина рѣки Бухтармы. Укбкъ. Русско-китайская граница. Поѣздка моихъ помощниковъ въ альпійскій поясъ. Слѣдованіе до Кобдо; описаніе этого города	7—40
ГЛАВА II. Въ области Монгольскаго Алтая. Общая характеристика Монгольскаго Алтая и планъ работъ экспедиціи въ этихъ горахъ. Озеро Хара-уеу; баснословное обиліе птицъ. Поѣздка В. Ѳ. Ладыгина. Путь черезъ Борджонъ къ Хулму-нор'у. Мѣстные кочевники. Бивуакъ экспедиціи въ долину означеннаго озера. Возвращеніе В. Ѳ. Ладыгина; свѣдѣнія о рѣчномъ бобрѣ. Отъѣздъ А. Н. Казнакова. Дальнѣйшій путь экспедиціи черезъ Тонкиль-норъ, Шаргинъ-цаганъ-нор'скую долину и озеро Вегерь-норъ; попутные монголы и ихъ монастыри. Осенній пролетъ птицъ.	41—72
ГЛАВА III. Въ области Монгольскаго Алтая. Снова ближайшее сосѣдство главныхъ горъ. Ламы паломники въ Тибетъ. Неожиданная встрѣча съ А. Н. Казнаковымъ на озерѣ Хутукъ-норъ. Бивуакъ при ключѣ Датынь-туру. Знакомство съ озеромъ Боунъ-цаганъ-нор'омъ. Жители юго-восточныхъ хошуновъ Цзасакту-ханскаго аймака. Поѣздка г. Ладыгина поперекъ Гоби. Массивы Ихэ-и Бага-богдо. Озеро Орокъ-норъ и дальнѣйшій путь экспедиціи вдоль сѣверо-восточной окраины горъ Арца-богдо. Трехнедѣльная стоянка при колодцахъ Чацеринги-худукъ. Возвращеніе Казнакова. Совмѣстное слѣдованіе до кумирни Цаурахай-дацанъ. Попутные монголы Сайнь-нойон'скаго аймака.	73—115
ГЛАВА IV. Центральная Гоби. Вступленіе. Общая характеристика Гоби и путешествія по ней. Отъѣздъ А. Н. Казнакова. Путь главнаго каравана; хребетъ Цзолинъ и горы Эргу-хара. Эффектное „halo“ вокругъ солнца. Алашаньскіе монголы. По пескамъ Баданъ-чжарангъ. Озеро Куку-бурду. Дальнѣйшій путь черезъ горы Ябарай и города Сого-хото и Лянь-чжоу до монастыря Чортентанъ. Описаніе этого послѣдняго и свиданіе съ товарищами.	116—147

- Г л а в а V. Отъ монастыря Чортэнтана до Восточнаго Цайдама.** Въ области горъ прилежащихъ къ Тэтунг'у. Трудность пути по высокимъ карнизамъ. Богатство пернатого царства; оживленіе дороги мѣстными обитателями. Монастырь Чойбзэнъ. Погода ранней весны въ горахъ. Встрѣча съ гг. Казнаковымъ и Ладыгинымъ. Стоянка въ окрестности города Донгэр'а. Путь по сѣверо-западному берегу Куку-нора. Степной пожаръ. Мѣстные кочевники. Хребетъ Южно-Кукунорскій и кумирня Дулапъ-хигъ. Видъ на хребетъ Бурханъ-Будда. Пребываніе въ Цайдамѣ и весенній пролетъ птицъ. 148—184
- Г л а в а VI. Цайдамъ.** Географическое положеніе. Исторія Цайдамскихъ монголовъ. Гэгэнъ Гуши-хань. Покореніе шарайголовъ китайцами. Добавленіе объ историческомъ прошломъ монголовъ Цайдам'а; Цокто-хань и Гуши-хань. Административное раздѣленіе покоренныхъ шарайголовъ. Какъ монголы начали отаггунгиваться. Табунъ-Цайдамъ. Курлыкъ; населеніе, его занятіе и благосостояніе. Тайчжинэръ; происхожденіе этого названія. Цзунъ. Варунъ. Племенной составъ. Администрація. Скотоводство. Курлыкъ-цзасакъ. 185—211
- Г л а в а VII. Этнографическій очеркъ Цайдамскихъ монголовъ.** Наружный типъ, одежда, жилище, домашняя утварь, пища и занятія. Приемъ и угощеніе гостя. Отношенія половъ. Выборъ невесты. Сватовство. Свадьба: перемѣна прически, подарки невестѣ и посѣщеніе ея дома женихомъ; прибытіе невесты, поклоненіе небу, солнцу и лунѣ—клятва въ вѣрности. Посѣщеніе родителей новой юрты. Роженица и новорожденный; остриженіе волосъ. Похороны. Юридическіе обычаи. Перебѣжчики. Примѣты и пословицы. Новый годъ, праздникъ печати и хуралы. Военные смотры. Хамба-лама. 212—256

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фототипическія таблицы.

	Къ стран.
1. П. К. Козловъ	1
2. Конвой Тибетской экспедиціи за трапезой	10
3. Старовѣръ Рахмановъ	12
4. Маральникъ или „садъ“ съ прирученными оленями	20
5. Рѣка Бухтарма. Русскій Алтай	24
6. Плоскогорье Укѣкъ; видъ на снѣга „Табын-богдо“ („Пять святыхъ“)	26
7. Караванъ въ пескахъ Южной Гоби	126
8. Монастырь Чортэнтанъ (въ Гань-су)	140
9. Аванъ, настоятель монастыря Чортэнтанъ	142
10. Лама Цорчжи, свѣтскій управитель монастыря Чортэнтанъ	142
11. Гора „Шахэръ“, на правомъ берегу Тэтунга	152
12. Монастырь Чойбзэнъ	154
13. Цайдамская равнина; на первомъ планѣ солончаки	186
14. Барунъ цзасакъ, начальникъ Восточнаго Цайдама.	210
15. Чакдуръ, цайдамскій монголь	214

(Фототипии воспроизведены по негативамъ экспедиціи Н. Р. Каминскимъ).

Рисунки въ текстѣ.

	стр.
1. Складная брезентно-пробковая лодка	3
2. Лодка на вьюкѣ	4
3. Чашечка изъ мыльнаго камня	87
4. Монгольская табакерка	108
5. Парадная ламская шляпа	130
6. Тоже; часть увеличенная	131
7. Будда на алмазномъ престолѣ	149
8. Сладкогласный Манчжушри	—

X

	стр.
9. Амитаюсъ (особый тантрийскій видъ) Ушнишавиджая	149
10. Амитабха въ Сукавати (небесной его обители)	174
11. Одинъ изъ Намсараевъ (Куберь—богъ богатствъ).	175
12. Монгольское гау	214
13. Ножъ китайской работы	215
14. Охотничьи принадлежности монгола	—
15. Ведро	217
16. Деревянная кадка	—
17. Лагунъ	—
18. Чугунный котель	—
19. Мѣдная чаша на желѣзномъ казанѣ	218
20. Высокій мѣдный чайникъ	—
21. Низкій мѣдный чайникъ	—
22. Деревянная ступка съ пестомъ	—
23. Большая разливательная ложка	—
24. Маленькая ложка	—
25. Глиняная посудина	219
26. Деревянная чашка для чая, отдѣланная въ серебро	—
27. Деревянная чашка для дзамбы и чая	—

Схематическій чертежъ.

„Нало“ вокругъ солнца	123
---------------------------------	-----

Карты.

[Масштабъ 20 верстъ въ дюймѣ, т. е. 1:840.000].

Листы I и II. Монгольскій Алтай.

Листъ III. Центральная Гоби.

(Карты исполнены по подлиннымъ съемкамъ автора Г. Θ. Захаровымъ и воспроизведены въ картографическомъ заведеніи Д. М. Руднева).

Къ свѣдѣнію читателя:

Строка:		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стран. сверху	снизу		
18	— 4	<i>Cervus maral canadensis</i>	<i>Cervus canadensis asiaticus</i>
140	— 13	катайцы.	катайцы.

W. Kosuoli

Петрович В. Косов, С. Парфёв, Невский ави № 7-2.
Пресса. Н. Камовид.

ВВЕДЕНІЕ.

Незабвенный мой учитель Н. М. Пржевальскій придавалъ особенное значеніе изслѣдованію природы Кама — крайняго востока Тибета. Камъ былъ имъ поставленъ цѣлью пятаго, увы! неосуществившагося путешествія.

По смерти перваго изслѣдователя природы Центральной Азіи, продолжателю его М. В. Пѣвцову намѣчены были иныя болѣе скромныя задачи, блестяще имъ и разрѣшенныя. Слѣдующая затѣмъ экспедиція, съ В. П. Роборовскимъ во-главѣ, направилась было въ Восточный Тибетъ, но у его порога руководителя экспедиціи сразила жестокая болѣзнь... Не всегда въ путешествіи можно рассчитывать достигнутьжелаемаго, несмотря на энергію и богатый запасъ опыта — горькое заключеніе, къ которому пришелъ я, участникъ трехъ большихъ экспедицій — Н. М. Пржевальскаго, М. В. Пѣвцова и В. П. Роборовскаго — превосходно обставленныхъ и руководимыхъ, въ которыхъ мнѣ довелось принимать участіе на началахъ все большей и большей самостоятельности.

Мнѣ посчастливилось достигнуть Кама и провести въ немъ нѣкоторое время, но проникнуть въ Средній Тибетъ не удалось...

Исторія путешествія, планъ, составъ и средства экспедиціи таковы.

Въ началѣ 1896-го года В. П. Роборовскій и я возвратились въ Петербургъ изъ нашего продолжительнаго странствованія по Азіи и приступили прежде всего къ разбору привезенныхъ коллекцій, а затѣмъ и къ сдачѣ какъ этихъ, такъ и другихъ научныхъ матеріаловъ на руки ученыхъ специалистовъ для обработки и изученія. Покончивъ съ этимъ, мы, въ свою очередь, засѣли за писаніе отчетовъ о совершенномъ нами путешествіи.

Тогда же я задумалъ планъ новой экспедиціи въ Центральную Азію и Тибетъ. Задачею этого путешествія ставилось изслѣдованіе Южнаго или Монгольскаго Алтая, прилежащей къ нему Центральной Гоби, а также, притомъ главнымъ образомъ, изслѣдованіе Восточнаго и Средняго Тибета. Въ концѣ 1898-го года я представилъ этотъ планъ въ Совѣтъ Географическаго Общества, вмѣстѣ съ отчетомъ о миновавшей экспедиціи.

Императорское Русское Географическое Общество и Военное Министерство, къ которому Общество обратилось за содѣйствіемъ, отнеслись съ наибѣйшимъ сочувствіемъ къ моему проекту. 1-го апрѣля 1899 года Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ на командировку какъ меня лично, такъ равно и моихъ помощниковъ: поручика Кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Марии Февдоровны полка А. Н. Казнакова и губернскаго секретаря В. Θ. Ладыгина, участвовавшаго со мною въ экспедиціи Роборовскаго; одновременно воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе о назначеніи въ мое распоряженіе конвойныхъ гренадеръ и казаковъ и на отпускъ для расходовъ экспедиціи сорока двухъ тысячъ рублей. Кромѣ того, мнѣ и членамъ экспедиціи сохранено было все получаемое по службѣ содержаніе, съ выдачею такового за 2¹/₂ года впередъ, по курсу четыре франка въ рубль; затѣмъ мнѣ и поручику Казнакову выданы были двойные прогоны отъ Петербурга до станицы Алтайской и обратно, а В. Θ. Ладыгина также двойные отъ Омска, гдѣ онъ служилъ, до исходнаго пункта экспедиціи и обратно до Омска. Ординарные прогоны были отпущены для перевозки въ передній путь экспедиціоннаго багажа съ восьмью конвойными гренадерами, а въ обратный—собранныхъ во время путешествія коллекцій. Нижнимъ чинамъ конвоя повелѣно сохранить на время экспедиціи всѣ виды получаемого ими по службѣ содержанія, не исключая вознагражденія за сверхсрочную службу, съ выдачею такового за 2¹/₂ года впередъ; принять ихъ съ двумя комплектами одежды и обуви и нахожденіе въ экспедиціи зачестъ имъ за дѣйствительную службу, считая время пребыванія за границую годъ за два.

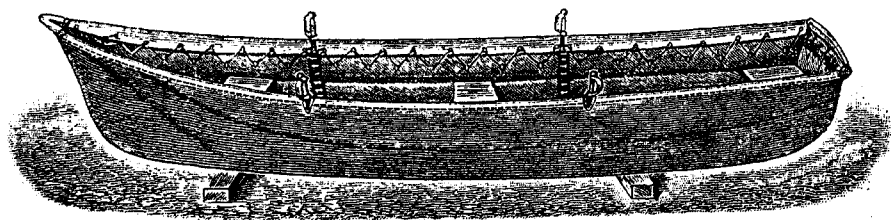
Мнѣ, какъ начальнику экспедиціи, предоставлено было право награждать, за особые отличія во время путешествія, рядовыхъ конвоя званіемъ младшаго и старшаго унтеръ-офицера и урядника, а также лишать сихъ званій за проступки противъ дисциплины.

Китайскіе паспорта на трехъ членовъ экспедиціи были получены отъ Пекинскаго правительства черезъ посредство Россійской Дипломатической Миссіи при Богдоханѣ.

Императорское Географическое Общество и Военно-топографическій отдѣлъ Главнаго Штаба широко снабдили экспедицію научными инструментами. При заранѣе предполагавшемся складѣ въ Цайдамѣ, мною было намѣчено устройство метеорологической станціи. Для производства астрономическихъ, гипсометрическихъ и метеорологическихъ наблюденій, экспедиція имѣла въ своемъ распоряженіи: небольшой универсальный инструментъ Гильдебрандта съ деклинометромъ, для опредѣленій магнитныхъ склоненій, зрительную трубу Фраунгофера, три столовыхъ хронометра, два барометра Паррота, гипсотермометръ Бодена, анероидъ Naudet, часы Флеше, четыре буссоли Шмалькальдера и дюжину различныхъ термометровъ. Всѣ инструменты были тщательно вывѣрены и снабжены должными поправками.

Благодаря хорошимъ матеріальнымъ средствамъ мы могли обстоятельно снарядиться, придерживаясь въ общемъ совѣтовъ Н. М. Пржевальскаго ¹⁾. Подробно останавливаться на изложеніи вопросовъ снаряженія я нахожу излишнимъ и позволю себѣ сказать лишь о нѣкоторыхъ особенностяхъ, внесенныхъ мною въ организацію экспедиціи на основаніи собственнаго многолѣтняго опыта.

Для плаванія по озерамъ и производства разнаго рода лимнологическихъ изслѣдованій (сбора — впервые въ Центральной Азіи — планктона, т. е. микроскопической озерной флоры и фауны, измѣренія глубинъ озеръ и ихъ температуры и т. д.) была приобрѣтена въ

мастерской І. Г. Кебке, въ Петербургѣ, складная брезентно-пробковая лодка, приспособленная для перевозки выюкомъ. Лодка эта, поднимающая двухъ человекъ, имѣла въ длину семь футовъ и вѣсила всего около шести пудовъ.

Разнообразными приборами, необходимыми при лимнологическихъ изслѣдованіяхъ, экспедицію снабдилъ Зоологическій Музей Императорской Академіи Наукъ.

¹⁾ Н. М. Пржевальскій. Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. СПб. 1888. Глава І.

Для спиртовыхъ коллекцій взяты были, помѣщавшіяся въ трехъ ящикахъ съ гнѣздами, стеклянки съ притертыми пробками, десятка три круглыхъ, приспособленныхъ для запаиванія, жестянокъ различнаго діаметра и длины, а также много пробирокъ, банокъ и баночекъ для ящерицъ, пауковъ и моллюсковъ; мельчайшихъ изъ послѣднихъ А. Н. Казнаковъ предварительно помѣщали въ маленькія стеклянныя трубочки, сооружаемыя во время самого путешествія изъ запасныхъ трубокъ къ барометрамъ, а затѣмъ уже наполняли ими баночки.

Лодка на вьюкѣ.

Запасный спиртъ хранился въ плоскихъ ведерной емкости жестянкахъ, закупоренныхъ резиновыми пробками и оббитыхъ войлокомъ, которымъ вообще обшивались всякаго рода жестянки и стеклянки съ коллекціями передъ окончательной ихъ укладкой въ большіе вьючные ящики.

Что касается до способовъ и орудій добыванія млекопитающихъ и птицъ, а также ихъ препарированія и сбереженія, то все это осталось какъ при покойномъ Н. М. Пржевальскомъ, если не считать шире примѣнявшагося способа сохраненія мелкихъ грызуновъ въ банкахъ со спиртомъ; прежде же небольшихъ звѣрьковъ почти исключительно препарировали подобно птицамъ.

Въ цѣляхъ ботаническихъ сборовъ, помимо обычныхъ принадлежностей: пропускной бумаги, досокъ, нитокъ, спурковъ, бичевокъ, желѣзныхъ колець, а также мѣшечковъ для сѣмянъ, были приобрѣтены ботаническія желѣзныя рѣшетки, незамѣнимыя во время самыхъ экскурсій, какъ для образцовой сохранности растений, такъ и для болѣе успѣшнаго ихъ коллектированія.

Для фотографированія имѣлось три камеры: одна стативная на 13×18 сантиметровъ и двѣ ручныхъ съ магазинами для 12 и для 18 стеколъ въ 6½×9 сантиметровъ съ двадцатью дюжинами пластинокъ къ нимъ. Было взято и нѣкоторое количество матеріаловъ для проявленія и закрѣпленія негативовъ на мѣстѣ. Фотографическое снаряженіе завершалось маленькой, свѣтонепроницаемой палаточкой изъ черной матеріи съ складнымъ краснымъ фонаремъ, при свѣтѣ кото-

раго заряжались и разряжались кассеты и магазины и упаковывались экспонированныя пластинки.

Аптеку я раздѣлилъ на двѣ части: та часть ея, которая всегда должна была быть подъ рукою и къ содѣйствию которой можно было бы прибѣгнуть во всякое время дня и ночи, была пристроена въ двухъ отдѣльныхъ, прилаженныхъ для похода, прочныхъ ящикахъ, а остальная часть находилась съ прочими предметами снаряженія.

По части продовольственныхъ запасовъ мы на этотъ разъ располагали въ числѣ прочаго превосходными сухими кислыми щами, изготовленными для экспедиціи Каспійскимъ полкомъ въ Кронштадтѣ; для лучшаго сбереженія этихъ незамѣнимыхъ консервовъ были специально заказаны круглыя жестяныя банки, числомъ до двухсотъ штукъ, небольшія сверху отверстія которыхъ были закрыты и запаяны на-глухо.

Для хранения воды при движеніи экспедиціи по безводной мѣстности были заказаны фирмъ „Макинтошъ“, резиновые мѣшки ёмкостью около трехъ ведеръ каждый.

Взята была въ путешествіе и маленькая желѣзная печь съ топочною дверью и колосниками, работы мастерской Обертюръ, въ Петербургѣ. Печь эта зимою давала возможность сравнительно скоро согрѣть наше походное жилище, а затѣмъ заниматься чѣмъ угодно. Въ сосѣдствѣ печи мы писали всякаго рода замѣтки, дневники, вычерчивали планшеты, читали, могли содержать въ сносной температурѣ хронометры, пренарировали птицъ, звѣрей, переукладывали коллекціи, а иногда и сортировали багажъ; на этой же печи согрѣвали чай, а порою что нибудь и стряпали. Ночью, дежурный казакъ или гренадеръ, заходя по временамъ въ юрту и подкладывая дрова въ печь, имѣлъ возможность и самъ немного обогрѣться; словомъ мы всѣ и всегда съ должнымъ вниманіемъ относились къ нашей зимней „грѣлкѣ и частенько, въ минуты досуга, составляли вблизи нея тѣсный кружокъ, мирно бесѣдующій о далекой родинѣ или о своемъ странствованіи. Независимо отъ этого, въ мѣстахъ богатыхъ топливомъ, мы конечно устранивали костры, которые еще больше привлекали компанію любителей „покурить трубочку“, къ которой охотно подсаживались туземцы, не прочь подъ-часъ развязать языки о своемъ житьѣ-бытьѣ.

Изготовленіе палатокъ, ящиковъ, кожаныхъ и брезентныхъ сумъ, массы большихъ, среднихъ и малыхъ мѣшковъ, нѣсколькихъ брезентовъ, футляровъ и проч. было поручено той же мастерской Кебке,

которая соорудила и упомянутую выше брезентную шляпку. Помимо обыкновенныхъ, средней величины палатокъ, мною была заказана и маленькая на случай отдаленныхъ охотничьихъ эскурсіи. Весь этотъ сложный заказъ технически былъ добросовѣстно выполненъ, но матеріалъ поставленный на палатки, несмотря на ручательство г. Кебе, оставлялъ желать много лучшаго.

При любезномъ содѣйствіи сочлена нашего по Географическому Обществу А. А. Хомзе, было пріобрѣтено все необходимое на повседневные расходы въ путешествіи серебро въ слиткахъ. Изъ общаго количества серебра, десять пудовъ было въ видѣ большихъ, среднихъ и малыхъ китайскихъ ямбъ, а остальные восемь пудовъ — купленные въ Гамбургѣ, представлялись въ видѣ плитокъ серебра высокой пробы.

Среди полного разгара приготовленій къ путешествію прибыть изъ деревни мой неизмѣнный спутникъ, старшій унтеръ-офицеръ 2-го гренадерскаго Ростовскаго полка Гавріилъ Ивановъ, исполнявшій въ путешествіи обязанности фельдфебеля или вахмистра. Какъ опытный человѣкъ вообще, Ивановъ былъ очень полезенъ мнѣ въ это трудное и горячее время.

ГЛАВА I.

По Алтаю.

Отъ Петербурга до станицы Алтайской. Станица Алтайская. Старовѣръ Рахмановъ; пребываніе его съ товарищами на Лобъ-норъ. Нашъ путь по внутреннему Алтаю. Маральники. Долина рѣки Бухтармы. Укѣкъ. Русско-китайская граница. Поѣздка моихъ помощниковъ въ альпійскій поясъ. Слѣдованіе до Кобдо; описаніе этого города.

Покончивъ снаряженіе экспедиціи въ Петербургѣ и сдавъ ея багажъ (170 пудовъ) на желѣзную дорогу 16-го апрѣля, я въ тотъ же день выѣхалъ въ Москву ¹⁾. На вокзалѣ собрался тѣсный кружокъ друзей и знакомыхъ, чтобы пожелать мнѣ счастливаго пути... Въ Москвѣ я пробылъ три недѣли, въ которыя успѣлъ немного отдохнуть въ кругу семьи и свободнѣе закончить послѣднія хлопоты; получить гамбургское серебро и рѣшить вопросъ — кого изъ заранѣе намѣченныхъ гренадеръ зачислить въ спутники.

Время, проведенное въ Москвѣ, мелькнуло быстро. 1-го мая прибылъ изъ деревни фельдфебель Ивановъ, а 8-го — изъ Петербурга и поручикъ А. Н. Казнаковъ. Въ этотъ же день вечеромъ, я и А. Н. Казнаковъ сѣли въ скорый Сибирскій поѣздъ, имѣя съ собою самые капризные инструменты — хронометры, заведенные въ Пулковѣ, барометры и проч. и оставили Москву ²⁾. Не могу не вспомнить съ величайшею признательностью моихъ полковыхъ товарищей гг. Лейбъ-Екатеринославцевъ, прибывшихъ на Курскій вокзалъ во главѣ съ своимъ командиромъ. Тѣсный кружокъ сотоварищей, перемѣшанный моими родными, друзьями и знакомыми, хоръ музыки, подъ звуки которой были пронесены хронометры, все это представляло

¹⁾ Ивановъ также уѣхалъ къ себѣ домой.

²⁾ Гренадеры выѣхали на другой день съ пассажирскимъ поѣздомъ.

отрадную и неизгладимую изъ памяти картину. Особенно пріятна и торжественна была минута, когда представитель полка полковникъ Е. М. Столица, произнесъ сердечное напутствіе, вручилъ мнѣ изящный складень какъ бы благословеніе чинамъ полка на усѣшное выполнение тяжелаго труда экспедиціи. Этотъ дорогой символическій даръ однополчанъ сопутствовалъ экспедиціи всюду и очень часто мысленно переносилъ къ послѣднему „до-свиданія“ Москвы. При громкомъ, долго не смолкавшемъ „ура!“ и звукахъ родного Екатеринославскаго марша, поѣздъ помчалъ насъ въ невѣдомую даль, сулившую намъ много тревогъ, волненій, новизны среди свободной и привольной страннической жизни... Такъ началось вступленіе къ путешествію.

Прибывъ въ Омскъ, гдѣ мы были встрѣчены нашимъ третьимъ сотоварищемъ В. Ѳ. Ладыгинымъ, и покончивъ тамъ съ вопросами о порученіи оружія съ боевыми припасами и выборомъ солдата изъ мѣстнаго резервнаго баталіона, мы пересѣли на пароходъ „Ольга Карпова“ (Товарищества Игнатова), и снова были дружественно напутствуемы и мѣстнымъ отдѣломъ Географическаго Общества, и представителями баталіона, которые снабдили насъ хорошимъ спутникомъ. Послѣдняго также братски проводили его баталіонные товарищи, съ большимъ уваженіемъ посматривавшіе на нашихъ молодцовъ московскихъ гренадеръ, внушая своему счастливцу-товарищу поддержать честь ихъ баталіона. Одинъ изъ мѣстныхъ юныхъ офицеровъ добродушно и открыто позавидовалъ нашему новому спутнику, сказавъ ему при прощаньи: „съ удовольствіемъ бы помѣнялся съ тобой положеніями“!

22-го мая, когда только что зардѣла весенняя заря на востокѣ, нашъ пароходъ подъ звуки дружнаго „ура“ и музыки, далеко уносившихся по открытой равнинѣ, тихо отчалилъ отъ берега и, принявъ баржу, направился вверхъ по теченію дремавшаго Иртыша, поднимая высокія волны на тихой, зеркальной его поверхности. Желѣзнодорожный мостъ казался чѣмъ-то призрачнымъ, вродѣ гигантскаго кружева, нависшаго надъ возвышенными берегами многоводной и быстрой рѣки. Надъ Омскомъ вспыхнуло зарево пожара...

Наше недѣльное плаваніе до Семипалатинска носило характеръ пріятной прогулки. По временамъ на возвышенныхъ берегахъ красовались стойбища кочевниковъ-киргизовъ, вокругъ которыхъ паслись стада; въ мѣстахъ же низкихъ и широко залитыхъ водою рѣзвилась масса дикихъ гусей, утокъ и куликовъ, громкіе голоса которыхъ, порою, одни только и нарушали царившую при Иртышѣ тишину.

Отъ Семипалатинска пришлось измѣнить способъ передвиженія. Тяжеловѣсный багажъ экспедиціи, еще увеличившійся прибавкой китайскаго серебра и многими другими предметами снаряженія, былъ отправленъ на 11-ти проходныхъ или долгихъ подводахъ прямо въ станицу Алтайскую, подъ конвоемъ людей отряда съ фельдфебелемъ Ивановымъ во-главѣ. Я же съ А. Н. Казнаковымъ прослѣдовалъ туда же на почтовыхъ, имѣя по дорогѣ, въ городѣ Усть-Каменогорскѣ, послѣднюю остановку для покупки верблюдовъ и полученія 20-ти винтовокъ (15 трехлинейныхъ и 5—Бердана) съ 35.000 къ нимъ патроновъ. Однако съ приобретениемъ верблюдовъ пришлось провозиться значительно дольше, чѣмъ я предполагалъ и, добывъ здѣсь только часть ихъ, мнѣ пришлось командировать В. Ф. Ладыгина обратно въ Семипалатинскъ, чтобы успѣшнѣе выполнить эту существеннѣйшую часть экспедиціоннаго снаряженія.

11-го іюня, одновременно съ первымъ экспедиціоннымъ транспортомъ, мы, наконецъ, достигли станицы Алтайской, въ сосѣдствѣ которой, въ торговомъ Котонъ-Карагай, удобно основались, благодаря заботамъ и вниманію, оказаннымъ экспедиціи Семипалатинскимъ военнымъ губернаторомъ генераль-маіоромъ А. Ф. Карповымъ. Экспедиція заняла домъ, въ которомъ нѣкогда жилъ командиръ стоявшаго здѣсь отряда.

Станица Алтайская расположена ¹⁾ въ широкой, открытой долинѣ, граничащей на югѣ хребтомъ Нарымскимъ, на сѣверѣ же отрогами внутренняго Алтая, за однимъ изъ которыхъ, Кабарга, протекаетъ рѣка Бухтарма, принимающая слѣва притокъ Сарымсакты, орошающій станицу Алтайскую и Котонъ-Карагай, — селенія, лежація рядомъ въ разстояніи версты одно отъ другого.

Сѣверный, обращенный къ селеніямъ склонъ Нарымскаго хребта, грандіознымъ валомъ протянувшася отъ запада къ востоку, покрытъ богатою флорою: лиственница, кедръ, пихта и ель перемѣшаны между собою; тамъ и сямъ стелется разнообразный кустарникъ и открываются луговья площади, одѣтыя высокою, густою травою. Пышные ковры цвѣтовъ всевозможныхъ оттѣнковъ дополняютъ растительность, среди которой скрывается животная жизнь, проявляющаяся здѣсь типичными формами Алтайской фауны. Глазъ наблюдателя подолгу останавливался на выдающихся вершинахъ гребня, въ особенности тѣхъ, которыя убѣлены снѣжнымъ покровомъ, порою ярко блестящимъ на солнцѣ.

При 3.480 футовъ надъ уровнемъ моря.

Съ прїѣзда въ станицу Алтайскую, состоявшіе на лицо участники экспедиціи принялись за самыя разнообразныя занятія по части снаряженія каравана. Время за дѣломъ бѣжало быстро. Недѣли черезъ двѣ прибыли на почтовыхъ тройкахъ 6 забайкальскихъ казаковъ, среди которыхъ двое—Телешовъ и Жаркой—бывшіе спутники покойнаго Н. М. Пржевальскаго, добровольно изъявившіе желаніе вновь раздѣлнить со мною трудности предстоявшаго путешествія; остальные же четверо юныхъ казаковъ, въ томъ числѣ и фельдшеръ, кандидатъ на классную должность, охотно согласившійся замѣнить обыкновеннаго казака, были, по моему порученію, избраны моими ветеранами-спутниками. Еще черезъ недѣлю возвратился изъ командировки за покупкой верблюдовъ и В. Ѳ. Ладыгинъ, отлично выполнившій возложенное на него порученіе.

Такимъ образомъ личный составъ экспедиціоннаго отряда сформировался изъ 18-ти человекъ, а именно: начальникъ экспедиціи, его помощники — поручикъ Александръ Николаевичъ Казнаковъ и губернской секретарь Веніаминъ Ѳедоровичъ Ладыгинъ. Нижніе чины: п. д. фельдфебеля старшій унтеръ-офицеръ 2-го гренадерскаго Ростовскаго полка Гавріиль Ивановъ; 1-го Лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго Императора Александра III полка—младшій унтеръ-офицеръ Илья Волошинъ, ефрейторъ Гавріиль Кіасовъ и рядовые: Егоръ Муравьевъ (впослѣдствіи наблюдатель на метеорологической станціи въ Цайдамѣ), Иванъ Шадриковъ, Архипъ Войтенко, Александръ Бѣляевъ и Александръ Ваннъ, и Омскаго резервнаго пѣхотнаго кадроваго баталіона—Хусайнъ Бадукшановъ; забайкальскіе казаки: старшіе урядники Пантелѣй Телешовъ (препараторъ), Семень Жаркой; фельдшеръ кандидатъ на классную должность Александръ Уаровичъ Бохинъ и малолѣтки: Цогто-Гармаевъ Бадмажаповъ (переводчикъ монгольскаго языка), Арья Мадаевъ (препараторъ) и Евгенийъ Телешовъ.

Теперь, когда собрались всѣ участники экспедиціи, работа по снаряженію каравана пошла еще быстрее. Между тѣмъ богатая природа Алтая манила промѣнять менѣе интересное снаряженіе на увлекательные сборы коллекцій. По временамъ, разнообразя трудъ, мои ближайшіе сотрудники съ удовольствіемъ уѣзжали или въ сосѣдній Нарымскій хребетъ, или на рѣку Бухтарму, и всякій разъ возвращались съ богатою научною добычею. Порою къ товарищамъ пристраивался препараторъ Телешовъ, собравшій вообще въ окрестности Алтайской порядочно птицъ и мелкихъ звѣрьковъ. За общимъ ходомъ дѣлъ я слѣдилъ сидя на бивуакѣ, будучи отчасти привязанъ къ

Конвой Тибетской экспедиции за трапезой.

мѣсту метеорологической станціей, устроенной мною въ мѣстѣ снаряженія экспедиціи. Домъ, занимаемый экспедиціей, съ утра до вечера быть окруженъ верблюдами, лошадьми, баранами, и заваливался войлоками, арканами и прочими предметами снаряженія; ежедневно являлись многіе изъ мѣстныхъ обывателей съ просьбою взять ихъ въ экспедицію, причемъ иные приносили съ собою изловленныхъ птичекъ, звѣрьковъ, змѣй и проч., какъ прямое доказательство своей пригодности къ зачисленію въ спутники.

Но утрамъ, рѣже по вечерамъ, мы всё упражнялись въ стрѣльбѣ, достигая лучшихъ результатовъ и изучая каждый свою винтовку.

Изрѣдка и я оставлялъ бивуакъ, уѣзжая въ ближайшее ущелье того же Нарымскаго хребта. Во время одной изъ такихъ поѣздокъ выпала замѣчательно хорошая погода и дала возможность далеко проѣхать въ горы. Ниже-приведенное описаніе этой поѣздки я цѣликомъ позаимствовалъ изъ моего путевого дневника... „Я отправился въ сопровожденіи двухъ забайкальскихъ казаковъ и мѣстнаго сторожила-охотника. Всё мы были верхами на лошадяхъ. Вначалѣ путь пролегалъ по хорошо наѣзжаной дорогѣ среди чистаго, стройнаго, напоминавшаго паркъ, лѣса, далѣе между такими пышными луговыми травами, которыя почти совершенно скрывали пробѣгавшихъ мимо насъ дикихъ козъ; волки же и лисицы въ такихъ мѣстахъ могли быть совсѣмъ не обнаруженными, и только медвѣдь на своемъ пути образовывалъ, замѣтную уже издали, полосу низко склонившихся къ землѣ травъ. По мѣрѣ же поднятія вверхъ, на болѣе крутыхъ склонахъ горъ, картина рѣзко измѣняется: тропа раздѣляется на рядъ мелкихъ тропинокъ, которыя въ свою очередь развѣтвляются на еще меньшія, пока и эти послѣднія окончательно не затеряются въ гущинѣ лѣса. Теперь уже чаще начинаютъ попадаться овраги, а подлѣ овраговъ упавшіе великаны деревья съ безобразно вывороченными гигантскими корнями. Въ подобныхъ мѣстахъ, среди массы переплетенныхъ между собою вѣтвей, гдѣ положительно нельзя ни пройти, ни проѣхать безъ помощи топора, невольно остановишься и прислушаешься, но напрасно—ничего не видно и не слышно: чувствуешь только учащенные удары собственного сердца; но вотъ, впрочемъ, въ ближайшихъ кустахъ мелькнула птичка, проронивъ двѣ-три звонкихъ трели, давшая возможность лишь взглянуть на себя. Гдѣ-то монотонно застучалъ дятель... и опять кругомъ мертвая тишина. Наконецъ, послѣ долгихъ, нелегкихъ хожденій въ области „темника“, снова выступаешь на свѣтъ Божій; отдѣльные великаны деревья и чаща ихъ остались внизу; по сосѣд-

нимъ склонамъ горъ лѣплятся послѣднія иглы хвойнаго лѣса. Отсюда, почти съ верхней границы древесной растительности, взору открылась дивная панорама: на сѣверѣ, колоссальная гора Бѣлуха—вѣнецъ Алтая—высоко поднятая къ лазури неба своими острокопечными вершинами, еще неподражаемо блестяла подъ лучами низко опустившагося солнца, тогда какъ залегающій кругомъ сонмъ болѣе низкихъ горъ, уже окутанный фіолетовой дымкой, постепенно поглощался надвигавшимися съ глубины долины сумерками. По направленію къ востоку открывалась сквозная, извилистая долина рѣки Бухтармы, усѣянная зарослями лѣса, густо покрывающими не только склоны горъ, но и самую долину. Въ синѣющей дали темнѣли характерныя гранитныя сопки, разбросанныя въ красивомъ безпорядкѣ. Позднимъ вечеромъ, вернувшись домой, я долго дѣлился впечатлѣніями съ товарищами“.

Здѣсь же, въ Алтайской, члены экспедиціи имѣли удовольствіе познакомиться съ профессоромъ Томскаго университета В. В. Сапожниковымъ, прибывшимъ сюда съ юга, черезъ живописное озеро Марка-куль. Извѣстный изслѣдователь Русскаго Алтая направлялся къ Бѣлухѣ, съ цѣлью закончить изученіе ея ледниковъ.

Совершенно случайно я узналъ между прочимъ о здѣшнемъ старовѣрѣ Ефимѣ Никитичѣ Рахмановѣ, который 40 лѣтъ тому назадъ, въ сообществѣ съ земляками, въ поискахъ за мнѣшескимъ „бѣловодьемъ“, пробрался къ берегамъ озера Лобъ-норъ и далѣе къ югу. Этотъ оригинальный старецъ одинъ изъ тѣхъ искателей счастья и „свободы вѣры“, о которыхъ въ своихъ трудахъ упоминаютъ Н. М. Пржевальскій, М. В. Пѣвцовъ и я. По моей просьбѣ Рахмановъ пріѣхалъ изъ деревни Максихи, гдѣ теперь проживаетъ, въ Алтайскую, чтобы дать намъ возможность правильнѣе разобраться въ этомъ интересномъ вопросѣ и снять съ него фотографію. Вотъ что онъ повѣдалъ мнѣ о своихъ странствованіяхъ.

Въ 1859-мъ году, крестьянинъ деревни Корбихи, Хрисанфъ Бобровъ отправился „ходакомъ“ вмѣстѣ съ двумя близкими семьями за хребетъ Нарымскій и далѣе по направленію къ югу. Миновавъ на своемъ пути озеро Улюнгуръ, городъ Карашаръ, онъ вступилъ на нижній Таримъ, и, продолжая двигаться въ томъ же южномъ направленіи, прибылъ на Лобъ-норъ. Достигнувъ послѣдняго и предполагая, что въ такой дали, среди мирныхъ магометанъ и теплаго климата, въ связи съ другими удобствами страны, старовѣры могутъ жить привольно, Бобровъ оставилъ своихъ спутниковъ, а самъ, ободренный успѣхомъ, возвратился тѣмъ же путемъ въ Алтай. Разска-

Старовѣръ Рахмановъ.

*Фототипія В. Калашникова, С. Петербурга, Калашникова пер. № 7-2.
Примокъ Н. Каминской.*

зами о путешествіи, а главное о благахъ и богатствахъ Лобъ-нор'а, предприимчивый алтаецъ настолько увлекъ своихъ знакомыхъ и родныхъ, что въ скоромъ времени туда былъ снаряженъ большой караванъ, съ которымъ отправилось до 50-ти семействъ или свыше 200 человекъ. Старовѣры, взявъ съ собою необходимый скарбъ, въ то же время запаслись подобно купцамъ, въ цѣляхъ мѣновой торговли, и кое-какимъ товаромъ, преимущественно ситцемъ, ластикомъ, дешевымъ сукномъ и немногими другими. Охотники имѣли за плечами ружья.

До города Карашара путешествіе алтайцевъ шло сравнительно благополучно, но вступивъ въ прилежащія къ Баграшъ-кул'ю, съ юга, пустынные горы Курукъ-тагъ, они принуждены были, послѣ тяжелыхъ скитаній, оставить ихъ и возвратиться въ сосѣдній Карашару городъ—Курля. Здѣсь мѣстное начальство разрѣшило скитальцамъ отдохнуть нѣсколько дней и обстоятельно снарядиться въ дорогу, но предварительно потребовало отъ старовѣровъ ружья, которыя были затѣмъ возвращены имъ только въ день выступленія въ дальнѣйшій путь. На вопросъ китайскаго начальника города: „куда идете?“ — старовѣры отвѣтили: „въ тихія мѣста изъ за притѣсненія вѣры“.

Въ 1860-мъ году старовѣры, наконецъ, достигли „обѣтованной земли“, поселившись частью въ селеніи Чархалыкъ, частью въ его окрестностяхъ—гдѣ ближе, гдѣ дальше отъ озера Лобъ-нор'а. „Сѣвъ на землю“, русскіе крестьяне устроили землянки и завели хлѣбопашество. Мѣстные туземцы относились къ нимъ хорошо и они жили во взаимной дружбѣ. Тѣмъ не менѣе старовѣры скоро разочаровались: богатѣйшая, каковой казалась издали, страна Лобъ-норъ, далеко не оправдала надеждъ вблизи, добровольно же покинутый родной, богатый Алтай сталъ, въ новомъ представленіи скитальцевъ, ни съ чѣмъ не сравнимымъ!.

Не удовлетворившись такимъ образомъ Лобъ-нор'омъ, большая часть нашихъ крестьянъ, въ томъ числѣ и Рахмановъ, направилась дальше къ югу, за хребетъ Алтынъ-тагъ и основалась въ урочищѣ Гасъ, при ключахъ Чонъ-яръ; меньшая же часть, съ Емельяномъ Зыряновымъ во-главѣ, рѣшила слѣдовать обратно, въ долину своей шумной и многоводной Бухтармы. Урочище Гасъ, гдѣ оставшіеся алтайцы вновь завели земледѣліе ¹⁾, также не на-долго удержало ихъ,

¹⁾ Слѣды пашенъ мы видѣли тамъ въ послѣднее путешествіе Н. М. Пржевальскаго. Подробности объ урочищѣ Гасъ см. въ трудѣ Н. М. Пржевальскаго „Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи“. Стран. 240—245.

несмотря на то, что здѣшняя страна имѣ очень нравилась своимъ большимъ просторомъ и богатствомъ дикихъ животныхъ, изъ которыхъ хуланы или, какъ называли ихъ старовѣры „польскіе кони“, вызывали въ нихъ особенный интересъ. Рассказывая о хуланахъ, старикъ Рахмановъ замѣтилъ: „при видѣ польскихъ коней, мы думали, что это табуны домашнихъ животныхъ, принадлежаціе мѣстнымъ жителямъ“.

Отсюда Рахмановъ съ своимъ пріятелемъ — двумя семьями — отправился по направленію къ сѣверо-востоку, и послѣ тяжелаго пустынно-горнаго пути, усталый прибылъ въ оазисъ Са-чжоу. И здѣсь мѣстныя власти, подобно тому, какъ и на нижнемъ Таримѣ, старовѣровъ не притѣсняли, „старались лишь вѣжливо уговорить скорѣе идти дальше, не засиживаясь въ городахъ“. За все время своего двухлѣтняго странствованія, Рахмановъ только однажды былъ свидѣтелемъ непріятной исторіи, вызванной впрочемъ его же товарищемъ-спутникомъ, котораго китайцы поколотили за то, что тотъ требовалъ себѣ казенныхъ подводъ. Вообще же китайцы и магометане были предупредительны и любезны, особенно съ тѣми немногими старовѣрами, которые имѣли отъ консуловъ паспорта, говоря таковымъ: „вы наши гости“. Мимоходомъ старикъ повѣдалъ мнѣ, между прочимъ, про свое личное горе, случившееся съ нимъ во время путешествія. Молодая, очень красивая дочь его, Пелагея, была уворована пастухами-туземцами и продана сартамъ, а эти послѣдніе принесли ее въ даръ Турфанскому беку, у котораго русская красавица долгое время была украшеніемъ женской половины. Впослѣдствіи Пелагея могла бы свободно возвратиться въ Алтай, но у нея уже было трое дѣтей, которыя, вмѣстѣ съ хорошимъ отношеніемъ къ ней мужа-бека, заставили покинуть всякую мысль о возвращеніи на родину. Изъ Са-чжоу Рахмановъ съ компаніей благополучно прошелъ черезъ Хами, Гучень и поперекъ Чжунгаріи въ свой Алтай, куда почти одновременно прибыли по старой дорогѣ также и остальные скитальцы-старовѣры.

По возвращеніи домой, Рахмановъ принялся трудиться болѣе, нежели прежде, и вскорѣ дѣйствительно наवरсталъ причиненный его благосостоянію ущербъ. Опять онъ вернулся къ своимъ любимымъ мараламъ, пчеламъ и земледѣлію. Теперь, добродушно говорилъ мнѣ старикъ, я больше никуда не поѣду, да, вѣроятно, никто и другой не поѣдетъ; теперь и здѣсь жить хорошо — никто не притѣсняетъ. Имущественное состояніе Рахманова оцѣнивали мнѣ въ 50 тысячъ

рублей; живетъ онъ вдвоемъ съ своей престарѣлой женой. Несмотря на свой почтенный 76-ти лѣтній возрастъ, старовѣръ Рахмановъ выглядитъ еще довольно бодрымъ, живымъ. „Какъ сейчасъ, говоритъ онъ, помню Лобъ-поръ и прѣхавшаго туда Насыръ-бека, который уговаривалъ насъ или вернуться на родину, или слѣдовать дальше“. Моего собесѣдника также очень интересовали тѣ мѣста, которыя я посѣтилъ за время моихъ неоднократныхъ продолжительныхъ странствованій. Разсматривая наши разнообразныя предметы снаряженія, расположенныя по всѣмъ комнатамъ, старикъ много и подробно спрашивалъ меня также и про Москву и Петербургъ, замѣтивъ на прощаньи: „всюду поѣхалъ бы съ вами, но всего охотнѣе въ Россію, въ Петербургъ“.

Первое время пребыванія экспедиціи въ Алтайской, а по словамъ мѣстныхъ жителей, и задолго до ея прихода туда, погода стояла ясная, теплая, въ особенности въ тихое время дня; со второй же половины іюня начали падать дожди, иногда не переставая по нѣскольку дней къ ряду. По скатамъ горъ лежали или медленно ползли, разрываясь на части, густыя облака; по утрамъ ощущалась особенная сырость отъ обильнаго тумана, лежавшаго по ночамъ на днѣ долины. Вѣтры дули съ разныхъ сторонъ, но преобладающими были западный или восточный съ большимъ или меньшимъ уклоненіемъ къ сѣверу или югу. Первый приносилъ влагу, не всегда впрочемъ осаждавшуюся въ горахъ исключительно дождемъ, въ особенности въ верхнемъ поясѣ, который иногда покрывался и бѣлою пеленою снѣга; второй несъ съ собою сухость и пониженіе температуры вообще.

23-го іюня, въ 3 часа дня, сѣверо-западный штормъ принесъ густую, мрачную тучу, разразившуюся въ теченіе четверти часа надъ Алтайской и ближайшею окрестностью замѣчательной величины градомъ¹⁾, причинившимъ обывателямъ много бѣдъ. Съ шумомъ застучалъ по крышамъ градъ, въ то же время рѣзко зазвенѣли стекла; порою гремѣлъ громъ, сверкала молнія; неудержимо помчался куда глаза глядятъ домашнія животныя — лошади, коровы, верблюды. Сосѣдній лѣсъ, въ особенности луговыя поляны съ кустарникомъ, были сильно обезображены, словно изсѣчены и примяты; птицы и домашнія животныя также пострадали. На другой день мы руками ловили кобчиковъ, иволгъ, дроздовъ и другихъ птицъ, искалѣченныхъ тѣмъ же градомъ.

¹⁾ Измѣренныя мною наиболѣе крупныя зерна этого осадка простирались въ длину до 1½ дюймовъ, въ ширину—1 дюймъ и вѣсили отъ 6—8 золотниковъ и болѣе каждое.

Ночи отличались свѣжестью и сравнительною ясностью; горный воздухъ былъ очень прозраченъ и порою давалъ возможность любоваться на темномъ сводѣ неба Юпитеромъ и нѣкоторыми, также эффектно блестящими, звѣздами. На далекомъ горизонтѣ вспыхивала зарница.

Такимъ образомъ, среди самой разнообразной и кипучей дѣятельности, во время нашего пребыванія въ станицѣ Алтайской, незамѣтно прошелъ мѣсяць. Наканунѣ выступленія въ походъ прибыли наши верблюды съ пастбы, отстоявшей въ 35-ти верстахъ, въ горахъ. Все было осмотрѣно, налажено. Наконецъ-то экспедиція дождалась лучшаго и всегда памятнаго для нея дня, дня выступленія собственнаго каравана въ далекій путь. Такимъ днемъ для экспедиціи было 14-ое іюля 1899-го года. Съ утра моросившій дождь и густыя облака, нависшія по горамъ, задержали выступленіе. Къ полдню немного прояснило, и багажъ, несмотря на неопытность молодыхъ участниковъ отряда, былъ сравнительно скоро и, что особенно пріятно, спокойно завьюченъ. Караванъ представлялъ, раздѣленную на 7 эшелоновъ, длинную вереницу: 54 верблюда, изъ коихъ 41 завьюченныхъ, а остальные „заводные“, и 14 лошадей составляли его. Передъ самымъ выступленіемъ въ дорогу, въ присутствіи тѣснаго кружка алтайцевъ, былъ отслуженъ мѣстнымъ священникомъ напутственный молебенъ, и прочитанъ приказъ по отряду экспедиціи. Дружное, радостное, счастливое „ура“ вырвалось изъ сильныхъ грудей моихъ молодцовъ-спутниковъ и трижды пронеслось вдоль горъ, когда они услышали милостивое напутствіе Его Величества, переданное мною согласно Высочайшей волѣ. Въ драгоценныхъ словахъ Государя Императора: „Передайте персоналу экспедиціи Мое благословеніе на предстоящій трудъ“ и въ поклонѣ Августѣйшаго Президента Академіи Наукъ „съ пожеланіемъ экспедиціи блестящаго успѣха“—осчастливленная экспедиція черпала энергію, силу и крѣпость нравственную на преодоленіе невзгодъ и лишеній, въ какой бы мѣрѣ онѣ ни представились, лишь бы только достойнымъ образомъ выполнить свою тяжелую, но въ тоже время завидную и славную задачу...

По окончаніи молебна каждый участникъ экспедиціи, распрощавшись съ присутствующими алтайцами, направился занять свое, заранее опредѣленное, мѣсто. Еще нѣсколько минутъ и караванъ, извиваясь лентою, двинулся къ востоку. Впереди саженъ на сто, ѣхалъ я съ урядникомъ Телешовымъ и проводникомъ-киргизомъ; въ арьергардѣ слѣдовалъ поручикъ Казнаковъ. Движеніе каравана согласовывалъ, опытный вожакъ двухъ путешествій, фельдфебель Ивановъ,

шедшіи во-главѣ первого эшелона. Всѣ 18 человѣкъ-участниковъ экспедиціи ѣхали верхомъ, изъ нихъ 14 на лошадяхъ и четверо на верблюдахъ. Въ хвостѣ каравана шло стадо барановъ—продовольствіе экспедиціи—подъ предводительствомъ козла „Максимки“, зорко слѣдившаго за тѣмъ, чтобы не отставала его команда. Двѣ собаки „Борзой“ и „Арапка“, друзья каравана, завершали собою списокъ нашего походнаго хозяйства.

Первый переходъ былъ по обыкновенію небольшой, всего 7 верстъ. Бивуакъ экспедиціи пріютился на склонѣ того же лѣснстаго Нарымскаго хребта, который, совместно съ Большимъ Алтаемъ, сопровождаетъ на всемъ верхнемъ теченіи долину рѣки Бухтармы. Эта послѣдняя то серебристой змѣей блестяла издали, то скрывалась въ темнотѣ, глубокомъ ущельи.

Вблизи, по сосѣдству, на красивомъ горномъ скатѣ, былъ расположенъ небольшой маральникъ или „садъ“ съ семью прирученными оленями или маралами. Незадолго до заката солнца, я съ товарищами пошелъ посмотрѣть на эту отрасль хозяйства русскихъ крестьянъ въ Алтай. Подходя къ саду, обнесенному высокой, около четырехъ аршинъ, прочной изгородью, мы увидѣли трехъ мараловъ, гордо выступавшихъ на опушкѣ лѣса; вскорѣ изъ сосѣднихъ кустарниковъ выскочила маралуха съ дѣтенышемъ и легкой, красивой побѣжкой пронеслась черезъ поляну въ высокой хвойный лѣсъ; дѣтенышъ граціозно прыгаль, держась у самой матери. Немного позднѣе туда же скрылась и первая группа оленей, все время напряженно слѣдившая за нами. Стараясь не особенно обезпокоить благородныхъ звѣрей, мы тихо прошли въ садъ и, осторожно поднявшись на поляну, гдѣ только-что пробѣжали маралы, снова увидѣли все стадо ихъ: звѣри стояли у окраины лѣса, гдѣ протекалъ съ громкимъ журчаніемъ горный ручей. Одни изъ мараловъ щипали траву, другіе, по-прежнему, съ любопытствомъ оглядывали насъ. Полюбовавшись на мараловъ и на красивые виды по сторонамъ, мы вернулись на бивуакъ. Вскорѣ спустились на землю сумерки и солнечный свѣтъ смѣнился луннымъ, слабо, но картинно пронизывавшимъ лѣсъ, подъ сѣнью котораго путешественники впервые вкушали оригинальную прелесть своей привольной страннической жизни.

Дальнѣйшее движеніе экспедиціи шло по открытой долинѣ Бухтармы, среди богатыхъ пастбищъ болѣе просторнаго лѣваго берега, занятаго полуосѣдлыми киргизами, проживавшими въ это время съ своими стадами, въ сосѣднихъ къ югу горахъ. Кое-гдѣ въ долинѣ

виднѣлись засѣянные овсомъ или ячменемъ поля этихъ инородцевъ, а также и ихъ красиво расположенныя зимовки. Къ косыбѣ густыхъ травъ почему-то еще не приступали; видно киргизамъ трудно, среди лучшаго времени года, насиловать свои, вѣками образовавшіяся, привычки. Съ бѣльшею любовью, они и теперь отъ времени до времени занимаются барантчествомъ или грабежомъ, нападая врасплохъ на мирныхъ проѣзжихъ, которые не въ силахъ постоять за себя.

Селенія русскихъ крестьянъ стояли на правомъ берегу Бухтармы; во время утренняго движенія каравана, мы наблюдали, какъ густой дымъ, отъ топившихся печей, поднимался вверхъ и образовывалъ небольшія облачка. Мѣстные крестьяне, занимаясь земледѣльемъ, мараловодствомъ, разведеніемъ пчелъ и охотою, живутъ въ полномъ достаткѣ. Они сѣять пшеницу, ячмень, овесъ, озимую рожь и ленъ; въ огородахъ садятъ овощи, которыя также вызрѣваютъ. Въ иные годы поздніе весенніе и ранніе осенніе заморозки вредятъ успѣху земледѣлія, но въ общемъ, даже по отзыву самихъ крестьянъ, жить въ этой части Алтая хорошо „только удаленность угнетаетъ“.

Въ поселкѣ Урыльскомъ, расположенномъ вдали отъ лѣваго берега Бухтармы, при рѣчкѣ Урылѣ, мы впервые спустили на воду одного небольшого болотистаго озера нашу шлюпку. Поплававъ на ней нѣсколько часовъ и сдѣлавъ первый зоологическій сборъ, мы убѣдились въ ея пригодности и тогда же рѣшили, что она должна быть взята товарищами въ ихъ предстоящій разъѣздъ на Кобдо'скія озера. Здѣсь же, въ Урыльскѣ, къ намъ явилось двое мѣстныхъ русскихъ охотниковъ съ предложеніемъ услугъ быть проводниками на охотѣ за дикими козлами, а также и по поѣздкѣ въ селеніе Берель, гдѣ развито оленеводство. Подобная комбинація была весьма кстати, тѣмъ болѣе, что мнѣ лично давно хотѣлось шире познакомиться съ садами мараловъ, имѣющими много превосходныхъ образцовъ въ долинѣ Бухтармы при селеніи Берель, лежавшемъ въ сторонѣ отъ нашей дороги. Поручивъ наблюдение за караваномъ В. Ѳ. Ладыгину, я съ А. Н. Кознаковымъ и двумя моими лучшими охотниками, урядниками Телешовымъ и Жаркимъ, направился въ экскурсію. Вначалѣ неудачная охота, затѣмъ вознаградилась пріобрѣтеніемъ отличной шкуры и черепа съ рогами отъ оленя, ушедшаго изъ маральника.

Олень или мараль (*Cervus canadensis maral*), почти не встрѣчаемый здѣсь въ дикомъ состояніи, водится нынѣ въ садахъ или маральникахъ, устроенныхъ свыше полвѣка тому назадъ русскими же поселенцами-обитателями Алтая. Введено было это прирученіе сначала

однимъ-двумя, а затѣмъ и многими крестьянами-промышленниками, въ цѣляхъ сбереженія оленей отъ поголовнаго истребленія ихъ охотниками. Обыкновенно, зимою на лыжахъ или въ мартѣ по насту, крестьяне отправлялись на поиски и ловлю дикихъ мараловъ. Преслѣдуемые въ глубокомъ снѣгѣ, олени скоро уставали и дѣлались добычею лихихъ алтайцевъ, которые, связавъ пойманныхъ звѣрей, укладывали ихъ въ сани и такимъ образомъ привозили домой; здѣсь плѣнниковъ нѣкоторое время держали на задворкахъ или въ хлѣвахъ; въ этихъ же помѣщеніяхъ кормили и поили ихъ; понемногу олени привыкали къ людямъ. Съ наступленіемъ весны мараловъ выпускали въ садъ или маральникъ, гдѣ вначалѣ ихъ не особенно дружжелюбно встрѣчали прирученные олени, но черезъ нѣсколько дней совмѣстнаго пребыванія въ саду, маралы осваивались и составляли одно общее стадо.

Какъ извѣстно, приманкой къ разведенію оленя послужили его рога, которые, будучи сняты со звѣря въ первой половинѣ лѣта, когда они еще не окостенѣли, очень дорого цѣнятся въ Китаѣ. Такіе рога или панты, по снятіи ихъ съ убитыхъ или живыхъ мараловъ, вываренные въ рассолѣ и затѣмъ высушенные въ тѣни, на воздухѣ, съ давнихъ временъ служатъ нашимъ желтолицымъ сосѣдямъ матеріаломъ для лекарствъ. Вотъ почему въ извѣстный періодъ года благородное животное терпитъ жестокое преслѣдованіе со стороны охотниковъ-промышленниковъ во всѣхъ уголкахъ великой Азіи, за исключеніемъ лишь Русскаго Алтая, гдѣ мараль приносилъ въ образѣ полудикаго животнаго приносить человѣку ежегодно, снятыми у самцовъ рогами, не только подспорье въ хозяйствѣ, но нѣрѣдко и цѣлое богатство.

Въ мое пребываніе въ Алтай, въ Берелѣ насчитывалось 22 сада, содержащихъ въ общей сложности около 500 оленей. Располагая небольшимъ запасомъ времени, я ограничился знакомствомъ съ принадлежавшимъ братьямъ Бѣлоусовымъ, однимъ, раздѣленнымъ на три части, маральникомъ, какъ лучшимъ и богатѣйшимъ. Этотъ маральникъ расположенъ на правомъ берегу Бухтармы, въ трехъ верстахъ выше селенія Берели и, основанный отцомъ нынѣшнихъ владѣльцевъ, существуетъ уже болѣе 30-ти лѣтъ. Красивый нагорный садъ вмѣщаетъ 200 оленей и обнимаетъ площадь около 160-ти десятинъ, обнесенную высокою, до 4—4½ аршинъ, загородью, длиною около пяти верстъ. Въ такомъ громадномъ помѣщеніи имѣются и скалы, и лѣсъ, и мелкій кустарникъ, и журчащій ручей, и высокія луговья вершины, куда маралы поднимаются въ лѣтнее знойное

время отъ докучливыхъ комаровъ и мошки, словомъ тутъ олени живутъ почти при той же обстановкѣ, какъ и на свободѣ. Съ вершинъ плоскихъ высотъ сада наблюдателю открывается очаровательный видъ. На востокъ, капризно извиваясь среди пышной древесной заросли, съ грохотомъ сверху несется темно-голубая красавица Бухтарма; внизу, на западъ, въ расширенной части долины она сливается съ Берелью и спѣшитъ затѣмъ скрыться въ темной полосѣ хвойнаго лѣса, а далеко на югъ, на горизонтѣ, дивно блестятъ на солнцѣ снѣговья вершины или „бѣлки“ Большого Алтая.

Въ нижней части маральника, въ одномъ изъ его угловъ, устроено крытое помѣщеніе—зимникъ, куда маралы зимою заходятъ, чтобы поѣсть сѣна или овса или укрыться отъ стужи. Зимою мараловъ кормятъ лучшимъ отборнымъ сѣномъ, а самцовъ кромѣ того и овсомъ для улучшенія роговъ; порою къ корму прибавляютъ соли. По опредѣленію мараловодовъ олени живутъ въ садахъ отъ 20 до 25-ти лѣтъ; наибольшей силой самцы или быки обладаютъ въ 10—12-ти, рѣже 15-ти лѣтній возрастъ, когда у нихъ бываютъ и лучшіе рога, вѣсящіе въ среднемъ видѣ около одного пуда. Начинаютъ спливать у оленей рога съ трехлѣтняго возраста. Старые или больные олени держатся отдѣльно отъ общаго стада. Нензлечимой, смертельной болѣзнью оленей мараловоды считаютъ наступающее внезапно головокруженіе, сопровождаемое безжизненностью глазъ; столь же внезапно и помираетъ животное. Въ такихъ случаяхъ кобыю или кормушку, гдѣ находился больной олень, а также и навозъ его, мараловоды тотчасъ сжигаютъ.

Половая жизнь маралухи начинается на четвертомъ году отъ рожденія. Любовный періодъ продолжается около двухъ недѣль, начиная съ первыхъ чиселъ сентября мѣсяца. Въ это время маралы очень возбуждены и не безопасны для человѣка; обыкновенно въ такомъ состояніи маралы бьютъ копытами переднихъ ногъ, быстро выбрасывая ихъ впередъ. Болѣе сильные быки особенно ревниво оберегаютъ свой гаремъ, энергично кидаясь въ бой съ соперниками. Въ любовное время самцы издаютъ призывные голоса, при чемъ одни режутъ глухо, другіе, наоборотъ, звонко, но въ то же время очень мягко и гармонично для уха. Молодые появляются на свѣтъ въ началѣ лѣта; мать искусно прячетъ дитя въ чащѣ кустарника и приходитъ кормить его лишь „глухою“ ночью. Если же кто-либо изъ людей, случайно наткнется на маралѣнка, то послѣдній старается лежать совершенно неподвижно, съ закрытыми глазами, словно мертвый, до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не удалится. Во всякомъ случаѣ мать, въ

Меральникъ или „садъ“ съ прирученными оленями.

первую же ночь послѣ обнаруженія человѣкомъ дитяти, переводить послѣднее въ новое, болѣе безопасное мѣсто. Такъ продолжается около мѣсяца, а затѣмъ уже дитя всюду открыто слѣдуетъ за матерью. Маралы въ садахъ—какъ и на свободѣ—выходятъ пастись по утреннимъ и вечернимъ зарямъ, и довольно часто держатъ себя при этомъ строго, внимательно прислушиваясь ко всякому шороху. Особенно рѣзво ведутъ себя въ это время малытки, которыя просто поражаютъ своими прыжками, побѣжкой и общимъ проворствомъ.

Уходъ за оленями мараловоды поручаютъ спеціальнымъ людямъ, къ которымъ олени привыкаютъ и которыхъ поэтому менѣе боятся. Передъ сниманіемъ роговъ, мараловъ искусно заманиваютъ въ зимникъ, гдѣ имъ затягиваютъ петли изъ длинныхъ волосяныхъ веревокъ на всѣ четыре ноги и извѣстнымъ образомъ валятъ животное на землю ¹⁾, а затѣмъ и отпиливаютъ рога. Угрюмые, грубые, холодные сибиряки равнодушно продѣлываютъ эту, мучительную для оленей, операцію ежегодно, нисколько не заботясь даже о приобрѣтеніи хорошихъ, совершенныхъ пилъ, которыя бы облегчали лишнее страданіе благороднаго животнаго, которое главнымъ образомъ сытно кормить своихъ неблагодарныхъ обладателей. Возможно поэтому предположить, что единственною причиною особеннаго безпокойства, а иногда и ухода нѣкоторыхъ болѣе сильныхъ звѣрей изъ сада передъ снятіемъ роговъ, служитъ варварскій способъ самого спливанія ихъ. Убѣжавшіе изъ сада рогатые красавцы обыкновенно держатся неподалеко въ лѣсу, и, по минованіи лѣта, съ приближеніемъ любовной поры, опять переносятся въ садъ высокимъ изящнымъ прыжкомъ черезъ ограду. Иногда одни и тѣ же быки уходятъ изъ сада нѣсколько лѣтъ подрядъ и всегда аккуратно возвращаются ко времени течки. Случается же и такъ, что ушедшій олень не идетъ добровольно въ маральникъ; тогда, по наступленіи зимы и выпаденіи глубокаго снѣга, мараловоды за 25—30 рублей подряжаютъ охотниковъ на лыжахъ для его ловли.

Нынѣ поколѣніе мараловъ въ Берелѣ „садовое“, прирученное. Мѣстные крестьяне покупаютъ другъ у друга оленей, платя за лучшихъ быковъ 200—250 рублей; маралуха цѣнится 40—50 рублей. Нерѣдко мараловоды, выдавая своихъ дочерей замужъ, даютъ имъ въ приданое одного или нѣсколькихъ оленей и тѣмъ уже до извѣстной степени обезпечиваютъ благосостояніе молодыхъ.

¹⁾ Въ другихъ мѣстахъ Алтая мараловоды устраиваютъ въ садахъ особые станки для загона звѣрей на время срѣзанія роговъ.

Алтайскіе мараловоды сбываютъ панты на рынкахъ Сѣверо-Западной Монголіи, въ Кобдо, Улясутаѣ, гдѣ китайскіе кушцы платятъ имъ отъ шести рублей за фунтъ; надо замѣтить, что рога прирученныхъ оленей цѣнятся дешевле, нежели рога дикихъ; китайцы легко распознаютъ тѣ и другіе. Во всякомъ случаѣ за рога взрослого, сильнаго марала, которые послѣ выварки въ рассолъ и сушки вообще убываютъ въ вѣсѣ почти на половину, алтайскіе мараловоды выручаютъ до 150 рублей и болѣе.

Въ заключеніе нельзя не пожелать обладателямъ садовъ въ Алтай, чтобы къ нимъ скорѣе пришли на помощь, въ выясненіи нѣкоторыхъ темныхъ вопросовъ мараловодства, интеллигентныя, культурныя силы для болѣе правильной постановки этой важной отрасли естественнаго богатства страны.

Самое селеніе Берель чистенькое и красиво расположенное въ стрѣлкѣ рѣкъ Бухтармы и Берели, насчитывало въ наше тамъ пребываніе 48 домовъ, изъ которыхъ пять принадлежали старовѣрамъ. Изъ общаго ряда построекъ нѣсколько выдѣлялась недавно сооруженная деревянная церковь. Въ праздничный день населеніе Берели представилось намъ наряднымъ и пестрымъ; на улицахъ у нѣкоторыхъ домовъ видѣлись большія и малыя группы народа, откуда неслись непринужденные голоса. Движеніе нашей кавалькады по селенію видимо нарушило обычный характеръ и ненадолго сосредоточило на себѣ вниманіе уличныхъ компаній. Въ одномъ изъ домовъ намъ была показана шкура убитаго медвѣдя, который передъ тѣмъ систематически каждую ночь приходилъ на пасѣку, расположенную въ самомъ селеніи, на окраинѣ. Въ послѣдній день, по словамъ крестьянина убившаго медвѣдя, наповаженный Мишка или Мартынь, какъ его здѣсь чаще называютъ, шелъ въ пчельникъ очень рано, еще до заката солнца, но будучи подкарауленъ, на имъ же проложенной тропѣ, поплатился жизнью.

Познакомившись съ Берелью и маральниками, мы позднимъ вечеромъ переправились въ бродъ черезъ многоводную и гремучую Бухтарму и заночевали на одномъ изъ ея острововъ, густо поросшемъ лѣсомъ. Крайне-разнообразно проведенный день послужилъ интересной темой долго непрекращавшагося разговора; между тѣмъ ночь давно спустилась на землю, веселый костеръ догоралъ, вкусный, хотя и приготовленный изъ утратившаго свою свѣжесть мяса, шашлыкъ былъ съѣденъ и мы, забравшись подъ мѣховыя покрывала и убаюканные монотоннымъ бурленіемъ водъ, скоро и крѣпко уснули. На слѣдующій день, охотясь, а поэтому и медленно двигаясь, мы только вечеромъ

могли прибыть на нашъ главный бивуакъ, который былъ расположенъ выше по долину, у урочища Арчаты. Здѣсь, въ сосѣднихъ горахъ, наши охотники убили двухъ горныхъ козловъ и бѣлую куропатку (*Lagopus mutus*).

Отсюда мы снова направились общимъ караваномъ вверхъ по круто падающей и далеко по сторонамъ разносящей свой оглушительный ревъ Бухтармѣ. Вскорѣ, слѣва, впасть въ эту беспокойную рѣку небольшой притокъ Куртэ, выбѣгающій изъ ущелья горъ Тау-тэкэ („Горный козелъ“). Въ этой части долины сооружался змѣногорскимъ купцомъ Мѣшовицковымъ кожевенный заводъ, съ цѣлью ежегодно выдѣлывать до 15-ти тысячъ большихъ и малыхъ кожъ.

Миновавъ послѣднихъ на своемъ пути по верхней Бухтармѣ жителей, нашъ путь, согласно направленію рѣки, круто уклонился къ востоку, гдѣ очень тѣсно сдавленная каменными отрогами горъ, Бухтарма стала еще яростнѣе прыгать и рассыпать свои пѣнистыя брызги среди большихъ валуновъ, загромождавшихъ не только русло, но и рѣдко и самую долину рѣки. Особенно характерны были, лежавшія среди лѣса на полянахъ, каменные глыбы, оторвавшіяся отъ отвѣсно вздымавшихся сосѣднихъ скалъ, съ которыхъ въ свою очередь, по словамъ нашихъ проводниковъ, нѣкогда упали и разбились два молодыхъ мѣстныхъ охотника, преслѣдовавшіе дикихъ мараловъ. Чудный лѣсъ, состоящій изъ вѣковыхъ кедровъ, лиственницъ, ели, пихты, березы и множества кустарниковъ, густо покрывалъ собою суженную долину рѣки, въ особенности ея лѣвый, болѣе холодный и влажный, берегъ. Съ крутыхъ лѣсистыхъ склоновъ, съ ихъ убранныхъ мхомъ выступовъ, рѣдко красиво падали серебристыя каскады. По дну рѣки тамъ и сямъ располагались высокіе и тоже лѣсистые острова, у которыхъ чаще нежели у береговъ материка лежали отжившіе великаны-деревья, наполовину разложившіеся, но все еще продолжавшіе бороться съ неудержимымъ потокомъ водъ, стремительность которыхъ вызывала мѣстами даже сильное дрожаніе береговъ; ревъ рѣки не давалъ возможности ничего слышать. Тамъ, гдѣ Бухтарма прижата къ мощнымъ утесамъ, перекинуть съ одного берега на другой деревянный довольно прочный мостъ, покоящійся на свинкѣ. Только это одно сооруженіе и поддерживается на всемъ нелегкомъ пути по Бухтармѣ со времени ухода съ границы военного отряда, устроившаго здѣсь въ свое время отличную телѣжную дорогу, преданную теперь полному забвенію.

Вскорѣ за мостомъ тропа поднимается по крутому косогору и идетъ среди густого лѣса по отвѣснымъ скаламъ, у подножья кото-

рыхъ стремительно несетя Бухтарма. Лѣвый берегъ по-прежнему тонетъ въ темной зелени лѣса, надъ широкой полосой котораго, по крутому склону лежатъ альпійскіе дуга, а выше ихъ—сплошной скалистый гребень, мѣстами увѣнчанный вѣчнымъ снѣгомъ. Миновавъ крутой переваль, тропа сбѣгаетъ внизъ къ самой Бухтармѣ и вступаетъ въ густо усыпанное острыми камнями „каменное“ болото, представляющее на двухверстномъ протяженіи значительное затрудненіе для движенія. Наши вьючныя и верховыя животныя нерѣдко обрывались съ камней и погружались глубоко въ грязь; два-три верблюда поранили себѣ лапы. Когда-то это каменное болото было покрыто сланями, — отесанными бревнами, — но за нѣсколько лѣтъ до нашего прихода слани, будучи кѣмъ-то подожжены, сгорѣли. Въ этой части долины Бухтарма несетъ свои воды спокойнѣе и плавнѣе, сильно извиваясь по широкому плитному ложу; низменные берега заросли сплошнымъ кустарникомъ. На тихой водной поверхности рѣки держалось много утокъ, а въ береговыхъ заросляхъ—мелкихъ птичекъ, звонкіе и пріятные голоса которыхъ здѣсь только и можно было слышать.

Въ сосѣднихъ къ югу горахъ изъ звѣрей держатся — медвѣди, волки, лисицы, соболя, росомахи, барсуки, сурки, горные козлы, косули и немногіе другіе; въ рѣкѣ не рѣдка выдра, на которую, равно какъ и на соболя, мѣстные охотники ставятъ капканы; правый, болѣе открытый и сухой берегъ часто пестритъ порками пищухъ (*Lagomys*), откуда, осторожно высовывая мордочку, выглядываютъ и сами звѣрьки, издавая звонкій свистъ; на при-дорожныхъ деревьяхъ мы нерѣдко видѣли бѣлокъ и бурундуковъ, забавно перепрыгивавшихъ съ одной вѣтви на другую.

Изъ птицъ по долинѣ Бухтармы наблюдались слѣдующія: высоко и осторожно пролетали у отдаленныхъ скалъ орлы-беркуты, на опушкахъ лѣса, на одинокихъ деревьяхъ гордо сидѣли сарычи и небольшіе сокола (*Tinnuncius alaudarius*), дозоромъ, словно украдкою, проносились лунь; по вечерамъ, вѣроятно спугнутые кѣмъ-нибудь, перемѣщались черезъ долину къ сосѣднимъ скатамъ горъ филинъ-пугачъ и совы, да оригинальнымъ полетомъ мелькали полуночники, издавая свои скрипучіе крики; подлѣ нашего бивуака, располагавшагося обыкновенно въ болѣе красивыхъ мѣстахъ, во множествѣ ютились кукушки, вертишейки, дрозды, синицы, поползни, мухоловки, славки и громко-кричащія орѣховки; днемъ надъ долиной рѣки быстро проносились въ ту или другую сторону ласточки и стрижи; въ ясное

Рѣка Бухтарма, Руссия, Восток.

теплое утро въ камышахъ пѣли варакушки, которымъ порою прекрасно вторили соловьи красношейки (*Calliope*) и камышевки; въ заросляхъ тальника можно было изрѣдка встрѣтить процессію изящныхъ длиннохвостыхъ синицъ (*Acredula*), а на деревьяхъ ели, прицѣпившихся въ разныхъ положеніяхъ къ вѣтвямъ, клестовъ, тщательно изстѣдовавшихъ еловая шишки.

Вскорѣ затѣмъ экспедиція достигла урочища Чиндагатуи, гдѣ въ широкой луговой долинѣ, слились три главные истока Бухтармы; первый, сѣверный вытекаетъ изъ озера Бухтарминскаго, второй — значительно большии — Чиндагатуи, течетъ съ сѣверо-востока, зарождааясь въ Аргутскомъ хребтѣ, третій — лѣвый истокъ — Бѣлая или собственно Бухтарма несется съ юго-востока. Послѣдній истокъ вблизи и выше сліянія образуетъ на своемъ крайне быстромъ теченіи внушительный каскадъ, оглушительно грохочущій на всю долину. Черезъ многоводный Чиндагатуи мы перешли по деревянному мосту, перекинутому выше сліянія этой рѣчки съ Бухтармой.

Съ каждымъ днемъ становилось холоднѣе. Лѣсъ рѣдѣлъ и приближался къ своей верхней границѣ. По ночамъ иней серебрилъ земную поверхность, а вода—по болотистымъ мѣстамъ, покрывалась ледяной коркой. Въ то время, когда въ долинѣ падалъ дождь, сосѣднія горы обильно покрывались снѣгомъ, въ особенности въ верхнемъ поясѣ, гдѣ часто сосредоточивались бѣлыя, слоистыя, нерѣдко причудливыхъ формъ, облака. Особенный холодъ мы почувствовали, оставивъ Бухтарму и поднявшись по сѣверному скату ея долины на плоскогорье Укѣкъ. Здѣсь постоянно дулъ довольно сильный вѣтеръ, преимущественно съ юго-запада; проходя у послѣднихъ кедровъ, на 7.500 футовъ абс. выс., нельзя не замѣтить среди этихъ представителей растительнаго царства, что отъ того же господствующаго юго-западнаго вѣтра всѣ вѣтви дерева направлены къ сѣверо-востоку и само дерево значительно наклонено въ означенную сторону. Кустарная и травянистая растительность Укѣка пожелтѣла, цвѣты осыпались, словомъ чувствовалось приближеніе осени. Общее впечатлѣніе при вступленіи на холодный Укѣкъ, лежащій по сосѣдству съ вѣчными снѣгами и ледниками, также мало привлекательно. Несмотря на обиліе большихъ и малыхъ озерковъ, животная жизнь въ смыслѣ пернатого царства бѣдна и количествомъ и разнообразіемъ. Немногимъ отраднѣе въ этомъ отношеніи было по долинамъ Алахи и Калгуты, гдѣ ютилось порядочно плавающихъ и голенастыхъ птицъ. Чаше другихъ мы наблюдали серебряныхъ чаекъ (*Larus argentatus*), крачекъ мартышекъ (*Sterna*

hirundo), полосатыхъ гагаръ (*Columbus arcticus*), турпановъ (*Casarca rutila*); рѣже бѣлоснѣжныхъ лебедей (*Cygnus*) и глухихъ сивокъ (*Charadrius morinellus*). Вездѣ по плоскогорью Укѣка, но чаще по склонамъ, одѣтымъ березовымъ сланцемъ (*Betula nana*) и тальникомъ (*Salix*), встрѣчались бѣлыя куропатки (*Lagopus mutus*), за которыми мы нерѣдко успѣшно охотились. Изъ звѣрей въ этихъ мѣстахъ водятся ар-галы, волки, лисцы, забавные сурки, суслики, зайцы, пищухи и другіе мелкіе грызуны.

Для большого ознакомленія съ высокою страной была устроена дневка при урочищѣ Кара-булакъ. Отсюда мои сотрудники, гг. Казнаковъ и Ладыгинъ, отправились на ближайшее озеро Халцзанъ-портъ, гдѣ, при помощи брезентной шлюпки, собрали планктонъ и произвели другого рода изслѣдованія. Озеро имѣетъ въ окружности около шести верстъ; вода прозрачная, прѣсная; дно выложено галькой; наибольшая глубина, 4 аршина, обнаружена на серединѣ озера и у возвышеннаго его берега; у низменнаго же берега очень мелко. Излишекъ озерной воды сливается черезъ небольшую рѣченку по направленію къ рѣкѣ Алахъ. Последняя, зародившись у вѣчныхъ снѣговъ Табынъ-богдо („Пять святыхъ“), стремится къ сѣверо-западу; теченіе ея быстрое, хотя и очень плавное; воды имѣютъ дымчатую окраску, характеризующую ледниковоe происхожденіе. Низменные ея берега изрѣзаны заливами; по сторонамъ имѣется масса озерковъ. Рѣку Алахъ мы перешли въ бродъ, глубина котораго была въ это время около трехъ футовъ. У мѣста переправы на лѣвомъ берегу расположенъ домикъ таможеннаго вѣдомства съ стражей въ три человекъ. Эти отшельники однажды въ два-три мѣсяца по-очередно уѣзжаютъ въ поселокъ Урыльскій для приобрѣтенія самыхъ необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ, въ подспорье къ которымъ они здѣсь ловятъ рыбу и, на весеннихъ и осеннихъ перелетахъ птицъ, стрѣляютъ гусей и утокъ.

За плоской грядой, усѣянной озерками, мы вступили въ долину Калгуты, которая славится пастбищами, доступными даже и зимою, такъ какъ постоянные вѣтры сметаютъ снѣгъ, и киргизы, прикочевавъ сюда осенью, живутъ здѣсь съ своими стадами до весны. Въ открытой долинѣ насъ также часто донимали вѣтра, въ особенности по вечерамъ, когда становилось холоднѣе. Днемъ же почти всегда стояло тепло, а при затишьи, бывало даже жарко. Массивные снѣга Табынъ-богдо находились по сосѣдству, въ 15-ти верстахъ къ югу и привлекали взоръ своею матовою бѣлизною. Другая же группа вѣчно-снѣговыхъ горъ—Большой Алтай—отстояла далеко на юго-западѣ; между ними

Плоскогорье Укюк; видъ на снѣга „Табын-богдо“ („Пять святыхъ“).

Фотопла В. Касюк, С. Петербургъ. Экспедиція 1902 г.
Буряки Я. Ивановичъ

залегала третья—наименьшая—Канасъ. Отъ этого высокоподнятаго горнаго узла тянется къ юго-востоку на громадное протяженіе горная цѣпь, извѣстная подъ названіемъ Монгольскаго Алтая. Величіемъ вѣчно снѣговыхъ громадъ особенно восхищались наши гренадеры, долго не осваивавшіеся съ подобными картинами природы, а также и съ оцѣнкой разстоянія въ открытыхъ долинахъ: все имъ казалось, что разстояніе, въ дѣйствительности отдѣлявшее насъ отъ снѣговъ или вообще отъ горъ, несравненно меньше.

У западнаго подножья перевала Уланъ-дабанъ, или какъ его называютъ киргизы, Кызыль-кезень ¹⁾, гдѣ проходитъ отечественная граница, мы провели послѣднюю совмѣстную ночевку до города Кобдо. Здѣсь, какъ и предполагалось раньше, мои сотоварищи А. Н. Кознаковъ и В. Ѳ. Ладыгинъ снарядились въ отдѣльный разъѣздъ, съ цѣлью прослѣдить болѣе верхній поясъ горъ и познакомиться съ озерами альпійскаго характера, разбросанными въ верховьи рѣчки Кобдо. Перевозочными средствами товарищамъ служили лошади—три верховыхъ, три вьючныхъ, а для услугъ въ дорогѣ былъ мною назначенъ гренадеръ Бѣляевъ, вполне оправдавшій оказанное ему довѣріе. Двое туземцевъ довершали персоналъ большого, но въ тоже время и легкаго разъѣзда.

На вершинѣ перевала плоскаго хребта Сайлюгѣмъ мы свѣрили инструменты, барометръ и гипсотермометръ, показавшіе 8.940 футовъ надъ морскимъ уровнемъ. Переваль мягкій, луговой и мы безъ особаго труда, поднявшись на его вершину, гдѣ по близости залегало маленькое озерко, также успѣшно стали спускаться во внутренній бассейнъ Кобдо. Вскорѣ дороги раздѣлились и я, пожелавъ успѣха моимъ сотрудникамъ, расстался съ ними на три недѣли. На нашемъ пути часто виднѣлись бѣлые черепа каменныхъ барановъ или аргали съ темнобурыми, растрескавшимися отъ времени, рогами. По мягкому ущелью караванъ успѣшно продолжалъ двигаться и къ 11-ти часамъ утра расположился бивуакомъ въ долину рѣчки Ойгоръ, по которой кое-гдѣ проживали монголы.

На всемъ пути по нижней караванной дорогѣ отъ русско-китайской границы до города Кобдо, приблизительно въ 350 верстъ юго-восточнаго направленія, страна имѣетъ горный характеръ. На югѣ высится главная цѣпь Алтая, то выдѣляясь снѣговыми вершинами, то темнѣя пониженными сѣдловинами или даже частями общаго гребня, откуда спускались богатые альпійскіе луга и гдѣ теперь благополу-

¹⁾ Оба названія означаютъ „Красный переваль“.

шествовали стада мѣстныхъ кочевниковъ. Къ сѣверу уходятъ второстепенные отроги, оголенные знойными лучами лѣтняго солнца; увалы, протянувшіеся отъ южныхъ горъ, на пути нашего слѣдованія, также носятъ пустынно-степной характеръ. Лишь нѣсколько ущелий сѣвернаго склона, примыкающихъ къ долинкамъ рѣчки Суокъ, ютили въ себѣ маленькіе островки листовничнаго лѣса. Теплога и сухость воздуха увеличивались съ каждымъ днемъ.

Какъ различны въ климатическомъ отношеніи бассейны Бухтармы и Кобдо! Тамъ влага, богатство атмосферныхъ осадковъ, пышная флора, замѣчательная прозрачность воздуха; здѣсь же совсѣмъ обратное: по долинкамъ, почти лишенной растительности, кружатъ высокіе, затѣйливые по своимъ очертаніямъ, пыльные вихри, свидѣтельствующіе о крайней сухости почвы, а воздухъ во время вѣтра наполненъ мельчайшею пылью, заволакивающей даль туманною дымкой.

3-го августа караванъ вступилъ въ долину рѣчки Кобдо, которая несла свои прозрачныя воды по каменистому ложу очень быстро, но плавно. Ширина ея въ мѣстѣ переправы простирается до 40—50 сажень, при глубинѣ въ одну сажень и болѣе, несмотря на то, что лѣтній уровень сталъ уже понижаться. Долина рѣчки и ея острова покрыты лѣсомъ тополя и тальника (*Populus et Salix*), перемѣшанныхъ разнымъ кустарникомъ. Тамъ и сямъ, на болѣе низкихъ мѣстахъ виднѣлись отличныя мокрѣя луговины и болотистыя площади съ небольшими озерками, дающими пріютъ пролетнымъ плавающимъ и голенастымъ пернатымъ. Общее протяженіе этой первостатейной рѣчки Монголіи доходитъ до 500 верстъ. Беретъ она начало въ горахъ Южнаго Алтая, изъ многочисленныхъ ледниковъ. Въ верховьи рѣка образуетъ два глубокихъ, живописныхъ озера, лежащихъ близко одно отъ другого; немного ниже она принимаетъ рѣчки Цаганъ-голь, Суокъ, Саксай и, обогатившись этими данными, представляется въ мѣстѣ переправы огромной рѣчкой. Описавъ въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи къ сѣверо-востоку и юго-востоку значительную излучину, въ вершинѣ которой вливаются воды изъ озера Ачитъ-норъ, рѣка Кобдо постепенно оставляетъ горы, долина ея расширяется, теченіе становится болѣе покойнымъ до самаго впаденія въ большое прѣсноводное озеро Хара-усу.

Въ день прихода на рѣку Кобдо намъ удалось переправиться на правый ея берегъ. Переправа здѣсь казенная; перевозчики монголы. Багажъ и люди помѣщаются на двухъ маленькихъ паромахъ, связанныхъ изъ 4—5 утлыхъ челноковъ. Животныхъ, даже барановъ, пускаютъ вплавь. Черезъ мѣсяцъ, въ сентябрѣ, вода настолько спадаетъ,

что переправа на верблюдахъ и лошадахъ въ то время свободно производится въ бродъ.

Въ мѣстѣ переправы долина рѣки вытравлена животными проходящихъ каравановъ и потому мы здѣсь не остановились; пройдя же 7 верстъ и встрѣтивъ богатая пастбища, мы разбили нашъ бивуакъ между двухъ озерковъ. Это было лучшее мѣсто на всемъ пути отъ отечественной границы до города Кобдо. Наши бѣлыя палатки живописно выдѣлялись на изумрудной зелени и укрывались тѣнью высокоихъ тальниковъ, окаймляющихъ берегъ Кобдо. Сидя въ палаткѣ можно было любоваться общимъ видомъ мѣстности. По рѣкѣ временами свободно проплывали дикіе гуси, утки; съ вѣтвей, осѣнявшихъ палатку, неслись нѣжныя трели голубой синицы (*Cyanistes*); съ сосѣднихъ скалъ доносилось звонкое кэ-кэ-ли... кэ-кэ-ли..., массы каменныхъ куропатокъ (*Saccabis chukar*). На подобныхъ стоянкахъ мы всегда купались и ловили рыбу. Рыбы здѣсь много, но видовъ только два — харіусъ (*Thymallus brevirostris*) и ускучь, по крайней мѣрѣ согласно нашимъ наблюденіямъ ¹⁾. По вечерамъ, въ виду нашего бивуака, происходилъ правильный перелетъ дикихъ гусей, а иногда и лебедей, мелодичные звуки самага полета которыхъ невольно заставляли сосредоточивать на себѣ наше вниманіе. Воздухъ былъ тихъ и спокоенъ; по мѣрѣ того какъ вечерніе сумерки сгущались и переходили въ ночь, въ верхней части небеснаго свода загорались и довольно ярко блестяли звѣзды, но чѣмъ ближе къ горизонту тѣмъ гуще и гуще окутывалось небо пыльною дымкой. До поздней ночи просидѣлъ я на берегу Кобдо, прислушиваясь къ слабому, мѣрному всплескиванью ея водъ; мысленно побывавъ и на далекомъ сѣверѣ, и на далекомъ югѣ и, убаюканный лаской природы, ушелъ затѣмъ въ палатку, чтобы скорѣе забыться крѣпкимъ сномъ...

Оставивъ рѣку Кобдо 5-го августа мы вступили въ болѣе пересѣченную мѣстность, гдѣ приходилось чаще опускаться и подниматься на поперечные отроги, далеко убѣгавшіе къ сѣверу. Между отрогами или увалами лежатъ долины рѣчекъ съ каменистыми, круто падающими ложами. Береговые обрывы этихъ рѣчекъ слагаются главнымъ образомъ изъ гранитовъ и глинистаго сланца. По долинамъ мѣстами стояли одинокіе тополя и привѣтливо раскидывались зеленныя поляны; что же касается до прилежащей къ нимъ мѣстности, то вся она казалась сѣровато-желтой, опаленной; тамъ лишь кое-гдѣ торчали,

¹⁾ Вообще же въ Кобдо'скомъ бассейнѣ нами добыты кромѣ указанныхъ рыбъ еще голецъ (*Nemachilus microphthalmus*) и османъ (*Oreoleuciscus Potanini*).

замѣтные только въблизи, представители флоры пустыни, дающіе впрочемъ зимою возможность кочевникамъ пасти свои стада. Теперь же тамъ держались небольшія группы или одиночки монгольскихъ дзереновъ (*Antilope gutturosa*), да порою съ обычнымъ шумомъ пролетали большедуруки (*Syrnhaptes paradoxus*).

На четвертый день движенія отъ рѣки Кобдо мы пришли въ сосѣдство вѣчно-снѣговой, отдѣльно стоящей группы горъ Гурбанъ-цасатү, т. е. „Три снѣжныхъ вершины“ и при небольшомъ озеркѣ въ урочищѣ Алтынъ-чюгуцү („Золотая жертвенная чаша“) на плоской высотѣ, въ 7.740 футовъ надъ уровнемъ моря, расположились бивуакомъ. На берегу озера, по всей вѣроятности искусственнаго, сложено „обо“, надъ которымъ развѣвались различныя матерчатыя приношенія и стучали отъ вѣтра подвѣшенныя рядомъ барабаны лопатки, испещренныя темными узорчатыми письменами. Это мѣсто высоко чтится у мѣстныхъ монголовъ и лѣтомъ, въ іюль мѣсяцѣ, сюда ежегодно стекается масса народа изъ ближайшихъ хошуновъ. По окончаніи молебствія, присутствующіе приступаютъ къ братской трапезѣ, а затѣмъ молодые лихіе парши, раздѣленные на двѣ группы по 32 человекъ, устраниваютъ состязаніе въ борьбѣ; тутъ же производится и нѣчто въ родѣ киргизской байги¹⁾. И побѣдители, и лучшіе наѣзники — рыцари степей — награждаются призами въ видѣ кирпичей чая и кусковъ матерій. Вечеромъ торжество оканчивается и всѣ развѣзжаются по своимъ кочевьямъ.

Въ пяти верстахъ къ востоку отъ озера поднимаются въ высъ горы Гурбанъ-цасатү. Нижняя граница вѣчнаго снѣга этой группы проходитъ по ребрамъ скатовъ значительно выше, нежели по ихъ ложбинкамъ, откуда зародившіеся ручьи и рѣчки быстро стремятся къ сѣверному подножью горъ, прорѣзая пожелтѣвшіе луга. Съ помощью бинокля мы отлично видѣли и стада монгольскаго скота, пасшіеся по горнымъ лугамъ Гурбанъ-цасату, и стойбища самихъ монголовъ. Управитель послѣднихъ, цаланъ, прибылъ къ намъ согласно предписанію Кобдо'скаго амбана, для встрѣчи и снабженія каравана проводниками; да и вообще монголы въ бассейнѣ рѣки Кобдо относились къ экспедиціи радушно и предупредительно; цангины или старшины хошуновъ выѣзжали на встрѣчу съ приношеніями кумыса и другихъ предметовъ, характеризующихъ быть номадовъ.

Какъ здѣсь, въ этой долинѣ, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ по нашему пути отъ рѣки Кобдо намъ приходилось нерѣдко встрѣчать

¹⁾ Байга—скачка.

каменные конической формы сооруженія, сложенные на подобіе „обо“, но съ тѣмъ различіемъ, что означенныя сопки были окружены кольцеобразнымъ валикомъ, діаметръ котораго втрое превышалъ діаметръ „обо“ или точнѣе внутренней сопки, и что подобныя сооруженія находились не только на перевалахъ, но и въ глубинѣ долинъ. Время возникновенія, происхожденіе и значеніе этихъ сооруженій монголы объяснить не умѣли, замѣтивъ однако, что это древніе памятники и монголами называются „киргизинъ-уръ“— т. е. „киргизское гнѣздо“. Г. Н. Потанину, въ окрестности озера Орокъ-норъ, монголы сообщили какъ преданіе, что „кэрэксуръ“ („Древнія могилы“) сложилъ народъ Цаганъ-Баргунъ; онъ хоронилъ въ нихъ своихъ покойниковъ. По другому показанію въ этихъ насыпяхъ войсками Чингизъ-хана спрятано зерно.

Въ сосѣдствѣ горъ Гурбанъ-цасатү насъ донималъ холодный юго-западный вѣтеръ, который обыкновенно зарождался раннимъ утромъ и прекращался только вечеромъ; наибольшаго напряженія, иногда даже степени бури, онъ достигалъ къ двумъ-тремъ часамъ дня, затѣмъ порывы постепенно ослабѣвали. Во время вѣтра температура значительно понижалась и въ воздухѣ нерѣдко носились снѣжинки. Ночи, за весьма немногими исключеніями, стояли тихія и ясныя; тогда обособленныя снѣговые горы представлялись во всей своей дикою прелести.

Отъ озера Алтынъ-чюгуцу мы шли довольно ходко, безъ дневокъ, тѣмъ болѣе, что хорошихъ пастбищъ уже не встрѣчалось. Надо замѣтить, что до города Кобдо я не производилъ съемки, такъ какъ главный караванъ шелъ по дорогѣ, изслѣдованной М. В. Пѣвцовымъ¹⁾, ориентируясь по его картѣ. На этой картѣ, при тщательной повѣркѣ пути, обнаружена нѣкоторая неправильность, а именно: рѣчка Хонуръ-улень, которую намъ монголы назвали Хонгорлінъ, показана текущей все время съ юго-запада на сѣверо-востокъ и впадающей непосредственно въ рѣку Кобдо, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она только пересѣкаетъ путь въ указанномъ направленіи, а затѣмъ вскорѣ склоняется къ востоку-юго-востоку и, верстахъ въ 10-ти сѣвернѣе дороги, сливается съ другой сосѣдней рѣчкой — Хашутү, образуя одну общую подъ названіемъ Хонгэтö („Звонкая“). Эта послѣдняя, стремясь къ Кобдо по открытой, лѣтомъ довольно знойной мѣстности, доноситъ

1) М. В. Пѣвцовъ. Очеркъ путешествіе по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ внутренняго Китая. Съ картою Монголіи. Омскъ. 1883. (Записки Западно-Сибирскаго отдѣла И. Р. Г. О. Книжка V.)

свою воду до главной рѣки только въ богатые атмосферными осадками годы. Обыкновенно же она теряется въ пескахъ, расположенныхъ въ долинѣ Кодбо.

Экскурсируя въ горахъ, прилежащихъ къ долинѣ рѣчки Хашуту, наши охотники видѣли массу слѣдовъ каменныхъ барановъ или аргали; на одного изъ охотниковъ вышло было стадо головъ въ 20 этихъ красивыхъ звѣрей, но, къ сожалѣнію, чуткіе звѣри обнаружили охотника въ-время и были таковы.

Предпоследнюю, по дорогѣ къ городу Кодбо, рѣчку, не отмѣченную названіемъ на картѣ Монголіи, составленной М. В. Пѣвцовымъ и приложенной къ его, указанному выше труду, монголы намъ назвали Шурукъ-инъ-голь. За нею мѣстность стала настолько болѣе каменистою, что ногамъ нашихъ караванныхъ животныхъ доставалось порядкомъ; болѣе другихъ въ этомъ отношеніи страдали собаки, которыя всегда охотно и всегда безуспѣшно преслѣдовали выскакивавшихъ по дорогѣ зайцевъ или антилопъ; досадно и въ то же время смѣшно бывало смотрѣть на нашихъ псовъ, когда они, высунувъ языки, усталые возвращались къ каравану и визжа отъ боли ногъ, расслабленно брели за нимъ. Казалось бы, послѣ такихъ тяжелыхъ уроковъ, умныя животныя могли бы понять безцѣльность своихъ увлеченій, но, къ сожалѣнію, спокойное, совмѣстное съ караваномъ движеніе нашихъ псовъ продолжалось лишь до перваго появленія предмета охоты; разъ же онъ появлялся на глаза, тотчасъ же боль ногъ забывалась и собаки съ мѣста быстро неслись за показавшимся звѣремъ. Звѣрь, конечно, убѣгалъ далеко въ пустыню или въ горы, а псы въ-время остановившись, приниженные, словно конфузясь непослушанія окрика кого-либо изъ насъ, дѣлались ненадолго смиренными. Стремленіе у караванныхъ псовъ къ преслѣдованію звѣрей со временемъ прогрессировало и заставляло насъ отъ времени до времени прибѣгать къ серьезнымъ мѣрамъ наказанія: сначала пороли нагайкой, а затѣмъ, если это средство не помогало, приходилось даже пускать въ виновника и зарядъ дунста. Последнее, повидимому жестокое наказаніе смиряло собакъ дня на два, на три, рѣдко на недѣлю, пока еще вѣроятно онѣ чувствовали боль, затѣмъ опять повторялись прежнія исторіи; правда, теперь нѣкоторые псы на грозный крикъ „назадъ!“ возвращались съ поджатыми хвостами къ каравану и неохотно, посматривая на звѣря, шли рядомъ съ нами. Но даже и въ такихъ случаяхъ стоило бывало только кому-либо изъ насъ выстрѣлить по звѣрю, какъ уже собаки, не смотря ни на какія мѣры запрещенія, со всею быстротою ногъ

неслись за преслѣдуемымъ охотникомъ звѣремъ. Для охотника-коллектора досада на псовъ понятна, въ особенности когда изъ-подъ его рукъ, по нерадѣнію собакъ, уходитъ рѣдкостный и драгоцѣнный для коллекціи звѣрь. Я говорю о простыхъ дворняшкахъ, комплектуемыхъ нами у границы или въ любомъ мѣстѣ путешествія; породистыхъ же собакъ мы почти никогда не брали, такъ какъ подобнымъ псамъ не подѣ силу переносить всевозможныя невзгоды въ продолжительномъ странствованіи, да и характеръ азіатскихъ охотъ, въ особенности въ цѣляхъ коллектированія, совершенно иной нежели европейскій.

Съ перевала одного изъ сѣверныхъ отроговъ главнаго хребта — Билютэ-дабанъ открылся видъ на низовье долины Кобдо и на озеро Хара-усу; при тихомъ и довольно прозрачномъ состояніи воздуха, главная рѣка красиво отражала косые солнечные лучи, эффектно игравшіе на обширной зеркальной глади озера. Тонко-перистыя облачка, тихо проносясь надъ поверхностью водъ, дорисовывали общую картину; это впереди; вправо же, къ югу, открывались снѣга главной цѣпи Алтая, залегавшіе плоскимъ ровнымъ гребнемъ; ниже спускались пожелтѣвшіе альпійскіе луга, мѣстами изрѣзанныя глубокими ущельями. Оглянувшись въ обратную сторону движенія, мы отлично видѣли, далеко отстоявшія къ сѣверо-западу, снѣговыя вершины Гурбунъ-цасатү, которыя при утреннемъ солнцѣ напоминали собою облака.

Послѣднюю ночь на пути въ городъ Кобдо мы провели на берегу небольшого озера Шара-норъ, расположеннаго словно въ провалѣ. Вода этого бассейна солоноватая, прозрачная, переливавшая всевозможными цвѣтами въ зависимости отъ освѣщенія солнцемъ. Берега песчаные, дно мѣстами также песчаное, мѣстами илистое съ кочками, одѣтыми оригинальными водорослями. Изъ голубой поверхности озера красиво выступаетъ островокъ, высокій и густой камышъ котораго волновался и пріятно шелестѣлъ своею мягкою зеленью. Рыбы въ озерѣ по всей вѣроятности нѣтъ. На мелкихъ волнахъ Шаранора качались полосатые гагары, турпаны, утки-кряквы; по берегамъ, у воды, бѣгали улиты-черныши, а надъ зеленой родниковой площадью, гдѣ пріютился нашъ караванъ, витали ласточки (*Chelidon urbica et Cotile rupestris*); въ сосѣднихъ скалахъ монотонно ворковали каменные голуби.

На слѣдующій день (12-го августа) утромъ, съ вершины послѣдняго увала, мы, наконецъ, увидѣли широкую долину рѣчки Буянту. Посрединѣ долины и въ сосѣдствѣ восточныхъ скалистыхъ кряжей, расположенъ маленькій городокъ Кобдо. Высокіе тополя, осѣнявшіе

нѣкоторые дома, отраднo выдѣлялись на сѣромъ, безжизненномъ фонѣ окрестностей. Мигновавъ кумирню и переправившись въ бродъ черезъ свѣтлыя, быстро несущіяся воды Буянту, мы разбили нашъ лагерь на зеленѣющей береговой площадкѣ, въ двухъ верстахъ къ сѣверо-западу отъ города.

Городъ Кобдо, съ населеніемъ въ 3.000 человекъ, расположенъ, какъ то уже замѣчено выше, въ открытой долинѣ рѣчки Буянту, на проведенномъ изъ нея арыкѣ. Единственная широкая, обсаженная вѣковыми тополями, улица граничитъ на сѣверной окраинѣ крѣпостью, на южной — кумирнями. Крѣпостная стѣна ¹⁾ представляетъ квадратъ, сторона котораго равняется двумстамъ саженьямъ; по угламъ крѣпости, равно и надъ каждымъ изъ трехъ деревянныхъ, запираемыхъ на ночь, воротъ поставлено по одной небольшой, очень древней пушкѣ. Между пушками вдоль стѣнъ лежатъ запасы крупной рѣчной гальки, на случай отраженія штурмующаго непріятели. Извнѣ крѣпость обведена ровомъ, мѣстами еще достаточно глубокимъ, мѣстами же почти сравнявшимся съ общей поверхностью. Говорятъ, для возобновленія рва мѣстный амбанъ два года тому назадъ собралъ порядочную сумму съ подвѣдомственныхъ ему монгольскихъ хошуновъ, но крѣпостной ровъ все еще не углубляется.

Въ крѣпости живутъ амбанъ, чиновники и войска. Управление или ямынь состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣленій: Барунъ (западный) ямынь, Цзунъ (восточный) ямынь; въ первомъ дѣлами вѣдаетъ амбанъ или главный начальникъ, во второмъ его помощникъ; въ этихъ двухъ ямыньяхъ рѣшаются всѣ тѣ дѣла, которыя почему либо не могли быть рѣшены въ трехъ низшихъ отдѣленіяхъ — Чо-ху, Лифу и Сань-гинъ — ямыньяхъ. Въ первомъ изъ трехъ послѣднихъ ямыньей разсматриваются дѣла, касающіяся исключительно китайцевъ, во второмъ — монголовъ; третій ямынь представляетъ собою казначейство.

Среди дворовъ отдѣльныхъ управленій расположены двѣ кумирни и паркъ.

Чиновники, исключительно манчжуры, во-главѣ съ амбанемъ, взяточники, о чемъ открыто говорятъ китайцы торговцы, сознающіе, впрочемъ, что иначе и быть не можетъ, такъ какъ всѣ чиновники получаютъ ничтожное содержаніе ²⁾.

¹⁾ Высота глинобитныхъ стѣнъ крѣпости простирается до трехъ съ половиною сажень, при толщинѣ у основанія около двухъ сажень, а при вершинѣ только въ два фута.

²⁾ Амбанъ получаетъ въ годъ 800 ланъ (1200 рублей); его помощникъ 500 ланъ (750 рублей); начальники остальныхъ ямыней 100—250 ланъ (150—375 рублей).

Въ наше пребываніе въ Кобдо гарнизонъ состоялъ изъ трехсотъ солдатъ, китайцевъ и дунганъ, коими вѣдалъ офицеръ-дунганинъ. Изъ этого числа въ крѣпости постоянно находилась только одна треть, остальные солдаты проживали частью при амбаньскихъ пашняхъ, частью же среди монгольскихъ хошуновъ округа или въ торговой части города, занимаясь торговлей. Солдаты, проживающіе въ цитадели, расположены на казенной квартирѣ и получаютъ казенную пищу, но одѣваться обязаны на счетъ получаемого ими жалованья, въ размѣрѣ 1—3 ланъ (1 руб. 50 коп.,—4 руб. 50 коп.) въ мѣсяцъ. Кобдо'скій гарнизонъ вооруженъ фитильными ружьями и пиками, насаженными на длинныя камышевыя древка. Нашимъ соотечественникамъ, проживающимъ въ Кобдо, знакомые имъ китайцы передавали, что въ Кобдо'скомъ оружейномъ складѣ хранится 2.000 ружей, большею частью пистонныхъ, но эти ружья 18 лѣтъ не осматривались и только нынче имъ была произведена ревизія, вызванная обнаруженіемъ сильнаго воровства ихъ.

У сѣверной стѣны, внутри крѣпости, имѣется тюрьма, гдѣ преступниковъ приковываютъ на цѣпь въ различныхъ положеніяхъ. Тутъ же иногда производятъ и пытки; наиболѣе распространенными приемами для вызыванія признаній служатъ битье по щекамъ подошвами или забиванье камышевыхъ клиньевъ подъ ногти рукъ. За уличеніе въ убійствѣ полагается смертная казнь, производимая публично черезъ отсѣченіе головы; головы казненныхъ преступниковъ вывѣшиваются въ клѣткахъ въ воротахъ крѣпостной стѣны, а трупы выбрасываются на съѣденіе собакамъ и бурымъ грифамъ; монголы съ подобныхъ труповъ охотно снимаютъ кожу, идущую въ ихъ лекарства.

Торговая часть города состоитъ изъ одной главной улицы и двухъ переулковъ; въ ней насчитывается 50 дворовъ, въ которыхъ проживаетъ по нѣскольку человекъ торговцевъ. Каждый китаецъ-торговецъ періодически, разъ въ три года, уѣзжаетъ на родину, къ семьѣ, и, проживъ съ нею мѣсяцевъ шесть, возвращается обратно въ Кобдо. Съ семьями изъ внутренняго Китая никто изъ торговцевъ сюда не пріѣзжаетъ, боясь далекаго путешествія и неизбѣжнаго съ нимъ не малаго расхода.

Здѣсь три большихъ торговыхъ фирмы—Ташенху, Аршанъ или Ень-шин-дэ и Насту или Тя-инъ-дэ; это самыя солидныя фирмы, въ рукахъ которыхъ находится вся торговля Кобдо'скаго округа. Затѣмъ

слѣдуютъ такъ называемые хурамыр'ы ¹⁾, торгующіе исключительно чаемъ, табакомъ и далембой. Пекинскихъ лавокъ въ Кобдо три; онѣ ведутъ торговлю главнымъ образомъ шелковыми матеріями, фарфоромъ и разною мелочью. Затѣмъ слѣдуютъ самые мелкіе торговцы — сяо-пу-цзы, скупающіе и продающіе всякую рухлядь и имѣющіе на рукахъ немного товаровъ, получаемыхъ въ кредитъ отъ хурамыр'овъ. Такихъ мелкихъ фирмъ здѣсь до 50-ти и вся ихъ торговля основана на началахъ товарищества или компаній; вполне самостоятельнаго независимаго торговца тутъ нѣтъ ни одного.

Изъ трехъ первыхъ главныхъ товариществъ самое богатое Ташенху, имѣющее до 70-ти человекъ участниковъ съ наличнымъ капиталомъ около 10 милліоновъ ланъ; далѣе идетъ товарищество Насту или Тя-инъ-дэ, но обѣ эти компаніи главнымъ образомъ оперируютъ въ Улясугаѣ; здѣсь же первенствующимъ является товарищество Аршанъ или Енъ-шин-дэ. У этой фирмы имѣется въ Кобдо'скомъ округѣ 8 большихъ конторъ или отдѣленій. Монгольскіе хошуны уже давно погрязли въ неоплатныхъ долгахъ, предоставляя указанной компаніи хозяйничать и распоряжаться ихъ имуществомъ какъ у себя дома. Въ описываемомъ округѣ товарищество Аршанъ уже располагаетъ тысячными стадами, довольствуя ихъ на лучшихъ пастбищахъ съ помощью якобы собственниковъ-монголовъ ²⁾. Въ недалекомъ будущемъ монголы будутъ полными рабами китайцевъ. Въ округѣ, кромѣ отдѣленій главныхъ товариществъ, оперируютъ также и пекинскіе торговцы и такъ называемые тоньшюр'ы; подъ этимъ названіемъ монголамъ извѣстенъ одинъ болотный куликъ, который вѣчно бѣгаетъ по болоту въ поискахъ за пиццей; вотъ этому-то кулику-тоньшюр'у и уподобляется, по представленію монголовъ, торговецъ-китаецъ, который постоянно рыщетъ по ихъ кочевьямъ въ цѣляхъ промѣна своихъ товаровъ на монгольскіе.

Ежегодный ввозъ товаровъ въ Кобдо всеми китайскими фирмами вмѣстѣ, приблизительно слѣдующій: кирпичнаго простого чая 10.000 ящичковъ, кирпичнаго лучшаго, такъ называемаго „чернаго чая“ и

¹⁾ Хурамыр'ами въ прежнее время называли такихъ торговцевъ, которые, появившись сюда съ товарами и распродавъ ихъ, уѣзжали во-свои съ тѣмъ, чтобы уже больше здѣсь не появляться. Нынѣ же хурамыр'ы ведутъ въ мѣстномъ округѣ дѣла изъ года въ годъ, сохранивъ за собою прежнее названіе.

²⁾ Вотъ цифровыя данныя скота, принадлежащаго фирмѣ Аршанъ: верблюдовъ 8.000 головъ, лошадей 7.000, рогатаго скота 16.000 и барановъ около 70.000 головъ; достаточно сказать, что ежегодный приплодъ отъ послѣднихъ, угоняемый въ Кукухото, равняется 5—10.000 головъ.

болѣе высокнхъ сортовъ (не пресованнаго) — 1.000 ящнковъ, всего на сумму 150.000 ланъ или 225.000 рублей, считая на наши деньги.

Ежегодный же вывозъ внутрь Китая:

Шкуръ разныхъ на сумму	35.000 ланъ.
Маральихъ роговъ или пантовъ	25.000 „
Ямбоваго серебра	35.000 „
Барановъ	170.000 головъ.
Лошадей	5.000 „
Верблюдовъ	3.500—4.000 „

Конечно приведенные здѣсь цифровыя данныя, доставленныя мнѣ бійскимъ купцомъ А. Г. Бодуновымъ, позаимствовавшимъ ихъ, въ свою очередь, отъ пріятелей китайцевъ, не могутъ претендовать на безусловную точность, но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ основаніе считать ихъ очень близкими къ истинѣ.

Въ городѣ китайцы взяли въ свои руки заводы водочный, искусный, нѣсколько мельницъ и ремесла: серебряника, красильщика, столяра, плотника, мѣховщика и другія.

Теперь нѣсколько словъ о русской торговлѣ. Русскіе купцы, какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ его, занимаются мѣнновой торговлей. Привозя въ Монголію серебро, желѣзо, юфть и въ небольшомъ количествѣ мелкія издѣлія, всего круглымъ счетомъ на сумму до милліона рублей, они получаютъ въ обмѣнъ на свои товары главнымъ образомъ шерсть—баранью и верблюжью—и шкурки сурка.

Ежегодно вывозится въ Россію нашими купцами:

Шерсти бараньей (промытой) 130.000 пудовъ, на сумму	910.000 руб.
„ верблюжьей 25.000 „ „ „	150.000 „
Шкурокъ свѣтлаго сурка . 1.500.000 штукъ „ „	450.000 „
„ темн. (бол. рѣдк.) . 300.000 „ „	120.000 „
Шкуръ дикнхъ звѣрей . . . 50.000 „ „	„
Чаю чернаго 150 ящнковъ „ „	„
„ фамильнаго 30 „ „	„

На основаніи дополнительныхъ свѣдѣній, доставленныхъ мнѣ обязательнымъ А. Г. Бодуновымъ въ началѣ нынѣшняго, 1903 года, видно, что русская торговля въ Монголіи за послѣдніе восемь лѣтъ далеко ушла впередъ; ея обороты увеличились почти въ десять разъ—съ 500.000 до 5.000.000 рублей въ годъ и вызвали у русскихъ купцовъ потребность организовать „Русско-Монгольское товарищество“ съ отдѣленіями въ городахъ Кобдо, Улясутаѣ и Ургѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ отпаднымъ явленіемъ наши купцы стали опасаться за возможность перехода непосредственныхъ дѣлъ съ монголами въ руки китайцевъ, долженствовавшихъ въ такомъ случаѣ играть роль выгодныхъ посредниковъ, конечно не въ пользу русскихъ.

Изъ общаго ввоза въ Монголію, на долю собственно-русскихъ издѣлій приходится лишь одна треть; остальное — серебро (деньги) и товары западно-европейскіе. Если бы наши соотечественники были смѣлѣе и предприимчивѣе и располагали бы болѣе солиднымъ капиталомъ, то они безъ особеннаго труда могли бы забрать въ свои руки всю торговлю Монголіи. Несомнѣнно, московскіе фабриканты не отказались бы выполнить большіе заказы Русско-Монгольскаго товарищества примѣнительно ко вкусу среднеазиатскихъ номадовъ.

Въ настоящемъ же положеніи успѣхъ русской торговли въ Монголіи сильно тормозится кромѣ того и отъ не вполне опредѣленныхъ отношеній русскихъ предпринимателей съ представителями Министерства Финансовъ, которые неохотно и страшно медлительно, обставляя сложными формальностями, освобождаютъ отъ акциза нѣкоторые изъ русскихъ товаровъ, ввозимыхъ въ Монголію. Отчасти въ силу этого обстоятельства въ Ургѣ, на примѣръ, германскій сахаръ продается гораздо дешевле, нежели нашъ русскій въ Бійскѣ, тогда какъ спросъ на этотъ продуктъ съ каждымъ годомъ замѣтно увеличивается.

Покончивъ съ вопросомъ о торговлѣ и торговой части города, остается упомянуть еще о тѣхъ двухъ кумирняхъ, которыя расположены въ южной части города. Въ этихъ кумирняхъ китайцы ставятъ на извѣстное время гробы съ своими умершими собратьями, обставляя однако перенесеніе покойниковъ изъ домовъ въ кумирни нѣкоторою торжественностью; обыкновенно такія процессіи съ покойниками устраиваются по ночамъ при большемъ или меньшемъ стеченіи народа, идущаго съ фонарями и факелами. Гробы устанавливаются въ рядъ подъ навѣсомъ, и болѣе состоятельные родственники умершихъ періодически отправляютъ ихъ на родину, чтобы надлежащимъ образомъ похоронить тамъ прахъ почившихъ; бѣдняки же, сжигая трупъ на мѣстѣ, ввозятъ только его пепель.

Вокругъ города разбросанно стоятъ юрты монголовъ бѣдняковъ, которые занимаются сборомъ топлива въ сосѣдней окрестности, а также промышляютъ и другими услугами у торговцевъ китайцевъ или русскихъ. Въ тѣхъ же юртахъ имѣютъ пристанище монгольскіе караваны; среди этого бѣднаго люда, встрѣчаются изрѣдка даже и тибетцы.

Земледѣліе у здѣшнихъ китайцевъ развито вблизи по долину Буянту, гдѣ обширныя поля засѣваются пшеницей, просомъ и ячменемъ. Обработкой полей заняты монголы, подъ призоромъ китайскихъ солдатъ. Въ наше здѣсь пребываніе наступилъ періодъ уборки хлѣбовъ, обещающій хорошій урожай. По полямъ, засѣяннымъ хлѣбомъ, держалось много пролетныхъ гусей и утокъ, которыхъ тщетно старались отгонять монгольскіе всадники. Вдали отъ этихъ полей, на амбаньскихъ пастбищахъ паслись наши караванныя животныя, успѣвшіе за двухнедѣльный срокъ отдохнуть и поправиться силами на преодоленіе тяжелаго пути въ Гобійской части Алтая. Препаратору Телешову, навѣщавшему верблюжье стойбище, удалось между прочимъ пополнить маммологическую коллекцію новымъ видомъ песчанки (*Gerbillus Koslovi* ¹⁾).

На четвертый день нашей стоянки въ Кобдо прибыли товарищи изъ своего интереснаго разѣзда, охватившаго маршрутомъ высокогорную часть Монгольскаго Алтая на протяженіи 550 верстъ. Имъ удалось познакомиться съ долиной рѣчки Цаганъ-голь, озерами верховья Кобдо и вообще прослѣдить верхне-горную или альпійскую зону бассейна рѣки этого названія. На всемъ пройденномъ пути поручикомъ Казнаковымъ произведена маршрутно-глазомѣрная съемка 10-ти верстнаго масштаба и, совмѣстно съ г. Ладыгинымъ, собраны цѣнные свѣдѣнія о флорѣ, фаунѣ и о жизни кочующихъ инородцевъ: калмыковъ-урянхайцевъ и блѣтовъ.

По пріѣздѣ товарищей, мы имѣли дружественное свиданіе съ мѣстными китайскими властями, благодаря заботамъ и распорядительности которыхъ былъ вполне обезпеченъ успѣхъ нашего дальнѣйшаго слѣдованія. Въ разговорахъ съ нами китайскіе чиновники жаловались намъ на скучную жизнь въ Кобдо и на суровую природу этой страны. Не только зимою, но даже и лѣтомъ, по словамъ китайцевъ, въ Кобдо бываетъ очень холодно; зимою, выпавшій снѣгъ, порою, не даетъ возможности цѣлыми недѣлями выходить изъ дома. У нашихъ же бійскихъ уроженцевъ сужденія о мѣстномъ климатѣ совершенно противоположныя. Впрочемъ, на зиму, сами купцы уѣзжаютъ изъ Кобдо, оставляя вмѣсто себя прикащиковъ.

Много пришлось потратить денегъ, здѣсь въ Кобдо, на заготовку полугодоваго продовольствія, а также и на другіе предметы снаряженія.

¹⁾ К. А. Satunin. Neue Nagetiere aus Centralasien. Оттискъ изъ Ежегодника Зоологическаго Музея Императорской Академіи Наукъ, т. VII. 1902. Стр. 7-8.

Благодаря русскимъ купцамъ, въ особенности А. Г. Бодунову и отсутствовавшему Н. И. Ассанову, всѣ вопросы были разрѣшены скоро и удовлетворительно. Черезъ посредство русскихъ же представителей удалось приобрести между прочимъ три шкуры, давно интересовавшаго меня Алтайскаго или точнѣе Урунгу'скаго бобра, и отправить отсюда въ Петербургъ собранныя по Алтаю зоологическія и ботаническія коллекціи, въ числѣ 15-ти ящичковъ или посылокъ. Подобная своевременная высылка коллекцій дала возможность съ одной стороны заранѣе разобрать и опредѣлить научный матеріалъ, собранный въ западной части Монгольскаго Алтая, съ другой — избавила насъ отъ излишняго груза на все время предстоявшаго пути.

Здѣсь же въ Кобдо въ личный составъ экспедиціи вошелъ уроженецъ Бійскаго округа, 16-ти лѣтній юноша Яковъ Афутинъ, который, служа въ лавкѣ г. Бодунова съ 12-ти лѣтняго возраста, выучился хорошо говорить по-монгольски. Почти ежедневно, являясь по разнымъ порученіямъ въ нашъ лагерь, Афутинъ не могъ, по его признанію, равнодушно смотрѣть на веселыхъ, здоровыхъ гренадеръ и казаковъ, не скрывавшихъ своего удовольствія по поводу предстоявшаго имъ продолжительнаго странствованія. Каждый разъ ему хотѣлось предложить свои услуги раздѣлить съ экспедиціей трудности и лишения далекаго и неизвѣстнаго пути, но каждый разъ что-то удерживало его. Только совсѣмъ незадолго до выступленія экспедиціи, смущенный и сконфуженный явился, наконецъ, ко мнѣ этотъ юноша съ просьбою взять его въ путешествіе. Судьба ему благоволила.

Итакъ, слѣдовательно, персоналъ экспедиціи состоялъ теперь изъ девятнадцати человѣкъ.

ГЛАВА II.

Въ области Монгольскаго Алтая.

Общая характеристика Монгольскаго Алтая и планъ работъ экспедиціи въ этихъ горахъ. Озеро Хара-усу; баснословное обиліе птицъ. Поѣздка В. Ѳ. Ладыгина. Путь черезъ Борджонъ къ Хулму-нор'у. Мѣстные кочевники. Бивуакъ экспедиціи въ долину означеннаго озера. Возвращеніе В. Ѳ. Ладыгина; свѣдѣнія о рѣчномъ бобрѣ. Отъѣздъ А. Н. Казнакова. Дальнѣйшій путь экспедиціи черезъ Тонкиль-норъ, Шаргинъ - цаганъ - нор'скую долину и озеро Бегеръ-норъ; попутные монголы и ихъ монастыри. Осенній пролетъ птицъ.

Монгольскій Алтай тянется отъ сѣверо-запада къ юго-востоку на протяженіи двухъ тысячъ верстъ, или, другими словами, отъ русско-китайской границы къ знаменитой рѣкѣ Хуанъ-хэ, гдѣ послѣдняя образуетъ характерную излучину къ сѣверу. Меридіанъ города Кобдо дѣлитъ Алтай на двѣ неравныя, но характерныя части: западную короткую, широко-раскинувшуюся и богатую снѣговыми, блестящими на солнцѣ вершинами, привольными пастбищами, достаточно орошенную и выдѣляющую по сторонамъ бассейны — Кобдо на сѣверѣ и Урунгу съ Чернымъ Иртышемъ на югѣ. Восточная же — въ три раза большая по протяженію, только въ мѣстахъ характерныхъ массивовъ, залегающихъ въ передовой цѣпи, переходитъ (вершины Батыръ-хайрханъ и Мунку-цасат-богдо), или только касается (вершины Ихэ-богдо и Бага-богдо) линіи вѣчнаго снѣга. Вотъ почему эта гобійская часть Алтая, уже и безъ того страдающая отъ крайней сухости прилежащей пустыни, бѣдна орошеніемъ и не даетъ сравнительнаго приволья номаду. Цѣпь озеръ, немного оживляющая сѣверную окраину, подерживается исключительно сосѣднимъ хребтомъ Хангаемъ, да и эти ~~усыхающіе~~ водоемы по большей части блестятъ лишь издали

обманчивымъ солончакомъ. Наибольшимъ углубленіямъ долинъ нерѣдко соотвѣтствуютъ и наивышія вершины въ прилежащихъ горахъ. По мѣрѣ своего удаленія на юго-востокъ, описываемая часть горъ расчленяется, суживается и, значительно понижаясь, прерывается. Широкія долины между главными цѣпями горъ заполнены второстепенными ихъ отрогами или отдѣльными грядами холмовъ. Водоносный горизонтъ, судя по измѣренію большинства попутныхъ колодцевъ, проходитъ на глубинѣ 4—7 и рѣдко 10 футовъ. На всемъ протяженіи горъ сохраняется общая профиль — къ сѣверу круче и короче, и на оборотъ къ югу положе и длиннѣе. Въ западной части хребта ютятся главнымъ образомъ киргизы или калмыки-уряиха'йцы, въ восточной — исключительно монголы, называющіе Гобійскій Алтай, его главный массивъ, — Алтаинъ-нуру.

Въ области Монгольскаго Алтая экспедиція пробыла около трехъ мѣсяцевъ, слѣдуя своимъ главнымъ караваномъ вдоль его сѣвернаго подножья, во то время какъ у южной окраины горъ располагались маршруты моихъ сотрудниковъ А. Н. Казнакова и В. Θ. Ладыгина. Исключительно благодаря хорошимъ отношеніямъ къ экспедиціи китайцевъ и монголовъ, я могъ здѣсь свободно дробить отрядъ, выдѣляя изъ главныхъ силъ легкіе разѣзды, которые періодически, въ условныхъ мѣстахъ, примыкали снова ко мнѣ. Подобные пункты — Хулму-норъ, Далынъ-туру, Чацерингъ-худукъ, Цзурахай-дацанъ — опредѣлены астрономически, чтобы точнѣе установить общую сѣть съемочныхъ работъ. Съ другой же стороны, на главномъ бивуакѣ мои товарищи пополняли запасы матеріальныхъ средствъ, продовольствія и всего необходимаго въ дорогѣ путешественнику-изслѣдователю. Перевозочными средствами въ разѣздахъ служили лошади и верблюды, нанятые у туземцевъ; помимо своего человека изъ конвоя, моихъ сотоварищей сопровождали мѣстные монголы во главѣ съ чиновниками. Съ наступленіемъ сравнительно раннихъ холодовъ въ Алтаѣ, монголы предупредительно выставляли юрты на пути слѣдованія отрядовъ, запасали топливо, а по ночамъ пасли нашихъ лошадей, отпускаемыхъ свободными. Въ проводникахъ мы никогда не чувствовали недостатка; въ охотникахъ-монголахъ, знакомыхъ съ мѣстнымъ животнымъ міромъ, также. Благодаря такой системѣ путешествія достигается не линейное, а скорѣе площадное изслѣдованіе страны. Одновременно охватывается болѣе широкій районъ, полнѣе идетъ сборъ коллекцій и получается большее знакомство съ физическими явленіями природы, а также и съ самимъ обитателемъ страны — человекомъ.

Разсказъ о самомъ путешествіи въ области Монгольскаго Алтая и представляется ниже.

Въ послѣдней трети августа, по сдачѣ китайцамъ пакета съ письмами, и г. Бодунову пятнадцати казенныхъ посылокъ съ коллекціями, предназначенныхъ къ отправленію въ Петербургъ, экспедиція оставила городъ Кобдо. Караванъ, тяжело нагруженный главнымъ образомъ продовольствіемъ ¹⁾, которымъ здѣсь пришлось записаться на предстоявшее полугодіе, до вступленія въ собственный Китай, своимъ обычнымъ порядкомъ построения направился въ путь, держа курсъ на юго-востокъ. Обогнувъ городъ съ восточной стороны, гдѣ по дорогѣ валялась масса костей монголовъ, трупы которыхъ при погребеніи не зарываютъ въ землю, мы вступили на большую дорогу, пересекающую долину Буянтѹ и успѣшнѣе послѣдовали впередъ. Солнце, несмотря на то что перевалило далеко за полдень, жгло насъ немилосердно. Только поднявшись на высоты первыхъ ступеней Алтая, сложенныхъ изъ розоваго гранита, сланца, жильнаго кварца и аплита, откуда былъ брошенъ послѣдній взглядъ на Кобдо, мы вздохнули свободнѣе и, радостно поглядывая на приближающіяся горы, скоро достигли мѣста ночлега въ пустынѣ.

На другой день, раннимъ утромъ, съ возвышенности окраинной гряды мы увидѣли по направленію къ сѣверо-востоку широко растилавшуюся водную гладь озера Хара-усу. Поверхность его, блестящая подъ утренними лучами солнца, скрывалась за горизонтъ. Южная же, ближайшая окраина озера, заросшая камышемъ, пріятно гармонировала со множествомъ большихъ и малыхъ водныхъ площадокъ, серебристо сверкавшихъ на фонѣ общей пожелтѣвшей зелени. Въ созерцаніи водъ и открывавшихся за ними снѣговыхъ пятенъ Цзунъхайрханъ, мы незамѣтно приблизились къ самому озеру, на юго-западной окраинѣ котораго и разбили бивуакъ.

Озеро Хара-усу, что значитъ „черная вода“, представляетъ собою неправильную, вытянутую отъ сѣвера къ югу фигуру, простирающуюся въ окружности до 160 верстъ; питается оно главнымъ образомъ водами рѣки Кобдо и рѣчками Буянтѹ и Хара-усу или Цинхиръ. По словамъ мѣстныхъ монголовъ, наибольшая глубина озера приходится по срединѣ, между устьемъ Кобдо и восточнымъ каменистымъ берегомъ, а наименьшая въ южномъ заливѣ озера, поросшемъ камышами. Немного сѣвернѣе камышей мои сотрудники проѣхали въ лодкѣ на протяженіи 8-ми верстъ отъ западнаго берега къ восточному,

¹⁾ „Даамбой“—мукой изъ поджаренныхъ зеренъ ячменя или пшеницы.

до одного небольшого островка; на означенномъ разстояніи максимальная глубина не превышала 5—6 футовъ. Въ этой части озера, дно было песчано-иллистое, а вода имѣла сѣроватую окраску. Этотъ прѣсноводный бассейнъ замерзаетъ въ ноябрѣ, а въ февралѣ уже освобождается отъ ледянаго покрова.

Придя на описываемое озеро, мы всѣ были поражены обиліемъ пернатыхъ; дѣйствительно, плавающихъ и голенастыхъ птицъ было такое множество, какое мнѣ приходилось наблюдать только въ весенній и осенній періоды, на пролетахъ, на озерѣ Лобъ-норъ, да и общая картина той части Хара-усу, гдѣ мы стояли, совершенно напоминала собою княжество Кунчиканъ-бега, не доставало лишь камышевыхъ жилищъ (сатмъ), войлочные же (юрты), по словамъ монголовъ, на одномъ изъ острововъ южнаго залива озера имѣются круглый годъ. Да, здѣсь пернатый міръ пользуется полнѣйшимъ спокойствіемъ. Глазамъ не вѣрилось, что по сосѣдству съ нами, въ ста шагахъ беззаботно лежатъ, стоятъ, плаваютъ, рѣзвятся, перелетая съ мѣста на мѣсто, безчисленные стада гусей, утокъ, лебедей, пеликановъ, баклановъ, бѣлыхъ и сѣрыхъ цапель, чаекъ, крачекъ, различныхъ куликовъ и многихъ другихъ. Всадниковъ-монголовъ, рыскающихъ по берегамъ озера въ наблюденіи за своими пасущимися стадами, птицы словно не замѣчаютъ, а подлѣ ихъ жилищъ гуси и утки, выйдя свободно на берегъ, отдаются сну подобно домашнимъ. Особенно удивлялись подобной картинѣ мои юные спутники, замѣчающіе всегда въ такихъ случаяхъ: „вѣдь дома ни за-что не повѣрятъ, если рассказать про такое богатство дикихъ тварей!“—Долгое время намъ не хотѣлось безпокоить пернатыхъ обитателей,—такъ было пріятно ихъ близкое сосѣдство и довѣріе. Но вотъ установили бивуакъ, напились чаю, собрали брезентно-пробковую лодку на общее дѣтское удивленіе монголовъ, и я, а также препараторъ, двумя партіями, отправились поохотиться. Уже при одномъ видѣ шлюпки, спущенной на воду, птицы больше поняли смыслъ ея нежели монголы: тотчасъ стали настораживаться, перемѣщаться, скучиваться вдаль, словомъ исчезла прежняя беззаботность. И лишь только грянулъ первый выстрѣлъ, какъ все ближайшее пернатое населеніе съ шумомъ, гамомъ разлетѣлось по сторонамъ; всюду — и высоко, и низко, и вдаль, и вблизи, носились птицы, только гагары да лысухи, державшіяся сосѣдства камышевыхъ зарослей, незамѣтно скрылись въ ихъ чащѣ.

Тихо скользя по водной поверхности, я съ казакомъ Жаркимъ обошелъ въ лодкѣ, порядочное пространство; выходя на открытыя

площади, мы держались у края камышевых зарослей и зорко наблюдали за палетавшими на нас на разстояніе выстрѣла интересными для коллекціи птицами. Беззаботно пролетали то одиночки, то большія или меньшія стайки, слѣдовавшія со стороны высоких камышей. Раздавшійся выстрѣлъ разрознить компанію, или заставить упасть одиночку; подымутся съ сосѣднихъ мѣстъ другія птицы, которыя иногда также подвернутся подъ выстрѣлъ; затѣмъ на нѣсколько минутъ настанетъ тишина и спокойствіе; птицы, не замѣчая нашей засады, проплываютъ свободно, какъ свободно и перелетаютъ и усаживаются подлѣ шлюпки; изъ чащи камышей показываются въ узкихъ проливчикахъ лѣбнивцы летать... Глухой гулъ отдаленнаго выстрѣла заставитъ немного насторожиться нѣкоторыхъ птицъ, другихъ же даже перемѣститься не далеко. Вотъ плавно несется бѣлая цапля характерно вытянувъ ноги и S-образно согнувъ свою длинную шею, тамъ стройной линіей тянутъ бакланы, на югѣ, надъ серединой камышей, спускается огромное стадо гусей, а по направленію къ намъ, тяжелыми взмахами бѣлорозовыхъ крыльевъ, летитъ огромный пеликанъ. Цѣлншесь въ раздумьи: стрѣлять или не стрѣлять—такъ какъ до птицы все еще далеко, да она и крѣпка на рану, по ней уже сдѣлано раньше нѣсколько неудачныхъ выстрѣловъ. Однако охотничья страсть пересиливаетъ: спускаешь курокъ, и о радость!—баба-птица грузно падаетъ на воду; неуклюже съ перебитымъ крыломъ она старается уплыть, но напрасно; наша шлюпка успѣшнѣе скользитъ по водѣ и мы вскорѣ подхватываемъ свою добычу. Къ вечеру и я, и препараторъ возвратились на бивуакъ съ порядочнымъ количествомъ убитыхъ птицъ. Сосѣдняя часть озера скоро успокоилась, опять птицы покрыли собою лучшія мѣста. Ихъ всевозможные голоса не смолкали въ продолженіе всей ночи, а по временамъ, надъ нашимъ бивуакомъ раздавался особенно-свистящій звукъ отъ рассканія воздуха крыльями тѣхъ же пернатыхъ.

На слѣдующій день мои ближайшіе сотрудники отправились на той же шлюпкѣ въ открытыя воды Хара-усу и занялись тамъ измѣреніемъ глубины воднаго слоя и его температуры и сборомъ планктона. На своемъ пути товарищи всюду замѣчали прежнее обиліе птицъ, въ особенности же на широкой водной глади озера, гдѣ держалось много лебедей и кудрявыхъ пеликановъ, бѣлоснѣжныя фигуры которыхъ, въ вибраціи миража, казались лодками съ изящными парусами.

Берега озера Хара-усу изобилуютъ травянистыми зарослями, по которымъ пасутся стада монгольскаго скота, а также и стада богдохан-

скихъ верблюдовъ; за послѣдними присматриваютъ спеціальныя пастухи во-главѣ съ чиновникомъ монголомъ. При устьѣ рѣчки Буянтү имѣются кромѣ того значительныя пашни, принадлежащія начальнику Кобдо'скаго округа, почему и называются „амбаньскими“. Среди обширныхъ камышей южнаго залива озера проживаютъ зимою многіе монголы; на одномъ же изъ острововъ, какъ то уже было замѣчено выше, круглый годъ ютятся двѣ-три юрты этихъ кочевниковъ. По словамъ монголовъ, зимою среди камышей несравненно теплѣе, нежели въ степи или въ горахъ. Большая караванная дорога изъ Кобдо проходитъ также по южной окраинѣ озера, гдѣ путники-монголы живутъ, перѣдко, подолгу съ цѣлью откормить своихъ изнуренныхъ далекимъ путемъ верблюдовъ.

Познакомившись съ озеромъ и пополнивъ нашу зоологическую коллекцію, мы, 29-го августа, отправились въ дальнѣйшій путь. Вскорѣ вступили на большую дорогу, которая протекаетъ по широкой долинѣ Дзерге, изобилующей древесной (береза), кустарной и камышевой зарослями, а въ южной, болѣе высокой части и хорошими луговыми пастбищами, гдѣ бродили табуны лошадей. Въ вечерней и ночной тиши часто слышался вой волковъ, находящихъ себѣ отличный пріютъ въ болотистыхъ дебряхъ.

Какъ здѣсь, такъ еще болѣе на берегахъ оставленнаго позади озера, меня занимали слѣды древняго сооруженія—рва или арыка, уходящаго далеко, вдоль западной окраины Хара-усу, по направленію къ пашнямъ. Сопровождавшіе насъ монголы, равно какъ и мѣстный кочевникъ лама, повѣдали намъ по этому поводу слѣдующую легенду. Въ былыя времена здѣсь жилъ нѣкій Сартахъ-Сайнъ — нынѣ святой — по преданію, выдавшій свою красавицу дочь за манчжурскаго хана. Этотъ послѣдній, въ отвѣтъ на вопросъ о приданомъ за женой, получилъ отъ своего трудолюбиваго тестя серебристо-прозрачный источникъ Алтая, катившій свою чудную воду по этому арыку до дворца повелителя Китая. Спустя нѣсколько лѣтъ по смерти Сартахъ-Сайна, охотники, бродившіе въ горахъ Цзунъ-хайрханъ, у одной изъ его вершинъ, неожиданно наткнулись на выдающуюся изъ земли часть желѣзной лопаты, которая поражала своими гигантскими размѣрами. Это колоссальное орудіе принадлежало богатырю Сартахъ-Сайн'у, соорудителю углубленнаго до сихъ поръ углубленія. Лама-повѣствователь закончилъ свой рассказъ замѣчаніемъ, что многіе монголы и теперь еще продолжаютъ съ молитвой разыскивать таинственную лопату, чтобы хоть взглянуть на орудіе великаго святого.

На слѣдующемъ переходѣ экспедиція оставила большую Кукухото'скую дорогу и, взявъ направленіе на юго-востокъ, начала подниматься по покатости, чтобы вступить въ горную область Алтая. У каменистой дороги мѣстами виднѣлись монгольскіе дзерены, а изъ птицъ замѣчена только пара дрофѣ-стрепетовъ; впрочемъ, вдали по сторонамъ, отъ времени до времени быстро проносились стада большуруковъ. Въ полдень мы достигли долины рѣчки Тугюрюккъ и расположились бивуакомъ по сосѣдству съ кумирней того же названія. Небольшая, кристаллически прозрачная рѣченка, въ которой мы поймали по нѣсколько штукъ харіусовъ и гольцовъ (*Nemachilus microphthalmus*), шумно струила свои воды по каменному ложу. На ея береговой террасѣ валялись обломки туфа кварцеваго порфира, а сосѣдняя горная гряда слагалась изъ зелено-сѣраго біотитоваго гнейса.

Здѣсь, вблизи могучаго Алтая, въ виду его снѣговыхъ вершинъ, мнѣ не хотѣлось оставить не посѣщенной той его части, которая даетъ начало большой рѣкѣ Урунгү-Булугунъ, и не познакомиться съ родиною Алтайскаго бобра, шкуры котораго уже были пріобрѣтены въ Кобдо. Включая въ программу поѣздки и обследованіе южной окраины горъ до озера Хулму-норъ, лежавшаго на пути слѣдованія главнаго каравана, я тѣмъ охотнѣе заявилъ объ этомъ своимъ товарищамъ, что хорошо зналъ ихъ полную готовность служить расширенію дѣятельности экспедиціи. В. Ѳ. Ладыгинъ, получившій командировку, тотчасъ принялся за переговоры съ мѣстными властями и сопровождавшими насъ чиновниками, а затѣмъ и за самыя приготовленія къ поѣздкѣ. Старѣйшіе ламы монастыря Тугюрюгинъ-куре, во главѣ съ своимъ Да-ламой¹⁾, пришедшіе въ нашъ лагерь привѣтствовать экспедицію, охотно помогли болѣе успѣшному осуществленію предпріятія.

Означенная кумирня принадлежитъ монголамъ-цахоchin'амъ; въ наше тамъ пребываніе всѣхъ ламъ въ монастырѣ насчитывалось до ста человекъ, тогда какъ лѣтомъ, въ особенности же въ дни великихъ хураловъ, ихъ собирается раза въ четыре больше.

Наканунѣ подошедшаго сентября и главный караванъ экспедиціи и ея легкій разъѣздъ одновременно выступили отъ кумирни Тугюрюгинъ-куре; первый направился къ юго-востоку, второй къ юго-западу. За нашимъ караваномъ неотступно слѣдовали коршуны и во-

¹⁾ О Да-лама'хъ см. Позднѣвъ, А. М. „Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи“. СПб. 1887. (Записки И. Р. Г. О. по отдѣленію этнографіи, т. XVI).

роны — эти маленькіе санитары Центральной Азіи, у которыхъ иногда положительно передъ носомъ уносили добычу крупные хищники — ягнятники и грифы, дозоромъ пролетавшіе по сосѣдней бивуаку окрестности.

Теперь, когда мы вступили въ между-горную долину, образуемую главнымъ и второстепеннымъ хребтами Алтая и съ каждымъ часомъ поднимались все выше и выше, недавнее тепло насъ скоро оставило. Днемъ стали донимать рѣзкіе вѣтры, ночью — низкая температура. Животныя же, на оборотъ, больше благодустествовали, такъ какъ исчезли ихъ кровопійцы комары и мошки. Туземцевъ со стадами скота здѣсь было повсюду достаточно, и ближайшія къ источникамъ пастбища, уже вытравленные, отличались поѣтому унылымъ видомъ. Для пастбы многочисленныхъ стадъ пастухи удалялись на день въ безводныя окрестности, гдѣ произросталъ хорошій кормъ, къ вечеру лишь возвращаясь на источникъ, куда животныя всегда стремительно бѣжали для утоленія жажды.

Слѣдуя пересѣченной мѣстностью — плоскогорьемъ, мы по временамъ видѣли обѣ цѣпи Алтая во всей красѣ. Южная имѣетъ болѣе однообразный характеръ, нежели сѣверная, показывающая то одну, то другую изъ своихъ снѣговыхъ вершинъ. Ближайшая гора Батыръ-хайрханъ менѣе величественна, нежели лежащая восточнѣе Мунку-цасатъ-богдо, поражающая своимъ поднятіемъ и блескомъ снѣговъ. Между указанныхъ горъ пониженные отроги образуютъ очень доступную сѣдловину, черезъ которую вьется тропа отъ прохода въ Алтайнъ-нуру, мимо Цицикъ-нор'а въ долину Цзерге. На нашемъ же пути, среди главныхъ цѣпей Алтая, приходилось часто пересѣкать сѣверные отроги южныхъ горъ, которые въ прорывѣ рѣчки Бото-гѡнь-голь обнаруживаютъ сѣро-зеленый глинисто-кварцевый сланецъ, а по нѣкоторымъ логамъ и горнымъ скатамъ различныхъ видовъ тоналитъ и гранито-гнейсъ; на главныхъ же сѣдловинахъ у подножья гребня Алтайнъ-нуру поверхностный слой почвы состоитъ изъ щебня кварца, гранита, гнейса, порфированаго туфа — обломковъ породъ, характеризующихъ основу горъ. Южная цѣпь горъ или хребетъ Алтайнъ-нуру продолжаетъ хранить, какъ и на меридианѣ Кобдо, видъ грандіознаго, массивнаго, хотя немного и пониженнаго, а потому и лишеннаго вѣчнаго снѣга, вала, по многимъ бѣднымъ водою русламъ рѣчекъ котораго ведутъ дороги на перевалы, отмѣченные на приложенныхъ картахъ названіями.

Упомянутое озеро Цицикъ-норъ, лежащее немного южнѣе нашего

пути, представляет замкнутый, соленый, непривлекательный водоемъ, плоскіе и топкіе берега котораго затрудняютъ производство какихъ бы то ни было по немъ экскурсій. Мѣстные монголы въ извѣстное время года съ успѣхомъ добываютъ изъ озера поваренную соль. Питается это озеро рѣчкой Борджонъ, берущей начало въ двухъ сосѣднихъ ущельяхъ изъ озеровидныхъ бассейновъ въ горахъ Алтайнъ-нуру.

Долина рѣчки Борджонъ довольно привѣтлива: её сопровождаютъ болѣе или менѣе густыя заросли караганы, хармыка и другихъ кустарниковъ, между которыми часто открываются луговья площадки. Прозрачная вода рѣчки звонко струится по галечному ложу, мѣстами дробящемуся на много рукавовъ. Изъ сосѣдней равнины прибѣгали на водопой дзерены, за которыми, скрываясь въ береговыхъ заросляхъ, охотились и наши казаки, но къ сожалѣнію безуспѣшно, такъ какъ обстрѣленные монголами звѣри, въ особенности во время посѣщенія источниковъ, держатъ себя крайне осторожно. Къ югу, въ горахъ, держатся аргали, горные козлы, а по между-горнымъ долинамъ, при источникахъ окаймленныхъ зеленью, — суслики, пищухи и зайцы. Изъ птицъ въ окрестности нашего бивуака замѣчены были: кулики-улиты и кулики-песочники, горихвостки, нѣсколько пролетныхъ стаякъ бѣлыхъ и желтыхъ плиснцъ и одинокій чекканъ, перемѣщавшійся съ одной вершинки хармыка на другую; въ мѣстахъ тихаго теченія рѣчки плавали утки и турпаны, а на утесахъ кое-гдѣ сидѣли орланы-бѣлохвосты.

Въ верховьи Борджон'а въ послѣднее время открылся свинцовый, а не серебряный, какъ ошибочно было сказано въ предварительномъ отчетѣ, приискъ, эксплуатируемый подъ наблюдениемъ монгола-чиновника. Рудокопы, китайцы и монголы, числомъ до 50-ти человекъ, разрабатываютъ невысокія обнаженія хлоритово-кварцеваго сланца (съ дендритами); въ глубокихъ шахтахъ добываютъ свинцовый блескъ съ охрой небольшими кусками. Работа производится круглый годъ, по истеченіи котораго добытая руда, до 500 вьюковъ, препровождается въ Урумчи, гдѣ, по очисткѣ на заводѣ, поступаетъ въ распоряженіе мѣстнаго китайскаго губернатора въ видѣ чистаго металла.

По распоряженію управителя одного изъ хошуновъ Цзасактү-хан'скаго аймака—Юмдунъ-цзасак'а, мы были встрѣчены въ долинѣ Борджон'а монголами-халха, такъ какъ здѣсь начинаются ихъ владѣнія и въ тоже время проходитъ восточная граница монголовъ-цзахацн'овъ. Послѣдніе имѣютъ свои кочевья по обоимъ склонамъ Алтайнъ-нуру, отъ урочища Баянъ-булыкъ или долины Цзерге, на сѣверѣ, до

горь Байтыкъ-богдо на югѣ; на западѣ же ихъ владѣнія граничатъ съ торгоутами, съ которыми они имѣютъ, повидимому, и общее нарѣчіе. Обитатели хошуна Цзахочинъ-дагинъ, ютящиеся по сѣверному склону горь и прилежащей долици, имѣютъ у себя начальникомъ настоятеля своей кумирни — Да-ламу, который по рангу въ свѣтскомъ отношеніи сравнивается съ цзаса'комъ; въ помощь ему, какъ начальнику хошуна, приданъ штатъ чиновниковъ: два цзалан'а, четыре цзангин'а и столько же хундэ.

Монголы-цзахочин'ы, по представленію халха'сцевъ, „простые люди“; ихъ до-нельзя скромная и грязная обстановка поражала даже нашихъ забайкальцевъ-бурятовъ, несмотря на то, что цзахочин'ы живутъ далеко не бѣдно. По отзыву тѣхъ же халхасцевъ и монголовъ сосѣднихъ хошуновъ, цзахочин'амъ присущи хитрость и даже лукавство, хотя по первому впечатлѣнію, они скорѣе походятъ на добродушныхъ простаковъ. Они занимаются главнымъ образомъ скотоводствомъ, разводя барановъ, козъ, лошадей, немного сарлоковъ или домашнихъ яковъ и очень ограниченное количество верблюдовъ. Повинность или служба, налагаемая на описываемый хошунъ китайцами, сравнительно не тяжела; цзахочин'ы обязаны содержать на своей землѣ пять уртэн'овъ (станцій) съ должнымъ числомъ лошадей и ямщиковъ. Обыкновенно при станціи проживаетъ состоятельная семья въ 4—5 человекъ, глава которой въ тоже время и отвѣтственный начальникъ уртэн'а, отличаемый чиновничьимъ на шляпѣ шарикомъ, соотвѣтствующимъ званію цзанги.

Помимо скотоводства цзахочин'ы занимаются охотою, преимущественно на сурка, котораго ежегодно добываютъ около 40.000 экземпляровъ. Въ извѣстное время и старъ и малъ, какъ говорится, всѣ заняты добываніемъ этого звѣрька: одни стрѣляютъ его изъ ружей, другіе подкарауливаютъ у норъ и травятъ собаками, третьи, проводя канавки съ водою къ жилищамъ сурковъ, заставляютъ ихъ выходить изъ своихъ норъ. При нашемъ слѣдованіи черезъ районъ этихъ кочевниковъ мы всюду видѣли подобное энергичное истребленіе сурковъ монголами, дѣлавшими запасъ мяса этого звѣрька на зиму и собиравшими шкурки для продажи русскимъ и китайскимъ торговцамъ. Эти торговцы живутъ здѣсь съ монголами, ведутъ съ ними кочевую жизнь и уѣзжаютъ лишь на короткое время для того, чтобы сдать въ Кобдо прибрѣтенное у цзахочин'овъ сырьё и возобновить запасы товаровъ. Тутъ на мѣстѣ подтвердилось мнѣ показаніе русскихъ торговцевъ о замѣченномъ ими уменьшеніи сурка въ Кобдо'скомъ округѣ и

о томъ, что перестали попадаться старые экземпляры съ болѣе пушистымъ мѣхомъ. Тоже явленіе наблюдали и мои товарищи во время своихъ отдѣльныхъ поѣздокъ по Алтаю.

Въ день нашего прихода въ долину Борджон'а въ лагерь экспедиціи явились, послѣдніе на нашемъ пути, русскіе торговцы, братья Осокины, съ предложеніемъ услугъ экспедиціи. Ихъ любезностью я воспользовался для сдачи для Зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ двухъ казенныхъ посылокъ, которыя Осокины обязательно доставили по-путно въ Кобдо, для присоединенія къ общему транспорту, хранившемуся у г. Бодунова впредь до отправленія его въ городъ Бііскъ.

Въ 10-ти верстахъ къ востоку отъ рѣчки Борджонъ, среди первыхъ отпрысковъ горъ, на ровной песчаной мѣстности былъ нами найденъ черепъ человѣка и взятъ въ коллекцію. По словамъ монголовъ, эта антропологическая находка олицетворяетъ собою хамійскаго чантү, вздившаго съ китайцемъ-торговцемъ въ качествѣ слуги п умершаго въ дорогѣ. Китаецъ бросилъ трупъ своего спутника въ сторону, совершивъ этимъ какъ бы всѣ церемоніи погребенія. Суевѣрные монголы наполнили свое воображеніе различными ужасами, будто бы причиняемыми присутствіемъ останковъ исповѣдника Ислама всѣмъ залоздавшимъ путникамъ, слѣдовавшимъ въ этой мѣстности. Какъ бы недовольный на всѣхъ окружающихъ, духъ покойнаго чантү по ночамъ являлся гарцующимъ на лошади, или возжигалъ свѣтильникъ, звонилъ въ колокола, производилъ громъ и проч.; короче, районъ, занимаемый духомъ покойнаго, въ видѣ остававшагося черепа, не мало смущалъ и страшилъ монголовъ, которые выразили большую благодарность русскимъ, безбоязненно поднявшимъ голову „несчастливаго“ и удалившимъ такимъ образомъ несчастье отъ нихъ.

Въ четыре послѣдующихъ перехода экспедиція достигла высокой долины озера Хулму-норъ. Пройденный путь характеризуется еще болѣе высокимъ поднятіемъ второстепенныхъ горъ или отроговъ, уходящихъ отъ главнаго хребта къ востоку. Высшая точка перевала—Хонгөръ-обонинъ-дабанъ, лежащая вблизи и немного ниже сѣдловинъ гребня Алтайнъ-нуру, доходитъ до 8.810 футовъ надъ уровнемъ моря. Какъ на этомъ удобномъ для движенія каравановъ перевалѣ, такъ и въ теченіе всего дня 8-го сентября, насъ ужасно донималъ снѣжный штормъ, отразившійся на насъ тѣмъ чувствительнѣе, что мы не ожидали подобнаго сюрприза, а потому ѣхали въ легкихъ тужуркахъ или курткахъ. Особенно памятно время когда я и А. Н. Казна-

ковъ производили опредѣленіе высоты перевала помощью гипсотермометра. Монголы разгребли сугробъ снѣга, утоптали мѣсто и, окруживъ товарища своими широкими фигурами, ослабили дѣйствіе на него вѣтра, чѣмъ дали возможность поджечь спиртъ и произвести кипѣніе воды въ приборѣ; температура воздуха была въ то же время— $80,5^{\circ}$ ¹⁾). Даже такіе крупные и сильные звѣри, какъ аргали, и тѣ большими стадами перебрались на сѣверный склонъ, спасаясь отъ юго-западнаго шторма; при внимательномъ осмотрѣ мѣстности въ бинокль обнаружилось, что въ сосѣднемъ къ югу ущельѣ, въ укромномъ мѣстѣ, собралось такое обиліе каменныхъ барановъ, что мы вначалѣ принимали ихъ за стада домашнихъ барановъ.

Съ перевала, къ юго-востоку открылась широкая долина, заключающая въ себѣ воды Хулму-нор'а, поверхность котораго въ другое время отлично бываетъ видна отсюда; теперь же проводники могли указать только направленіе въ какомъ лежало озеро. Захвативъ образчики выходовъ порфироваго туфа, еще обильнѣе залегающаго по восточному склону этихъ же горъ, мы спустились на рѣчку Могойнъ-голь, бѣжавшую по каменистому дну отъ сосѣднихъ вершинъ Алтайнъ-нуру въ озеро Хулму-норъ. Бока этой рѣчки, въ мѣстѣ нашего вступленія на нее, обставлены оригинальными скалами той же, повидимому, породы и розоваго гранита, сложеннаго изъ матрасовъ, лежавшихъ въ разныхъ направленіяхъ; у подножіи скалы встрѣчались округленныя вывѣтриваніемъ глыбы, объемомъ до трехъ куб. сажень, съ нишами нерѣдко причудливыхъ очертаній и значительной емкости. Къ западу же отъ перевала, на пути пройденномъ нами отъ долины Борджон'а, обнажались гранитъ и порфириты; послѣдніе нерѣдко залежали поперекъ дороги и давали возможность видѣть ихъ оригинальную спайку; у подножіи отроговъ по-прежнему обнаруживался кварцевый сланецъ.

Переночевавъ по сосѣдству съ небольшою, но очень приличною по внѣшности кумирней, Цзасыгънъ-куре, расположенной на первомъ возвышеніи берега, мы ходко направились къ давно желанному озеру. Какъ и всегда въ Центральной Азіи, вслѣдъ за бураномъ настаетъ пріятное затишье; такъ случилось и теперь. Несмотря на порядочный морозъ— $12,0^{\circ}$, на зарѣ, чуть только показалось солнце, температура стала быстро повышаться, снѣгъ началъ таять и мѣстность постепенно принимать прежній, свободный отъ снѣжной пелены, видъ.

¹⁾ Температура дана въ этой книгѣ по градуснику Цельсія.

Еще двѣ-три версты впередъ и мы увидѣли открытую долину и самыя воды Хулму-нор'а. Въ прозрачной атмосферѣ рѣзко отражались на поверхности темно-голубыхъ водъ, вѣнцы сосѣднихъ горъ, убѣленные временнымъ покровомъ снѣга. Къ 10-ти часамъ утра караванъ экспедиціи достигъ западнаго берега озера, миновавъ по дорогѣ глинобитныя постройки — хыру — мѣстнаго управителя. Часомъ позднѣе нашъ бивуакъ уже принялъ свой обычный видъ. Цзасакъ, кочевавшій въ это время въ окрестностяхъ Цицикъ-нор'а, позаботился о доставленіи намъ юрть, сухого топлива и людей для ночной пастбы экспедиціонныхъ лошадей.

Озеро Хулму-норъ вытянуто—какъ и его долина,—съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Окружность озера по топкимъ, солончаковымъ берегамъ простирается до 15-ти верстъ. Вода соленая. Озеро повсюду мелко, о чемъ свидѣтельствовала низкая даже во время сильнаго вѣтра волна. Цвѣтъ воды мутноватый, хотя въ тихое время дня, въ особенности по утрамъ, поверхность озера представлялась блестящей и красиво отливала разными тонами красокъ. Дно озера илистое; противъ ближайшихъ скалъ залегаютъ острова выпученной зеленоватой глины. Животной жизни въ озерѣ не замѣчено. Питается этотъ замкнутый бассейнъ рѣчкой Могойнъ, которая, по выходѣ изъ высотъ въ широкую долину дробится на много мелкихъ рукавовъ, образующихъ болото, примыкающее къ озеру съ запада. Описываемое озеро замѣтно усыхаетъ; на это отчасти указываетъ второе, небольшое, съ версту въ окружности, соленое озерко, залегающее къ юго-востоку отъ главнаго бассейна, и несомнѣнно бывшее когда-то частью Хулму-нор'а, теперь отдѣленное отъ него довольно широкимъ луговымъ перешейкомъ. Высота этой мѣстности 7.220 футовъ надъ морскимъ уровнемъ.

Травянистою растительностью, главнымъ образомъ, дэрэсуномъ (*Lasiagrostis splendens*), долина богата по всему побережью озера; на болотѣ, кромѣ того, замѣчены лютикъ, осоки, а немного повыше и хохлатки; къ югу, въ сосѣднихъ горахъ на сѣверномъ склонѣ ихъ очень обыкновененъ стелящійся можжевельникъ. Кочевниковъ въ это время здѣсь не было и для нашихъ караванныхъ животныхъ открывался большой просторъ на лучшихъ пастбищахъ. Окрестную тишину нарушали лишь пролетные пернатые: сѣрые журавли, пронесившіеся надъ долиной на страшной высотѣ и красиво мелькавшіе своимъ характернымъ угломъ на голубомъ небѣ, затѣмъ бѣлоснѣжныя лебеди, турпаны, различныя утки и рѣже другихъ ржанки (*Charadrius fulvus*); изъ осѣдлыхъ птицъ замѣчены были грифъ бурый, ягнятникъ боро-

датыи, орель беркутъ, сарычъ, большой и малый сокола (*Microfalco Hendersoni et Tinnunculus alaudarius*), вѣропъ, красноклювая клушница и жаворонки.

У самаго биваука экспедиціи былъ добытъ очень интересный новый видъ суслика (*Spermophilus pallidicauda*); этотъ звѣрекъ показывался изъ своей норки крайне рѣдко и всякій разъ съ большою осмотрительностью.

Владѣнія Юмдунъ-цзасак'а граничатъ съ южнымъ берегомъ озера Хулму-норъ. По численности и благосостоянію жителей хошуна этотъ считается въ аймакѣ среднимъ—въ немъ всего 230 юртъ. Жители съ большимъ достаткомъ проживаютъ съ своими стадами частью въ долинѣ Цицикь-нор'а, частью по южному склону Мунку-цасатѣ-богдо и на рѣчкѣ Борджонъ; бѣдняки же ютятся въ ущельяхъ Алтайнъ-нуру и кромѣ ухода за скотомъ, подобно цзахочин'амъ, занимаются также охотою, главнымъ образомъ на сурка, шкурки котораго сбываютъ заѣзжимъ сюда китайскимъ или русскимъ торговцамъ, а мясо употребляютъ въ пищу.

Мѣстный управитель, по отзыву всѣхъ нами видѣнныхъ однохошунцевъ, страшный деспотъ: за малѣйшее упущеніе по службѣ собственноручно жестоко наказываетъ. При своей ставкѣ онъ держитъ много даровыхъ слугъ и рабочихъ; его большіе стада пасутся также подъ присмотромъ его же подчиненныхъ; за каждое пропавшее животное пастухи платятся своимъ карманомъ. У многихъ изъ зажиточныхъ монголовъ своего хошуна, цзасакъ не стѣсняется отбирать серебро для пополненія собственной казны.

Старшій сынъ Юмдунъ-цзасак'а стоитъ во-главѣ мѣстной кумирни, о которой упомянуто было выше. Постоянно живущихъ въ этой кумирнѣ ламъ немного—всего 25 человѣкъ, но подобно тому какъ и въ другихъ кумирняхъ, въ ней, во время отправленія большихъ хураловъ или монастырскихъ службъ, число монаховъ значительно увеличивается. Внутреннее убранство Цзасагінъ-куре отличается нѣкоторой роскошью и богатствомъ: здѣсь имѣются дорогіе бурханы. Значительный доходъ монастырю ежегодно приноситъ между прочимъ собственное хозяйство, заключающееся въ 12.000-мъ стадѣ барановъ, охраняемомъ монголами-однохошунцами за ничтожное вознагражденіе,—въ видѣ молочныхъ продуктовъ тѣхъ же барановъ.

Погода, за пятидневное пребываніе наше на берегу Хулму-нор'а, характеризовалась значительною свѣжестью, объясняемою отчасти обиліемъ медленно таявшаго въ горахъ снѣга, отчасти же почти по-

стоянно дувшими юго-западными вѣтрами; днемъ небо было на половину закрыто облаками, которыя однако къ вечеру совершенно исчезали; ночи отличались ясностью и прозрачностью воздуха; самый низкій minimum температуры выразился—15.0°, но вслѣдъ затѣмъ наступилъ ясный и довольно теплый день; въ воздухѣ опять послышалось жужжаніе насѣкомыхъ, среди которыхъ оказалась интересная муха (*Syrphus*) добытая въ коллекцію. Птицы усиленно летѣли на югъ.

Пользуясь ясной погодой, я произвелъ здѣсь рядъ астрономическихъ наблюденій.

Тѣмъ временемъ прибылъ изъ своего разѣзда В. Ѳ. Ладыгинъ, пройдя въ двѣ недѣли 440 верстъ со съемкою. Маршрутъ Ладыгина пересѣкаетъ главную цѣпь Алтая на меридіанѣ озера Хара-усу, затѣмъ сбѣгаетъ внизъ по верховью Урунгү — рѣчкѣ Булугунъ — до южной окраины горъ и, слѣдуя далѣе въ восточномъ направленіи, вступаетъ на рѣчку Барлыкъ, а по этой послѣдней вновь поднимается на тотъ же хребетъ по перевалу Олинъ-дабанъ, откуда и идетъ уже прямо къ озеру Хулму-норъ.

Этою поѣздкою выяснился между прочимъ и вопросъ о существованіи бобра въ рѣкѣ Урунгү. Бобръ начинаетъ встрѣчаться въ Урунгү, послѣ или ниже впаденія въ нее справа рѣчекъ Чингиль и Цаганъ-голь, тамъ гдѣ главная рѣка глубока и гдѣ она течетъ среди густыхъ зарослей ивы, сквозь которыя трудно пробраться къ рѣкѣ и пѣшему. Старый охотникъ торгоутъ передавалъ В. Ѳ. Ладыгину, что бобръ живетъ не только по рѣкѣ Урунгү, но водится и на озерѣ Улюнгүръ, гдѣ его больше, но гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, берега менѣе доступны. Охота за бобромъ отнимаетъ очень много времени, такъ какъ днемъ онъ прячется и выходитъ на берегъ только ночью. О присутствіи бобра мѣстные охотники узнаютъ по срѣзанному какъ бы шилой ивняку, стеблями котораго бобръ питается. Охотникъ, отыскавши такое мѣсто, срѣзаетъ нѣсколько вѣтвей, бросаетъ ихъ въ омутъ или заводъ и ждетъ. Когда бобръ всплыветъ на поверхность воды, чтобы схватить вѣтку, охотникъ стрѣляетъ въ него. Подкарауливать бобра приходится иногда недѣлю и болѣе, поэтому и добываютъ его очень немного.

Въ день пріѣзда г. Ладыгина, на нашъ бивуакъ прибылъ наслѣдникъ мѣстнаго управителя и представилъ чиновника и двухъ проводниковъ, обязавшихся, по приказанію цзасак'а, сопровождать въ поѣздкѣ моего старшаго сотрудника А. Н. Казнакова, принявшаго на себя за-

дачу продолжать начатое В. О. Ладыгинымъ изслѣдованіе южной окраины Алтая.

Въ половинѣ сентября экспедиція оставила озеро Хулму-норъ, опять разойдясь двумя отрядами. А. Н. Казнаковъ, чтобы не оставлять пробѣла, направился тѣмъ же переваломъ—Öлинъ-дабан'омъ, по которому прибылъ нашъ сотоварищъ. Сопутствовать А. Н. Казнакову былъ назначенъ испытанный старшій урядникъ Жаркой, который сопровождалъ г. Ладыгина, и который въ минувшее путешествіе совершалъ со мною многочисленныя поѣздки по Нань-шаню. Условнымъ пунктомъ схождения назначено было озеро Цаганъ-норъ, въ которое впадаетъ рѣчка Байдарикъ, а срокъ—половина октября мѣсяца.

Путь главнаго каравана временно направлялся къ сѣверо-востоку, чтобы вновь пересѣчь тотъ самый поперечно протянувшійся горный отрогъ, который экспедиція перевалила въ памятный для нее день, когда бушевалъ сильный юго-западный штормъ при слѣдованіи экспедиціи къ Хулму-нор'у. Означенныя горы въ новомъ нашемъ пересѣченіи также состояли изъ порфироваго туфа, сильно разрушеннаго вѣроятно атмосферными дѣятелями; ущелья южнаго склона по большей части обставлены отвѣсными стѣнами, мѣстами напоминающими собою фантастическіе замки или башни; вершины нѣкоторыхъ столбчатыхъ отдѣльностей стояли такъ непрочны, что каждую минуту могли упасть и разрушиться; на подобную мысль невольно наводили хаотическія нагроможденія обломковъ горныхъ породъ, скопившіяся у основаній характерныхъ стѣнъ или боковъ ущелья. При слѣдованіи вверхъ по капризно извилистому ущелью, мы нигдѣ не замѣчали источниковъ, хотя травянистая растительность была довольно хорошая; по словамъ проводниковъ монголы проживаютъ здѣсь позднѣе — зимою, когда выпавшій снѣгъ до нѣкоторой степени замѣняетъ собою воду.

Съ перевала Куйшинъ-дабанъ, абсолютная высота котораго 7.820 футовъ, передъ нами открылся широкій видъ въ обѣ стороны. На югѣ виднѣлся хребетъ Алтайнъ-нуру и та его сѣдловина—Öлинъ-дабанъ—куда теперь держалъ свой путь А. Н. Казнаковъ. Прямо на сѣверѣ, въ 40 верстахъ, великолѣпно блестяла остроконечная вершина Мунку-цасат-богдо, а на сѣверо-западѣ, въ дали, слегка подернутой туманной дымкой, сравнительно слабо выдѣлялся своею сѣдою головою Батыръ-хайрханъ, отстоявшій отъ насъ на сотню верстъ.

Легко спустившись по удобному, округленному горбу сѣвернаго склона горъ въ прилежащую долину и измѣнивъ свое прежнее направление на юго-восточное, мы вскорѣ затѣмъ достигли мѣста нашего ночлега; кругомъ, въ пониженной части долины, лѣтомъ періодически скопляется влага, теперь же свободная отъ воды, сухая и издали блестящая поверхность лёссовиднаго суглинка, представляла собою удобный плацъ для парадовъ и учений войскъ. Отпущенныя погулять лошади наши одна за другой побрели къ соблазнительной площади и одновременно, словно по командѣ, стали ложиться на землю и перекатываться по ней съ боку на бокъ. Подобныя мѣста извѣстны у монголовъ подъ названіемъ „хакъ“.

На другой день, 16-го сентября, мы, вскорѣ по выступленіи съ ночлега, втянулись въ поперечныя высоты, обнажавшія кварцевый порфиръ и пересѣкши затѣмъ Баркульскую дорогу, шедшую мимо кумирни и ставки Да-бэйсэ, достигли озера Тункуль или Тонкиль-норъ, на сѣверо-западномъ берегу котораго и разбили нашъ бивуакъ. Такимъ образомъ отъ Хулму-нор'а до этого озера мы прошли, слѣдуя кружнымъ путемъ, разстояніе въ 30 верстъ, тогда какъ прямо, судя по съемкѣ, ближайшія окраины обоихъ озеръ находятся всего лишь въ 18-ти верстахъ. Подчеркиваю это обстоятельство потому, что на извѣстной 100-верстной картѣ разстояніе между означенными озерами доходило до 50-ти верстъ, не говоря уже про несоотвѣтствовавшія дѣйствительности очертанія фигуръ самихъ бассейновъ.

Озеро Тонкиль-норъ еще болѣе нежели предыдущее стѣснено близко-подошедшими отрогами горъ. Простираніе его также другое, — почти сѣверное. Размѣръ нѣсколько бѣльшій; высота надъ уровнемъ моря ниже — 6.610 футовъ. Цвѣтъ и вкусъ воды общи съ таковыми Хулму-нор'а. Съ сѣвера впадаетъ рѣчка Цзюйль, стоявшая въ это время безъ воды; рѣчка беретъ начало отъ снѣговъ Мунку-цасатъ-богдо; главную же поддержку Тонкиль-норъ получаетъ отъ обильныхъ ключей и прѣсноводныхъ бассейновъ, простирающихся отъ одной до четырехъ верстъ въ окружности и залегающихъ на болотистой покатости сѣвернаго же берега, который вслѣдствіе этого богатъ хорошими пастбищами. Тамъ вездѣ бродили стада, принадлежавшія мѣстнымъ кочевникамъ, преимущественно же ихъ управителю — Да-бэйсэ. Пролетныя птицы здѣсь наблюдались тѣ же, что и на Хулму-нор'ѣ. Что же касается до звѣрей, то мы здѣсь наблюдали однихъ лишь цаганъ-дзере или монгольскихъ антилопъ (*Gazella gutturosa*), а изъ мелкихъ звѣрьковъ чаще другихъ напоминали о себѣ зайцы да пи-

щухи; случайно попался также и большой темный хорекъ, котораго дежурный обнаружилъ ночью среди бивуака и при помощи собакъ добылъ въ коллекцію.

Кое-гдѣ по долинѣ, а также и вблизи нашего лагеря, возвышались надъ поверхностью отдѣльныя небольшія скалистыя обнаженія, сложенныя изъ порфира, порфироваго туфа и чернаго змѣвика, подстилающей породой для котораго былъ діоритъ; на вершинѣ же обнаженія выдѣлялся известковистый натѣкъ.

Владѣнія хошуна Да-бэйсэ, того же Цзасактү-ханскаго аймака, въ которомъ мы теперь находились, граничатъ съ одной стороны озеромъ Хулму-нор'омъ, съ другой урочищемъ Цзакъ-обо. Хошунъ этотъ считается самымъ богатымъ и большимъ по числу жителей, которыхъ въ общей сложности насчитывается до десяти тысячъ юртъ. Населеніе его занимается главнымъ образомъ скотоводствомъ и охотою и немного земледѣіемъ. Монголы, описываемаго хошуна, кочуютъ въ извѣстныхъ частяхъ Алтаинъ-нуру и Дарибѣнь-ула, а также и въ прилежащей къ нимъ западной половинѣ долины Шаргинъ-цаганъ-нор'а. Почти въ каждой юртѣ этихъ монголовъ имѣется по одному ружью, а въ нѣкоторыхъ по два и по три.

Начальникъ хошуна, Да-бэйсэ, по своимъ нравственнымъ качествамъ представляетъ полную противоположность своему западному сосѣду. Правильно понимая задачи общественнаго служенія, онъ положительно какъ добрый отецъ заботится и печется о своихъ подчиненныхъ-дѣтяхъ; Да-бэйсэ первый приходитъ на помощь бѣднякамъ или несчастнымъ и этимъ самымъ подаетъ лучшій примѣръ взаимопомощи среди своихъ однохошунцевъ. Ламамъ своего монастыря онъ, между прочимъ, ежегодно даритъ около трехсотъ бараньихъ овчинъ. Идеальныя качества рѣдкаго начальника снискали Да-бэйсэ почетную службу въ управленіи самаго аймака, гдѣ онъ занимаетъ мѣсто отвѣтственнаго Чигулган'а или судьи.

Ставка мѣстнаго управителя находится подлѣ кумирни Дагинь-или Да-бэйсэнь-куре, расположенной на правомъ берегу рѣчки Цзюйлъ. Въ настоящее время семья Да-бэйсэ большая, онъ имѣетъ двухъ женъ и шесть человѣкъ дѣтей; первые же двадцать лѣтъ супружества онъ прожилъ съ одной первой женой, подарившей ему только одну дочь. Для обезпеченія своего рода и наслѣдника по управленію хошуномъ, Да-бэйсэ принужденъ былъ взять другую жену и теперь, уже болѣе счастливый онъ раститъ отъ нея двухъ сыновей и трехъ

дочерей. Жены Да-бэйсэ живутъ въ отдѣльныхъ юртахъ на равныхъ правахъ отвѣтственныхъ хозяекъ.

Главный монастырь Да-бэйсэнъ-куре, когда-то, до дунганскихъ возстаній, слылъ за очень богатый и обширный, хотя и теперь еще насчитываетъ въ своихъ кумирняхъ, въ періодъ извѣстныхъ хураловъ, до 2.000 ламъ. Настоятелемъ монастыря является хубилганъ¹⁾. Эрдэни-хамба, при которомъ состоитъ порядочный штатъ ближайшихъ помощниковъ изъ старѣйшихъ ламъ. При монастырѣ въ собственныхъ домахъ поселились китайскіе купцы, въ числѣ шести торговыхъ фирмъ, которыя ведутъ отличную торговлю китайскими товарами въ обмѣнъ на мѣстное сырьѣ. Съ этою же цѣлью сюда по временамъ наѣзжаютъ и тѣ изъ русскихъ торговцевъ, которые ведутъ свои дѣла у цзахочи'новъ.

Относительно нашего бивуака монастырь и ставка мѣстнаго управителя приходились сѣвернѣе, въ 20-ти верстахъ, вверхъ по рѣчкѣ, куда ѣздила переводчицъ экспедиціи для переговоровъ какъ о предстоящемъ нашемъ движеніи, такъ и о покупкѣ войлочной юрты и животныхъ. Князь ласково принялъ посланнаго съ подарками²⁾ Бадмажапова и не замедлилъ сдѣлать всѣ распоряженія для удовлетворенія нашихъ потребностей. Помимо же аккуратнаго исполненія обѣщаннаго, Да-бэйсэ съ своей стороны прислалъ и мнѣ тоже подарокъ, состоящій изъ куска отличной шелковой матеріи, который, конечно, послужилъ для той же цѣли въ другомъ мѣстѣ на нашемъ продолжительномъ пути. Здѣсь я купилъ за 180 рублей на наши деньги еще двухъ отличныхъ верблюдовъ, что довело общее ихъ число до 56-ти.

Отсюда, обогнувъ озеро съ сѣвера и миновавъ походный станъ князя, гдѣ въ это время находились его семья и приближенные, взшедшіе на возвышеніе съ цѣлью посмотрѣть на нашъ караванъ, мы прослѣдовали долиной, а потомъ и характерной тѣсною меридианальнаго хребта, отдѣляющаго слѣдующую уходящую къ востоку долину озера Шаргинъ-цаганъ-нор'а. Означенный хребетъ служитъ непосредственной связью между главными массивами Мунку-цасатъ-богдо съ одной стороны и Алтаинъ-нуру съ другой. Поперечная тѣснина, по которой проходитъ дорога, даетъ основаніе мѣстнымъ кочевникамъ дѣлить эти горы на двѣ отдѣльныя части: сѣверную и южную, изъ которыхъ первую, болѣе низкую они называютъ Цзунъ-нуру, а по-

¹⁾ Хубилганъ—перерожденецъ. См. о нихъ Позднѣевъ. Очерки быта буддійскихъ монастырей. Стр. 248.

²⁾ Златоустовскій клинокъ и кое-какія мелочи, предназначенныя для женъ князя.

слѣдную значительно возвышенную — Кукү-моритб. Ширина описываемыхъ горъ простирается до 10-ти верстъ; приблизительно въ серединѣ, у главной оси горъ, тѣснина выражена наиболѣе тиично; здѣсь вертикальные обрывы состоятъ изъ причудливо обточенныхъ гранитовъ съ заплатами кристаллическаго известняка и поднимаются на значительную высоту. Въ западной окраинѣ или подножья горъ залегаетъ кварцевый порфиръ, а по ребрамъ или вершинкамъ восточной — порфировая брекчія. Въ самой тѣснинѣ дорога развѣтвляется на нижнюю и верхнюю; нижняя, прямая, безводная, верхняя же кружная, но зато обезпеченная водою; мы направились по верхней дорогѣ.

Такъ какъ мы оставили нашу стоянку въ полдень, то на окраинныхъ высотахъ пройденныхъ горъ пришлось разбивать бивуакъ уже при меркнувшихъ лучахъ заходящаго солнца съ тѣмъ, чтобы на этомъ пустынномъ, безотрадномъ урочищѣ имѣть только ночлегъ и раннимъ утромъ слѣдовать дальше. Пользуясь открытымъ горизонтомъ, я набросалъ впереди лежавшую мѣстность, представившуюся таковой: между двумя цѣпями горъ, скрывающимися на востокъ за горизонтъ, залегала глубокая, обширная долина, на днѣ которой серебристо блестяи солончаки, обнаруживающіе мѣсто самого озера. Сѣверная, пониженная и расчлененная цѣпь горъ, обращенная къ намъ своей полуденной стороною, выглядѣла темной, безжизненной, засушенной лѣтнимъ жгучимъ солнцемъ. Южная, главная цѣпь хранила характеръ сплошнаго, мѣстами высоко поднимающаго свой могучій гребень, хребта, въ особенности въ вершинахъ Хара-цзарга, на меридіанѣ озера, и Бурханъ-Будда на крайнемъ юго-востокѣ горизонта удаленнаго на 180 верстъ. Противоположный край долины оканчивался плоской возвышенностью, надъ которой въ воздухѣ висѣла сѣровато-желтая дымка. Солнце между тѣмъ спустилось за горы, зардѣлась заря, разливаясь по небу радужными красками и вся сосѣдняя окрестность, окутавшись сумракомъ, погрузилась въ безмолвіе.

Для слѣдованія съ караваномъ нами была избрана верхняя дорога, пролегающая по покатой отъ Алтаинъ-нуру полосѣ, на которой произростала порядочная степная растительность и кое-гдѣ имѣлись или колодцы, или выбѣгающіе на дневную поверхность родники, служившіе пристанищемъ для кочевниковъ. Однако, чтобы имѣть остановки въ подобныхъ мѣстахъ, намъ приходилось дѣлать большіе и очень утомительные переходы; пуще всего насъ удручало однообразіе и монотонность обширной долины, гдѣ разстояніе по виду страшно сокращается противъ дѣйствительности. Покатость,

сбѣгавшая отъ горъ на дно долины, мѣстами пересѣкалась каменистыми руслами, ширина главнѣйшаго изъ которыхъ простиралась до 15-ти верстъ; подобное русло, конечно, было разбито въ свою очередь на много узкихъ и широкихъ рукавовъ; берега этого русла, сложенные изъ окатанной водою гальки, мѣстами поднимались тремя послѣдовательными террасами до 60-ти футовъ высотой каждая. На этой жалкой мѣстности наглядно выступаетъ неустанная, механически дѣйствующая на горы и слагающія ихъ породы, сила атмосферныхъ агентовъ. Вода въ различныхъ своихъ состояніяхъ безостановочно въ большей или меньшей степени разрушаетъ горы, начиная съ самыхъ высокихъ вершинъ. Большія и малыя глыбы и осколки камней устремляются внизъ, попадая частью въ русла горныхъ потоковъ, по которымъ, послѣдовательно спускаясь, окатываются и, уменьшаясь въ размѣрахъ, достигаютъ наконецъ dna долины; другая же часть разрушеннаго матеріала остается лежать на мѣстѣ иногда подолгу, или, медленно и періодически передвигаемая подвергается иному разрушающему вліянію — обдуванію или обтачиванію воздушными теченіями, несущими съ собою песокъ и пыль. Часто, взявъ кусокъ діорита или песчаника, я невольно любовался имъ, глядя на его красивыя, гладкія формы. Подобные образчики горныхъ породъ, хотя и окатанные водой или обточенные вѣтрами, я тѣмъ не менѣе бралъ въ нашу геологическую коллекцію.

Формы пустынной растительности этой части долины, какъ-то: карагана, бѣлолозникъ, бударгана, полынка, перемѣшанныя лукомъ, кипцемъ и немногими другими мелкими травами, мало оживляли въ это осеннее время общій видъ мѣстности; но зато животная жизнь мѣстами заставляла на себѣ сосредоточивать полное вниманіе: тутъ появились хулары и три представительницы антилопы: дзерень, харасульта (*Gazella subgutturosa*) и сайга (*Saiga tatarica*); всѣ эти быстроногія животныя держались почти всегда отдѣльными небольшими табунками и не подпускали къ себѣ охотниковъ даже въ мѣру маломальски разсчитаннаго на успѣхъ выстрѣла. Изъ птицъ же, свойственныхъ этой мѣстности, были: сойки, больдуруки, жаворонки и большія дрофы.

Въ урочищѣ Угумыръ, гдѣ высота надъ моремъ спускается до 4.000 футовъ, мы встрѣтили небольшое земледѣліе; здѣсь проживали въ десяти юртахъ монголы, занятые обработкой поля на 200 пудовъ зерна; въ этой мѣстности готовятъ пашни и сѣять въ апрѣлѣ, жнутъ же во второй половинѣ сентября; сѣять здѣсь пшеницу и голосямян-

ный ячмень, дающіе въ среднемъ очень хорошія, самъ 15—25, урожаи, чѣмъ и оправдывается названіе урочища Угумырѣ—„плодородный“. Орошеніе полей въ Угумырѣ искусственное. Превосходную родниковую воду монголы проводятъ на пашни посредствомъ арыковъ или канавъ, разъ въ мѣсяць. При достаткѣ земли ¹⁾ монголы даютъ своимъ полямъ трехгодовой отдыхъ, располагая такимъ образомъ четырехпольнымъ хозяйствомъ.

Въ вершинѣ прекраснаго источника имѣется маленькая буддійская часовня, гдѣ въ лѣтнее время ламы молятся объ изобиліи влаги, отъ которой почти исключительно и зависитъ степень урожая. Въ гущинѣ кустарниковъ, окаймляющихъ источникъ, мы нынче впервые встрѣтили саксаульныхъ воробьевъ (*Passer ammodendri*), а также и свѣтлыхъ стренатокъ (*Emberiza pyrrhuloides*); въ ближайшей окрестности держались кромѣ того большіе сокола и орлы; послѣдніе два вида хищниковъ успѣшно преслѣдовали степныхъ большедуруковъ, которыхъ въ этой долинѣ было поразительное обиліе. Чуть только блеснутъ на востокъ первые лучи солнца, какъ большедуруки уже даютъ о себѣ знать либо своимъ характернымъ крикомъ пэкъ-трооо... пэкъ-трооо... либо звучнымъ, рѣзкимъ шумомъ крыльевъ во время ихъ быстрого полета. Но вотъ выкатилось солнце изъ за отдаленныхъ холмовъ и медленно поднимается надъ ними; въ воздухѣ прозрачно и тихо; посмотрите теперь внимательно въ любую изъ сторонъ горизонта и вездѣ вы непременно увидите интересныя линейныя движенія большедуруковъ то ниже надъ землею и ближе къ вамъ, то выше и подальше отъ васъ; въ то же самое время раздаются знакомые шумъ и голоса этихъ оригинальныхъ птицъ. Словно порывъ бури налетаетъ на путника каждый разъ когда проносится надъ его головою, развернутый строй этихъ характерныхъ птицъ пустыни, быстро затѣмъ исчезающій въ широкой дали. Часамъ къ 10-ти утра летъ пернатыхъ странниковъ прекращается, возобновляясь только вечеромъ или слѣдующимъ утромъ. Одни большедуруки перемѣщались безъ соблюденія опредѣленнаго направленія, другіе же пролетали исключительно въ восточномъ-юго-восточномъ направленіи съ цѣлью вѣроятно эмигрировать въ пески Ордоса.

Поручивъ В. О. Ладыгину налегкѣ съѣздить въ область солончаковъ и произвести детальную съемку озерной котловины, экспедиція направилась къ восточной окраинѣ озера Шаргинъ-цаганъ-норъ, гдѣ

¹⁾ Почва известковый суглинокъ.

рѣшено было простоять два дня, въ урочищѣ Цзакъ-обо, среди пышной растительности нижняго теченія рѣчки, впадающей въ озеро. Здѣсь уже высота мѣстности выразилась 3.180 футовъ надъ уровнемъ моря. Мы всё почувствовали рѣзкій переходъ къ теплу, да и по виду растительности этого можно было ожидать; днемъ на солнцѣ воздухъ былъ наполненъ жужжаніемъ насѣкомыхъ, по согрѣтой поверхности бѣгали ящерицы. Словомъ, недавній привѣтъ зимы—миновалъ какъ сонъ. Наши казаки настолько обрадовались этому обстоятельству, что возстановили даже прекращенное купанье. Тепло стояло не только днемъ, но и по вечерамъ, когда небесный сводъ въ прозрачной атмосферѣ представлялъ очаровательное зрѣлище. Въ высшей степени оригинальное гуканье филина и крикъ совъ сильно беспокоили нашихъ псовъ, энергично лаявшихъ до поздней ночи.

Тепло и тишина наступили, однако, только въ долинѣ, въ горахъ же штормъ продолжалъ дуть, казалось, съ прежней напряженностью. Теперь мнѣ сталъ еще болѣе понятнымъ тотъ таинственный шумъ въ горахъ, который слышался во время нашего прохожденія у южной окраины этой долины, въ сосѣдствѣ Алтайнъ-нуру. Дѣло въ томъ, что на южной окраинѣ долины, въ опредѣленной зонѣ всегда въ извѣстное время, по словамъ монголовъ, происходитъ сильный вѣтеръ, сопровождающийся гуломъ. Гулъ этотъ слѣдствіе встрѣчи двухъ воздушныхъ теченій—жаркаго равниннаго и холоднаго горнаго, сталкивающихся между собою подъ угломъ приблизительно около 30°.

Обширная Шаргинъ-цаганъ-нор'ская котловина, самой природой предназначенная для храненія огромнаго бассейна, по всему вѣроятію была нѣкогда заполнена большимъ озеромъ, слѣды котораго нагляднѣе всего выражаются солончаками и ближайшими къ нимъ горизонтальными наслоеніями известковатой глины. Характерную особенность представляютъ между прочимъ и пески, протянувшіеся по берегу озера въ видѣ длиннаго, до шести верстъ, не высокаго закругленнаго вала, мѣстами поросшаго тамарискомъ.

Въ наше тамъ пребываніе, озеро Шаргинъ-цаганъ-норъ стояло совершенно сухое, безъ воды, открывъ солончаки до 50-ти верстъ въ окружности. Вся же вода, приносимая лѣтомъ рѣкою Шаргингол'омъ, разбирается оросительными канавами для поливки полей, расположенныхъ на юго-восточномъ, прилежащемъ къ солончакамъ береговомъ пространствѣ, и только теперь, осенью, за ненадобностью, начинаетъ скопляться въ низовьи русла и понемногу прикрывать оголенное дно озера, гдѣ зимою образуется ледяная толща.

По берегу озера, кромѣ двухъ-трехъ видовъ солянокъ, растительности не имѣется; подальше тянутся сплошныя заросли, свойственныя общей прирѣчной долинѣ. Эта послѣдняя, на протяженіи 60-ти верстѣ въ длину и трехъ—пяти верстѣ въ ширину, представляетъ превосходныя пастбища, достаточно привольныя для двухсотъ юртъ кочевниковъ въ теченіе круглаго года. Извилистые берега рѣчки мѣстами сопровождаются кустарными зарослями (*Salix*). Тамъ и сямъ выбѣгають родниковыя воды, окаймленныя злаками, осокой, касатикомъ, хохлаткой, а повыше и дѣресуномъ. Камышъ тянется участками по берегамъ рѣчки, давая пріютъ усатымъ синицамъ (*Panurus barbatus*), производящимъ долго несмолкаемое трещанье, когда завидятъ поблизости что-либо подозрительное. По кустамъ тальника перелетали голубыя синицы (*Cyanistes cyaneus*), которыя болѣе мелодично ласкають слухъ, въ особенности на нѣкоторомъ разстояніи, когда мягкая, пѣжная трель ихъ голосовъ едва слышна... Въ травянистой заросли и по пашнямъ, широко раскиданнымъ въ низовьи долины, наблюдалось много сѣрыхъ куропатокъ. Среди же пролетныхъ видовъ встрѣчались прежніе съ добавленіемъ, впрочемъ, утки-нырка, бекаса, полуночника и немногихъ другихъ. Изъ мелкихъ звѣрьковъ здѣсь встрѣчены: ежъ, песчанка и мышь.

Мѣстные монголы въ это время были заняты сборомъ сульхира (*Agriophyllum gobicum*), обильно произрастающаго въ пустынной части той же долины. Сѣмена сульхира туземцы употребляютъ какъ суррогатъ хлѣба; это второй случай подобнаго наблюденія; впервые я слышалъ объ этомъ отъ незабвеннаго своего учителя, покойнаго Н. М. Пржевальскаго, наблюдавшаго такое же занятіе у Алашаньскихъ монголовъ. При обратномъ своемъ пути по южной Гоби, я остановлюсь болѣе подробно на этомъ вопросѣ. Для складовъ хлѣба и вообще своего небольшого, вѣрнѣе не сложнаго имущества монголы имѣютъ въ этой долинѣ, при урочищѣ Шаборь-туру нѣсколько деревянныхъ построекъ, напоминающихъ наши маленькія крестьянскія избѣнки. Лиственичный лѣсъ на постройку кладовыхъ добывается въ южныхъ и сѣверныхъ горахъ, Тайширь-ула, гдѣ онъ растетъ широкими участками по сѣвернымъ склонамъ горъ. Подобнымъ лѣсомъ мы любовались изъ урочища Цзакъ-обо по направленію къ юго-востоку, гдѣ сѣверный склонъ Алтайнъ-нуру на разстояніи 60-ти верстѣ былъ покрытъ темной лентой древесной заросли. Для большаго знакомства съ лѣснымъ райономъ и для опредѣленія нижней его границы вновь былъ командированъ г. Ладыгинъ вмѣстѣ съ преараторомъ Телешовымъ.

Главный караванъ направился вверхъ по долинь Шаргинъ-гол'а, и черезъ три перехода прибылъ въ отличное урочище Халюнь. Подгорная кольцеобразная полоса этой долины покрыта отличнымъ кипцемъ и другими мелкими травами, служащими приманкой и приютомъ огромныхъ табуновъ хулановъ и небольшихъ стадъ антилопъ. И здѣсь эти дикія животныя держали себя крайне строго; видно монголы-охотники не даютъ имъ покоя.

Погода, по-прежнему, продолжала стоять отличная: ясная, теплая, а при переходѣ пустынной части долины, когда мы выступили въ путь съ полдня, даже жаркая. Послѣ двухъ—трехъ-часоваго движенія подъ здѣшнимъ жаркимъ солнцемъ, мы вдругъ словно ослабѣли: нами овладѣла какая-то непріятная истома, сонливость; по общему признанію это былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ нашихъ переходовъ въ области Гобійскаго Алтая. Возможно, конечно, приписать подобное явленіе отчасти и тому обстоятельству, что за двѣ недѣли передъ этимъ, какъ помнитъ читатель, мы переживали другую крайность — холодъ, обусловленный значительнымъ поднятіемъ мѣстности надъ уровнемъ моря и снѣжными штормами; къ тому же это было только начало нашего продолжительнаго странствованія, мы все еще продолжали, какъ говорится, втягиваться въ самое путешествіе; впоследствии бывали несравненно тяжелѣе и не только дни, но даже цѣлые мѣсяца, но намъ было значительно легче переносить ихъ, мы сами стали бодрѣе, энергичнѣе. Путешественнику необходимо имѣть довольно крѣпкій организмъ, чтобы онъ былъ въ состояніи осилить въ теченіе перваго полугодія, невыгодно отражающіяся на организмѣ, непривычныя невзгоды и трудности; но разъ этотъ періодъ миновалъ благополучно, то можно быть спокойнымъ и за все остальное время путешествія.

У восточной окраины, оставляемой нами Шаргинъ-цаганъ-нор'-ской долины, мы въ послѣдній разъ любовались снѣговою вершиною Мунку-цасатб-богдо, которая, словно прощаясь съ нами, то выступала—изъ-за отдаленныхъ гребней, красиво блестя на голубомъ небѣ, то снова скрывалась за ближайшими къ намъ выступами горъ.

Урочище Халюнь богато ключевыми источниками, напоминающими горную кристаллически-прозрачную воду. Тутъ долина значительно суживается и подножье Алтайнъ-нуру отстоитъ отъ вершины главныхъ ключей всего лишь на три версты; земледѣліе здѣсь также развито. Почти до меридіана этого урочища прости-

рается восточная окраина лиственничнаго лѣса, нижняя граница котораго въ среднемъ приподнята надъ моремъ на 6.650 футовъ. Къ лиственничному лѣсу примѣшивается въ горахъ, по сообщенію В. Ѳ. Ладыгина, прибывшаго сюда изъ своей экскурсіи одновременно съ караваномъ,—жимолость, карагана, боярышникъ, крыжовникъ, тальникъ и осина. Въ лѣсу довольно обыкновенны сороки, черныя вороны (*Corvus corone*), а у окраины горъ и каменные воробьи; тамъ и сямъ по лѣснымъ ущельямъ изрѣдка высоко пролетали орлы-беркуты или грифы; при урочищѣ же Халюнъ мнѣ удалось обогатить орнитологическую коллекцію экспедиціи великолѣпнымъ экземпляромъ рѣдкаго сокола (*Falco babilonicus*)¹⁾.

Животная жизнь, въ смыслѣ дикихъ млекопитающихъ, вообще очень бѣдна въ горахъ. По всѣмъ тремъ посѣщеннымъ ущельямъ живутъ кочевники съ большими стадами барановъ, находящими достаточно питательнаго корма. Источники-ключи и рѣчки также бѣдны и по выходѣ изъ горъ тотчасъ же изсякаютъ. Горы эти, судя по образцамъ, привезеннымъ Ѳ. В. Ладыгинымъ изъ ущелій обращеннаго къ долиинѣ склона Алтайнъ-нуру, слагаются изъ известняка, діорита, сланца, змѣвика, мелафироваго туфа, порфирита, порфириновой брекчии, песчаника, гранита и глинисто-кварцевой плотной зелено-сѣрой породы съ вкрапленностями эпидота. Самыя ущелья дикіи, узкіи, извилисты, съ высокими, отвѣсно-ниспадающими боками и съ каменистыми крутыми ложами; и въ этой части хребта, подобно тому какъ и на пройденномъ пространствѣ Алтайнъ-нуру, существуютъ проходы на полуденную сторону горъ.

Оставивъ Халюнъ, мы двумя переходами прибыли въ слѣдующую, лежащую къ востоку долину Бегеръ-нор'а. Этотъ небольшой путь проходитъ по возвышенной и сѣуженной сѣверными и южными отрогами горъ долинокъ, замкнутой по срединѣ крайними высотами, наиболѣе характерно выраженными къ востоку. Ближайшая высокая гора Бурханъ-Будда, обнаруживающая по сѣверному склону известнякъ и яшму съ прожилками кварца, шлетъ отъ себя нѣсколько ручейковъ воды, которые вмѣстѣ съ тѣмъ выносятъ и плодородную горную почву, изъ года въ годъ наслаивающуюся на дно долинки, гдѣ монголы занимаются земледѣліемъ; кромѣ того, бьютъ родники изъ небольшого мѣстнаго озеровиднаго углубленія, куда собственно и собирается окрестная влага, приносимая общимъ русломъ, обставленнымъ глиняными стѣнками.

¹⁾ Маммологическая — также пополнилась интереснымъ видомъ песчанки (*Gerbillus Koslovi*).

Сѣверные сосѣдніе обрывы, напоминавшіе своими очертаніями лагерь палатокъ, состояли изъ галечника и гобійскаго песчаника и конгломерата, размытыхъ дождевыми потоками. По дну описываемой долинки произрастала пышный дэресунъ, и проживали монголы, а на ея приподнятыхъ окраинахъ, среди пустынныхъ кустарниковъ и травъ, паслись стада дзереновъ. Въ этой мѣстности мнѣ лично посчастливилось убить, не сходя съ мѣста, отличную пару этихъ звѣрей. Оба звѣря были убиты на разстояніи 600 шаговъ изъ новаго трехлинейнаго ружья, вообще приводившаго туземцевъ въ неописуемый восторгъ и удивленіе.

Съ восточной окраины водораздѣла, на которомъ красуются двѣнадцать „обо“, открывается чрезъ лежащую впереди долину видъ на продолженіе горъ. Главный хребетъ, временно убѣленный снѣговымъ покровомъ, скрывается за цѣлью разрозненныхъ кряжей, залегающихъ къ сѣверу отъ Алтанъ-нуру. Продолженіемъ передовой лѣвой цѣпи служитъ хребетъ Тайширъ-ула, восточная окраина котораго приходится на меридіанъ ближайшаго изъ указанныхъ кряжей. На общемъ сѣровато-темномъ фонѣ этихъ горъ мѣстами рѣзко выступали ярко-красныя горизонтальныя прослойки. Пологій съ запада и круто обрывающійся на восточную сторону двойной перевалъ упомянутаго водораздѣла ведетъ узкимъ и извилистымъ ущельемъ Оуши-булыкъ, обставленнымъ затѣйливо обмытыми красными обрывами, слагающимися изъ гобійскаго мергеля. Самый же источникъ красно окаймленъ высокими деревцами лозы и какимъ-то густымъ, колючимъ кустарникомъ. Спустившись внизъ по ущелью и обогнувъ еще болѣе причудливо размытыя мергельныя стѣны, залегающія у подножья общихъ высотъ, мы вступили въ каменистый сайръ, составляющій, подобно тому, какъ и въ оставленной нами долину, пригорную полосу, изрѣзанную руслами періодическихъ потоковъ. Черезъ десять верстъ мы прибыли къ большой, но бѣдной и крайне грязной кумирнѣ. Нашъ лагерь расположился при вершинѣ одного изъ многочисленныхъ родниковъ, сливающихъ свою воду въ общую котловину озера. Здѣсь я также установилъ астрономическій пунктъ, произведя наблюденія у характернаго обо Цаугинъ-будль.

По срединѣ чашеобразной долины покоитъ свои соленыя воды небольшое, до 15-ти верстъ въ окружности, мелководное озеро Бегеръ-норъ, абсолютная высота котораго 4.100 футовъ. По берегамъ и прилежащимъ котловинамъ, называемымъ Борбонъ-дабасу, отлагается небольшими кристаллами соль, составляющая предметъ эксплуатаціи

не только мѣстныхъ, но даже и отдаленныхъ монголовъ. За солончаками тянутся травянистыя заросли, а среди послѣднихъ тамъ и сямъ виднѣются на лёссовидномъ суглинкѣ пашни, засѣваемые, какъ и раньше попадавшіяся, ячменемъ и пшеницей. Въ этой долинкѣ, въ 20-ти верстахъ къ юго-востоку, пройдя другую меньшую кумирню, мы ночевали.

На прилежащихъ болотахъ держалось много ржанокъ (*Charadrius fulvus*), среди большой стайки которыхъ пролеталъ съ искливымъ крикомъ чибисъ (*Vanellus cristatus*); птицы довѣрчиво держались подлѣ нашего бивуака, изрѣдка перелетая на новыя мѣста, и только появленіе луны, сокола или сарыча серьезно беспокоило голенастыхъ, выражавшихъ неудовольствіе быстрымъ перемѣщеніемъ въ другое, болѣе безопасное болото.

Послѣднее время, около двухъ недѣль, экспедиція провела въ предѣлахъ собственнаго хошуна Цзасакту-хана, западная граница котораго проходитъ въ урочищѣ Цзакъ-обо, а восточная при Куринъ-тологойнъ-дурулджи. Прямымъ начальникомъ надъ двумя тысячами юртъ жителей этого хошуна считается самъ ханъ, имѣющій при себѣ штатъ до десяти чиновниковъ. Фактически, всѣми дѣлами по управленію хошуномъ вѣдаютъ старшіе или ближайшіе сотрудники хана, такъ какъ нынѣшній ханъ еще молодой человекъ; къ тому же онъ веселаго нрава, не любитель административныхъ занятій, а главное, не способный, да вдобавокъ еще и приверженный къ горячительнымъ напиткамъ.

Раіонъ кочевокъ этого хошуна громадный, и представляетъ богатая пастбища для верблюдовъ, которыхъ, помимо прочаго скота, главнымъ образомъ и разводятъ мѣстные монголы въ цѣляхъ транспортірованія кладей по линіи Куку-хото—Кобдо. Собственно извозомъ занимается бѣднѣйшая часть населенія, арендуя у своихъ богатыхъ однохошунцевъ верблюдовъ на слѣдующихъ условіяхъ: „Уплатить за одинъ рейсъ Куку-хото — Кобдо хозяину по 7 — 8 ланъ серебра за одного верблюда. Вьюкъ не долженъ превышать 9 пудовъ. Если верблюдъ околѣетъ, по какой бы то ни было причинѣ, — арендаторъ уплачиваетъ хозяину верблюда полную его стоимость. Арендаторъ обязанъ самъ пасти и присматривать за верблюдами“. Такія условія чрезвычайно выгодны, если только не случится повальнаго падежа скота; арендаторъ беретъ за провозъ одного вьюка отъ Кобдо до Куку-хото и обратно 14—16 ланъ серебра.

Кромѣ извоза населеніе занимается и охотою на сурка, шкурки котораго сбываютъ либо китайцамъ, либо случайнымъ русскимъ тор-

говцамъ или ихъ приказчикамъ изъ монголовъ. Проѣзжая этимъ хошуномъ, мы встрѣтили одного монгола, который явился сюда съ русскимъ товаромъ изъ города Улясутая. Русскій купецъ въ Улясутаѣ отпустилъ этому монголу на 600 рублей разныхъ товаровъ по его выбору и предоставилъ ему продать ихъ, съ тѣмъ, чтобы купцу было доставлено шкурокъ сурка и шерсти,—верблюжьей и бараньей,—по мѣстной покупной цѣнѣ, на стоимость товара отпущеннаго монголу.

Помимо скотоводства, извоза, охоты, мѣстные жители занимаются еще и земледѣліемъ.

Въ хошунѣ цзасакту-хана имѣется три монастыря или кумирни, изъ которыхъ двѣ расположены въ долину Бегеръ-нор'а, а третья въ ближайшей окрестности Халюн'а. Послѣдняя и западная изъ первыхъ двухъ, или Цзасакту-ханэнь-куре, принадлежатъ непосредственно мѣстному хошуну, что же касается до третьей, то она вполне самостоятельна и нисколько не зависитъ отъ цзасакту-хана.

Кумирня, носящая названіе управителя аймака и хошуна Цзасакту-ханэнь-куре, имѣетъ приличное помѣщеніе, въ которомъ постоянно проживаютъ и молятся до 500 человекъ ламъ. Непосредственно при ханской кумирнѣ расположена и ханская ставка, а слѣдовательно и главное управленіе.

Здѣсь же въ монастырѣ постоянно проживаютъ два китайца-торговца преимущественно съ товарами первой необходимости въ обиходѣ кочевого населенія.

Слѣдующій монастырь этого же хошуна, расположенный у южнаго подножья горъ Тайширь-ула—Хамба-хутухтэнь-куре, имѣетъ небольшой участокъ прилежащей земли, отведенной и подаренной ему цзасакту-ханомъ безъ вѣдома и утвержденія китайскаго правительства. Въ этомъ монастырѣ около двухсотъ ламъ, постоянно здѣсь живущихъ; главнымъ лицомъ является святитель Хамба-хутухту-хубилганъ, имѣющій четвертое перерожденіе. Монастырь состоитъ подъ покровительствомъ мѣстнаго хана.

Послѣдній и старѣйшій монастырь Бегеринъ-номунъ-ханэнь-ламэнь-куре основанъ, какъ повѣдали намъ ламы, Номунъ-ханъ-ламой свыше ста лѣтъ тому назадъ. Монастырь долгое время состоялъ въ вѣдѣніи мѣстныхъ управителей хошуномъ, но лѣтъ 30 тому назадъ, наконецъ, получилъ полную самостоятельность и вотъ по какому случаю. Въ 1870-мъ году, во время сильнаго дунганскаго возстанія въ Китаѣ, Номунъ-ханъ-лама, имѣвшій тогда третье перерожденіе, былъ приглашенъ въ городъ Улясутай—въ Улясутайскій Сайдъ, — гдѣ

служилъ хураль или молебень. Признательный Сайдъ ходатайствовалъ предъ Богдоханомъ о пожалованіи Номунъ-ханъ-ламѣ почетной награды. Китайскій императоръ внялъ ходатайству Сайдъа и наградилъ святителя значительнымъ участкомъ земли, извѣстнымъ числомъ данниковъ — шабинар'овъ, — пожаловалъ ему также казенную печать и въ заключеніе пожертвовалъ монастырю 500 головъ скота (быковъ). Прибывшіе въ монастырь китайскіе чиновники, по распоряженію своего высшаго правительства, выдѣлили изъ общихъ Цзасактуханскихъ владѣній долину Бегеръ-нор'а — площадь, простирающуюся по краевымъ очертаніямъ до 450 верстъ. Такимъ образомъ, Номунъ-ханъ-лама сталъ внѣ зависимости отъ Цзасакту-хана и для управленія подчиненными и сношенія съ сосѣдними хошунами завелъ у себя при монастырѣ управленіе на правахъ хошуннаго начальника.

Жители шабинскаго вѣдомства или иначе шабинар'ы, обитающіе въ долину Бегеръ-нор'а, численностью около ста юртъ, ведутъ тотъ же образъ жизни и имѣютъ тотъ родъ занятій, какой свойствененъ и ихъ ближайшимъ сосѣдямъ; по словамъ послѣднихъ и монастырь, и шабинар'ы его до дунганскаго возстанія отличались завиднымъ состояніемъ; нынѣ же они все еще не могутъ залечить своихъ ранъ, нанесенныхъ магометанскимъ погромомъ и справедливо считаютъ себя бѣдняками.

Въ наше тамъ пребываніе Номунъ-ханъ-ламәнъ-хубилганъ еще не былъ воплощенъ въ пятомъ перерожденіи, или, точнѣе, оно не было еще официально извѣстно простымъ смертнымъ, и ламы этого монастыря продолжали искать своего переродившагося хубилгана. Съ этой цѣлью мѣстный Да-лама уѣзжалъ въ Ургу на поклоненіе Ургишскому святителю и для принесенія ему цѣнныхъ подарковъ, дабы получить съ должными подробностями указаніе о мѣстѣ рожденія новаго Номунъ-хана. Въ случаѣ же невозможности удовлетворительнаго отвѣта, Да-лама, или слѣдующій за нимъ по старшинству лама, долженъ будетъ совершить паломничество въ Лхасу къ Далай-ламѣ, который уже непременно укажетъ должный путь къ младенцу воплощеннаго святителя... ¹⁾.

¹⁾ „По монгольскому повѣрью гэгэны по смерти вновь возрождаются; ребенокъ, въ которомъ возродилась вновь душа покойника, узнается по знаменію, являющемуся въ юртѣ, гдѣ находится мать будущаго гэгэна; знаменіе по увѣренію простыхъ монголовъ заключается въ явленіи радуги. Когда чудесное зачатіе объявится, туда посылаютъ двухъ или трехъ ламъ, которые и ждутъ появленія на свѣтъ святого мальчика; нечего и говорить, что такого скандала, чтобы вмѣсто будущаго гэгэна родилась дѣвочка, по мнѣнію простонародья, не можетъ быть, потому что свѣдѣнія

Объ осеннемъ пролетѣ птицъ, который началъ обнаруживаться болѣе или менѣе наглядно съ послѣдней трети августа и прошелъ черезъ сентябрь и октябрь мѣсяцы, къ сожалѣнію, можно сказать, очень немного. Лучшей наблюдательной станціей въ этомъ отношеніи могло бы послужить обширное озеро Хара-усу, но экспедиція, въ силу другихъ соображеній, должна была ограничиться лишь двухдневнымъ пребываніемъ на немъ, а затѣмъ слѣдовать дальше, вглубь болѣе пустынной части Монгольскаго Алтая, гдѣ только случайно при небольшихъ рѣчкахъ и озерахъ, нѣкоторые изъ пернатыхъ странниковъ имѣли короткій отдыхъ. Главные массовые перелеты плавающихъ и голенастыхъ птицъ, конечно, проходятъ по линіи значительныхъ озерныхъ бассейновъ — Хара-усу, Баграшъ-куль, Лобъ-норъ и т. д. Вотъ почему на первомъ изъ этихъ озеръ, лежавшемъ на нашемъ пути, мы встрѣтили замѣчательное обиліе пернатыхъ, изъ которыхъ одни уже направлялись къ югу, другія еще только собирались къ отлету туда и, наконецъ, третьи, только что прилетѣвшіе съ далекаго сѣвера, должны были набраться силъ прежде, нежели пуститься на чужбину.

Сведемъ въ одно цѣлое наши отрывочныя замѣтки о пролетѣ птицъ.

27-го августа при озерѣ Хара-усу наблюдались отлетными: гуси сѣрые (*Anser cinereus*), гуси индійскіе (*A. indicus*) и гуси Миддендорфа (*A. Middendorffii*), утки, бакланы, кроншнепы (*Numenius arquatus*); на другой же день зуйки и нѣкоторые изъ улитовъ (*Totanus*), а по долинѣ въ это время періодически уносились стайками стрижи и земляныя ласточки (*Cotile riparia*); 30-го летѣли къ югу ласточки деревенскія (*Hirundo rustica*).

2-го сентября почти одновременно были замѣчены: кулички песочники (*Tringa Temminckii*), улитъ-чернышъ (*Totanus ochropus*) и небольшое общество бекасовъ; 4-го летѣли одиночками чекканы; 5-го въ долинѣ рѣчки Борджонъ наблюдались парами или небольшими стайками улиты большіе (*Totanus glottis*), бѣлыя и желтыя плисицы; 7-го маленькія изящныя пѣночки; 9-го при озерѣ Хулму-норъ по вре-

о предстоящемъ событіи ламы вычитываютъ въ священныя книгахъ. Когда мальчикъ выучится говорить, ему показываютъ вещи покойнаго гэгэна; мальчикъ иногда сразу же узнаетъ, что это его вещи; онъ вспоминаетъ, что онъ употреблялъ ихъ въ прежней жизни; его не везутъ въ резиденцію покойнаго гэгэна, пока онъ не сдѣлаетъ этого признанія. Такова процедура замѣщенія умершихъ гэгэновъ, по мнѣнію и рассказамъ монгольскаго простонародья". (Г. Н. Потанинъ. Очерки Сѣверо-Западной Монголіи. Выпускъ II. Матеріалы этнографическіе. СПб. 1881. Стр. 79).

менамъ летѣли высоко въ небѣ огромныя стаи сѣрыхъ журавлей (*Grus cinerea*); 10-го коршунъ черноухій (*Milvus melanotis*). 11-го сентября наблюдались также на Хулму-нор'ѣ скворцы (*Sturnus vulgaris*), утки-чирки (*Querquedula crecca*), турпаны (*Casarca rutila*), черногорлые дрозды (*Turdus atrigularis*); 13-го ржанки (*Charadrius fulvus*) и опять бѣлыя плисицы; 14-го, въ послѣдній день пребыванія на Холму-нор'ѣ, — пѣтушокъ камнешарка (*Strepsilas interpres*); 17-го вновь черногорлые дрозды, но большими нежели прежде стайками. 22-го сентября летѣли сорокопуты, луговые коньки, утки полухи (*Chaulelasmus strepera*) и опять въ значительныхъ стайкахъ гуси и утки-нырки (*Fuligula*), но не останавливаясь въ долинѣ, а пролетая прямо къ югу; 23-го въ долинѣ Шаргинъ-цаганъ-нор'а наблюдались утки-кряквы (*Anas boschas*), галки (*Calaeus monedula*), грачи, полуночники (*Caprimulgus*), утки-свѣязъ (*Mareca penelope*), пустынные славки (*Sylvia nana*) и краснохвостки-краснобрюхія (*Ruticilla erythrogastra*); 25-го утки широконоски (*Anas clureata*); 29-го бекасы маленькіе; 30-го, вновь утки-кряквы и степные больдуруки (*Syrhaptus paradoxus*); послѣдніе, впрочемъ, начали летѣть уже нѣсколько дней тому назадъ и летѣли ежедневно по утрамъ и вечерамъ все въ одномъ и томъ же — восточно-юго-восточномъ направленіи.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ во множествѣ продолжали летѣть все тѣ же копытки или больдуруки и кое-когда попадались на глаза другія, почему-либо запоздавшія, пролетныя птицы.

3-го октября, днемъ, около полудня, значительными стайками отдыхали на болотѣ Бегеръ-нор'а большія ржанки (*Charadrius fulvus*), а среди нихъ съ пискливымъ крикомъ проносился изъ стороны въ сторону чибисъ (*Vanellus cristatus*); подъ-вечеръ вся эта компанія направилась въ отлетъ къ югу; 6-го, по временамъ тянулись длинными вереницами, красиво мелькая на солнцѣ, бѣлыя цапли (*Ardea alba*); въ тотъ же день замѣчены и водяные коньки.

Во второй трети октября, кромѣ большихъ и малыхъ стадъ больдуруковъ, по-прежнему уносившихся къ востоку-юго-востоку, вдоль горъ, мы ничего не наблюдали, а въ слѣдующей и послѣдней трети того же мѣсяца—22-го октября—при озерѣ Орокъ-нор'ѣ закончили собою списокъ пролетныхъ птицъ въ этомъ году—черноголовая чайка, запоздалыя утки-кряквы, прежняя одиночка ржанка и небольшая стайка сѣрыхъ гусей.

Въ области Монгольскаго Алтая.

Снова ближайшее сосѣдство главныхъ горъ. Ламы паломники въ Тибетъ. Неожиданная встрѣча съ А. Н. Казнаковымъ на озерѣ Хутукъ-норъ. Бивуакъ при ключѣ Далынъ-туру. Знакомство съ озеромъ Боунъ-цаганъ-норомъ. Жители юго-восточныхъ хошуновъ Цзасакту-ханскаго аймака. Поѣздка г. Ладыгина поперекъ Гоби. Массивы Ихэ-и Бага-богдо. Озеро Орокъ-норъ и дальнѣйшій путь экспедиціи вдоль сѣверо-восточной окраины горъ Арца-богдо. Трехнедѣльная стоянка при колодцѣ Чацерингидухукъ. Возвращеніе Казнакова. Совмѣстное слѣдованіе до кумирни Цэурахай-дацанъ. Попутные монголы Сайнъ-нойонскаго аймака.

Съ приходомъ въ Бегернорскую долину можно было сказать — двѣ трети Южнаго Алтая пройдено; остается послѣдняя треть еще болѣе расчлененная и пустынная, но и еще болѣе интересная и поучительная, нежели вторая или средняя. Изучая Монгольскій Алтай и часто бесѣдуя съ мѣстными монголами какъ объ Алтай вообще, такъ и о прилежащихъ странахъ въ частности, мы, конечно, всего больше собирали свѣдѣній о Центральной Гоби, долженствовавшей затѣмъ быть предметомъ нашихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Познакомившись съ интересной долиной Бегеръ-нор'а, экспедиція вновь направилась къ горамъ главнаго хребта—и, слѣдуя среди узкой и высокой долины, преграждающей на сѣверѣ второстепенной горной цѣпью, составляющей непосредственное западное продолженіе массива Ихэ-богдо, незамѣтно приблизилась къ восточной окраинѣ Алтайнъ-нуру, носящей у монголовъ названіе Гычигинъ-ула. Близость горъ и высокое поднятіе снова сопровождалось низкой температурой. Въ долинѣ же Бегеръ-нор'а было почти также тепло, какъ и въ памятной долинѣ Шаргинъ-цаганъ-нор'а. И тамъ, и здѣсь солнце

пригрѣвало по-лѣтнему и мы могли любоваться полевыми жаворонками, поднимавшимися въ голубую высь и разносившими по сторонамъ свое звонкое пѣніе. Въ близкомъ же сосѣдствѣ горъ, въ извѣстное время чаще слышно завываніе вѣтра или бурн, этихъ усердныхъ агентовъ-разрушителей горныхъ породъ.

Тотчасъ за травянистымъ покровомъ дна Бегернор'ской долины начинается щебне-галечникъ, который тянется до подошвы горъ. На нашемъ пути, у ключа Аро-сучжи, горы слагались изъ мелафіра и были сильно разрушены и обточены, представляя у основанія ниши, пещеры, а по вершинамъ всклокоченныя гривы. На югѣ главный хребетъ былъ засыпанъ снѣгомъ и отъ него подувало холодомъ, въ особенности по ночамъ. Монголы въ это время проживали въ ущельяхъ пройденныхъ нами передовыхъ горъ.

На безводномъ ночлегѣ въ пустынѣ мы догнали двухъ ламъ, слѣдовавшихъ въ Тибетъ, которые, послѣ знакомства съ нами, примкнули къ нашему каравану и были нашими спутниками до Цайдам'а. Оба ламы монголы, одинъ имѣлъ лѣтъ около сорока, другой же, девятнадцатилѣтній юноша, выглядѣлъ еще мальчуганомъ. Эти ламы сдружились въ свое первое паломничество въ Лхасу; теперь они, какъ близкіе знакомые, выступили вновь въ далекій путь изъ кумирни Хамбо-хутухтѣнъ-куре, гдѣ собственно и числится юный лама, и въ окрестности которой проживаютъ его состоятельные родственники; старшій же—уроженецъ Халхи, вѣчный странникъ, хорошо знающій гобійскіе пути, которыми мы теперь такъ интересовались; это знаніе дорогъ старшимъ ламою, главнымъ образомъ, и побудило меня разрѣшить ламамъ слѣдовать съ нами. Было рѣшено, что старшій лама послужитъ проводникомъ г. Ладыгину, по указанной ламою Улясутай—Су-чжоу'ской дорогѣ, младшій же долженъ состоять при главномъ караванѣ.

На третій день мы достигли урочища Шара-бурдунъ, гдѣ имѣются два маленькихъ прѣсныхъ озера, большее изъ которыхъ выпускаетъ рѣчку, теряющуюся въ сосѣдней, къ юго-востоку пониженной части долины. Абсолютное поднятіе этой мѣстности 6.990 футовъ. Отсюда, ближе къ югу выступаетъ отъ главнаго хребта гора Чандэманъ, сложенная изъ сланца, тогда какъ прилежащія къ ней невысокія грядки состоятъ изъ порфира и бѣлаго кварца; на юго-востокѣ виднѣется западная окраина Баянъ-цаганъ-ула, еще ближе высылающая отъ себя гору Унигэтэ („Лисья“), между которой и ранѣе указанной Чандэманъ находится свободный проходъ къ юго-востоку—въ долину озера Хутукъ-норъ („Озеро Счастья“). На сѣверѣ тянулся безымянный

пониженный кряжъ, добѣгающій своими восточными отпрысками до горы Унигэтэ. За этимъ кряжемъ выступали высокіе острые гребни разрозненныхъ горъ: Сырхэ, Уха и Самдынъ-дампа, — тѣхъ самыхъ, которыя были намъ видны еще съ долины озера Бегеръ-норъ, и горы Хара-аргалэнтэ, составляющія лишь западную часть общей плоской возвышенности, добѣгающей подъ названіемъ Нарынъ-хара до меридіана снѣговаго массива Ихэ-богдо.

Такимъ образомъ, рельефъ разсматриваемой мѣстности имѣеть очень мало общаго съ изображеніемъ ея на прежнихъ картахъ. По этой же причинѣ мы, достигнувъ слѣдующимъ переходомъ озера Хутукъ-норъ, неожиданно встрѣтили А. Н. Казнакова, обогнувшаго Гычигинъ-ула съ востока и введеннаго картами въ заблужденіе о мѣстѣ нашего надлежащаго схождения. А. Н. Казнаковъ, узнавъ отъ придорожныхъ туземцевъ, что мы идемъ по-близости, поспѣшилъ къ намъ на встрѣчу для выясненія плана своихъ и моихъ дѣйствій. Встрѣчею съ товарищемъ я былъ также очень доволенъ, тѣмъ болѣе, что на дняхъ только выяснилась возможность поѣздки В. Ѳ. Ладыгина черезъ пустыню Гоби, и мнѣ было крайне нежелательно разставаться съ другимъ сотрудникомъ, до свиданія съ первымъ. Теперь же къ общему удовольствію мы на берегахъ Хутукъ-нор'а устроили дневку, познакомились со съемками другъ друга и подѣлились массой впечатлѣній объ общемъ характерѣ пройденныхъ раіоновъ. А. Н. Казнаковъ съ своей стороны былъ доволенъ неожиданно выпавшей на долю нашего сотоварища заманчивой поѣздкой по пустынѣ, такъ какъ заинтересовавшись Алтаемъ, пройдя вдоль его южной подошвы свыше 500 верстъ, онъ хотѣлъ самъ довести свои изслѣдованія до меридіана Урги, а не посмѣнно съ г. Ладыгинымъ, какъ было условлено ранѣе.

Маршрутъ слѣдующей поѣздки А. Н. Казнакова, начавшаго ее отсюда, представлялся таковымъ: по пересѣченіи, къ югу отъ озера Хутукъ-норъ, горъ Гычигинъ-ула и своего только-что пройденнаго пути, взять направленіе къ юго-востоку, или близкое къ таковому, для движенія у южной подошвы расчлененнаго Алтая до связи на востокъ съ Гобійскими рейсами Н. М. Пржевальскаго, а затѣмъ, выйдя къ сѣверному подножью тѣхъ же горъ, слѣдовать ко мнѣ на встрѣчу въ окрестностяхъ озера Уланъ-норъ.

Пользуясь дневкой, товарищъ Казнаковъ сталъ обстоятельно собираться въ дальнѣйшій путь. Я же продолжалъ работать при нѣкоторомъ участіи г. Ладыгина, отъѣздъ котораго былъ назначенъ почти на недѣлю позднѣе отъѣзда моего перваго сотрудника.

Прѣсное озеро Хутукъ-норъ, обойденное кругомъ, расположено въ привѣтливой долинь, ограниченной съ юга горами Гычигинъ-ула, съ востока Чандэманъ, и съ сѣвера—обнажающими розоватый вывѣтрѣлый гранитъ сопками передовыхъ холмовъ горъ Унигэтэ и Байнъ-цаганъ-ула, акъ востоко-юго-востоку волнистыми увалами. Будучи затѣйливо изрѣзано въ сѣверо-западной части высокими обрывистыми берегами, Хутукъ-норъ имѣеть низкіе берега на юго-восточной своей окраинѣ. Окружность озера простирается до 30-ти верстъ, представляя фигуру, вытянутую согласно направленію горъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ.

Въ наше пребываніе на озерѣ, послѣднее было покрыто льдомъ, сквозь блестящую поверхность котораго виднѣлось мелкое илистое дно, поросшее водорослями, гдѣ усмотрѣны во множествѣ *Gammaus*'ы. Въ юго-восточной части озера выступаетъ изъ его водъ обрывистый островъ, состоящій изъ зеленоватаго ила. Близко примыкая къ полуострову, онъ какъ бы раздѣляетъ водную гладь на двѣ части, принимаемая издали за отдѣльные озера. Къ востоку же въ трехъ верстахъ, дѣйствительно, имѣется обособленное озерко, называемое „Бага-норъ“. Нашъ бивуакъ былъ расположенъ на южной окраинѣ Хутукъ-нор'а, по близости обильно выступающихъ по берегамъ ключевыхъ родниковъ, питающихъ озеро.

Прилежащая долина была покрыта хорошою степною растительностью, по которой паслись стада мѣстныхъ кочевниковъ. Рядомъ съ домашними животными нерѣдко можно было видѣть небольшія общества монгольскихъ дзереновъ и хара-сультъ. Изъ птицъ видѣли лишь пару лебедей, которые немного отдохнувъ на обманчивой ледяной поверхности озера, полетѣли дальше къ югу, оглашая воздухъ тревожнымъ крикомъ. Въ сосѣднихъ горахъ держались аргали, горные козлы, волки, лисицы и зайцы.

Испортившаяся къ вечеру погода помѣшала мнѣ произвести астрономическія наблюденія.

Познакомившись съ озеромъ Хутукъ-нор'омъ, мы направились въ дальнѣйшій путь къ востоку. А. Н. Казнаковъ остался еще на три дня, въ ожиданіи своихъ проводниковъ и перевозочныхъ средствъ. Обогнувъ озеро съ юго-востока, нашъ караванъ опять вступилъ на большую Кобдо—Куку-хото'скую дорогу и по ней слѣдующимъ переходомъ достигъ урочища Датынъ-туру, лежащаго въ открытой долинь, но ближе къ окраинѣ горъ Байнъ-цаганъ-ула. На половинѣ нашего перваго перехода отъ озера, мы увидѣли и пересѣкли ту большую дорогу изъ Улясутая въ Су-чжоу, по которой въ скоромъ времени дол-

женъ былъ слѣдовать В. О. Ладыгинъ. Общее направленіе этой интересной Гобійской дороги шло отъ сѣверо-сѣверо-запада на юго-юго-востокъ. На сѣверѣ дорога пересѣкала западную окраину Байнъ-цаганъ-ула, а на югѣ серію хребтиковъ, кряжей и поперечныхъ долинъ той системы горъ, которая составляетъ дальнѣйшее на юго-востокъ продолженіе Алтая—его южной цѣпи, теряющейся въ пустынь, а не связывающейся, какъ изображалось на картахъ ¹⁾, съ передовыми на сѣверѣ горами въ массивѣ Ихэ-богдо, порою открывавшемуся намъ въ синѣющей дали своей могучей плоской вершиной.

На отличномъ ключевомъ урочищѣ Далынъ-туру мы расположились на нѣсколько дней съ цѣлью дать животнымъ отдыхъ, а также и для производства астрономическихъ наблюденій и обстоятельнаго снаряженія В. О. Ладыгина въ далекую поѣздку. Отсюда я имѣлъ намѣреніе идти по направленію къ западному выступу Ихэбогдо и далѣе вдоль его сѣвернаго подножья.

Не желая въ то же время оставить не посѣщеннымъ и не снятымъ на планъ, лежащее къ сѣверу отъ Далынъ-туру, озеро Цаганъ-норъ, или какъ оно точнѣе называется Боунъ-цаганъ-норъ, я поручилъ г. Ладыгину съѣздить туда. Посѣщенная моимъ сотрудникомъ мѣстность представляется такъ. Тотчасъ за хребтомъ Байнъ-цаганъ-ула, пересѣченнымъ г. Ладыгинымъ въ пониженіи, залегающемъ западнѣе горы Цицинъ-хайрханъ, лежащей въ общей оси съ Байнъ-цаганъ-ула, расположена долина, преграждаемая съ сѣвера длиннымъ плоскимъ поднятіемъ. На этомъ поднятіи насажены вершины: по срединѣ Дунду-аргалэнтэ, къ востоку Уланъ-аргалэнтэ и на западѣ Хара-аргалэнтэ,—тѣ самыя, о которыхъ я уже раньше упоминалъ и которыя были видны съ озера Бегеръ-норъ и изъ урочища Шара-бурдунъ. Миновавъ общую возвышенность, г. Ладыгинъ спустился въ обширную долину, раздѣляющую Алтай и Хангай, и чрезъ десять верстъ движенія по ней въ томъ же сѣверномъ направленіи, вступилъ на юго-восточный берегъ озера.

Горы Байнъ-цаганъ-ула, судя по образцамъ, взятымъ съ южнаго склона этого хребта, слагаются главнымъ образомъ изъ сланца; кромѣ того при устьѣ одного изъ среднихъ ущелій того же полуденнаго склона замѣчены габбро и кварцитовая брекчія, а у ключа Харынъ-шанда брекчія гобійская. Въ восточной пониженной окраинѣ описываемыхъ горъ, на границѣ съ скалистымъ, крутымъ Цицинъ-хайрханомъ

¹⁾ Въ дѣйствительности же въ той сторонѣ находится широкая долина, по которой тянется большая караванная дорога въ Куку-хото.

на пути В. О. Ладыгина, обнаруженъ стекловатый базальтъ—мѣстами съ собственной брекчией,—покоящійся на базальтовой лавѣ, а въ нѣкоторомъ отдаленіи къ югу и сѣверу, по предгорьямъ, къ преобладающему сланцу примѣшивается и известнякъ. Далѣе къ сѣверу передъ долиной Боунъ-цаганъ-норъ залегаетъ окраинная гряда, обнаруживающая на обоихъ склонахъ, при пересѣченіи Дунду-аргалэнтэ, порфировый туфъ съ незначительнымъ добавленіемъ тоналита, известняка, мезозойскихъ песчаника и глины и кремня; послѣдній монголы добываютъ для собственной надобности.

Озеро Боунъ-цаганъ-норъ довольно обширное—до 60-ти верстъ въ окружности—было обойдено кругомъ. Общая фигура этого соленого озера, стоявшаго открытымъ въ половинѣ октября, напоминаетъ закругленный треугольникъ, сѣверо-западная и юго-западная стороны котораго прихотливо изрѣзаны. Вода на столько солоная, что ее не пьютъ даже животныя; кромѣ того она обильно выдѣляетъ сѣководородъ. Низкій берегъ—солончаки, возвышенный—пески, обсыпающіе котловину озера со всѣхъ сторонъ; съ восточной стороны кромѣ того расположены правильныя поперечныя гряды, состоящія изъ конгломератоваго щебня. Въ сѣверо-восточный уголъ озера впадаетъ рѣчка Байдарикъ¹⁾, не задолго передъ тѣмъ принявшая справа Цаганъ-голь. Отсюда же на сѣверо-западъ вдали, среди предгорій Хангая, видѣлась гора Гурбанъ-хара-Магнай.

На озерѣ ютилось много пролетныхъ птицъ,—все тѣ же, которыя мною были указаны и раньше. Съ сѣвера и запада—со стороны пустыни порою приходили хуланы и антилопы (*Gazella subgutturosa*), которыхъ манили прибрежныя заросли камыша, тамариска и саксаула.

Обратно г. Ладыгинъ, не имѣя болѣе въ своемъ распоряженіи времени, въ виду предстоявшей скорой поѣздки, возвратился прежней дорогой.

Пользуясь дневками наши казаки охотились въ ближайшей окрестности за антилопами, а препараторъ Телешовъ уѣзжалъ съ той же цѣлью въ горы Баинъ-цаганъ-ула. Поѣздки Телешова были особенно успѣшны: онъ убилъ пару каменныхъ барановъ, изъ которыхъ одинъ по величинѣ и красотѣ превосходилъ всѣхъ видѣнныхъ и добытыхъ нами во время путешествія. Орнитологическая коллекція также обогатилась интереснымъ мѣстнымъ видомъ горной индѣйки (*Megaloperdix altaica*). Посѣщенные нами ущелья южнаго

¹⁾ Въ устьѣ своемъ эта рѣчка разбита на три рукава, достигающихъ по ширинѣ въ общей сложности 6—7 сажень, а въ глубину около одного фута.

склона Байнъ-цаганъ-ула отличались сравнительно привѣтливимъ характеромъ: повсюду виднѣлись золотистыя луговыя площади и узкія темныя змѣйки едва слышно журчащихъ ручьевъ. По словамъ мѣстныхъ монголовъ и личному наблюденію Ладыгина, и сѣверный склонъ не менѣе богатъ и привлекателенъ, чѣмъ южный. Правда, мѣстами встрѣчались мрачныя угрюмыя тѣснины и совершенно недоступныя боковыя ущелья, но общее довольно пріятное впечатлѣніе все-таки не ослабѣвало, а скорѣе увеличивалось. Монголы справедливо считаютъ эти горы богатыми.

Съ горъ Байнъ-цаганъ-ула въ ясную погоду открывается широкій видъ къ югу. Южная цѣпь горъ Гычигинъ-ула рѣзко обрывается: ея непосредственнымъ продолженіемъ на юго-востокъ служитъ рядъ холмовъ, вытянутыхъ параллельно между собою. Ближайшую невысокую и короткую гряду монголы намъ назвали Хуца, отдаленную же, значительно поднятую надъ общими высотами и теряющуюся въ пустынь—Чжинсытэ-нуру. Неподалеку рѣзко выступаетъ обособленная гора Бурла-хайрханъ. На восточномъ краѣ горизонта въ передовой цѣпи виднѣлась могучая гора Ихэ-богдо. Большая караванная Кубдо—Кукухото'ская дорога проходитъ долиною между указанными цѣпями горъ.

Населеніе трехъ послѣднихъ хошуновъ Цзасакту-хан'скаго аймака—Гомбу-сурунъ-гун'а, Риндо-цзасак'а и Юмъ-бэйсэ—соприкасается своими кочевьями у береговъ озера Хутукъ-норъ. Раіонъ перваго хошуна простирается къ сѣверо-западу отъ озера, раіонъ второго—на сѣверо-востокъ и раіонъ третьяго—къ юго-востоку. Хошунъ Гомбу-сурунъ-гун'а самый бѣдный на всемъ пройденномъ нами до сего времени пространствѣ: онъ съ трудомъ насчитываетъ у себя тридцать юртъ. Его князь не богаче любого своего подданнаго; все его имущество состоитъ изъ одной юрты, лошади, трехъ коровъ и двадцати барановъ. Долгу же за хошуномъ одному пекинскому купцу-китайцу значится свыше 50.000 рублей, считая на наши деньги. Приплодь отъ скота, шерсть и шкуры звѣрей идутъ на покрытие процентовъ на капиталъ, котораго хошунъ никогда и не выплатитъ. Поэтому сюда уже больше не заглядываютъ торговцы; кумиренъ здѣсь также нѣтъ. За недостаткомъ животныхъ перекочевки мѣстнаго князя представляютъ печальную картину; его жалкій скарбъ большею частью переносится на спинахъ бѣдняковъ однохошунцевъ.

Слѣдующіе два хошуна многолюднѣе и богаче; въ первомъ изъ нихъ около 400 юртъ, во второмъ свыше 450. Населеніе того и другого занимается главнымъ образомъ скотоводствомъ и немного охотою.

Въ обоихъ хошунахъ имѣются кумирни, носящія имена своихъ хошунныхъ начальниковъ. Кумирня Юмъ-бэйсэнъ-куре гордится своимъ Эрдэни-хубилган'омъ, считающимся первымъ ученымъ среди ламъ всего Цзасакту-хан'скаго аймака. На обоихъ моихъ сотрудниковъ, посѣтившихъ эту кумирню, Эрдэни-хубилганъ произвелъ впечатлѣніе очень толковаго человѣка, довольно обстоятельно разспрашивавшаго о ихъ путяхъ и цѣляхъ путешествія. Хубилганъ, какъ и всѣ прочіе ламы, числомъ около 400 человѣкъ, жилъ въ юртѣ, отличающейся лишь размѣрами и чистотой.

Какъ при этой кумирнѣ, такъ равно и при кумирнѣ Риндо-цзасагинъ-куре, почти постоянно проживаютъ торговцы-китайцы, ведущіе съ мѣстными кочевниками мѣновую торговлю.

Отсюда монголы уже и сами ежегодно позднею осенью и зимою отправляются на своихъ верблюдахъ, къ югу, черезъ Гоби, въ города Ань-си, Юй-мынь, Су-чжоу и Гань-чжоу, гдѣ приобрѣтаютъ хлѣбъ, бумажныя и шелковыя ткани, а также чай, водку и проч. Вѣзятъ, впрочемъ, они и въ Ургу особенно лѣтомъ, когда проѣздъ по южной части Гоби бываетъ невозможенъ.

Такимъ образомъ экспедиція прослѣдовала черезъ шесть хошунъ Цзасакту-хан'скаго аймака, западная граница котораго проходить, какъ-то и замѣчено выше, долиною рѣчки Борджонъ, а восточная при озерѣ Ногонъ-норъ, въ урочищѣ Унта („Проспавшій“). Послѣднее, согласно преданію, такъ названо потому, что здѣсь когда-то и какой-то военачальникъ потерпѣлъ полное пораженіе въ борьбѣ съ непріателемъ, прокравшимся въ лагерь перваго въ то время, когда онъ спалъ крѣпкимъ сномъ. У монголовъ же существуетъ пословица: „Просыпайся ранѣе восхода солнца, иначе вражья стрѣла найдетъ тебя“.

Обитатели Цзасакту-ханскаго аймака три года тому назадъ сильно пострадали; ихъ благосостоянію нанесъ громадный ущербъ падежъ рогатаго скота отъ болѣзни „миланъ“—чумы, этого неумолимаго бича скотовода. Почти одновременно съ этимъ бѣдствіемъ страну посѣтила и другая непрошенная гостья, смертельно поражающая самихъ монголовъ—красная сынь (краснуха) или, какъ ее называютъ монголы, уланъ-бурханъ. Интересно, что кочевники при появленіи этой болѣзни проникаются неописуемымъ ужасомъ, вѣруя, что тяжкія болѣзни или кары ниспосылаются на землю исключительно Богомъ, откуда произошло и самое названіе болѣзни уланъ-бурханъ.

Ставка мѣстнаго князя Юмъ-бэйсэ была съ нами по сосѣдству, въ пяти верстахъ, у южной подошвы горъ Байнъ-цаганъ-ула, при ключѣ

Нара („Солнце“). Туда не одинъ разъ ѣздилъ для переговоровъ нашъ переводчикъ Бадмажаповъ, успѣшно закончившій свою миссію по отысканію чиновниковъ и проводниковъ какъ для главнаго каравана, такъ и для легкаго развѣзда В. Ф. Ладыгина.

Четыре-пять дней, проведенные при урочищѣ Далынъ-туру мелькнули для насъ незамѣтно. Раннимъ утромъ, 15-го октября, мы его оставили, разставшись съ г. Ладыгинымъ на три слишкомъ мѣсяца. Прощаясь, мы желали другъ другу успѣха въ предпріятіяхъ, смѣясь, что свидимся только въ будущемъ году. Пріятно было смотрѣть на моего, искренно преданнаго интересамъ экспедиціи, товарища, гордившагося полученіемъ отвѣтственной командировки. Дѣйствительно, впереди на многія сотни верстъ разстилалась пустыня, скрывавшая въ своихъ нѣдрахъ и горы, и рѣчки, и родники, и, быть можетъ, интересную органическую жизнь. Все это пока рисовалось загадочно и заманчиво.

Нашъ дальнѣйшій путь шель на пространствѣ 50-ти верстъ на юго-востокъ до небольшого соленого озера Ногонъ-норъ, залегающаго въ широкой солончаковой долинѣ. Отсюда онъ склонился къ востоку - сѣверо - востоку на пересѣченіе передовой и теперь уже главной самостоятельной цѣпи Алтая, изъ которой гордо выступалъ массивъ Ихэ-богдо. Между этою снѣговой горою и оставленными Баинъ-цаганъ-ула, расположены въ той же цѣпи вначалѣ, какъ уже и говорено выше, Цицинъ-хайрханъ, восточные отпрыски котораго доходятъ до плоскихъ валлообразныхъ и широкихъ горъ Тарята, затѣмъ эти послѣднія и примыкающія къ нимъ горы Нойонъ.

Продолжая разсматривать топографическій рельефъ одиночной цѣпи Алтая — видимъ массивъ Ихэ-богдо, за нимъ къ востоку другой—Бага-богдо, сходящіяся между собою опущенными крыльями, при чемъ такъ, что восточное крыло Ихэ-богдо проходитъ южнѣе западнаго крыла Бага-богдо, образуя плоскій проходъ изъ сѣверной долины въ южную. Къ юго-востоку отъ Бага-богдо имѣется значительное, до десяти верстъ, расчлененіе съ слѣдующими за ними горами Арца-богдо, лежащими юго-восточнѣе снѣговаго массива. Затѣмъ между горами Арца-богдо и Гурбанъ-сайханъ усмотрѣнъ также проходъ но еще болѣе широкій, нежели только что указанный и съ той еще разницей, что ближайшія крылья горъ лежатъ на общей линіи, а не заходятъ другъ за друга, какъ это мы видѣли у обоихъ снѣговыхъ массивовъ и у западной окраины Арца-богдо. Далѣе, по мѣрѣ уда-

ленія къ юго-востоку, горы значительно понижаются и въ окрестностяхъ сѣверной извилины Хуан-хэ исчезаютъ, расплываясь плоскими, низкими волнами въ видѣ отдѣльно стоящихъ параллельныхъ грядъ и грядокъ.

Теперь скажемъ нѣсколько подробнѣе о самомъ маршрутѣ въ области указанныхъ горъ.

Отъ ключа Дамынъ-туру, по направленію къ Ногонъ-нор'у, куда направляются сухія каменистыя русла, идетъ общее пониженіе мѣстности; поверхностный слой прилежащей долины состоитъ изъ гальки и щебня, которые въ самой котловинѣ озера смѣняются рыхлымъ глинистымъ лёссомъ, высоко взметаемымъ порывами вѣтра. У кустовъ хармыка и бударганы лёссъ образовывалъ невысокіе холмы, по которымъ ютились проворныя песчанки (*Gerbillus opimus nigrescens*), издававшія тонкій свистъ. Густыя заросли дэресуна привлекали изъ окрестной пустыни стада хулановъ и антилопъ харасультъ; по ночамъ, въ долинѣ раздавался непріятный вой волковъ, которымъ усердно вторили собаки окрестныхъ кочевниковъ. На ключъ Цзадагай-усу, при которомъ мы стояли бивуакомъ, днемъ то и дѣло прилетали вьюрки и большіе и малые жаворонки. Первые забавляли наблюдателя своимъ интереснымъ купаньемъ и оригинальной просушкой плотныхъ перьевъ при помощи лёссової пыли, въ которую птички глубоко погружались, по временамъ поднимая въ воздухъ тонкую пыль хлопаньемъ своихъ крылышекъ. Надъ равниной изрѣдка проносились стада больдуруковъ, а надъ окрестными горами кружились одиночками или парами крупныя хищники—орлы и грифы, зорко высматривавшіе добычу.

Самое озеро Ногонъ-норъ осталось немного въ сторонѣ отъ нашего пути. По словамъ мѣстныхъ монголовъ, въ нынѣшній годъ, сравнительно обильный дождями, озеро достаточно наполнено водой; обыкновенно же его солончаковое дно стоитъ по нѣсколько лѣтъ къ ряду совершенно открытымъ, такъ какъ воды рѣчки Наринъ-гол'а, равно какъ и воды другихъ рѣчушекъ, направляющихся въ котловину, ея дна не достигаютъ. Высота этой мѣстности поднята на 5.840 футовъ надъ морскимъ уровнемъ. Съ юга озерная котловина замыкается высотами Кэптэ.

За урочищемъ Унта наша дорога вновь начала втягиваться въ горы, сначала невысокія, представлявшіяся въ видѣ мелкосопочника, въ которомъ обнажались діоритъ, филлитъ и жильный кварцъ, а при переходѣ въ предгорья главныхъ горъ—сланецъ и сланцеватый известнякъ съ фораминаферами и каменоугольными кораллами. Далѣе до-

рога поднялась на высокій юго-восточный отрогъ горъ Тарята по перевалу въ 7.510 футовъ надъ моремъ. Ядро горъ Тарята слагается изъ тоналита, гранита и сланца, съ присоединеніемъ у окраинъ кварцеваго известняка и известняковой брекчии.

Съ вершины безымяннаго перевала открылся видъ къ сѣверу на ближайшую валообразную гору Нойонъ и къ сѣверо-востоку на главный и могучій массивъ Ихэ-богдо, сурово глядѣвшій на насъ изъ подъ мрачныхъ снѣговыхъ тучъ, часто скоплавшихся у этой горной громады. Между горами лежащими впереди и тѣми, на которыхъ мы стояли, вклинивается долина съ хорошей травянистой растительностью, въ особенности въ сѣверо-западномъ углу, при ключѣ Мухуръ-булыкъ, куда мы и направились. Въ этой долинѣ стояли двѣ-три юрты монголовъ, вокругъ которыхъ бродила масса скота чуть не совмѣстно съ большимъ, до двухсотъ головъ, стадомъ монгольскихъ дзереновъ (*Gazella gutturosa*). Изъ птицъ же здѣсь были замѣчены темный сарычъ, парившій надъ дэрэсуномъ, соколъ пустельга, преслѣдовавшій жаворонковъ, красноклювая клушица и сѣрая куропатки.

Погода послѣднюю недѣлю стояла отличная — ясная или полужасная съ преобладающимъ затишьемъ; днемъ на солнцѣ было тепло, ночи же отличались значительною свѣжестью; воздухъ былъ довольно прозраченъ,—короче, стояла самая типичная осенняя погода не только для этой части Монголіи, но даже и для всей вообще Центральной Азіи. Ночью, съ 18-го на 19-е октября, разразился сильный снѣжный буранъ съ юга, бушевавшій почти цѣлыя сутки и покрывшій сосѣднюю окрестность толстымъ, до полу-аршина, слоемъ снѣга, мѣстами сбившагося въ большіе сугробы. О выступленіи въ путь нечего было и думать; поневолѣ пришлось устроить дневку. Наша юрта уныло скрипѣла и стонала, порою даже сжималась отъ сильнѣйшихъ объятій разгулявашагося шторма, войлока приподымались и тонкая снѣжная пыль заметала предметы, находившіеся внутри нашего походнаго жилища. Въ такое время обыкновенно нельзя ничего дѣлать: поневолѣ сидишь сложа руки и повертываешься то однимъ, то другимъ бокомъ къ желѣзной печкѣ, подлѣ которой температура все-таки значительно выше нежели у краевъ или у двери юрты, гдѣ она почти равняется температурѣ наружнаго воздуха. Особенно тяжела въ подобное время служба казаковъ или гренадеръ; караваннымъ животнымъ также плохо: сбившись въ плотную кучу и спрятавъ головы въ подвѣтренную сторону, они стоятъ выгорбившись и сильно дрожатъ отъ леденящей стужи. По прекращеніи бурана небо совершенно прояснилось и на

его темномъ фонѣ зажглись дивнымъ блескомъ яркія звѣзды и планеты. Шаги, прогуливавшагося по бивуку ночного часового, отдавались въ тиши знакомымъ хрустѣніемъ снѣга. Ночной minimum выразился — 24,0°. Словомъ, получилась настоящая зимняя картина. Монголы не преминули замѣтить, что бурань произошелъ по волѣ духовъ, живущихъ на вершинѣ знаменитой горы Ихэ-богдо, которая этимъ самымъ давала понять пришельцу-человѣку о своемъ величїи.

Освободивъ багажъ изъ подъ снѣга и завьючивъ караванъ, мы направились мимо южной окраины горы Нойонъ, сложенной изъ тоналита, къ перевалу Хухэнъ-дабанъ ¹⁾, лежащему на 6.660 футовъ надъ моремъ, на западномъ опущенномъ крылѣ Ихэ-богдо. Дороги, конечно, не было никакой и передовымъ животнымъ приходилось дѣлать особыя усилія при движеніи по глубокому снѣгу. Въ такихъ случаяхъ мы иногда посылали впередъ верховыхъ спутниковъ-проводниковъ, которые на своихъ свѣжихъ лошадяхъ прокладывали тропу для верблюжьяго каравана. Къ счастью, подъемъ на перевалъ былъ довольно пологій, по крутому же спуску его мы прошли безъ особеннаго труда, такъ какъ здѣсь снѣга было значительно меньше.

Съ вершины перевала массивъ Ихэ-богдо открываетъ наблюдателю свою юго-западную, круто обрывающуюся къ югу, головную часть, отъ которой къ подошвѣ общаго массива нѣсколько положе спускается обширная покатость или бѣль, какъ называетъ ее Г. Н. Потанинъ ²⁾. Къ сѣверу, черезъ щелевое отверстіе, открывался видъ на высоты Нарынъ-хара и на прилежащую глубокую долину. Дальнѣйшій нашъ путь, такимъ образомъ, приходился въ непосредственной близости сначала западнаго, а потомъ и сѣвернаго подножья Ихэ-богдо. Первое сложено изъ гранита и конгломерата, сочетающихся въ дикія, фантастическія формы; наиболѣе интересными казались второстепенные пики или столбчатыя отдѣльности, мѣстами увѣнчанныя гигантскими округлыми гранитами, готовыми упасть ежеминутно. По дну ущелья струился красновато-бурый ручеекъ — Гашиунъ-булыкъ, — теряющійся при выходѣ изъ горъ. Растительность здѣсь крайне бѣдная, невзрачная, выражалась преимущественно кустарниками: саксауломъ, бударганой и немногими другими. Нашъ бивуакъ приходился недалеко отъ отдѣльно стоящей горки, обнаруживающей щебень, гальку и мезозойскіе конгломераты и песчаникъ.

¹⁾ На этомъ перевалѣ обнажался песчаникъ, переходящій въ пуддингъ.

²⁾ Г. Н. Потанинъ. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголія. Т. I. СПб. 1893. Стр. 486.

На сѣверо-западѣ даль ограничивалась высотами Аргалэнтэ, на плоской спинѣ которыхъ выступали отдѣльныя горы, названія которыхъ сообщены выше (стр. 77). Вправо, въ сторону нашего дальнѣйшаго пути, уходила открытая долина.

Обиліе выпавшаго снѣга послужило препятствіемъ для измѣренія высоты Ихэ-богдо. Лѣтомъ, мнѣ кажется, всего удобнѣе осилить трудности поднятія на вершину этого массива, чтобы затѣмъ имѣть возможность опредѣленно сказать какъ велика его абсолютная высота. Въ настоящее же время я могъ выполнить только незначительную поѣздку съ колодца Куку-сайрэнъ-худукъ, поднятаго надъ морскимъ уровнемъ на 4.080 футовъ, къ устью главнѣйшаго ущелья — Улястэ-ама, отстоявшаго въ 12-ти верстахъ къ югу отъ нашего бивуака. По года стояла отличная—ясная, тихая—и я съ Бадмажаповымъ и двумя проводниками монголами въ полдень оставилъ бивуакъ и по пока-тости, круто ниспадавшей въ равнину, направился вверхъ. Сытыя лошаденки несли насъ то легкой рысью, гдѣ почва была помягче, то шагомъ, гдѣ залегали каменья. Съ каждой верстой движенія къ югу мы значительно поднимались и нашимъ глазамъ представлялись новые и лучшіе виды по сторонамъ, въ особенности на востоко-юго-востокѣ горизонта, гдѣ возвышался слѣдующій массивъ—Бага-богдо, сплошь укрытый чисто-бѣлымъ снѣгомъ, ослѣпительно блестящимъ подъ яркими лучами солнца. Въ высшей степени характерной представлялась его шалкообразная вершина, высоко поднимающаяся къ небу. Вся прилежащая равнина также бѣлѣла отъ снѣга. На сѣверо-западѣ рѣзко выдѣлялись вершины высотъ Аргалэнтэ, а на западѣ—гребни скалистыхъ горъ Баянъ-цаганъ-ула и Цицинъ-хайрханъ. По дну глубокой впадины густыми клубами стлался туманъ, закрывавшій видъ на озеро Орокъ-норъ.

У устья Улястэ-ама мы спустились въ глубоко-врѣзанную балку, по дну которой, заваленному огромными гранитными валунами, протекалъ небольшой, прозрачный ручей. Съ трудомъ поднявшись на правый крутой берегъ балки и немного продвинувшись вверхъ по послѣдовательно расположеннымъ террасамъ, мы достигли, наконецъ, каменныхъ воротъ ущелья, у которыхъ стояла одинокая монгольская юрта, оберегаемая двумя презлыми псами. Высоко по сосѣднимъ скаламъ паслись сарлоки или домашніе яки, а вблизи юрты бродили козы. Вскорѣ появились и люди—монголъ и его дѣтишки — пастухи; немного позднѣе показался изъ той же юрты и старецъ-лама. Монголы сообщили намъ, что въ данное время не имѣется дороги вверхъ

по дикому каменистому и глубокому ущелью; лѣтомъ же, хотя и съ большимъ трудомъ, возможно пробраться до головы источника, употребивъ на подъемъ туда цѣлые полдня, ровно столько же и на обратную дорогу, словомъ, на путешествіе въ 8—10 верстъ внутрь горъ требуется большой лѣтній день; при чемъ самое путешествіе можно выполнить только пѣшимъ порядкомъ, двигаться же на лошади нѣтъ возможности.

Святой ключъ у вершины окаймленъ кустами тальника, поднимающимися въ высоту до двухъ сажень. Тамъ, въ глубинѣ ущелья, у священнаго источника, по словамъ, тѣхъ же монголовъ, всегда и у всѣхъ болитъ голова, тяжело дышать, сильнѣе бьется сердце, а у нѣкоторыхъ даже идетъ горломъ кровь... Попытались было мы продвинуться вверхъ, но убѣдились въ правдивости словъ мѣстныхъ обитателей: огромныя обледенѣлыя каменные глыбы и замерзшіе каскады положительно не давали возможности, какъ говорится, ступить шагу. Тѣмъ временемъ надъ мрачнымъ ущельемъ сгустились сумерки и видъ дикихъ горъ сталъ производить впечатлѣніе своеобразной таинственности. Только слабо доносившееся до насъ монотонное воркованіе каменнаго голубя, звонкій голосъ завирушки (*Accentor fulvescens*), да блеяніе домашнихъ козъ нарушали тишину. По словамъ монголовъ, въ этихъ горахъ очень много горныхъ козловъ, но охотиться за ними почти невозможно, благодаря трудности ходьбы по каменистому руслу и совершенно недоступной крутизнѣ скатовъ.

Монголы были очень удивлены нашимъ прїѣздомъ и долго не могли отдать себѣ отчетъ въ настоящей цѣли посѣщенія ихъ русскими; ихъ также не мало смущало и то обстоятельство—зачѣмъ мы беремъ образчики камней ¹⁾ и смотримъ на барометръ. Абсолютная высота Улястѣ-ама опредѣлилась въ 6.530 футовъ. Старецъ-лама внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что мы дѣлали, не переставая въ то же время быть очень сосредоточеннымъ и, перебирая чѣтки, довольно громко повторять извѣстную мистическую формулу „Ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ“ ²⁾. Ода-

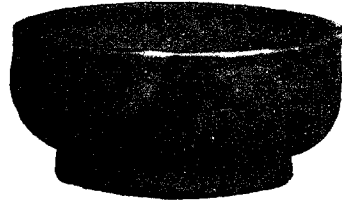
¹⁾ Массивъ Ихэ-богдо слагается изъ гранита, гранитовой брекчии, аплита, сланца, кварцита, конгломерата и, судя по образцу, добытому въ одномъ изъ ущелий праваго крыла массива, ріолита.

²⁾ Что значить — „О сокровище лотоса!“ Лотосъ (*Nelumbium*) — прекрасное растеніе, которое согласно индійской мивелогіи, служить трономъ Творцу міра, а также считается и символомъ земли.

Формула эта по объясненію сочиненія Мани-ка-бумъ „представляетъ сущность счастья, благоденствія и знанія и великое средство освобожденія“ отъ перерожденія: „Омъ“ въ качествѣ божества, „ма“ — въ качествѣ титана, „ни“ — въ видѣ человѣка, „пад“ — въ видѣ животнаго, „мэ“ въ образѣ тантала и „хумъ“ въ образѣ обитателя

ривъ монголовъ и привѣтливо распрощавшись съ ними, мы стали собираться въ дорогу. Лама расчувствовался и подарилъ мнѣ въ свою очередь на память чашечку изъ мыльнаго камня, вывезенную имъ когда-то изъ Лхасы¹⁾. Этотъ скромный даръ старика мнѣ былъ тѣмъ болѣе пріятенъ, что чашечку онъ видимо цѣнилъ, такъ какъ она стояла передъ бурханами и въ ней онъ возжигалъ передъ ними масло, а также воскуривалъ и фиміамъ изъ измельченныхъ вѣточекъ можжевельника.

На обратномъ пути насъ застигла ночь; тѣмъ не менѣе, благодаря опытности проводниковъ, мы прослѣдовали еще успѣшнѣе, такъ какъ внизъ по покатости, продрогшіе отъ холода лошади шли несравненно быстрѣе, нежели при слѣдованіи въ передній путь.

На красивомъ темномъ фонѣ неба одна за другой зажглись блестящія звѣзды и планеты; среди послѣднихъ выдѣлялся Сатурнъ; показалась и наша путеводная „полярная“ звѣздочка, скромно и ровно сіявшая не особенно высоко надъ горизонтомъ; немного позднѣе вспыхнулъ, словно маякъ, огонекъ костра нашего бивуака еще определеннѣе указывавшій путь. Спустившись въ глубину долины мы почувствовали на себѣ влажную свѣжесть, обусловленную густымъ туманомъ, медленно надвигавшимся со стороны Орокънор'а.

Туманъ сопровождалъ насъ и весь слѣдующій переходъ къ означенному озеру, въ юго-западномъ углу котораго, при урочищѣ Датынъ-туру, мы имѣли двухдневную стоянку. Зима, повидимому, надвигалась и ночная температура воздуха давала себя чувствовать, спускаясь до—26°.

Озеро Орокъ-норъ прѣсное и вытянуто отъ запада къ востоку на 25 верстѣ, простираясь въ окружности до 60-ти. Съ сѣвера въ озеро впадаетъ рѣчка Тунинъ-голь, берущая начало въ горахъ Хангай; съ юга же оно граничитъ съ подножьемъ праваго крыла массива Ихэ-

ада Повтореніе этой формулы обезпечиваетъ ламаисту прямой входъ въ рай не подвергаясь метампсихозу. См. L. A. Waddell. The Buddhism of Tibet or Lamaism. London. 1895. Стр. 148.

1) Изображенная на этомъ рисункѣ чашечка представлена въ пять шестыхъ настоящей величины. Камень изъ котораго сдѣлана чашечка темнобураго цвѣта, съ рѣдкими свѣтло-сѣрыми и розовато-коричневыми крапинами. Снаружи чашечка отшлифована, внутри же обдѣлана сравнительно грубо.

богдо. Глядя на Орокъ-норъ съ его большею частью возвышенныхъ береговъ, получается впечатлѣніе глубокаго провала, нѣкогда, вѣроятно, наполнявшася водою значительно выше; нынѣ же, по словамъ монголовъ, не всегда полностью прикрывается даже его дно. Наибольшая глубина озера приходится у сѣвернаго берега, хотя значительные омуты, согласно показаніямъ тѣхъ же монголовъ, имѣются во многихъ мѣстахъ этого бассейна. Периодически, приблизительно черезъ десятилѣтній промежутокъ, рѣчка Тунинъ-голь приноситъ очень мало воды и озеро мелѣетъ на столько, что по немъ свободно бродятъ лошади и коровы; многочисленная же рыба частью скопляется въ омутахъ, частью погибаетъ въ грязи, становясь добычею крылатыхъ хищниковъ.

Описываемое озеро, какъ замѣчено выше, прѣсное, хотя и не имѣетъ истока. Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія въ виду того, что внутренніе Центрально-азиатскіе бассейны, находящіеся въ такомъ же положеніи, заключаютъ соленую воду.

Въ наше здѣсь пребываніе озеро стояло подо льдомъ, занесеннымъ снѣгомъ. Нынче оно замерзло 15-го октября, — на двѣ недѣли раньше средняго замерзанія. По ночамъ отъ времени до времени раздавался на озерѣ трескъ льда, гулко отдававшійся въ сосѣднихъ горахъ. Къ веснѣ толщина льда достигаетъ пяти-семи футовъ; иногда значительныя льдины держатся на озерѣ до начала мая.

Въ западной и южной частяхъ озеро богато ключами, поздно или даже совсѣмъ не замерзающими. Высокій камышъ окаймляетъ воды озера то широкими, то узкими полосами.

Въ лѣтнее время, а еще больше на осеннихъ и весеннихъ перелетахъ птицъ, на озерѣ Орокъ-норъ скопляются большія стада плавающихъ и голенастыхъ пернатыхъ, которыя наполняютъ воздухъ своими голосами. Теперь же присутствія ихъ на озерѣ почти не замѣчалось; только изрѣдка пролетали надъ незамерзшими ключами одинокая чайка, утки-кряквы или раздавался голосъ запоздавшихъ сѣрыхъ гусей. Изъ осѣдлыхъ же птицъ въ окрестностяхъ озера мы чаще всего наблюдали черныхъ вѣроновъ, сарычей, луней, подорожниковъ и жаворонковъ. Что же касается звѣрей, то среди послѣднихъ какъ и прежде попадались харасульты, волки, лисицы и зайцы.

На восточномъ берегу Орокъ-нор'а образовалась дюна мелкаго сыпучаго песка, за которою на нѣкоторомъ разстояніи въ томъ же восточномъ направленіи, тянется по дну общей долины еще бѣдльшій валъ такого же песка, доходящій до мѣста расположенія слѣдующихъ, меньшихъ по размѣрамъ озерковъ. Несомнѣнно, что въ сравни-

тельно недавнее прошлое, углубленная часть долины покоила воды одного обширнаго бассейна, отъ котораго къ нашему времени уцѣлѣли лишь небольшіе разрозненные остатки. Тамъ и сямъ по равнинѣ, поверхностный каменистый слой почвы прикрывался массою, красиво обточенныхъ самою природою сердоликовъ, агатовъ и халцедоновъ всевозможныхъ оттѣнковъ и размѣровъ. На сѣверѣ долина Орокъ-нор'а преграждалась невысокими холмами, сложенными изъ гобійскихъ песчаника и мергеля.

Дальнѣйшій нашъ путь шелъ по южному берегу Орокъ-нор'а. Выступивъ 24-го октября по обыкновенію раннимъ утромъ, и пройдя версты двѣ-три на встрѣчу выглянувшему солнцу, мы увидѣли надъ отдаленнымъ юго-восточнымъ угломъ озера красивыя радужныя дуги, сажень до 15-ти высотой, эффектно выдѣлявшіяся своими яркими свѣтовыми полосами; въ зависимости отъ нашего перемѣщенія измѣнялась и самая картина: радужныя дуги то расширялись и понижались, становясь нѣсколько блѣдными, то, наоборотъ, суживались и поднимались вверхъ, возобновляя съ еще большею интенсивностью утраченный было блескъ; порою казалось, что мы наблюдаемъ какой-то феерическій фонтанъ, медленно прекращающій свое дѣйствіе.

Къ сѣверу, черезъ сосѣднее озеро и синѣвшую за нимъ даль, открывался видъ на Хангай. Съ востока, съ каждымъ днемъ замѣтно приближался массивъ Бага-богдо, тогда какъ Ихэ-богдо понемногу удалялся къ западу, изрѣдка показывая намъ изъ-за второстепенныхъ ближайшихъ отроговъ свою могучую плоскую вершину. Къ югу, на постепенно опускавшемся правомъ или восточномъ крылѣ этого главнаго массива мы отмѣтили, согласно указаній монголовъ, нѣсколько переваловъ, противъ одного изъ которыхъ и вблизи урочища Харадобо, намъ опять попались на глаза древнія могилы или кэрэкур'ы, нѣкогда жившихъ здѣсь номадовъ.

Нынѣшніе же обитатели ютились тамъ и сямъ по нашей дорогѣ или въ сторонѣ отъ нея, располагая небольшими группами свои походныя жилища. Монгольскія стойбища часто обставлялись пугалами во избѣжаніе нашествія многочисленныхъ волковъ, бродившихъ ночью въ сосѣдствѣ стадъ кочевниковъ. Мы лично были свидѣтелями какъ стая голодныхъ волковъ столпилась у одного, ими же отбитаго отъ общаго стада и задавленнаго быка, у котораго впрочемъ еще были признаки жизни, несмотря на то, что желудокъ былъ уже обнаженъ и звѣри приступили къ трапезѣ, отрывая у несчастнаго животнаго

куски живого мяса! При нашемъ приближеніи къ мѣсту волчьяго шира, звѣри быстро, хотя и неохотно отбѣжали въ сторону и начали громко выть; пришлось сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, чтобы поскорѣе избавиться отъ неприятнаго концерта.

Оставивъ озеро, мы вступили въ саксауловую заросль, смѣнившуюся затѣмъ пыльными солянками, за которыми вскорѣ начались сыпучіе пески, круто обрывавшіеся къ юго-западу и полого, но плотно залегавшіе на встрѣчу господствующему сѣверо-восточному вѣтру. За песчаными барханами, какъ разъ противъ оставленнаго нами Орокъ-нор'а, при колодцѣ Сэйрэнъ-хая-худукъ, намъ удалось произвести удачный рядъ астрономическихъ наблюденій для опредѣленія географическихъ координатъ.

Отовсюду, и съ береговъ Орокъ-нора, и еще больше съ нашего астрономическаго пункта, можно было любоваться величіемъ двухъ массивовъ, лежащихъ по сторонамъ. Ихэ-богдо имѣетъ около 70-ти верстъ, Бага-богдо—версть 35 юго-восточнаго простиранія; первый представляя плоскую кровлю, много уступаетъ по общему виду второму, поднимающему свой одинокій куполь въ глубокую высь. На восточномъ продолженіи Ихэ-богдо имѣется три прохода, не считая четвертаго общаго между разсматриваемыми массивами. Бага-богдо почти не проходимъ. Ущелья обоихъ массивовъ, какъ и общій характеръ этихъ горъ весьма схожи. Обильныхъ источниковъ ни въ томъ, ни въ другомъ не обнаружено. Что же касается древесной растительности, то въ этомъ отношеніи Бага-богдо богаче. Въ посѣщенныхъ мною ущельяхъ, на протяженіи 6—7 верстъ, обильно растутъ тополь и три-четыре вида кустарниковъ, спорадически примѣшивающихся къ большимъ деревьямъ перваго; это въ меньшемъ массивѣ; въ ущельяхъ же большаго, да и то только въ главномъ, кромѣ небольшого участка лозы или тальника, другихъ полудревесныхъ или древесныхъ породъ, не встрѣчается. Изъ крупныхъ звѣрей — горный козелъ (*Capra sibirica*) есть характерный представитель не только обоихъ помянутыхъ массивовъ, но и всей вообще системы горъ Монгольскаго Алтая.

Между этимъ и слѣдующимъ астрономическимъ пунктомъ экспедиціи — Хункурегинъ-аро-голь — маршрутъ нашъ описалъ дугу, вершина которой проходитъ по сѣверному берегу озера Тацинъ-цаганъ-норъ, лежащаго въ общей долинѣ съ только-что оставленнымъ Орокъ-нор'омъ. Не смотря на свою горько-соленую воду, озеро это также стояло подъ льдомъ; сквозь который почти вездѣ усматривалось мелкое дно и только мѣстами встрѣчались незначительные, до сажени

глубины, омота. Берега озера, за исключеніемъ возвышеннаго сѣвернаго, въ которомъ обнажается гобійскій известнякъ, низменны, отчего размѣры самого озера съ прибылью воды значительно увеличиваются. Питается Тацинъ-цаганъ-норъ рѣчкою Таца, впадающею съ сѣверо-запада и берущею начало въ Хангаѣ. Въ настоящее время русло этой рѣчки, окаймленное съ обѣихъ сторонъ густымъ, высокимъ, скрывавшимъ всадника съ лошадыю, дѣрсуномъ, стояло сухимъ. Кочевниковъ монголовъ тутъ было очень немного и свѣжія здѣшнія пастбища побудили насъ устроить дневку.

Мы расположились бивуакомъ западнѣе озера среди особенно густыхъ зарослей дѣрсуна, защищавшихъ насъ отъ сильнаго юго-западнаго вѣтра, дувшаго весь слѣдующій день и производившаго своеобразный шумъ метелками этого оригинальнаго травянистаго растенія ¹⁾. Подобныя богатая заросли *Lasiagrostis splendens* тянутся до самаго озера, гдѣ къ нимъ сначала примѣшиваются, а затѣмъ и совсѣмъ ихъ вытѣсняють камыши и солянки; выше же — подальше отъ озера и ближе къ пескамъ Ундуръ-цаганъ-илису растетъ тамарискъ.

Упомянутые пески протянулись длиннымъ, широкимъ и высокимъ рукавомъ, образуя типичные барханы, поднимающіеся иногда до 100—150 футовъ въ высоту и имѣющіе на вѣтренную сѣв.-восточную сторону пологую и плотную, а подвѣтренную наоборотъ — крутую и рыхлую.

Къ югу отъ озера во всемъ своемъ величии стоитъ массивъ Бага-богдо, который уже столько разъ привлекалъ нашъ взоръ своими колоссальными размѣрами. Отсюда хорошо различались его четыре главныхъ ущелья, открытыхъ на сѣверъ. Съ западнымъ, ближайшимъ къ намъ ущельемъ — Ярагайту — познакомился препараторъ Телешовъ, сообщившій, что при входѣ въ это ущелье растетъ порядочный тополевыи лѣсъ, на высокихъ деревьяхъ котораго виднѣлась масса гнѣздъ сорокъ; немного подальше, по круто-падающему каменистому ложу, встрѣчаются жимолость, тальникъ и другіе низкорослыя кустарники; въ болѣе привѣтливыхъ мѣстахъ замѣтны слѣды пребыванія кочевниковъ, гдѣ по разрыхленной животными почвѣ росли крапива, лебеда и кое-какія другія мелкія травы.

Изъ звѣрей были замѣчены въ Ярагайту горныя козлы, волки, лисицы и зайцы; а изъ птицъ добыта была одна интересная завирушка (*Accentor erythropugius*), державшаяся по скаламъ обособленной парочкой. Воды въ ущельи было очень немного и она изсякала у

¹⁾ Мимо насъ изъ Куку-хото въ Кобдо прослѣдовалъ огромный верблюжій караванъ, везшій главнымъ образомъ чай для кочевниковъ Сѣверо-западной Монголіи.

окраины горъ. Характеръ самого ущелья дикій, пустынный; повсюду красиво громоздились одна надъ другою отвѣсныя скалы, мѣстами образуя мрачные корридоры. Ходьба въ горахъ, по причинѣ обилія острыхъ камней, крайне утомительна.

Подобное же впечатлѣніе о горахъ вынесъ и я при посѣщеніи восточнаго ущелья этого массива, куда я специально уѣзжалъ съ ключа Хункурегинь-аро-голь, имѣя по дорогѣ ночлегъ у гостепріимнаго монгола, проживавшаго у подножья Бага-богдо. Съ большимъ трудомъ, по камнямъ и обледенѣлому ручью, вначалѣ верхомъ на лошади, а затѣмъ пѣшкомъ, мнѣ удалось углубиться въ ущелье до 8.050 футовъ надъ морскимъ уровнемъ, но самая вершина Бага-богдо все еще отстояла очень далеко и очень высоко. Вездѣ въ горахъ лежалъ значительный слой снѣга.

Ни звѣрей, ни птицъ мы долгое время не встрѣчали и совершенную тишину утра, казалось, ничто не нарушало. Только значительно поднявшись въ горы нашъ проводникъ-монголъ своимъ острымъ зрѣніемъ обнаружилъ козла, гордо стоявшаго на одномъ изъ скалистыхъ пиковъ. Козель будучи на далекомъ разстояніи, не обращалъ на насъ повидимому, никакого вниманія. Его сѣровато-рыжая окраска вполнѣ гармонировала съ цвѣтомъ обнаженныхъ утесовъ; не обезпеченный ничѣмъ другимъ звѣрь этотъ такъ и остался стоять, озирая окрестныя ущелья. Съ вершинъ сосѣднихъ скалъ до насъ стали долетать оригинальные крики альпійскихъ клушицъ; въ воздухѣ, мелкая сѣткой, пролетали стайки чечѣтокъ, да кое-гдѣ по ущелью изъ стороны въ сторону перебѣгали сѣрыя куропатки.

По мѣрѣ нашего большаго проникновенія въ горы, послѣднія казались еще болѣе дикими и еще болѣе суровыми. Въ полдень, наконецъ, мы принуждены были остановиться: слѣдовать дальше по высокимъ ледянымъ каскадамъ оказалось совершенно невозможнымъ. Произведя барометрическое наблюденіе, мы направились въ обратный путь, занявшись по дорогѣ сборомъ геологической коллекціи; послѣдняя представлена нами въ числѣ 15-ти образчиковъ. Приблизительно по столько же было доставлено Телешовымъ и Бадмажаловымъ съ западной и восточной окраинъ этого же массива.

На основаніи всего геологическаго матеріала, собраннаго въ описываемыхъ горахъ, можно заключить, что они слагаются изъ гранитовъ, порфира, порфировой брекчии, порфирита, сіенита, діорита, диабазы, аплита, фельзита, базальта, известняковъ, гнейса, кварца, сланцевъ, сланцевой брекчии, пегматита и гобійскаго мергеля.

Вечеромъ, 1-го ноября, мы возвратились на нашъ главный бивуакъ, расположенный въ открытой долинѣ, гдѣ весь день дулъ сильный юго-западный вѣтеръ, стихшій только ко времени погасанія зари. Морозъ усиливался. По темно-голубому, свободному отъ облаковъ, небу сначала заискрились блестящія звѣзды, немного позднѣе показалась луна, картинно разлившая свой мягкій свѣтъ по снѣговой равнинѣ. Чѣмъ-то непостижимо великимъ казалась въ эту ясную ночь гора Бага-богдо; ея матово-блестящіе снѣга, поднятые на двѣ слишкомъ версты относительной высоты производили глубокое впечатлѣніе, подѣ обаяніемъ котораго истые буддисты, просиживають, говорятъ, ночи, погруженными въ созерцаніе...

Одновременно съ нами прибылъ и переводчикъ экспедиціи Бадмажаповъ, побывавшій въ кумирнѣ Эрдэни-нойонъ-курэ, которая расположена на южномъ скатѣ восточной оконечности массива Бага-богдо. Настоятель богатой и красивой кумирни принялъ моего посланнаго радушно и снабдилъ насъ на дальнѣйшій путь отличными проводниками. Тамъ же, въ монастырѣ, Бадмажаповъ узналъ, между прочимъ, объ А. Н. Казнаковѣ, нѣсколько дней передъ тѣмъ благополучно прослѣдовавшемъ у южной окраины горъ.

На слѣдующій день, раннимъ и очень холоднымъ утромъ, мы двинулись внизъ по направленію къ главной дорогѣ. Глубокій, плотный снѣгъ громко хрустѣлъ подъ ногами; караванныя животныя были покрыты серебристымъ инеемъ и, дрожа отъ стужи, бодрѣ шагали, извергая изъ своихъ ноздрей клубы пара. Дневное свѣтило все еще купалось въ собственномъ пурпурѣ, постепенно разливая его нѣжный блескъ по небосклону; между тѣмъ звѣзда за звѣздой тонули въ утреннемъ свѣтѣ, золотисто-красныя полосы неба блѣднѣли, лучи солнца прорывались сильнѣе и наконецъ само оно величаво всплыло надъ горизонтомъ.

На востокъ начали показываться отдѣльныя высоты — Хату, Манханъ, Тыпши ¹⁾ и общія, далеко ушедшія къ сѣверо-востоку — Ульцзуйта; на югѣ рѣзче и рѣзче выступали горы Арца-богдо; показалась наконецъ и ихъ западная окраина, долгое время скрывавшаяся за крыломъ сосѣдняго массива. Попутныя плоскія высоты слагались или изъ порфирита и туфа, или изъ базальта, лимбургита, гобійскаго песчаника и волокнистаго гипса, или изъ базальтовой лавы, залегавшей между общими высотами съ одной стороны и ближайшими

¹⁾ Последняя или послѣднія, такъ какъ ихъ двѣ, похожи на опрокинутыя плоскія лавы.

окраинами горъ Арца-богдо съ другой; на восточной окраинѣ Ульцзуйта замѣченъ между прочимъ брекчиевидный известнякъ. Сосѣдную равнину тамъ и сямъ покрывала галька агата и сердолика, а по вершинамъ плоскихъ холмовъ красивыми узорами пестрѣли миндалины кварца, сердолика, агата и халцедона.

На вершинѣ одной изъ высотъ, сопровождающихъ теченіе рѣчки Хонго, стоятъ каменные развалины, служившія нѣкогда, по словамъ монголовъ, притономъ мѣстныхъ грабителей.

По мѣрѣ нашего приближенія къ горамъ Арца-богдо снѣговая толща стала значительно уменьшаться и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшился и дневной холодъ; по ночамъ же по-прежнему температура спускалась до—20° и ниже. Топливомъ намъ служилъ незамѣнимый саксауль, а воду мы брали въ попутныхъ колодцахъ, часто искусно выложенныхъ или каменными плитами, или толстыми вѣтвями того же саксаула. Наши верблюды и лошади паслись по зарослямъ дѣресуна и кипца. Изъ звѣрей у дороги стали чаще встрѣчаться монгольскіе дзерены (*Gazella gutturosa*), а изъ птицъ—сойки, больдуруки, вѣроны, жаворонки и каменные воробьи; послѣдніе остроумно скрывались отъ ночной стужи въ колодцахъ, размѣщаясь въ боковыхъ углубленіяхъ, свободныхъ отъ воды стѣнокъ.

Горы Арца-богдо стоятъ обособленно, имѣя общее простираніе отъ запада къ востоку; восточная окраина характерно закруглена къ югу и значительно расширена сравнительно съ узкой и прямой западной окраиной. Гребень горъ ровный, безъ выдающихся вершинъ; профиль — строго согласуется съ таковымъ Монгольскаго Алтая вообще, т. е. сѣверный склонъ крутъ и коротокъ, южный наоборотъ—пологъ и длиненъ. На южномъ скатѣ западной окраины поднимается усѣченнымъ конусомъ гора Бугу, съ воронкообразной вершиной.

Описываемый хребетъ слагается изъ различныхъ известняковъ и известняковистыхъ брекчій, а также и изъ порфирита; предгорье кромѣ того богато базальтовой лавой, а у подошвы или по прилежащей низко-волнистой поверхности, гдѣ мѣстами стоятъ сланцевыя отдѣльности, во множествѣ залегаютъ небольшіе и совсѣмъ маленькіе затѣйливо обточенные куски роговика, яшмы, сердолика, агата, опала и ихъ конкреціи и натеки; среди самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ камешковъ, имѣющихся въ нашей геологической коллекціи, два образчика яшмы обдѣланы въ видѣ наконечниковъ копья, вѣроятно человекомъ каменнаго вѣка. Холмы, удаленные къ

сѣверу и сѣверо-востоку, содержать большею частью гобійскій песчаникъ, а между холмами кое-гдѣ встрѣчаются плоскія, низкія, часто не превышающія уровень общей равнины, обнаженія гранитовъ.

Общій видъ этого хребта такъ-же пустыненъ, какъ пустынны виды и предыдущихъ и послѣдующихъ горъ; тѣмъ не менѣ кочевники находятъ здѣсь для своихъ стадъ достаточное количество корма, перекочевывая безъ особеннаго труда съ одного склона на другой по четыремъ, отмѣченнымъ нами переваламъ. Въ горахъ довольно обыкновененъ низкорослый можжевельникъ, или, какъ называютъ его монголы, арца, откуда произошло и самое названіе горъ — Арца-богдо („Можжевельныя горы“). На своемъ пути въ области этихъ горъ мы встрѣчали большіе табуны лошадей, пасшихся у предгорій, по мягкому, нѣжному кшцу.

Приближаясь къ восточной окраинѣ Арца-богдо намъ открылись три вершины слѣдующей къ юго-востоку обособленной группы Монгольскаго Алтая — Гурбанъ-сайханъ, доминирующія общее закругленное, валообразное вздутіе. Въ указанномъ направленіи порою игралъ миражъ, строя изъ высотъ и горокъ всевозможныя фантастическія зданія. Въ оставленной нами западной части горизонта, сохраняя прежнее величіе, все еще напоминалъ о себѣ массивъ Бага-богдо, рѣзко выдѣляясь своей вершиной на ясномъ небѣ.

Въ наблюденіяхъ всякаго рода при хорошей погодѣ ранняго утра, 7-го ноября, экспедиція незамѣтно прибыла на колодець Чацеринги-худукъ, который Бадмажаповымъ былъ высмотрѣнъ заранѣе, какъ наиболѣе пригодный пунктъ для трехнедѣльной остановки каравана.

Такая продолжительная остановка была вызвана многими соображеніями; во-первыхъ наше поступательное движеніе изъ юго-восточнаго направленія должно было перейти въ южное, такъ какъ экспедиція, покончивъ съ изслѣдованіемъ Монгольскаго Алтая, намѣревалась затѣмъ приступить къ изученію прилежащей пустыни Гоби, куда желательно было пуститься съ опытными проводниками и съ надежными караванными животными; подысканіе первыхъ и отдыхъ вторымъ требовали извѣстнаго времени; во-вторыхъ, желательно было воспользоваться сравнительною близостью Россійскаго консульства въ Ургѣ, чтобы черезъ посредство монгольскихъ князей отправить туда для пересылки въ Россію коллекціи и корреспонденцію; и въ-третьихъ, наконецъ, приходилось подождать возвращенія А. Н. Казнакова, окружный развѣздъ котораго потребовалъ большаго времени, нежели относительно прямой путь главнаго каравана.

Заботливыя монгольскія власти предупредительно выставили намъ здѣсь юрты; топливомъ мы были также обезпечены; верблюды и лошади паслись въ трехъ—четырехъ верстахъ къ юго-востоку; питьемъ имъ служила колодезная, слегка солоноватая и затхлая, вода; сами же мы довольствовались снѣгомъ, державшимся по углубленіямъ долины значительными толщами. Мѣстные кочевники жили вдали отъ насъ, по ущельямъ, угоня свои стада на пастьбу въ открытую долину за пять—семь верстъ отъ своихъ стойбищъ.

Съ приходомъ въ Чацеринги-худукъ, я тотчасъ же командировалъ Бадмажапова, въ Хангай, въ ставку Тушету-хана, съ просьбою оказать намъ содѣйствіе; самъ же приступилъ къ астрономическому опредѣленію географическихъ координатъ этого важнаго пункта и къ писанію отчетовъ и писемъ.

Поѣздка Бадмажапова заняла шесть дней, четыре въ дорогѣ и два въ ставкѣ, до которой оказалось 275 верстъ; такимъ образомъ моему неутомимому спутнику приходилось не разставаться съ сѣдломъ по двое сутокъ къ-ряду. Мѣстность на пути Бадмажапова носила также бѣдный характеръ; въ 36-ти верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Чацеринги-худука залегаетъ озеро Уланъ-норъ, стоявшее, равно какъ и выпадающая въ него рѣчка, Онгинъ-голь, безъ воды. Окружность этого озера простирается до 40 верстъ; самое дно и берега состоятъ изъ красновато-бураго известковистаго суглинка. Судя по обнаженному дну, по серединѣ покрытому невысокими, до пяти—шести футовъ, кочками Уланъ-норъ не глубокъ; даже и въ годы, обильные дождемъ въ Хангаѣ, означенныя кочки не всегда бываютъ скрыты водою. Въ послѣдніе же три года воды въ рѣчкѣ такъ мало, что ее хватаетъ только на смачиваніе русла самого Онгинъ-гола, озерная же котловина свободна отъ воды и благодаря крайней сухости воздуха, потрескалась.

Тушету-ханъ принялъ моего посланнаго дружелюбно и позаботился исполнить всѣ просьбы, съ которыми къ нему обратился отъ моего имени Бадмажаповъ, для чего и прислалъ ко мнѣ изъ своего управленія двухъ чиновниковъ, съ наказомъ одному возможно скорѣе доставить нашъ пакетъ въ Ургу, а другому—слѣдовать туда же съ коллекціями соблюдая осторожность во избѣжаніе порчи этого громоздкаго и дорогого груза. Конечно вану были посланы подарки; не были забыты и чиновники, получившіе командировку въ Ургу.

Тѣмъ временемъ возвратился изъ поѣздки и А. Н. Казнаковъ. Маршрутъ его послѣдняго разъѣзда простирался свыше 900 верстъ,

снятыхъ топографически. Товарищъ, какъ и было условлено, старался привязать свою съемку къ поперечно-гобійскому пути Н. М. Пржевальскаго. Достигнувъ восточной окраины горъ Гурбанъ-сайханъ, при колодцѣ Сайрэнъ-худукъ, А. Н. Казнаковъ, въ силу ошибочныхъ изображеній топографическаго рельефа на стоверстной картѣ, былъ введенъ въ заблужденіе относительно истиннаго положенія маршрута Н. М. Пржевальскаго и тѣмъ легче склонился отождествить колодець Сайрэнъ-худукъ съ колодцемъ Дзере-худукъ, что и „мѣстные жители, которыхъ онъ уже давно о немъ спрашивалъ, ни о какомъ Дзере-худукѣ не слыхали“. Въ дѣйствительности, по вычисленіи астрономическихъ пунктовъ и общей обработки топографическаго матеріала первой части нашей экспедиціи, выяснилось, что колодець Дзере-худукъ на маршрутѣ Пржевальскаго отстоитъ отъ восточнаго пункта Казнакова на 75 верстъ въ дальнѣйшемъ къ востоку направленіи. Съ колодца Сайрэнъ-худукъ мой сотрудникъ, взявъ курсъ на сѣверо-западъ, направился на встрѣчу главному каравану, съ которымъ и соединился въ окрестностяхъ озера Уланъ-норъ.

По сдачѣ монголамъ посылокъ съ коллекціями и пакетовъ, Бадмажаловъ былъ вновь командированъ мною, на этотъ разъ къ Балдынъ-цзасак'у, кочевавшему у южной подошвы горъ Гурбанъ-сайханъ. Дѣло въ томъ, что сѣверная граница владѣній хошуна, во-главѣ котораго стоитъ Балдынъ-цзасакъ, лежала въ урочищѣ Булунъ, въ одномъ переходѣ отъ Чацеринги-худук'а по предстоявшему намъ пути, и что дальнѣйшее наше слѣдованіе, приблизительно до середины пустыни Гоби, должно было происходить во владѣніяхъ этого правителя. Снабдить экспедицію, ея главный караванъ и разъѣздъ А. Н. Казнакова, знающими проводниками и извѣстнымъ числомъ караванныхъ животныхъ и заблаговременно увѣдомить о моемъ движеніи ближайшихъ по моей дорогѣ алашаньскихъ монголовъ—вотъ существенныя просьбы, съ которыми я обратился къ Балдынъ-цзасак'у, который быстро и великодушно разрѣшилъ ихъ въ нашу пользу. Балдынъ-цзасакъ не сталъ отговариваться бездорожьемъ или иною невозможностью пройти въ желаемомъ нами направленіи, но въ то же время не преминулъ предупредить насъ, что путь въ этой части пустыни дѣйствительно очень тяжелъ и надо быть подготовленнымъ ко всякаго рода непріятнымъ или тяжелымъ случайностямъ; — „и все-таки, заключилъ Балдынъ-цзасакъ, охотно исполняю всѣ ваши требованія только потому, что давно уже слышалъ отъ достовѣрныхъ людей о вашемъ дружелюбномъ отношеніи къ нашему монгольскому народу“.

Такимъ образомъ, благополучно закончивъ изслѣдованіе Монгольскаго Алтая и въ общихъ чертахъ намѣтивъ себѣ не менѣе широкую дѣятельность въ прилежащей къ нему пустыни Гоби, мы начали по немногу вѣрять въ счастье, какъ въ надежнаго спутника и при дальнѣйшемъ, болѣе трудномъ, но зато и болѣе интересномъ пути. Подобныя этимъ счастливыя минуты всегда отрадно дѣйствовали на всѣхъ участниковъ экспедиціи, пробуждая въ нихъ свѣжія силы для борьбы съ своеобразными условіями природы Центральной Азіи.

Теперь нѣсколько словъ объ осенней погодѣ Монгольскаго Алтая. Осень лучшее время года не только для этой мѣстности или страны, но и для всей вообще Центральной Азіи. Въ общемъ, погода за истекшіе три мѣсяца характеризовалась слѣдующими особенностями: преобладающею ясностью, въ особенности по ночамъ, и крайнею сухостью, за исключеніемъ мѣстъ сосѣднихъ съ снѣговыми массивами, гдѣ кромѣ того обнаруживалась и болѣе низкая температура. Вообще, наибольшее колебаніе температуры происходило не столько въ зависимости отъ надвигавшагося болѣе поздняго времени года, сколько, главнымъ образомъ, отъ степени той абсолютной высоты, на которой мы въ извѣстное время находились.

Вторую половину разсматриваемаго нами періода, мѣстные жители, считали относительно суровой и обильной снѣгомъ, который заявилъ о себѣ въ этомъ году на двѣ недѣли раньше средняго переходнаго къ зимѣ времени.

Максимальная и минимальная ¹⁾ температуры для каждаго отдѣльнаго мѣсяца выразились слѣдующими цифрами: для сентября: 25.1 и — 15.0°; для октября 15.7 и — 26.0°; для ноября 4.2 ²⁾ и — 25.0°.

Вѣтры дули не рѣдко и преимущественно отъ южной части горизонта, притомъ чаще днемъ нежели ночью. Бурь было три, по разу въ мѣсяцъ и онѣ также приходили отъ юга, постоянно принося съ собою снѣгъ, за исключеніемъ послѣдней, ноябрьской бури, наполнившей воздухъ тучами пыли, и дувшей два дня съ промежуткомъ полнаго затишья во время ночи. Въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ въ открытыхъ равнинахъ порою кружились и пробѣгали вы-

¹⁾ Максимальнымъ показаніямъ въ данномъ случаѣ соотвѣтствуетъ наивысшій единичный отсчетъ термометра въ 1 часъ дня, а минимальнымъ, на оборотъ, наинисшій отсчетъ или показаніе термометра-*minimum* ночнаго воздуха и также не средній мѣсячный, а единичный. Болѣе подробно о метеорологіи изложено въ спеціальному трудѣ, который войдетъ въ составъ перваго тома „Научныхъ результатовъ“ нашей экспедиціи.

²⁾ 22-го ноября.

сокіе столбы вихрей. По утрамъ наблюдался иней, который, какъ и снѣговой покровъ, ложился болѣе пышно въ окрестностяхъ снѣговыхъ массивовъ.

Воздухъ въ большинствѣ случаевъ отличался удивительною прозрачностью; вечернія и утреннія зори были нерѣдко очень эффектны. Полная луна свѣтила такъ ярко, что безъ труда можно было читать; въ другое же время небо красиво блестѣло массою большихъ и малыхъ звѣздъ, среди которыхъ тамъ и сямъ по небосклону проносились болиды, оставляя за собою золотые или радужные хвосты.

Послѣднія три недѣли метеорологическія наблюденія производились исключительно на одномъ мѣстѣ — при колодцѣ Чацеринги-худук'ѣ, поднятомъ на 3.710 футовъ надъ уровнемъ моря; изъ этихъ наблюденій видно какъ постепенно надвигалась зима: полдневныя, или точнѣе часовыя показанія термометра становились болѣе и болѣе низкими, равно понижался и термометръ minimum, хотя бывали и интересныя исключенія; такъ на примѣръ, 22-го ноября воздухъ вдругъ нагрѣлся къ часу дня до 4.2° , тогда какъ въ тѣ же часы наканунѣ (-6.0) или на слѣдующій день (-4.8) показанія термометра выражали обыкновенную или нормальную температуру. Необычно теплый и пріятный день всегда случался или вслѣдъ за бурнымъ днемъ или служилъ ему предвѣстникомъ.

Въ общемъ же, погода въ окрестности Чацеринги-худук'а, благодаря почти полному отсутствію снѣга, была очень хорошая и давала возможность заниматься чѣмъ угодно. Заранѣ намѣченныя астрономическія наблюденія были всѣ удачно выполнены, корреспонденція приготовлена, коллекціи упакованы, походныя принадлежности ремонтированы; словомъ, для всѣхъ насъ Чацеринги'ская стоянка была какъ нельзя болѣе кстати. Несмотря на кипучую дѣятельность мы всетаки успѣли здѣсь хорошо отдохнуть и физически поправиться. По вечерамъ, гренадеры и казаки, нерѣдко составивъ хоръ у веселаго костра довольно стройно пѣли.

Только однажды мирное теченіе нашей жизни здѣсь было нарушено временнымъ волненіемъ за участь одного изъ нашихъ товарищей — фельдшера Бохина, неожиданно, въ виду бивуака экспедиціи, исчезнувшего на нѣсколько часовъ.

Вотъ какъ случилось это, памятное для всѣхъ насъ, событіе. Подъ-вечеръ, 23-го ноября, почти вслѣдъ за необычайно теплымъ днемъ, температура стала быстро понижаться и съ запада отъ горъ подулъ сильный, по временамъ достигавшій напряженія бури, вѣтеръ. Возвра-

тившіяся съ пастьбы караванныя животныя привязывались къ мѣстамъ своего ночного отдыха; по обыкновенію люди отряда сначала заняты были болѣе покойными верблюдами, а затѣмъ уже приступили и къ излавливанію не всегда покорныхъ лошадей. Послѣднія въ этотъ вечеръ незамѣтно скрылись за одинъ изъ ближайшихъ холмовъ, вѣроятно спасаясь отъ леденящаго вѣтра. Покончивъ съ уборкой верблюдовъ, люди принялись за розыски лошадей въ полной увѣренности, что онѣ находятся гдѣ-нибудь по-близости, какъ въ дѣйствительности и оказалось; въ числѣ разыскивавшихъ былъ и Бохинъ, который, какъ потомъ выяснилось, взбѣжавъ на сосѣдній холмъ, продвинулся сначала въ одну сторону, потомъ въ другую, немного спустя повернувшись назадъ и такимъ образомъ, незамѣтно для самого себя, лишился должной ориентировки, или, выражаясь проще, заблудился. Между тѣмъ, наступила темная ночь; вѣтеръ и морозъ усиливались; положеніе нашего бѣднаго товарища, одѣтаго въ тужурку, было не завидное. Сознывая свою ошибку, онъ былъ нѣсколько въ возбужденномъ состояніи, а потому съ легкостью перемѣщался съ одного холма на другой, не ощущая ни усталости, ни холода. Однако время брало свое, и Бохинъ началъ уже приискивать подходящее мѣстечко для укрытія отъ непогоды. Пробовалъ было онъ также и кричать, но его голосъ, — въ прямомъ смыслѣ „голосъ вопіющаго въ пустынѣ“ — заглушался порывами вѣтра; звѣзды же, по которымъ заблудившіяся могъ бы до нѣкоторой степени ориентироваться, скрывались облаками и густою пылью.

Что же происходило въ это время на бивуакѣ? — Лошади были, конечно, вскорѣ найдены, изловлены и привязаны. По окончаніи уборки животныхъ, люди приступили къ вечернему чаепитію, когда и было обнаружено отсутствіе Бохина. Сначала никто изъ насъ этому обстоятельству не придалъ большого значенія, но затѣмъ нѣкоторые изъ людей, поднявшись на ближайшіе холмы, стали громко окликать товарища и время отъ времени производить ружейные выстрѣлы; одновременно съ этимъ, имѣвшіеся на лицо монголы, вскочивъ на своихъ лошадей, быстро помчались въ разныя стороны, но все было напрасно. Я сталъ не на шутку беспокоиться и какъ послѣднее средство пустилъ одну изъ лучшихъ и сильныхъ ракетъ, которая, великолѣпно взвившись на значительную высоту, сдѣлала свое дѣло. Бохинъ былъ избавленъ отъ дальнѣйшихъ непріятностей. Въ моментъ поднятія ракеты онъ былъ въ пяти-шести верстахъ къ западу отъ бивуака, стоя спиною къ вѣтру и негодую на свою судьбу;

ракета вывела его изъ тяжелыхъ думъ, указавъ и мѣсто бивуака и степень нашего безпокойства. Быстро побѣжалъ онъ на сигналъ, часто спотыкаясь и падая по неровной каменистой поверхности, и когда его мысли, послѣ извѣстнаго радостнаго промежутка стали было опять омрачаться, онъ уже замѣтилъ мерцаніе сигнальнаго костра, а немного позднѣе услышалъ и громкіе голоса людей. Еще минута и Бохинъ былъ среди своихъ сотоварищей, которые на радости не преминули посмѣяться надъ добродушнымъ простакомъ, отсутствовавшимъ до полуночи.

Наканунѣ выступленія лагерь еще болѣе оживился: начались сборы, экспедиціонный багажъ опять былъ расположенъ по-эшелонно, вьюки налажены, выравнены и исправлены. На утро, 29-го ноября, караванъ потянулся къ югу, пересѣкая на пути сначала волнистую поверхность, позднѣе же настоящую равнину, покрытую саксауломъ, хармыкомъ, караганой и немногими другими кустарниками. Характерный конусъ Бугу рѣзче и рѣзче выдѣлялся изъ юго-восточной окраины горъ Арца-богдо, оканчивающихся въ этомъ углу обособленной и оголенной горкой Халцзанъ, у подножья которой тонкой нитью тянулась большая Куку-хото'ская дорога. На югѣ горизонтъ преграждался горами Гурбанъ-сайханъ и Баннь-боро-нуру. Въ обширной междугорной долиинѣ, свободно бушевалъ сильный юго-западный вѣтеръ, омрачавшій окрестность тучами пыли. Въ этой долиинѣ насъ пріютила горка Дуланъ, составленная изъ базальта и лавы.

По сосѣдству съ окраиной горъ паслись значительныя стада цаганъ-дзере (*Gazella gutturosa*), а изъ подъ ногъ верблюдовъ и лошадей каравана нерѣдко выскакивали зайцы или лисицы, спѣшившія скрыться въ первой кустарной заросли. Изъ птицъ же чаще другихъ напоминали о себѣ вдроны, саксаульныя сойки, жаворонки, болдуруки, большіе и малые сокола и могучіе грифы-монахи.

Слѣдующими двумя переходами экспедиція пересѣкла восточную окраину Баннь-боро-нуру по довольно плоскому перевалу Олинъ-дабан'у, поднятому надъ морскимъ уровнемъ на 7.000 футовъ, и прибыла въ сосѣдство кумирни Цзурахай-дацанъ. На вершинѣ перевала, съ котораго не открывается далекихъ видовъ, красовалось большое обо, сложенное изъ обломковъ мѣстныхъ горныхъ породъ, а также и кустовъ саксаула, нѣкоторые экземпляры котораго были унизаны цилиндрическими конкреціями; въ довершеніе всего, среди обычныхъ приношеній буддистовъ, обо украшала и отслужившая китайская соломенная шляпа. Ядро разсматриваемыхъ горъ состоитъ изъ известняка и раз-

личныхъ туфовъ съ большимъ или меньшимъ включеніемъ сланцевъ, порфирита, діорита и мезозойскихъ песчаника и конгломерата; тамъ и сямъ въ горахъ встрѣчаются различныя конкреціи.

Туземцы со стадами ютились большею частью по сѣверному склону горъ, вдали отъ дороги, которая показалась намъ крайне пустынной и монотонной. Часто въ теченіе цѣлаго перехода мы не видали ни одного живого существа: точно все уснуло или вымерло.

Монастырь Цзурахай-дацанъ пріютился подъ защитою окраинныхъ горъ, сдерживающихъ напоръ юго-западнаго вѣтра, нерѣдко бушующаго въ прилежащей долиинѣ. Основанный лѣтъ 80 тому назадъ, монастырь этотъ, по словамъ монашествующей братіи, сильно пострадалъ отъ хищничества дунганъ въ ихъ послѣднее возстаніе. Нашъ бивуакъ стоялъ въ полутора верстахъ къ юго-востоку отъ монастыря, у южнаго подножья холма, извѣстнаго монголамъ подъ названіемъ Шара-хацаръ. По утрамъ и вечерамъ звуки молитвенныхъ бубновъ и раковинъ давали знать нашимъ монголамъ-спутникамъ о службѣ въ монастырѣ. Мѣсто здѣшней стоянки мы увѣковѣчили устройствомъ обо, для удобнаго розысканія будущему географу астрономической точки нашей экспедиціи.

Окрестныя колодцы имѣли горьковато-солонатовую воду, употребляемую мѣстными кочевниками; мы же предпочитали пользоваться чистымъ снѣгомъ, въ достаточномъ количествѣ лежавшемъ по оврагамъ и ущельямъ горъ.

Здѣсь, согласно предварительнымъ переговорамъ съ Балдынъ-цзасак'омъ, мы должны были снарядить А. Н. Казнакова въ его круговую поѣздку по Центральной Гоби. Маршрутъ моего сотрудника пока былъ намѣченъ лишь въ общихъ чертахъ, а именно, отсюда черезъ Эцзинъ-гол'скія озера и низовье этой рѣки въ пески Баданъ-чжарэнгъ и далѣе въ Алашанъ, или правильнѣе Алаша-ямынь. Мѣстомъ моего свиданія съ А. Н. Казнаковымъ, такъ же какъ и съ В. Ф. Ладыгинымъ, былъ назначенъ монастырь Чортэнтанъ, въ провинціи Гань-су. Караванъ товарища составилъ исключительно изъ верблюдовъ, числомъ 11, нанятыхъ за сравнительно недорогую плату у мѣстнаго правителя; послѣдній, между прочимъ, уступилъ экспедиціи въ небольшомъ количествѣ муки и крупы, но уже по баснословно высокимъ цѣнамъ, такъ какъ доставка сюда этихъ жизненныхъ продуктовъ также не дешева. Въ личный составъ развѣзда А. Н. Казнакова вошли, кромѣ его самого, старшій урядникъ Жаркой и молодой переводчикъ монгольскаго языка Афутинъ; кромѣ

того, Балдынъ-цзасакъ предоставилъ въ распоряженіе моего сотрудника до Эцзинъ-гол'а трехъ человекъ монголовъ, долженствовавшихъ вернуться съ верблюдами обратно.

Съ конца октября, до половины декабря мѣсяца, считая по времени, или отъ озера Ногонъ-норъ до горы Куку-морито—по пространству, экспедиція своимъ главнымъ караваномъ прослѣдовала черезъ владѣнія трехъ хошуновъ, лежащихъ въ юго-западномъ углу Халхи и входящихъ въ составъ Сайнъ-нойон'скаго аймака. Обитатели первыхъ двухъ хошуновъ, занимающіеся, главнымъ образомъ, скотоводствомъ и извозомъ и отчасти охотою, въ правѣ считаются самыми богатыми во всей Халхѣ. Здѣсь не рѣдкость встрѣтить группы богатыхъ юртъ, въ окрестностяхъ которыхъ бродятъ многочисленныя стада барановъ, коровъ и табуны лошадей. Владѣльцы послѣднихъ стараются перещеголять другъ друга рѣзвыми иноходцами и убранствомъ сѣделъ. Золото, серебро, цвѣтные камни, шерстяныя и шелковыя ткани играютъ большую роль въ нарядахъ кочевниковъ этихъ зажиточныхъ хошуновъ. Отъ стойбища къ стойбищу, вездѣ скачутъ монголы то въ одиночку, то большими или меньшими партіями. Иногда несетя огромная кавалькада богато и пестро одѣтыхъ чиновниковъ или ламъ.

Тамъ и сямъ среди этихъ кочевниковъ шныряютъ торговцы-китайцы, очень ловко, съ точки зрѣнія комерсанта, устраивающіе свои дѣла.

Первый изъ этихъ хошуновъ, — хошунъ Ламэнъ-гэгэна — занимающая районъ, съ одной стороны граничащій озеромъ Орокъ-норъ, съ другой же — низовьемъ Эцзинъ-гол'а, находится въ вѣдѣніи Эрдэни-Мергэнъ-бандидъ-хутухты. Встрѣченные нами монголы не могли опредѣлить общей численности жителей шабинскаго вѣдомства; о лучшемъ же и богатомъ монастырѣ въ Хангаѣ — Ламэнъ-гэгэнъ-хитъ — говорили всѣ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Глава хошуна Ламэнъ-гэгэн'а самъ хутухту¹⁾, располагающій двумя помощниками и 23-мя младшими сотрудниками, составляющими въ общей сложности штатъ управленія или „чжасаг'а“.

О численности населенія еще болѣе обширнаго хошуна самого Сайнъ-нойон'а, богатые обитатели котораго проживаютъ въ области Хангая, бѣдняки же ютятся на востокъ и западъ общихъ владѣній, мы также

¹⁾ „Хутухту“ или „хутухта“ титуль, жалуемый богдоханомъ за дѣятельность на пользу религіи хубилган'амъ — перерожденцамъ или воплощенію какого либо знаменитаго ламы. „Гэгэнъ“, что значитъ „свѣтлый, блестящій, святой“, тоже титуль, жалуемый богдоханами хубилган'амъ за гражданскія доблести. Иногда данному хубилган'у присваиваются оба титула. См. Позднѣвъ. Очерки I. с. стр. 248.

не можемъ сказать, такъ какъ на своемъ пути мы никого, изъ свѣдущихъ въ этомъ отношеніи людей, не встрѣчали. Въ этомъ хошунѣ, въ горахъ Бага-богдо, имѣется кумирня Эрдэни-Мергэнъ-нойонъ-хутухтэнъ-куре, во главѣ которой стоялъ десяти-лѣтній лама, имѣвшій седьмое перерожденіе. Въ пятомъ перерожденіи, 60 лѣтъ тому назадъ, онъ былъ братомъ Сайнъ-нойонъ-хана, который съ разрѣшенія богдохана построилъ Нойонъ-хутухтѣ очень богатую и красиво-отдѣланную кумирню и отвелъ ей участокъ земли, достаточный для ста юртъ кочевниковъ-скотоводовъ. Одновременно съ этимъ настоятель получилъ и казенную печать на свѣтское управленіе своимъ имѣніемъ. Въ кумирнѣ насчитывается до двухсотъ ламъ, живущихъ въ ней постоянно.

Третій и послѣдній хошунъ, во владѣнія котораго мы только-что вступили, состоитъ въ вѣдѣніи Балдынъ-цзасакъ'а; на сѣверѣ хошунъ этотъ граничитъ горами Гурбанъ-сайханъ, на югѣ соприкасается, приблизительно въ серединѣ пустыни, съ владѣніями Алаша-цинъ-ванъ'а. Полвѣка тому назадъ, счастливый предокъ нынѣшняго правителя считалъ свой хошунъ третьимъ во всемъ аймакѣ по богатству и по числу его населенія, которое къ нашему времени сократилось до одной трети. Причиной тому послужили все тѣ же грозные дунгане, 19 разъ нещадно разорявшіе владѣнія Балдынъ-цзасакъ'а; особенно тяжелъ былъ погромъ въ 1880-хъ годахъ, когда многіе изъ жителей были убиты, а имущество ихъ разграблено.

По личному признанію современнаго правителя, хошунъ его въ настоящее время понемногу начинаетъ заживлять свои тяжелыя раны, но по смерти отца, при вступленіи въ управленіе, его наслѣдіе было въ крайне жалкомъ состояніи. „На мнѣ въ то время, говорилъ моему Бадмажалову Балдынъ-цзасакъ, не было даже приличной одежды, необходимой для поѣздки въ Пекинъ за полученіемъ утвержденія на право управлять хошуномъ; при обратномъ же изъ Пекина слѣдованіи я по своимъ владѣніямъ тащился чуть не пѣшкомъ; мало этого, подѣзжая къ своей ставкѣ, узналъ, что моя собственная юрта сгорѣла, сгорѣло и все добро въ ней“.

Населеніе этого хошуна занимается исключительно скотоводствомъ, располагая лучшими кочевьями въ горахъ Гурбанъ-сайханъ и Нойонъ-богдо. Небольшихъ кумирень въ хошунѣ насчитывается до семи. По отзыву всѣхъ здѣшнихъ монголовъ, этому хошуну трудно отбывать повинности, которыя взимаются въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ это производилось при лучшемъ его состояніи, когда все причитаю-

щеся съ хошуна распредѣлялось не на тысячу, а на три тысячи жителей и не на такихъ бѣдняковъ какъ теперь, а на дѣйствительно зажиточныхъ обитателей. Только Балдынъ-цзасакъ своею честностью, безкорыстіемъ и можетъ улаживать вопросъ о казенныхъ повинностяхъ сравнительно удовлетворительно и безобидно, почему и хошунъ его замѣтно поправляется съ каждымъ послѣдующимъ годомъ.

Въ хошунѣ Балдынъ-цзасакъа по южному скату горъ Цаганъ-ула, вотъ уже сто лѣтъ проживаютъ гунскіе монголы или, какъ ихъ чаще называютъ — урѣтъ. Лѣтъ 50 тому назадъ они построили въ честь китайскаго императора кумирню, назвавъ ее Цаганъ-улайнъ-сумэ. До постройки кумирни правители хошуна пытались много разъ выжить „непрощенныхъ гостей“, но это имъ не удавалось сдѣлать; съ основаніемъ же Цаганъ-улайнъ-сумэ, Балдынъ-цзасакъ опасается за возможность отвода китайцами монголамъ-урѣтъ еще бѣльшаго участка земли въ ущербъ благосостоянію коренныхъ обитателей хошуна.

Старѣйшихъ ламъ въ уротской кумирнѣ четыре, изъ коихъ Да-лама считается главою ея; штатныхъ же ламъ 75 человекъ; число это удваивается во время большихъ хураловъ, происходящихъ въ лѣтнее время. Общій видъ монастыря довольно скромный, хотя, по словамъ монголовъ, онъ располагаетъ порядочными денежными средствами; кромѣ того, монастырь имѣетъ и своихъ домашнихъ животныхъ—верблюдовъ и барановъ; въ наше время тѣхъ и другихъ насчитывалось до шестисотъ головъ.

Общимъ начальниковъ надъ монастыремъ и 80 юртами простого населенія состоитъ Урѣтъ-дунда-гунъ. Урѣтъы живутъ въ достаткѣ, занимаясь, подобно своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, только скотоводствомъ. Характерной чертой этого народа служить честность и, какъ результатъ послѣдней, отсутствіе воровства; монголы-урѣтъ спокойно уѣзжаютъ изъ дома на недѣлю, мѣсяцъ и болѣе, оставляя свои походныя жилища не запертыми на замѣкъ, а просто завязанными ремешками во избѣжаніе напора вѣтра или бродячихъ лисицъ и собакъ.

Послѣднія составляютъ неизбѣжную принадлежность каждой монгольской юрты; даже нищій и тотъ не рѣдко имѣетъ одну, или даже двѣ собаки, дѣлясь съ ними выпрошенными у народа запасами продовольствія. Люди же состоятельные держатъ ихъ значительно больше. Монгольскіе псы — вѣчные спутники стадъ скота на пастбищахъ; въ одинаковой мѣрѣ они также оберегаютъ и жилища своихъ хозяевъ.

Въ общемъ, монгольскія собаки напоминаютъ нашихъ простыхъ дворняшекъ; ростъ ихъ въ большинствѣ случаевъ небольшой, шерсть

длинная, грубая и у старыхъ особей сбитая въ грязный войлокъ висящій на ляжкахъ. Окраска шерсти у мѣстныхъ собакъ темная, нерѣдко съ свѣтлыми пахами и брюхомъ, а также съ свѣтлыми у глазъ пятнами. Бѣлой или очень свѣтлой окраски у собакъ монголы не любятъ и щенковъ подобныхъ мастей, при появлении на свѣтъ, бросаютъ въ яму; равно уничтожаютъ за весьма рѣдкимъ исключеніемъ и сучёнокъ.

Наиболѣе злыхъ и сильныхъ собакъ монголы держатъ на привязи у юрты, украшая шею ихъ ремнями съ массою бубенчиковъ. Цѣлая свора собакъ всегда сопровождаетъ монгольскій или китайскій караванъ и при встрѣчѣ съ собаками другихъ каравановъ у нихъ не рѣдко происходятъ драки. Въ такихъ случаяхъ особенно дорого цѣнятся сильные, могучіе псы, выходящіе изъ борьбы побѣдителями.

При нашемъ слѣдованіи по Монгольскому Алтаю мы очень часто наблюдали искалѣченныхъ собакъ, у которыхъ не доставало передней или задней ноги; причиною тому служатъ разставленные во многихъ мѣстахъ капканы, не рѣдко излавливающіе вмѣсто звѣрей собакъ, которыхъ хозяева содержатъ впроголодь. Намъ лично монгольскія собаки причиняли не мало безпокойства, въ особенности по ночамъ, когда они украдкою, среди спящихъ экспедиціонныхъ псовъ, пробирались въ нашъ лагерь.

Въ заключеніи этой главы позволю себѣ остановиться на общей характеристикѣ монголовъ Гобійскаго Алтая.

О нравственныхъ качествахъ монголовъ М. В. Пѣвцовъ¹⁾ говоритъ слѣдующее: „...они добродушны, привѣтливы и честны. Характеръ у нихъ вспыльчивый, но злопамятность и месть не свойственны ихъ прямодушной натурѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, монголы упрямы, хотя и поддаются легко обаянію лести. Словоохотливость также присуща имъ: на предложенный вопросъ, кромѣ прямого отвѣта, готовы сообщить еще много лишняго. Скорая рѣчь монгола непрерывно льѣтся изъ его усть, при чемъ нерѣдко высказывается много посторонняго, къ дѣлу не идущаго. Какъ и всѣ вообще кочевники, монголы лѣнны и безпечны, но безусловно. Монголъ предается праздности только во время досуга, котораго, правда, у него много; но зато въ рабочее время, наприм. при слѣдованіи съ караваномъ, онъ способенъ трудиться неустанно въ теченіе долгаго времени. Безпечность монголовъ также достойна замѣчанія: нашему пресловутому „авось“ въ монгольскомъ языкѣ соответствуетъ болѣе сильное „цугэръ“, отражающееся весьма невыгодно на ихъ благосостояніи“.

¹⁾ Очеркъ путешествія по Монголіи I. с. стр. 66.

Сѣрая, однообразная природа Монгольскаго Алтая кладетъ извѣстный отпечатокъ и на своихъ обитателей—монголовъ, раскидывающихъ свои походныя жилища то въ области горъ, то выносящихъ ихъ въ прилежащія открытыя долины, въ зависимости отъ времени года. На одномъ мѣстѣ монголы не засиживаются, ихъ не можетъ удержать несложный скарбъ, который кочевники перевозятъ и просто, и легко. Подлѣ небольшихъ группъ юртъ пасутся стада, охраняемыя по большей части конными пастухами и собаками.

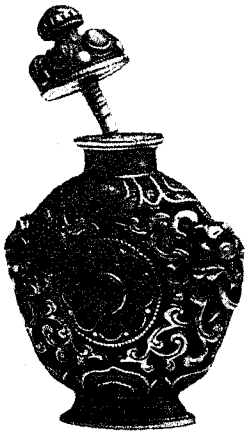
Къ вечеру стада возвращаются къ стойбищу, располагаясь вокругъ юртъ. Монгольскій скотъ содержится подъ открытымъ небомъ и на свободѣ, за исключеніемъ барановъ и козъ, для которыхъ иногда складываются каменные или навозныя ограды, и только ягнятъ и козлятъ монголы воспитываютъ въ юртахъ, привязывая ихъ къ стѣнкамъ жилищъ. Монгольскія женщины почти все время проводятъ за хозяйствомъ, то по уходу за скотомъ, то въ приготовленіи молочныхъ продуктовъ, а въ свободныя минуты сидятъ за шитьемъ одежды.

Глава же семьи или сидитъ сложа руки дома или навѣщаетъ праздныхъ сосѣдей, часто не разставаясь съ лошадыю по цѣлымъ днямъ. Подлѣ монгольскихъ юртъ всегда стоятъ наготовѣ осѣдланныя лошади для того, чтобы хозяинъ могъ, какъ только пожелаетъ, скакать куда угодно. Присутствіе около юртъ чужихъ лошадей — вѣрный признакъ, что въ юртѣ гости, а это для монгола поводъ лишній разъ завернуть къ сосѣду. Какая компанія собралась тутъ видно по лошадямъ: монголы отлично распознаютъ не только своихъ животныхъ, но и животныхъ сосѣдей; монголъ съ успѣхомъ разыщетъ своего барана, заблудившагося въ большомъ стадѣ другого владѣльца.

Пѣшая ходьба во всеобщемъ презрѣніи, поэтому, какъ бы мало ни-было разстояніе до сосѣдняго стойбища, монголъ все-таки сядетъ на лошадь и проскачетъ его. И гдѣ бы, и куда бы не ѣхалъ монголъ, всегда онъ скачетъ съ такою быстротою и смѣлностью, что съ перваго взгляда можетъ казаться, что этотъ кочевникъ цѣнитъ время и не въ такой мѣрѣ предается праздности, какъ привыкли думать европейцы; въ дѣйствительности же монголъ можетъ проводить дома по нѣскольку дней подъ-рядъ и сидитъ или лежитъ, переваливаясь съ боку на бокъ, объѣдаясь жирной бараниной; разъ же онъ сѣлъ на коня, хотя бы только послѣ того какъ бездѣйствіе окончательно надоѣло, то уже катитъ во весь махъ среди необозримой равнины. Но лишь гдѣ-либо на краю горизонта показался верблюжій караванъ, монголъ тотчасъ же останавливаетъ лошадь, устремляетъ свой острый взглядъ въ

эту движущуюся точку, и затѣмъ, пустивъ коня опять въ карьеръ, несется къ каравану, спѣша узнать откуда, куда, и зачѣмъ или съ чѣмъ онъ слѣдуетъ, а потомъ, сообразивъ кому сообщить только-что добытую имъ новость, уже скачетъ въ этомъ новомъ направленіи. Такъ, очень часто отправляясь отъ своего стойбища къ сосѣднему, за пять-семь верстъ, монголъ не можетъ поручиться, что онъ, дѣйствительно пріѣдетъ въ намѣченное мѣсто.

Монголы довольно гостепріимны вообще, по отношенію же къ своимъ близкимъ собратьямъ въ особенности; они свободно могутъ не брать съ собою въ недалнюю дорогу ѣды и денегъ, будучи твердо увѣрены, что въ любой юртѣ ихъ съ удовольствіемъ и накормятъ и напоятъ. Большою вѣжливостью считается также встрѣтить гостя передъ входомъ въ юрту, равно и проводить его до лошади.

При встрѣчѣ не только другъ съ другомъ но даже и съ нами, монголъ вмѣстѣ съ привѣтствіемъ вручаетъ и табакерку. Вѣжливость или монгольскій обычай требуетъ, взявъ щепотку предложеннаго табаку, передать табакерку сосѣду; тотъ въ свою очередь передаетъ ее слѣдующему, пока табакерка не обойдетъ всѣхъ присутствующихъ и не возвратится къ владѣльцу. Такимъ образомъ въ своихъ рукахъ я передержалъ много монгольскихъ табакерокъ и одну изъ нихъ — наиболѣе интересную по отдѣлкѣ, — которая изображена на прилагаемомъ рисункѣ, пріобрѣлъ въ собственность. Верхъ этой табакерки съ винтовой пробкою оканчивается маленькой металлической ложечкой, которою, открывая пробку, захватываютъ табакъ.

Осенью монголы оживаютъ отъ своего монотоннаго время-препровожденія; осенью у нихъ всего вдоволь: и ѣды, и питья, съ включеніемъ опьяняющаго кумыса или водки (арѣка); лошади ихъ также откормлены. Осенью у монгола является потребность явить себя передъ народомъ или въ качествѣ лихого борца, или наѣздника, или же стрѣлка. Сотнями собираются монголы по большей части къ религіознымъ центрамъ и устраиваютъ празднества, длящіяся иногда по нѣсколькимъ дней къ-ряду. Въ числѣ зрителей присутствуютъ и женщины, которыя являются нѣмыми цѣнительницами ловкости и силы своихъ кавалеровъ. Подобныя празднества завершаются огульнымъ пьянствомъ, послѣ чего монголы развѣзжаются группами во-свояси, громко оглашая воздухъ своими пѣснями.

Осенью же чаще всего монголы устраивают и свадебныя торжества. Свадьбы обыкновенно производятся слѣдующимъ образомъ: прежде всего родители спрашиваютъ своего сына ¹⁾ на комъ онъ желаетъ жениться и если его мнѣніе раздѣляютъ и они сами, то отправляютъ двухъ-трехъ человѣкъ въ качествѣ сватовъ въ домъ избранницы, просить ея руки (хухэнъ-гойхой). Посланныя привозятъ съ собою угощеніе, состоящее изъ обычныхъ, въ этомъ случаѣ, ланхон'а ²⁾ водки, куска монгольскаго сыра и трехъ „хадаковъ“ ³⁾, изъ коихъ одинъ предназначается бурханамъ, остальные же родителямъ дѣвницы. Если отецъ и мать послѣдней согласны принять предложеніе, то они принимаютъ и привезенные сватами дары; если же дары не приняты, то въ этомъ сваты должны видѣть неуспѣхъ своей миссии.

Получивъ согласіе родителей невесты, отецъ и мать жениха черезъ извѣстное время снова отправляютъ къ нимъ въ домъ посыльныхъ съ просьбой повторить имъ свое рѣшеніе; на этотъ разъ дары не посылаются. Второй удовлетворительный отвѣтъ даетъ основаніе родителямъ жениха считать свадебный вопросъ успѣшно оконченнымъ; въ противномъ же случаѣ вмѣстѣ съ несогласіемъ было бы возвращено и приношеніе, принятое родителями невесты въ началѣ переговоровъ.

По достиженіи женихомъ и невестой опредѣленнаго возраста ⁴⁾, родители ихъ объявляютъ свое согласіе открыто всѣмъ и отецъ съ матерью жениха обращаются къ ламамъ, съ просьбою сказать имъ хорошо-ли въ этомъ году ихъ сыну вступить въ бракъ или, другими словами, будутъ-ли молодые счастливы? Если ламы находятъ годъ свадьбы или женитьбы по ихъ понятіямъ подходящимъ, то вмѣстѣ съ положительнымъ отвѣтомъ назначаютъ и день самаго торжества. Послѣ этого сваты приглашаютъ на свадьбу родныхъ и близкихъ знакомыхъ; всѣхъ гостей съ той и другой стороны собирается до 50 человѣкъ и болѣе. Женихъ старается до свадьбы, вмѣстѣ

¹⁾ У зажиточныхъ монголовъ помолвка жениха и невесты можетъ быть произведена заранее, равно отпразднована и самая свадьба, когда молодымъ исполнится— для жениха 14, а для невесты 15 лѣтъ.

²⁾ Деревянная посуда для храненія и перевозки жидкостей.

³⁾ Шелковый шарфъ. См. Позднѣевъ. Очерки etc. I. с. стр. 100. Хадакъ по тибетски значитъ „платокъ счастья“. См. Klaproth. Description du Tibet, traduite du chinois. (Nouveau Journal Asiatique publié par la Société Asiatique. Tome IV. Paris, 1829. p. 151. Примѣчаніе).

См. также W. W. Rockhill. Tibet. [Journal of the R. Asiatic Society, 1891; p. 228 примѣчаніе 1], гдѣ перечисляются различные виды хадаковъ.

⁴⁾ Для перваго приблизительно 20 лѣтъ, для второй же около 17-ти.

со своимъ отцомъ и другими близкими родными, отвезти въ домъ невесты въ видѣ общаго приданаго молодымъ „суй“—извѣстное количество серебра (денегъ), нѣсколько хадаковъ, лучшую лошадь, а также мяса, водки и проч.; обыкновенно хадаки служатъ для раздачи роднымъ невесты, а мясо и водка идутъ на угощеніе. Въ этотъ день родители невесты съ своей стороны приготавливаются принять будущихъ родственниковъ возможно лучше и также одариваютъ ихъ хадаками. Гости помѣщаются по правую сторону юрты, то есть занимаютъ почетныя мѣста, родныя же невесты усаживаются по лѣвую.

Вслѣдъ за тѣмъ, домъ жениха прикочевываетъ въ сосѣдство дома невесты, гдѣ во все это время идутъ дѣятельныя приготовленія къ свадьбѣ. Родители невесты, смотря по достатку, должны дать ей два сундука или ящика, для установки бурхановъ, затѣмъ постель, состоящую изъ четырехъ войлоковъ и двухъ вышитыхъ подушекъ (дэрэ), одинъ пропитый войлокъ (ширдэкъ) для разостланія передъ постелью; кромѣ того, извѣстныя кухонныя принадлежности, какъ-то: чугунную чашу или котель, ведро, ковшъ и проч. Родители же жениха сооружаютъ для молодыхъ новую юрту.

Наканунъ свадьбы въ домъ невесты собираются гости будущихъ молодыхъ; сама же невеста здѣсь не присутствуетъ, она на это время уходитъ къ роднымъ или знакомымъ сосѣдямъ, возвращаясь домой только поздно вечеромъ, когда разъѣдутся гости; женихъ на это собраніе также не является, оставаясь сидѣть дома.

Въ день свадебнаго торжества родители невесты наряжаютъ свою дочь въ платье замужней женщины, затѣмъ, усадивъ ее верхомъ на бѣлую лошадь и набросивъ на нее цвѣтное покрывало¹⁾, въ сообществѣ родныхъ, отводятъ въ новую юрту жениха. Войдя въ юрту, невеста садится на свою новую постель и тотчасъ же присутствующія здѣсь женщины закрываютъ ее занавѣсомъ (кушугунъ); спустя нѣкоторое время большинство женщинъ оставляетъ юрту и присоединяется къ гостямъ, двѣ же или три женщины остаются при невестѣ. Вечеромъ, по окончаніи праздника, послѣ того какъ гости разъѣдутся по домамъ, оставшіяся при невестѣ женщины, отправляются за женихомъ, бывшимъ все время на народѣ, и приводятъ его къ невестѣ. Здѣсь тѣ же женщины помогаютъ молодымъ раздѣваться, энергично требуя отбросить стыдливость, если они таковую склонны проявить, затѣмъ укладываютъ молодыхъ спать. Если молодые другъ

¹⁾ Цвѣтъ покрывала заранѣе опредѣляется ламами.

друга не дичатся, то ихъ оставляютъ въ юртѣ однихъ; въ противномъ же случаѣ ночуютъ вмѣстѣ съ новобрачными. Обычая подслушивать „какъ ведутъ себя первую ночь молодые“ здѣсь не существуетъ.

Спустя два дня, на третій, опять собираются родные молодыхъ и снимаютъ занавѣсъ (кушугун-тайлаха); послѣ этого молодые, поклонившись своимъ отцамъ и матерямъ, а также и остальнымъ роднымъ, приступаютъ къ угощенію мясомъ и виномъ всѣхъ собравшихся гостей. На этомъ общій свадебный праздникъ и оканчивается ¹⁾.

Когда молодая женщина почувствуетъ себя беременною, то она потихоньку сообщаетъ объ этомъ мужу, который иногда старается облегчить тяжелыя работы жены, но въ большинствѣ случаевъ она остается почти на все время прежней неустанной работницей въ домѣ. Съ приближеніемъ времени родовъ при женщинѣ присутствуютъ мужъ, лама и въ качествѣ акушерки (эчжи) старуха. Лама читаетъ молитвы и воскуриваетъ оѳіамъ для удаленія невидимаго духа, могущаго помѣшать благополучному исходу этого акта. Если роды затягиваются и становятся особенно мучительными, то лама, помимо чтенія молитвъ, даетъ больной лекарство, старуха же сдавлиываетъ грудь и туго завязываетъ ее кушакомъ или поясомъ, а мужъ стрѣляетъ изъ ружья или звонко стучитъ или просто, взявъ въ ротъ воды, незамѣтно брызжетъ ею въ ухо роженницы, всѣми силами стараясь вызвать въ больной испугъ и содроганіе, чѣмъ достигается скорѣйшее разрѣшеніе отъ бремени.

Родившееся дитя принимаетъ старуха, которая должна умѣть перевязать пуповину (коровымъ или бычачьимъ сухожилиемъ—„шурбусунъ“) и отрѣзать ее, затѣмъ завернуть новорожденнаго въ заранѣе приготовленную баранью овчину. На третій день дитя обмываютъ освященной ламою водою и родители его предлагаютъ собравшимся роднымъ и ближайшимъ знакомымъ угощеніе, закалывая для этой цѣли, если позволяютъ средства, жирнаго барана; вино, конечно, играетъ видную роль при каждомъ подобномъ празднествѣ; только бѣдняки обходятся однимъ неизмѣннымъ чаемъ. Осчастливленные богатые родители подносятъ акушеркѣ баранью овчину и лучшую по вкусу часть его мяса—грудину; кромѣ того, дарятъ ей разныя матеріи и коня; бѣдняки же отдѣлываются хадакомъ и кое-какими мелкими подарками. Ламу также дарятъ деньгами и съѣстными припасами.

¹⁾ Объ обрядахъ при бракосочетаніи у богатыхъ монголовъ, свадьбы которыхъ совершаются при дѣятельномъ участіи ламъ, см. Поздязевъ. Очерки etc. I. с. стр. 433—441.

Нареченіе имени ребенка происходитъ или въ день его омовенія или значительно позднѣе—спустя даже годовой срокъ; при этомъ лама даетъ имя по своему усмотрѣнію, но преимущественно останавливается на имени того дня, въ который совершено омовеніе¹⁾.

Послѣ омовенія дитяти, мать новорожденного возобновляетъ работы по хозяйству дома, а еще дня черезъ четыре или пять уже въ состояніи ѣхать верхомъ на лошади; спустя же мѣсяць она становится по монгольскимъ понятіямъ вполне здоровою для отправленія супружескихъ обязанностей.

Монголы вообще хорошіе семьянины и съ сильной любовью относятся къ дѣтямъ; смерть ребенка повергаетъ родителей въ большое горе. Во избѣжаніе болѣзни или навожденія злого духа, монголы стараются уберечь ребенка различными способами. Для этой цѣли новорожденнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при посредствѣ ламъ, надѣваютъ на шею желѣзную цѣпочку, запираемую по концамъ замочкомъ; другіе же родители умышленно скрываютъ дѣйствительный полъ ребенка; многіе же монголы своихъ новорожденныхъ мажутъ сажей или чернилами; въ одномъ мѣстѣ родители-монголы убѣдительно просили у переводчика Бадмажапова для своего дитяти поношеннаго русскаго платья, какъ лучшаго средства избавленія отъ навожденія злого духа. Къ обратнымъ сторонамъ досокъ, играющихъ у монгольскихъ дѣтей роль колыбели, нѣкоторые родители прикрѣпляютъ игрушечные, сдѣланные изъ желѣза, лукъ и стрѣлу, которые также способны избавить ребенка отъ бѣдъ и напастей. Если дѣти въ извѣстной семьѣ, тѣмъ не менѣе, не выживаютъ, то родители прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: послѣдняго только-что умершаго ребенка прячутъ въ мѣшокъ, наполненный различной снѣдью—мясомъ, дзамбой, сахаромъ и проч. и завязавъ, бросаютъ его гдѣ-либо на дорогѣ. Въ поднятомъ и развязанномъ проѣзжимъ мѣшкѣ монголы склонны видѣть въ будущемъ просвѣтленіе своего жизненнаго пути. Всѣ эти мѣры, основанныя на суевѣріи, конечно, нисколько не уменьшаютъ смертности монгольскихъ малютокъ, среди которыхъ, какъ и у нашихъ крестьянъ, выживаютъ только наиболѣе сильныя дѣти.

Мужъ съ женой, несошедшіеся характерами, часто расходятся, соблюдая, однако, извѣстныя правила; если разладъ въ семьѣ произошелъ по винѣ мужа, то послѣдній обязанъ возвратитъ женѣ все то, что она привезла съ собою въ приданое; если же наоборотъ, жена

¹⁾ Объ обрядахъ, совершаемыхъ ламами по рожденіи ребенка, см. Позднѣевъ. Очерки I. с. стр. 412—425.

должна оставить мужа по собственной винѣ, то въ такомъ случаѣ она лишается права на получение своего имущества.

Вдова съ дѣтьми послѣ смерти мужа наследуетъ его имущество и въ большинствѣ случаевъ вторично замужъ не выходитъ; чаще выходятъ замужъ вдовы бездѣтныя и молодыя. Для большаго порядка въ домѣ вдовы, въ особенности если она осталась съ малолѣтними дѣтьми, мѣсто покойнаго хозяина дома нерѣдко заступаетъ его родной братъ или другой ближайшій родственникъ. По достиженіи дѣтьми извѣстнаго возраста, мать женить ихъ или выдаетъ замужъ. Дружные, миролюбивые братья живутъ одной общей семьей; братья же неживчиваго характера, при первомъ удобномъ случаѣ, выдѣляются въ особья семьи; при этомъ все состояніе или дѣлится поровну, если дѣлящіеся обязуются въ равной степени выплачивать общественныя повинности, или же, уступивъ старшему изъ братьевъ половину отцовскаго состоянія, остальные братья дѣлятъ промезъ себя другую половину по ровну и вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаются отъ всякихъ повинностей; обязанность отбывать эти послѣднія, переходитъ въ такомъ случаѣ на старшаго брата. Братья ламы въ счетъ не идутъ; имъ добровольно помогаютъ ихъ братья—міряне, какъ при нахожденіи ихъ въ монастырѣ, такъ и при совершеніи паломничества; равнымъ образомъ братья-ламы пользуются гостепрѣимствомъ при своихъ посѣщеніяхъ родного крова хотя бы въ теченіе продолжительнаго времени.

Вдовѣ считается очень предосудительнымъ вступать въ любовную связь; за такой проступокъ мѣстное начальство подвергаетъ провинившуюся вдову выговору при народѣ, а виновнаго мужчину приговариваетъ къ штрафу въ видѣ осѣдланной лошади. Мужьямъ, уличеннымъ въ прелюбодѣяніи съ чужими женами, по распоряженію того же ближайшаго начальства, одѣваютъ на шею желѣзную цѣпь, срокомъ до трехъ мѣсяцевъ; что же касается невѣрной жены, то она бываетъ судима только своимъ мужемъ, по его личному усмотрѣнію.

Существуетъ, между прочимъ, у описываемыхъ монголовъ и такой обычай: два молодыхъ женатыхъ пріятеля могутъ позволить себѣ при случайномъ ночлегѣ кого-либо изъ нихъ уступить другъ другу мѣсто съ женою, уходя на это время для сна въ другую юрту. Равно въ обычаѣ монгольскихъ женщинъ порою „предложить себя въ распоряженіе мужчины“; въ такомъ случаѣ извѣстный рыцарь степи, чтобы не навлечь на себя несчастья, не долженъ уклоняться отъ сближенія съ женщиной, въ особенности если предварительно облагородить любовный актъ, призываніемъ матери человѣка — Земли. Для этого

необходимо по крайней мѣрѣ показать видъ что бросаешь семь горстей земли на генитальные органы женщины. Если не совершить подобной церемоніи, то активное сближеніе съ женщиной носить постыдный (буцзарь) характеръ.

Народонаселеніе Монголіи вообще не увеличивается, скорѣе уменьшается, какъ о томъ сообщали намъ наиболѣе компетентные изъ ея обитателей.

Во всѣхъ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда монголы сами лично не могутъ рѣшить вопросовъ общежитейскаго характера, они прибѣгаютъ или къ помощи старѣйшихъ и уважаемыхъ сосѣдей, или же къ защитѣ своего мѣстнаго хошуна, но никогда, или почти никогда, не ищутъ правосудія у китайскаго начальства, зная по горькому опыту какимъ тяжелымъ матеріальнымъ бременемъ ляжетъ на хошунъ пріѣздъ китайцевъ-судей, командированныхъ даже по самому простому и ничтожному дѣлу. Къ тому же монголы, вообще, при своемъ крайне миролюбивомъ характерѣ, далеки отъ серьезныхъ или уголовныхъ преступленій; въ посѣщенной нами части Монголіи, въ истекшіи двухлѣтній промежутокъ, извѣстно только три случая убійства, происшедшіе или совершенно нечаяннымъ образомъ или въ пылу мгновеннаго сильнѣйшаго раздраженія.

Настоящій очеркъ о монголахъ умѣстно будетъ заключить слѣдующими строками покойнаго М. В. Пѣвцова ¹⁾ объ отношеніяхъ этихъ номадовъ къ китайцамъ.

„По собственнымъ наблюденіямъ и общему отзыву лицъ, долго проживавшихъ въ Монголіи, масса монгольскаго народа относится весьма недружелюбно къ своимъ поработителямъ, ропщетъ, хотя и негласно, на темные поборы и притѣсненія правителей, которымъ мирволить китайское правительство; наконецъ, выражаетъ явно неудовольствіе на китайскія торговыя компаніи въ Монголіи, эксплуатирующія безжалостно туземное населеніе. Непрязнь монгольскаго народа къ китайцамъ сдерживается, однако, той предусмотрительной политикой, которая доставила правительству Богдохана прочное владычество надъ Монголіей. Эта политика, какъ извѣстно, издавна заключалась въ покровительствѣ вліятельнымъ классамъ народа—князьямъ и духовенству. Китайское правительство постоянно задобривало удѣльныхъ князей, не скупилось на жалованье имъ, щедрые подарки, почести при дворѣ и привлекало ихъ къ трону даже родственными узами посред-

¹⁾ Очеркъ путешествія по Монголіи I. с. стр. 92—93.

ствомъ браковъ вліятельнѣйшихъ изъ нихъ съ принцессами царствующей династіи. То же самое можно сказать и о духовенствѣ, т. е. собственно о вліятельныхъ представителяхъ его и хутухтахъ (святителяхъ). Китайцы съумѣли привлечь на свою сторону и этотъ классъ своими искательствами. Даже въ наши дни ургинскіе амбаны въ торжественные праздники обязаны являться на поклоненіе тамошнему святителю“.

„Теперь монголы стали далеко не тѣми, какими были въ началѣ китайскаго владычества надъ ними, и не возбуждаютъ серьезнаго опасенія правительства Богдохана. Обладаніе Монголіей не доставляетъ никакихъ выгодъ собственно китайской казнѣ, а вѣрнѣе приносить ей изрядный дефицитъ, но китайцы не могутъ не дорожить ею по причинѣ той важной экономической зависимости, которая существуетъ между этой страной и густонаселеннымъ Внутреннимъ Китаемъ“.

ГЛАВА IV.

Центральная Гоби.

Вступленіе. Общая характеристика Гоби и путешествія по ней. Отъездъ А. Н. Казнакова. Путь главнаго каравана: хребетъ Цзолинъ и горы Эргу-хара. Эффектное „halo“ вокругъ солнца. Алашаньскіе монголы. По пескамъ Баданъ-чжарэнгъ. Озеро Куку-бурду. Дальнѣйшій путь черезъ горы Ябарай и города Сого-хото и Лянь-чжоу до монастыря Чортэнтагъ. Описаніе этого послѣдняго и свиданіе съ товарищами.

Путешественнику-географу въ наше время довольно трудно составить такой маршрутъ, который бы съ одной стороны обнялъ рядъ странъ мало или совершенно неизслѣдованныхъ, съ другой же—далъ возможность нѣсколькимъ членамъ экспедиціи одновременно слѣдовать параллельно другъ другу, иными словами, вести не линейное, а площадное изученіе извѣстнаго раіона. Трудности эти усугубляются необходимостью строго согласовать время, назначенное для путешествія, съ характеромъ каждой отдѣльной страны, съ ея физико-географическими условіями, стараясь, по возможности, проводить лѣто въ горахъ, зиму же—работать въ маловодныхъ или пустынныхъ равнинахъ.

Наша экспедиція, какъ видно изъ предыдущихъ главъ и отчетной карты, стояла именно въ такихъ исключительно счастливыхъ условіяхъ и по отношенію къ Монгольскому Алтаю и по отношенію, прилежащей къ нему на юго-востокъ, пустыни Гоби.

Для большей наглядности предлагаю взять сто-верстную карту, на которой еще не положены наши пути и сравнить ее съ исправленной на основаніи съеомокъ экспедиціи. Разница бросается въ глаза: какой широкій неизслѣдованный раіонъ примыкалъ къ русской границѣ

и какъ его освѣтили послѣдніе маршруты, избородившіе его вдоль и поперекъ, въ особенности гобійскую часть, представляющуюся чуть не сплошнымъ бѣлымъ пятномъ, на которомъ, лишь кое-гдѣ виднѣлись бблшіе или меньшіе островки горъ. Ни дорогъ ¹⁾, ни урочищъ, ни какихъ бы то ни было признаковъ присутствія людей, я не могъ найти на прежней картѣ за годъ до моего путешествія, когда мною еще только составлялся его первоначальный планъ. Поэтому нисколько не удивительно, что относительно изслѣдованія Гоби я высказывался тогда крайне осторожно, обозначая на картѣ только болѣе желательные пути—мой и Казнакова ²⁾, — при чемъ больше вѣрилъ въ возможность осуществленія послѣдняго, нежели въ осуществленіе маршрута главнаго каравана, долженствовавшаго, въ крайнемъ случаѣ, направиться путемъ Н. М. Пржевальскаго. Конечно, не слѣдуетъ забывать и того въ высшей степени важнаго обстоятельства, что наше предпріятіе встрѣтило серьезное содѣйствіе туземной администраціи, безъ котораго такой успѣхъ положительно не былъ бы возможенъ.

Теперь, съ понятнымъ для путешественника чувствомъ радости, приходится глядѣть на эти пути экспедиціи, снявшіе таинственный покровъ, изъ подъ котораго вышли наружу и горы, и горки, и окаймляющія ихъ пониженныя долины съ урочищами, родниками, колодцами, обозначающими кратчайшія, издавна здѣсь существующія, но до нашего по нимъ прохода, совершенно неизвѣстныя географамъ дороги отъ при-наньшанской магистрالی по направленію къ столицѣ Богдохана.

Пустыня Гоби и здѣсь остается вѣрна себѣ, и здѣсь она представляетъ тѣ же черты, которыя свойственны ей въ другихъ, раньше изслѣдованныхъ частяхъ и извѣстны изъ описаній нашихъ славныхъ предшественниковъ. Особенною дикостью, безводіемъ и неплодіемъ, на пути главнаго каравана, пустыня поражала въ своей серединѣ, на протяженіи 350-ти верстъ—отъ урочища Боро-хацапча до озера Куку-бурду,—гдѣ она наиболѣе понижена и выровнена и гдѣ произрастаютъ только кустарниковыя формы растительности, довольствующія лишь „корабля пустыни“, но не лошадей. Послѣднія здѣсь не встрѣчаются вовсе, чему лучшимъ доказательствомъ служила сильная боязнь,

¹⁾ Кромѣ меридіанальнаго маршрута по рѣкѣ Эдзинъ-голь, проложеннаго Г. Н. Потанинымъ въ 1886 году и значительно позднѣйшаго—появившагося на картахъ ко времени нашего возвращенія изъ путешествія—дугообразнаго пути по Гоби отъ озеръ той же рѣки, мимо южной подошвы Гурбанъ-сайханъ, по направленію къ Хуанъ-хэ, пройденнаго В. А. Обручевымъ.

²⁾ О поѣздкѣ г. Ладыгина я тогда и мечтать не могъ.

выказываемая верблюдами мѣстныхъ кочевниковъ по отношенію къ лошадямъ, при встрѣчѣ съ нашимъ караваномъ. Естественно, что наши кони одинъ за другимъ пропадали, верблюды же шли хорошо. Животная жизнь этой части пустыни бѣдна до крайности; цѣлыми недѣлями мы не видѣли даже антилопъ хара-сультъ и только лисицы, зайцы и мелкіе грызуны неизмѣнно напоминали о себѣ; изъ птицъ нрѣдка встрѣчались саксаульня сойки, жаворонки; кромѣ того, мѣстами наблюдалось массовое передвиженіе большихъ или меньшихъ стадъ больдуруковъ, вытѣсняемыхъ отсюда къ югу-востоку, вѣроятно, снѣгомъ и холодами, доводившими ртуть до замерзанія. Долгое время не отвязно слѣдовала за караваномъ пара черныхъ вороновъ, промышленившихъ на счетъ кухонныхъ отбросовъ.

Достигнувъ озера Куку-бурду и переплывъ по песчаному морю Баданъ-чжарангъ, путешественникъ можетъ вздохнуть свободнѣе при мысли о своемъ караванѣ. Отсюда къ югу, условія постепенно улучшаются.

Болѣе мѣсяца тащились мы поперекъ этой части пустыни, дѣлая, въ среднемъ, около 20-ти верстъ ежедневно, за исключеніемъ дневокъ, устраиваемыхъ дней черезъ пять или черезъ недѣлю.

Вставали мы, какъ и всегда въ путешествіи, до зари, съ зарею же отправлялись въ путь, держа направленіе къ югу. По плотной песчано-галечной поверхности верблюды шли довольно успѣшно, въ особенности по утрамъ, когда съ гобійскимъ морозомъ приходилось бороться и намъ, закутаннымъ въ мѣховыя одѣянія. Солнце, поднявшись надъ пустыней, иногда достаточно согрѣваетъ обращенную къ нему часть тѣла, но въ то же время тѣневой сторонѣ порядкомъ холодно. На встрѣчу намъ приходятъ то холмы, то отдѣльныя или сгруппированныя горы и горки¹⁾; одни изъ нихъ остаются за сѣверной частью горизонта, другія всплываютъ на противоположной сторонѣ; покачиваясь на верблюдѣ внимательно слѣдишь за ихъ появленіемъ и исчезаніемъ. Высоты, встающія справа и слѣва, также отмѣчаются и заносятся на планшетъ. Между тѣмъ, верблюды начинаютъ замедлять шагъ, болѣе слабые изъ нихъ уже натягиваютъ бурундукъ²⁾ и всѣ они тяжело дышатъ; собаки также присмирѣли и спокойнѣе идутъ, понуривъ головы; голоса людей раздаются рѣже.

¹⁾ Порою нѣсколько дней подъ рядъ направляется караванъ къ одной и той же горкѣ, ориентируя по ней свой маршрутъ.

²⁾ Веревоочный поводъ, которымъ привязываютъ верблюдовъ другъ къ другу.

Наконецъ, проводникъ опредѣленно указываетъ холмъ, горку или саксауловую заросль, гдѣ караванъ долженъ пріютиться на ночь. Невольно начинаешь поторапливать и понукать животное, на которомъ ѣдешь, чтобы скорѣе добраться до мѣста бивуака. Короткій зимній день далеко перевалилъ за полдень. Еще часъ, и извѣстный уголокъ пустыни оживляется: сѣрый дымъ, словно облачко, поднимается вверхъ надъ костромъ; вокругъ двухъ-трехъ юртъ пасутся караванныя животныя, тамъ и сямъ бродятъ люди, порою раздаются выстрѣлы или лай собакъ, словомъ, чувствуется жизнь. Но, какъ скоро солнце, совершивъ свой дневной путь, спустится за горизонтъ, и на западѣ загорится чудная заря—какую можно видѣть только въ пустынѣ—отбрасывая на вершины прилежащихъ высотъ свой нѣжно-фіолетовый отблескъ, исчезающій по мѣрѣ сгущенія сумерокъ—дневная дѣятельность прекращается—бивуакъ засыпаетъ. И такъ изо-дня въ день...

Возвратимся къ хронологическому разсказу о самомъ путешествіи.

4-го декабря мы проводили въ далекій путь А. Н. Казнакова, а на слѣдующее утро, во время частнаго луннаго затменія, и сами собрались въ дорогу. Въ кумирнѣ, по случаю затменія ночного свѣтила, ламы усиленно стучали въ бубны и дули въ раковины, чтобы отогнать звѣря, собиравшагося проглотить луну. На монголовъ же, сопровождавшихъ моего старшаго сотрудника, оно не производило особеннаго впечатлѣнія; они ограничились тѣмъ, что немного покричали; но по мнѣнію монголовъ, нѣтъ основанія опасаться полнаго исчезновенія луны съ небосклона, потому что у звѣря „Арха“, производящаго затменія, туловища нѣтъ, а есть только голова, такъ что проглоченная звѣремъ луна неминуемо должна опять появиться на небѣ...

Вскорѣ за кумирней экспедиція вступила въ долину, по срединѣ которой тянется рукавъ песчаныхъ полулунныхъ бархановъ, обращенныхъ своимъ вогнутымъ краемъ къ востоку; съ юга эту долину ограничиваетъ хребетъ Цзолинъ, имѣющій въ общемъ характеръ, свойственный многимъ подобнымъ ему въ Монгольскомъ Алтаѣ. Означенный хребетъ слагается изъ сланцевъ, обнажающихся у подножья, а также изъ зелено-сѣраго протеробаза, порфиритоваго туфа и кварцеваго діорита, залегающихъ по вершинѣ и ближайшимъ къ ней частямъ скатовъ ¹⁾. Массивные выходы туфа стоятъ въ хаоти-

¹⁾ Сосѣднія къ югу горы—Куку-нуру—состоятъ также изъ сланцевъ, мелафирового туфа и мелафировъ.

ческомъ безпорядкѣ; вверху тянутся затѣйливыя по очертаніямъ карнизы, внизу и по бокамъ отвѣсныя кручи съ массою трещинъ. Слѣдуя здѣсь раннимъ утромъ, когда небосклонъ уже рдѣтъ розовато-золотистой зарей, а звѣзды еще продолжаютъ мерцать, и когда въ то же время тѣневныя стороны очень мрачны — фигурныя скалы и ихъ выступы представляются наблюдателю фантастическими зданіями: тутъ и замки, и башни, и балконы, и гигантскія лѣстницы со всевозможными статуями, до человѣческихъ фигуръ включительно. Въ пустынь атмосфера, какъ уже говорено выше, поражаетъ своею прозрачностью, а зори—красками.

Слабо выраженный переваль Тыпсэгинъ-дабанъ поднимается надъ моремъ на 6.810 футовъ.

Съ южной окраины Цзолин'а открывается видъ на другую, лежащую впереди широкую долину, а также на расположенныя отъ запада къ востоку горы Нойонъ-богдо, Сэвэрэ, Дэнгъ, который сложенъ изъ туфа, порфира и сланца, и Цзурумтай. Мы прошли между двумя послѣдними, за которыми горная область временно прекращается. Къ югу пустыня уходитъ въ необозримую даль однообразной равниной, покрытой щебнемъ и галькой кварца, халцедона, агата, яшмы; во многихъ мѣстахъ, кромѣ того, замѣтны обнаженія лёссовиднаго суглинка, а немного повыше гобійскихъ песчаника, глины и конгломератовъ, а также известняка и известковыхъ натеконъ. На этой равнинѣ лишь изрѣдка виднѣются или плоскій уваль сыпучаго песка или крутой гребень того же щебня и галечника. Томительно однообразны переходы въ этой мѣстности. Животной жизни почти нѣтъ: украдкою пробѣжить боро-цзере или испуганно вскочить и стрѣлою пронесется заяцъ до первой заросли саксаула, гдѣ тотчасъ же и скроется отъ взора. Въ подобной удручающей обстановкѣ мы радовались даже старому слѣду, оставленному телѣгой нѣкоего ламы, проѣхавшаго изъ Алаша-ямын'я въ Да-куре.

Почти въ серединѣ равнинной пустыни, при урочищѣ Боро-обо, мы были привѣтливо встрѣчены дряхлыми ламами, рѣдко покидающими расположенную тутъ свою пустыньку. Отъ этихъ старцевъ я съ большимъ вниманіемъ выслушалъ рассказы о впереди лежащей дорогѣ. „Она еще бѣднѣе, нежели та, по которой вы проѣхали, говорили мнѣ ламы; отсюда, кромѣ верблюдовъ, другихъ животныхъ не встрѣтите“. Здѣсь-же, при колодцѣ того же названія, на сухомъ каменистомъ руслѣ, окаймленномъ высокими ильмами, мнѣ удалось опредѣлить географическую широту.

Вскорѣ, затѣмъ, экспедиція прибыла къ горамъ Эргу-хара, къ ихъ сѣверной окраинѣ Хонгоржэ¹⁾, гдѣ проходитъ граница владѣній Сайнъ-Нойон'а и Алаша-цинъ-ван'а и гдѣ насъ оставили отличные проводники-монголы Сайнъ-Нойон'скаго аймака. Самая граница отмѣчена барьеромъ въ видѣ каменнаго вала и башенъ по горамъ и рва съ насыпью въ равнинѣ, уходящаго, по словамъ монголовъ, къ западу до Эцзинъ-гола, а къ востоку до меридіана Урги и устроеннаго въ очень отдаленныя времена.

Дальнѣйшими нашими спутниками по Гоби были монголы Алашана, отличавшіеся болѣе красивыми чертами лица.

Въ три слѣдующихъ дня, 16 — 18 декабря, идя большими переходами, мы перерѣзали поперекъ горную часть центральной пустыни, поднимающуюся до 4.000 футовъ надъ морскимъ уровнемъ. Въ общемъ, это слабо выраженное поднятіе, усаженное множествомъ горъ, грядами холмовъ, тянущихся въ восточно-западномъ направленіи, съ большимъ или меньшимъ отклоненіемъ къ сѣверу и югу, извѣстно туземцамъ подъ названіемъ Эргу-хара; оно идетъ на значительномъ разстояніи къ западу и къ востоку. Впрочемъ, туземцы чаще подраздѣляютъ горную область по высокимъ горамъ, рѣзко выдѣляющимся изъ всей группы, какъ, на примѣръ, Куку-морито, Ханасъ, Цаганъ-ула, Ихэ — и Бага-Цзердэ, Хайрханъ и многія другія. Нашъ караванъ долгое время слѣдовалъ, точно къ маяку, къ горѣ Куку-морито. Обратныя засѣчки приходилось дѣлать также на эту гору, рѣже на другія, лежація по сосѣдству съ дорогой. Туземцы, опредѣляя протяженіе горъ въ длину на двѣсти верстъ, считаютъ самымъ высокимъ пикомъ остробокую гору Ханасъ, которая немного выше горы Куку-морито, оцѣниваемой мною въ 350 футовъ относительной высоты. Общая же относительная высота вершинъ поднятія, занимающаго въ поперечникѣ до 60-ти верстъ, колеблется отъ 30 до 100, рѣже до 150 футовъ. Называя эти горы безтолковыми, туземцы правы: въ ихъ лабиринтѣ легко запутаться, если бы только вышеуказанныя горы-маяки не служили руководящими мѣтками. Цвѣтъ горъ темный, мрачный; таковы же по окраскѣ и долины, заключенныя между ними.

Описываемыя горы слагаются изъ известняковъ, сланца, гранитовъ, тоналита, порфира, порфировыхъ туфа и брекчій, протеробаза, филлита, конгломерата и песчаника.

¹⁾ Минуя на пути обособленную группу Илигэнъ, содержащую въ себѣ сланцы, известняки, діоритъ и фельзитовый туфъ.

На сѣверъ и на югъ отъ горы Куку-морито, обозначающей собою водораздѣль, находятся двѣ впадины—сѣверная на высотѣ 3.600 футовъ, южная—2.500 футовъ надъ уровнемъ моря, — по которымъ проходятъ дороги Эцинъ-голскихъ торгоутовъ на Борцзонъ и Алашьямышь. Въ обѣ означенныя котловины направляются песчано-галечныя русла, по которымъ стремится вода періодическихъ лѣтнихъ дождей. Теперь въ нихъ лежало очень много снѣга, который здѣсь начинаетъ падать съ ноября и окончательно исчезаетъ къ началу февраля мѣсяца. Гобійскіе номады боятся сколько нибудь обильнаго снѣга: не любятъ глазъ пустытника созерцать родную пустыню въ бѣломъ, траурномъ нарядѣ.

Флора пустыни не разнообразна: по песчанымъ холмамъ встрѣчается саксауль, по русламъ рѣчекъ—тамарискъ, карагана и немногіе другіе кустарники; всѣ эти виды составляютъ особенно лакомый кормъ для верблюдовъ. Дэрэсуна и камыша не было видно. Лошади каравана худѣли съ каждымъ днемъ и одна за другой стали устилать своими трупами эту дикую часть пустыни, гдѣ, кромѣ отсутствія конскаго корма, есть у нихъ еще другой врагъ — бушующіе на просторѣ леденящіе штормы. Колодцы въ горной странѣ плохи и по количеству и по качеству воды. Мы довольствовались большею частью снѣгомъ. Топливо же было всюду, что облегчало наши дневные труды и помогало легче переносить невзгоды по вечерамъ, въ особенности когда температура спускалась до замерзанія ртути; даже въ 1 часъ дня термометръ въ тѣни рѣдко показывалъ выше—20°, чаще же ниже.

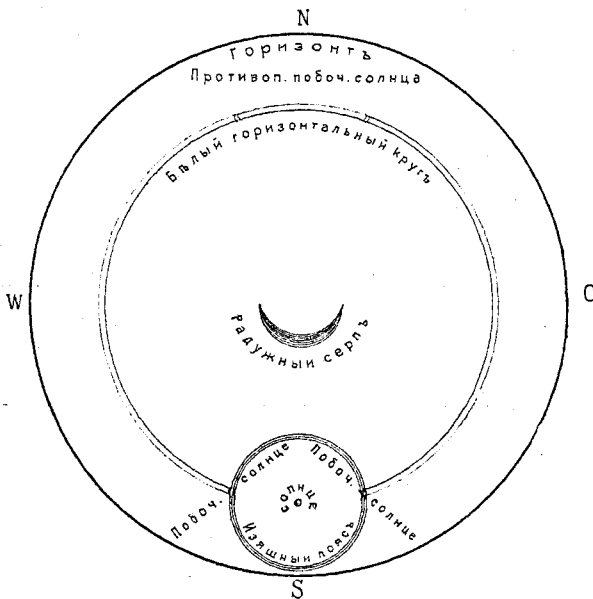
Животной жизни на пройденномъ пути, въ этой горной странѣ вовсе не было замѣчено. Какъ пріятно намъ было увидѣть нѣсколько джепраковъ (*Gazella subgutturosa*), послѣ того какъ въ теченіе недѣли мы не встрѣчали даже и этого обитателя пустыни.

Съ приходомъ въ долину Гойцзо, къ сѣверной окраинѣ обширнѣйшихъ песковъ Баданъ-чжарэнгъ, мы были порадованы травянистой растительностью (камышъ), скрывавшейся въ замкнутыхъ барханами котловинкахъ. Здѣсь раздавалось трещанье сойки, доносился голосъ жаворонка ¹⁾ и даже на нашъ бивуакъ прилетѣла пара черныхъ воронъ (*Corvus corone*), карканье которыхъ, непріятное въ другое время, теперь мы слушали съ удовольствіемъ. Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней часто наблюдали, въ особенности по утрамъ, пролетъ большедуруковъ (*Syrhaptes paradoxus*) стайками по 20—50 особей, направлявшихся къ

¹⁾ Въ пройденной мѣстности часто наблюдали погибшихъ птицъ.

юго-востоку; вѣроятно, обиліе снѣга угоняло этихъ пернатыхъ пустыни въ теплые пески Ордоса.

18-го декабря, въ 11 часовъ утра мѣстнаго времени, мы неожиданно замѣтили на ясномъ нѣжно-голубомъ сводѣ неба очаровательное зрѣлище: дневное свѣтило было окружено правильнымъ поясомъ тонкоперистыхъ облаковъ одинаковой блѣдно-голубой окраски. Диаметръ этого пояса равнялся приблизительно двадцати диаметрамъ солнца. Въ то же время въ зенитѣ великолѣпно игралъ радужный свѣтовой серпъ или полумѣсяцъ, обращенный рогами къ сѣверу; послѣдовательность цвѣтовъ въ полумѣсяцѣ, считая отъ сѣвера къ югу, была такая: голубой, зеленый, желтый, оранжевый, красный, фіолетовый, сочетавшіеся дивно гармонично. Болѣе слабые и значительно меньшіе серпы

или, правильнѣе, побочныя солнца, въ которыхъ преобладали красный и желтый цвѣта, съ малымъ вогнутіемъ дуги, располагались въ линію съ солнцемъ, въ его изыщномъ поясѣ. Общую картину дополняли кругъ, центромъ котораго былъ располагавшійся въ зенитѣ радужный серпъ; величина окружности этого круга опредѣлялась тѣмъ, что часть ея на югѣ проходила черезъ солнце и его два боко-

выхъ побочныхъ солнца, отражая послѣднія на своей сѣверной части строго симметрично. Интенсивность окраски большого пояса, охватывавшаго двѣ трети небснаго свода, была выражена слабѣе таковой солнечнаго круга.

Общее состояніе неба было ясное, только на южной части горизонта, надъ песчанами барханами, медленно двигалось небольшое перистое облако. Вѣтеръ дулъ отъ запада. Даль на сѣверѣ, въ сторону пониженія, открывалась прекрасно. Къ югу вздымалась гряда обширныхъ песковъ Баданъ-чжарэнгъ. Самые пески и кот-

ловина ¹⁾ Гойцзо были свободны отъ снѣгового покрова, за исключеніемъ впадинъ между барханами. Температура воздуха въ тѣни была—22,8°. Зрѣлище приковывало вниманіе даже номадовъ. Ровно въ полдень чудная картина постепенно, но быстро исчезла; затѣмъ, черезъ $\frac{1}{4}$ часа, снова появилась въ прежнемъ неподдающемся описанію роскошномъ величіи, но ненадолго.

Здѣсь же, при колодцахъ Дэнгинъ-худукъ, двѣнадцатомъ астрономическомъ пунктѣ экспедиціи, мы были встрѣчены монголами центральнаго Алашаня, заботливо приготовившими мѣсто для нашей стоянки. Монголы извинялись, что среди нихъ не было ни одного чиновника для принесенія мнѣ привѣтствія, каковое они рѣшаются передать сами, потому что всѣ чиновники, по случаю юбилея Алашань-вана, находятся въ Алаша-ямынѣ, согласно желанію правителя, получившаго по случаю торжества богдоханскую милость и раздѣлявшаго радость въ кругу всего персонала чиновниковъ. Сильно струсиль нашъ спутникъ, старичекъ чиновникъ, имѣвшій синій шарикъ на шляпѣ, ожидая отъ цинъ-вана наказанія: онъ въ своемъ удаленномъ на сѣверѣ участкѣ, ничего не слышалъ объ этомъ событіи. Въ общемъ, всѣ видѣнные мною Алашаньцы не скрывали своего неудовольствія къ особѣ правителя, откровенно заявляя, что всѣ они разворены поборами князей ²⁾, безсовѣстно бросающихъ деньгами при поѣздкахъ въ Пекинъ. Гэгэнъ, младшій братъ вана, по словамъ тѣхъ же монголовъ, сбросилъ съ себя святительское званіе, и обзавелся официально женой, т. е. сдѣлалъ шагъ приравнявшій его къ простому смертному.

Два дня мы простояли на отличномъ, сравнительно, мѣстѣ, подкармливая нашихъ усталыхъ животныхъ, но, видно, особенно слабымъ требовалось значительно больше отдыха, такъ какъ не успѣлъ караванъ втянуться въ область сыпучихъ песковъ, какъ мы уже принуждены были бросить сначала верблюда, а затѣмъ четвертую по счету лошадь—точно въ жертву вѣчно голодной и вѣчно безмолвной пустынѣ.

Пески Баданъ-чжарэнгъ тянутся полосой, шириною до двухсотъ верстъ, отъ Эцзинъ-гол'а на западѣ до Алашаньскаго хребта на востокѣ, гдѣ, впрочемъ, они извѣстны подъ названіемъ „Сырхэ“. По словамъ мѣстныхъ монголовъ и согласно нашимъ личнымъ наблюде-

¹⁾ Надо замѣтить, что котловина Гойцзо приподнята надъ уровнемъ моря всего лишь на 2.500 футовъ, т. е. представляетъ самую низкую часть, на всемъ этомъ пересѣченіи пустыни Гоби.

²⁾ Подразумѣваются два брата цинъ-вана—Ши-ъ и Гэгэнъ.

нiямъ, пески лежатъ не сплошною массою, а бѣльшими или меньшими участками бархановъ, протянувшимися иногда на 40—50 верстъ; между такими участками находится не мало оголенныхъ площадей, при чемъ болѣе высокія покрыты гравіемъ, болѣе низкія—солончаками, гдѣ въ свою очередь часто встрѣчаются камышевыя и другія, свойственныя этой пустыни, заросли. Главная масса песковъ покоится на общей покатости, или, точнѣе, волнистой мѣстности, идущей отъ сѣвернаго подножья Нань-шаня.

Во многихъ мѣстахъ, въ особенности къ югу, пески громоздятся по каменистымъ высотамъ, которыя или погребены ими совершенно или до половины и даже болѣе обнажены. Направленіе бархановъ, иногда тянущихся сплошными змѣеобразными увалами отъ трехъ до десяти верстъ длиною, восточно-сѣверо-восточное—западно-юго-западное; ширина бархановъ не вездѣ одинакова: песчаный уваль, имѣющій значительное прѣтяженіе, не всегда представляетъ одинаковое строеніе во всѣхъ своихъ частяхъ; въ западной окраинѣ наблюдается высокое и узкое положеніе увала съ сѣвернымъ пологимъ и плотнымъ скатомъ и крутымъ и рыхлымъ съ полуденной стороны; въ восточной же части, или по срединѣ увала, является пониженіе, гдѣ уваль расширяется за счетъ уменьшенія высоты и имѣетъ равнобокіе, закругленные скаты; затѣмъ, черезъ извѣстное разстояніе возстановляется прежняя форма. Что касается высоты бархановъ, то она сильно колеблется—отъ десяти до ста и даже болѣе футовъ. Наибольшая высота встрѣчается послѣ котловинъ и тамъ, гдѣ пески тянутся сплошной массою на нѣсколько десятковъ верстъ. Какъ высокіе, такъ и низкіе барханы состоятъ изъ мелкозернистаго песка, но по между-барханымъ площадямъ приходилось наблюдать песокъ весьма крупный и значительно темнѣе по окраскѣ, располагающійся волнами, подобно морской зыби.

На свободныхъ отъ песка пространствахъ, а нерѣдко и среди самыхъ песковъ, на нашемъ пути, залежали обнаженія сланцевъ, гнейсовъ, гранитовъ, кварцевъ, порфира, порфирита, аллита, тоналита, кварцита, кварцевыхъ брекчій, песчаниковъ и кое-гдѣ, по вершинамъ самихъ песковъ, встрѣчались очень интересныя песчаныя трубчатыя конкреціи, сцементированныя известью, образовавшіяся въ барханыхъ пескахъ вокругъ корней пустынныхъ растеній (камышъ).

Среди же песковъ, приблизительно на меридіанѣ, но значительно южнѣе мѣста указываемаго на прежнихъ картахъ, озера Юй-хай, мы встрѣтили озеро Куку-бурду, къ югу отъ котораго, подобно тому какъ

и со стороны долины Гейцзо, пески представляют собою цѣлыя горы, протянувшіяся за восточный и западный горизонты.

Въ многихъ мѣстахъ среди бархановъ, у ихъ подошвъ, произрастаютъ пышные кустарники и полукустарники; не рѣдко попадаетъ травянистая растительность, и тамъ путникъ непремѣнно встрѣчаетъ номадовъ со стадами барановъ. Кочевники, устраивая въ пескахъ колодцы, скрѣпляютъ ихъ бока вѣтвями саксауловаго дерева; водоносный горизонтъ проходитъ здѣсь на глубинѣ свыше сажени; водяной слой мощностью около одного—двухъ футовъ; вода большинства колодцевъ по пескамъ была прѣсная.

Болѣе двухъ недѣль мы провели въ области гобійскихъ песковъ Баданъ-чжарэнгъ. Въ общемъ пески тихи, монотонны, безжизненны. Цѣлыми днями идешь среди безконечнаго песчанаго моря: барханъ за барханомъ, словно гигантскія волны, встаютъ передъ глазами усталого путника, открывая короткіе, желтые горизонты. Даже поднявшись на болѣе высокую вершину ничего не видишь—все песокъ, песокъ и песокъ. Животной жизни также не видно и не слышно; слышется только тяжелое, учащенное дыханіе верблюдовъ да шорохъ ихъ широкихъ лапъ. Красивой гигантской змѣей извивается по пескамъ верблюжій караванъ, то поднимаясь на гребни бархановъ, то погружаясь между ихъ калпризныхъ скатовъ. На всемъ пространствѣ песковъ мы никого не встрѣчали; дороги или тропинки также не было видно; казалось, что мы находимся совершенно отрѣзанными отъ какого бы то ни было признака существованія человѣка.

Это песчаное море нѣсколько оживлялось въ сильный вѣтеръ, когда песокъ, взвѣваемый съ верхушекъ гребней бархановъ, придавалъ имъ видъ какъ бы маленькихъ дымящихся вулкановъ, или когда въ ясное, морозное утро испарявшійся ночной иней образовывалъ тонкіе клубы пара, картинно стлавшіеся по скатамъ бархановъ.

Особенно трудными для движенія на нашемъ пути были барханы сосѣдніе озеру Куку-бурду, которые имѣли футовъ до трехсотъ высоты и отличались наибольшою крутизною скатовъ. Чтобы сдѣлать барханы болѣе доступными, намъ не рѣдко приходилось вступать съ ними въ настоящую борьбу. Послѣ того какъ мы въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ взбѣгали на извѣстный барханъ, на нашемъ пути образовывалось значительное расширеніе—выступъ, по которому верблюды съ усиліями кое-какъ взбирались наверхъ. Никогда не забуду одного бархана, который отнял у насъ три часа, и который мы брали положительно приступомъ, пуская въ ходъ весь наличный шанцовый

Караванъ въ пескахъ Южной Гоби.

Фотомон. В. Лавров, С. Петербургъ, Анатольская ул. № 7.
Гравир. И. Калачовъ

инструментъ. Монголы-проводники были правы, настаивая на томъ, чтобы мы, въ подкрѣпленіе нашимъ усталымъ верблюдамъ, наняли у кочевниковъ изъ окрестностей озера Куку-бурду десять свѣжихъ верблюдовъ; не сдѣлай мы этого, наша борьба съ знаменитымъ барханомъ не могла бы увѣнчаться сравнительно скорой побѣдой.

Праздникъ Рождества Христова мы встрѣтили и проводили въ области тѣхъ же песковъ.

Погода продолжала стоять типичной гобійской: днемъ на солнцѣ теплой, а по ночамъ очень холодной; атмосфера была какъ и прежде замѣчательно прозрачна. Наканунѣ праздника, въ сочельникъ, день былъ хорошій, а вечеръ еще лучше. Въ воздухѣ стояла совершенная тишина и косые лучи погасавшаго свѣтила, красиво отбѣняли высоты впереди лежавшаго песка. На юго-востокѣ темнѣлъ гребень горы Боро-цончжи — вершина съ обо-образнымъ возвышеніемъ. Обаяніе вечера еще болѣе увеличилось, когда молодая луна, Сатурнъ, прочія планеты и яркія звѣзды представили на темномъ сводѣ неба великолѣпное зрѣлище. Нашъ скромный бивуакъ, пріютившійся въ ущельицѣ, казался точкой среди необъятной, погруженной въ дремоту, пустыни; изрѣдка обрисовуется силуэтъ часового, прогуливающагося при мерцаніи пламени костра; тяжело вздохнетъ верблюдъ, или оригинально простонуетъ баранъ и дремлющая собака, или заговоритъ во-снѣ человѣкъ, вотъ все, что нарушало тишину здѣшной ночи. Немного подальше, сейчасъ за гребнемъ увала, опять дикая безмолвная пустыня...

Озеро Куку-бурду расположено среди песчаныхъ бархановъ, на 4.840 футовъ надъ уровнемъ моря, и представляетъ фигуру—вытянутую отъ запада къ востоку—до четырехъ верстъ въ длину, при наибольшей ширинѣ въ полторы версты. Современные берега его низменны. Съ южной стороны невысоко поднятая терраса богата растительностью. У этого же берега, въ озерѣ, бьютъ отличные родники, опрѣсняя водоемъ, въ особенности его ближайшую къ нимъ часть; порядочная полоска воды была обнажена отъ льда и давала возможность не только видѣть ракообразныхъ, но и собрать коллекцію ихъ. Общій же видъ озера представлялся бѣлымъ отъ тонкаго слоя снѣга, прикрывавшаго ледъ. Глубина озера, на основаніи произведенныхъ промѣровъ, $5\frac{1}{2}$ — $9\frac{1}{2}$ футовъ; наибольшее углубленіе найдено у сѣвернаго берега, гдѣ круго ниспадають песчаные барханы. Дно озера илистое или песчаное. Толщина льда колебалась отъ одного до двухъ футовъ.

На восточной окраинѣ водоема отдѣляется луговымъ перешейкомъ маленькая, до одной версты въ окружности, его часть, стоявшая свободной ото льда. У сѣверо-восточнаго берега этого обособленнаго бассейна выступаетъ изъ воды островокъ, состоящій исключительно изъ бѣлыхъ и свѣтло-бурыхъ известковыхъ натеконъ. Вода умирающаго озера, пресыщенная солью, красиво переливалась на солнцѣ своими темно-голубыми волнами.

На востокъ отъ описаннаго бассейна покоятся воды другого солянаго озера Коболигинъ-голь¹⁾, названнаго такъ нашими монголами-проводниками, которые съ удивительною точностью опредѣлили и направление, и разстояніе до него, въ чемъ я убѣдился при свиданіи съ А. Н. Казнаковымъ, при сличеніи моихъ и его гобійскихъ съемокъ.

Въ окрестности озера Куку-бурду, въ пескахъ, имѣется небольшая кумирня Куретанъ-сумэ, которая насчитываетъ въ своихъ стѣнахъ 50 ламъ, постоянно живущихъ, а около 1-го іюля на большой праздникъ ихъ собирается человекъ до трехсотъ.

Во время нашего пребыванія на берегу Куку-бурду, на водопой къ озеру прибѣгали свободно пасшіся табунъ хорошихъ лошадей, заботливо охраняемый красивымъ жеребцомъ, гордо бѣжавшимъ впереди или сзади своего косяка. Это были первыя лошади послѣ урочища Боро-обо.

Осиливъ затѣмъ послѣдній рукавъ сплошныхъ бархановъ, мы увидѣли на югѣ горизонта высоты, составляющія сѣверный пологій склонъ горъ Ябарай.

Тѣмъ временемъ, пришелъ конецъ и старому году. Новый 1900 годъ экспедиція встрѣтила въ постеляхъ, за исключеніемъ ночныхъ часовыхъ, бодрствовавшихъ и разгуливавшихъ по сферѣ бивуака. Сколько передумали—перемыслили забайкальцы, поочередно стояшіе на дежурствѣ. Угадываю, что они душой были далеки отъ нашего пустыннаго бивуака. На утро иней посеребрилъ земную поверхность, гривы верблюдовъ и бороду фельдфебеля, спокойно распорядившагося по каравану. Безъ словъ было понятно повышенное настроеніе людей отряда. „Готово!“ и мы, взгромоздившись на верблюдовъ, потянулись къ юго-западу. На сѣверѣ лежала пелена густого тумана, напоминавшаго сосѣдство песчанаго моря, только что нами оставленнаго, гдѣ мы около двухъ недѣль покачивались на „корабляхъ пустыни“, качка которыхъ не производила ни на кого изъ насъ непріятнаго впечатлѣнія.

¹⁾ Или Кабалинъ-хацзы.

Пройдя сѣверный склонъ горъ и спустившись немного по южному, мы расположились бивуакомъ, пріютившись подлѣ высокихъ скалъ. Теперь настало время праздника и для насъ. Въ виду напряженнаго труда по пересѣченію Гоби, нѣкоторые изъ людей отряда, почти исключительно гренадеры, были мною произведены въ унтеръ-офицеры.

Горы Ябарай, слагаясь изъ гранитовъ съ включеніями тоналита, аплита и рѣже порфироваго туфа, сильно разрушены, мѣстами даже продыравлены все тѣми же атмосферными дѣятелями; они имѣютъ въ длину около ста верстъ; пониженными холмами окраины ихъ сливаются на западѣ съ равнинными, а на востокѣ съ барханными песками. Осъ горъ, въ болѣе мощной средней части, имѣетъ крутое юго-юго-западное—сѣверо-сѣверо-восточное простирание; на окраинахъ же приближается скорѣе къ юго-западному и сѣверо-восточному. Ширина разсматриваемыхъ горъ около 15 верстъ. Абсолютная высота перевала Обото-дабанъ опредѣлилась барометромъ въ 5.740 футовъ. Самый перевалъ отмѣченъ грандіознымъ, красивымъ обо, на которомъ, между прочимъ, лежало нѣсколько китайскихъ мѣдныхъ монетъ; раньше, на пути къ перевалу, по ущелью, мы встрѣтили каменное сооруженіе, на подобіе юрты, въ которомъ кочевники періодически собираются для молитвы. Сѣверный склонъ горъ пологій; съ полуденной же стороны Ябарай своей высокой, круто обрывающейся стѣной производитъ впечатлѣніе порядочныхъ горъ. При входѣ въ ущелье съ юга, на гладкомъ утесѣ красуется мастерски высѣченное крупными іероглифами извѣстное буддійское изрѣченіе „ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ“.

По всему замѣтно, что сюда атмосферныхъ осадковъ приносится весьма немного; зной и крайняя сухость сосѣдней пустыни безслѣдно уничтожаютъ облака, случайно пригнанныя отъ обильнаго влагой восточнаго Нань-шаня.

Въ узкихъ ущельяхъ южнаго склона горъ имѣются ключевые источники, окаймленные небогатой древесной, кустарной и травянистой растительностью. Въ одномъ мѣстѣ оторвавшаяся глыба послужила оригинальнымъ украшеніемъ дикаго тѣснаго ущелья: могучій ильмъ виситъ въ воздухѣ въ опрокинутомъ положеніи, удерживаясь на скалѣ развѣтвленіями корней. Въ верхнемъ поясѣ горъ, а также и въ среднемъ, гдѣ выбѣгаютъ родники, приходилось наблюдать красиво ниспадающіе каскады и каменистыя углубленія, наполненные прозрачной темно-голубой водой, мѣстами блестящей зеркальной поверхностью; пониже такіе каскады и резервуары были скованы льдомъ.

Характернымъ представителемъ животнаго міра, въ обособленныхъ горахъ Ябарай, является, добытый нами, но еще не описанный, интересный каменный баранъ или аргали (*Ovis*). Ростъ, окраска звѣря, а также размѣръ и форма его роговъ даютъ основаніе предполагать, по четыремъ добытымъ отличнымъ экземплярамъ, что это можетъ быть новый видъ. Среди пернатога царства замѣчены слѣдующіе представители: высоко въ синевѣ неба кружили бурые грифы (*Vultur monachus*), въ сосѣднихъ скалахъ ворковали каменные голуби (*Columba gupestris*), громко кричали скалистыя куропатки (*Saccabis chukar*); въ нижнемъ поясѣ горъ, по кустарникамъ, ютились завирушки (*Accentor fulvescens*), тихое, пріятное пѣніе которыхъ въ теплые дни разносилось по сторонамъ.

У южнаго крутого подножья описываемыхъ горъ находятся развалины нѣкогда богатой кумирни Нагаинъ-да-рѣинъ, свидѣтельствующія объ ужасахъ дунганскаго разгрома. Въ разбитыхъ котлахъ сохранились кости заживо-сваренныхъ дунганами ламъ. По общему хаосу можно было видѣть, что мятежники застали служителей монастыря врасплохъ и не пощадили никого и ничего. Въ одной изъ темныхъ комнатъ въ углу, на стѣнѣ, висѣла парадная ламская шляпа—

прежнее достояніе настоятеля, — которая взята мною въ общую сокровищницу экспедиціонныхъ коллекцій.

Эта шляпа состоитъ изъ полукруглой правильной формы тульи и чуть-чуть загнутыхъ вверхъ полей. Цвѣтъ бумажной матеріи, покрывающей снаружи соломенную основу шляпы—желтый, внутренняя же подбивка полей изъ краснаго шелка; ко внутренности тульи прикрѣплена сѣрая волосяная сѣтка, ниже которой, по основанію тульи, проходитъ кожаный околышъ, шириною около дюйма; при надѣваніи шляпы околышъ непосредственно соприкасается съ головою и сама шляпа, во избѣжаніе

срыванія вѣтромъ, прикрѣпляется шнурками, завязываемыми подъ подбородкомъ. Поля шляпы, равно и основаніе тульи, оторочены узкими шерстяными тесемками, числомъ до шести. Верхушку шляпы украшаетъ плетеная изъ шелкового краснаго шурка шишечка, которую монголы называютъ чжинсэ; самымъ же важнымъ отличіемъ шляпы считается звѣздообразная фигура, вышитая на верхней половинѣ тульи. Изображенная въ каждомъ изъ пяти концовъ этой фигуры гексаграмма долгоденствія „Хорь-тадь“ ламаистовъ представляетъ видоизмѣненный китайскій символъ „Го“, имѣющій одинаковое значеніе¹⁾.

Нынѣ, подлѣ печальныхъ развалинъ, въ ущельицѣ, грохочетъ родникъ, падая со скалъ каскадами; въ устьѣ же ущелья источникъ обрамленъ стройной аллеей тополей, выхлѣнныхъ, по всему вѣроятію, руками ламъ; уцѣлѣло также величественное обо-моументъ и колодезь, подлѣ котораго жили согбенные лѣтами и нуждой старцы-монголы, пасшіе китайскихъ ословъ.

Непосредственнымъ продолженіемъ этихъ горъ на сѣверо-востокъ служитъ гряда разрозненныхъ или расчлененныхъ, то понижающихся, то повышающихся, высотъ и горокъ, примыкающихъ значительно повышенной группой Хань-ула къ маршруту покойнаго Н. М. Пржевальскаго²⁾.

Вблизи горъ, у ихъ южной подошвы, проходитъ большая караванная дорога изъ Гань-чжоу, сѣвернѣе Алаша-ямыня, въ Пекинъ.

Подобныя двѣ большія дороги, направляющіяся отъ города Су-чжоу и отъ средняго теченія рѣки Эцзинъ-голь къ Алаша-ямыню,

1) См. Waddell, The Buddhism of Tibet or Lamaism. London. 1895. Стр. 395.

2) О средней части этихъ горъ, какъ равно и о самой Гобійской пустынѣ, я буду имѣть случай еще разъ говорить при слѣдованіи экспедиціи къ роднымъ предѣламъ, по новому и интересному пути.

экспедиція пересѣкла въ сѣверной половинѣ песковъ Бадань-чжарэнгъ; по послѣдней дорогѣ прошелъ А. Н. Казнаковъ; такимъ образомъ наши маршруты пересѣкаются при колодцѣ Кудѣ-худукъ. По словамъ монголовъ, насъ сопровождавшихъ, эти дороги доступны для движенія каравановъ съ осени до весны; въ недавнее еще время Су-чжоу — Алашань'скій путь имѣлъ станціи и по немъ часто скакали курьеры въ обѣ стороны.

Отъ горъ Ябарай до Лянъ-чжоу тянется слабо пересѣченная мѣстность¹⁾, которую въ серединѣ оживляетъ рѣка Шуй-хо, берущая начало въ Нань-шанѣ и стремительно пробѣгающая вдоль нашего пути среди плоскихъ и низкихъ береговъ. Китайцы-земледѣльцы выводятъ изъ Шуй-хо множество арыковъ для поливки тщательно воздѣлываемыхъ полей. Водами восточныхъ рукавовъ пользуется и городъ Сого-хото или, какъ называютъ его китайцы, Чжэнъ-фанъ, отстоящій отъ Лянъ-чжоу къ сѣверо-востоку въ ста верстахъ. Несмотря на большой расходъ воды для орошенія полей, рѣка Шуй-хо уноситъ значительный остатокъ ея вглубь песковъ, гдѣ образуетъ озеро до 30-ти верстъ въ окружности, называемое монголами Хара-норъ. Мы устроили дневку на западныхъ рукавахъ Шуй-хо; здѣсь людьми отряда было убито девять антилопъ боро-дзере. Лучшія шкуры звѣрей взяты въ коллекцію, мясо же пошло цѣликомъ для продовольствія, такъ какъ барановъ, за исключеніемъ вожаковъ, у насъ уже не было.

Въ два слѣдующіе перехода экспедиція прибыла въ оазисъ Сого-хото, гдѣ китайцы были поражены нашимъ неожиданнымъ для нихъ появленіемъ, тѣмъ болѣе, что мы пришли со стороны пустыни; по словамъ китайцевъ никогда и никто изъ европейцевъ²⁾ въ этомъ городѣ не появлялся. Въ мѣстномъ управленіи, посланный мною туда съ паспортомъ, Бадмажаповъ былъ вначалѣ принятъ за тайнаго ревизора. Таковой дѣйствительно лѣтъ десять тому назадъ неожиданно прибылъ сюда и сильно подтянулъ какъ чиновничество, такъ равно и купцовъ. Съ того времени обитатели Сого-хото видятъ въ каждомъ пріѣзжемъ тайнаго ревизора и конечно относятся къ посѣтителю съ большимъ недоувѣріемъ. На бѣду, нашъ пріѣздъ сюда совпалъ съ пріѣздомъ новаго градоначальника, отказывавшагося дѣлать что-либо въ нашу пользу, такъ какъ старый управитель, не считавшій уже себя съ своей стороны у власти, еще не покинулъ ямынь.

¹⁾ Высоты и кряжи слагаются тутъ изъ гнейсо-гранитовъ или гранитовъ-гнейсовъ, діорита, фельзитоваго порфира и, въ незначительномъ количествѣ, изъ кварцевъ.

²⁾ Это не вѣрно, такъ какъ еще въ 1894 году оазисъ посѣтилъ В. А. Обручевъ.

Городъ Сого-хото, какъ и всѣ китайскіе города, обнесенъ стѣной, въ данномъ случаѣ глиняной. Внутри ея сосредоточены управленіе, базаръ и вообще — собственно городское населеніе. Внѣ города, вблизи стѣны, красуются кумирни, а вокругъ тянется оазисъ, на которомъ помѣщаются отдѣльныя фермы земледѣльцевъ. На пройденной экспедиціею части оазиса всюду сновали китайцы верховые, пѣшіе и на высокихъ двухколесныхъ арбахъ; среди этого занятаго люда толкались въ качествѣ зрителей подростки съ корзинами въ рукахъ, тщательно подбиравшіе отбросы или пометъ животныхъ. Китайчата всегда съ нетерпѣніемъ, дрожа отъ утренняго холода, ожидали ухода нашего каравана и, какъ только онъ трогался, стремительно, словно стая голодныхъ собакъ, набрасывались на аргалъ, поспѣшно наполняя имъ свои корзины; конечно въ такихъ случаяхъ между длинноносыми мальчуганами нерѣдко являлись недоразумѣнія, кончавшіяся обыкновенно смѣхомъ или легкой перебранкой. Проходя возлѣ китайскихъ домовъ-фермъ, мы развлекались картинами изъ жизни ихъ желтолицыхъ обитателей. У каждой фанзы копошились куры съ гордо расхаживающимъ красивымъ, выхланнымъ пѣтухомъ; тамъ и сямъ бродили свиньи, собаки; на крышахъ домовъ ворковали голуби, на которыхъ лукаво поглядывали кошки, грѣясь на солнцѣ и вытягивая свои коготки. Вдоль нашего пути собирались зѣваки; иногда буквально все придорожное населеніе выходило на улицу и съ любопытствомъ разглядывало „заморскихъ дьяволовъ“ (янъ-гуйца).

Среди фермъ и полей по всему оазису попадалось на глаза множество могилъ. Часто гробы стояли на поверхности земли, а ближайшіе къ дорогѣ даже безцеремонно задѣвались мимо проѣзжавшими арбами. Тяжелое впечатлѣніе произвелъ на насъ, валявшійся въ колеѣ большой дороги, трупъ ребенка, значительно поглоченный собаками.

Здѣсь мы впервые поохотились за фазанами, державшимися по полямъ и у отдѣльныхъ купъ кустарниковъ; кромѣ того въ нашу орнитологическую коллекцію поступили черныя вороны, даурскія галки, грачи, сороки, дятлы, голуби, рыжегорлые дрозды, овсянки, хохлатые жаворонки и другія птицы, ютившіяся въ многочисленныхъ рощахъ оазиса.

Изъ сосѣдняго съ нашей стоянкой колодца мы вмѣстѣ съ водою извлекли интересный видъ карпа (*Gymnocypris Eckloni*).

Съ приближеніемъ къ Нань-шаню прозрачность воздуха и хорошая, ясная погода насъ оставили. Напрасно я выносилъ нѣсколько разъ универсальный астрономическій инструментъ и пытался опредѣ-

лить географическое положеніе Сого-хото: облачность и густая пыль не позволили мнѣ этого сдѣлать. Съ сожалѣніемъ мы разставались теперь съ послѣдними монголами, такъ усердно посмѣнно служившими намъ на всемъ протяженіи пути по Гоби. Пустыня и ея обитатели номады смѣнялись китайской культурой.

Отъ самаго Сого-хото до Лянь-чжоу мы шли среди сплошнаго населенія, которое, въ случаѣ тревоги, группируется въ отдѣльныя крѣпостцы. На границѣ пустыни и земледѣлія пески ведутъ съ полями отчаянную борьбу, безжалостно засыпая участки культивируемые десятками лѣтъ.

18-го января, наканунѣ китайскаго новаго года, экспедиція прибыла въ городъ Лянь-чжоу. Болѣе чѣмъ полтора мѣсяца мы пробыли въ движеніи черезъ величественную пустыню Гоби, пройдя съемкою 860 верстъ пути. Означенный маршрутъ опирается на шесть астрономическихъ пунктовъ. Здѣсь же мы услышали, а вскорѣ затѣмъ изъ полученнаго письма и узнали навѣрно, о благополучномъ проѣздѣ г. Ладыгина въ Чортѣнтаъ еще въ декабрѣ.

Весь этотъ день мимо нашего бивуака, расположеннаго у сѣверной окраины города, двигались китайцы въ городъ или обратно, запасаясь необходимымъ къ празднику. На могилахъ предковъ сожигались всевозможныя фигуры, вырѣзанныя изъ бумаги и разбрасывался мелкими кусочками хлѣбъ — приношеніе покойникамъ. Въ сумерки взвился надъ крѣпостной стѣной красный фонарь и открылась учащенная пальба изъ пушекъ, прерываемая дробью множества ракетъ и хлопушекъ. Всю долгую ночь непрерывно шла канонада; наши гренадеры смѣялись, говоря: „идетъ штурмъ крѣпости Лянь-чжоу“. Въ перемежку съ выстрѣлами въ кумирняхъ монотонно звучали колокола; эти звуки невольно уносили наши мысли на родной далекой сѣверь...

Первый день новогодняго праздника сыновъ Небесной имперіи стояда хорошая погода и я произвелъ астрономическое наблюденіе. Нашъ бивуакъ наполнился прилично одѣтыми китайцами всевозможныхъ положеній и возрастовъ. Нѣкоторые, болѣе солидные, на извѣстномъ разстояніи, тихимъ голосомъ дѣлали замѣчанія и догадки по поводу моего хожденія у инструмента и смотрѣнія въ трубу. Вечеромъ всѣ зрители разошлись по домамъ.

Раннимъ утромъ на второй день показалась изъ города огромная толпа народа, среди которой пестрѣли парадный зонты, трезубцы, красные костюмы и прочее, это былъ кортежъ Дао-тая (губернатора), ѣхавшаго на носилкахъ. Послѣдній жаловалъ ко мнѣ съ визитомъ.

Симпатичный старикъ, украшенный генеральскимъ шарикомъ, бодро вошелъ въ юрту, гдѣ оставался около получаса, бесѣдуя главнымъ образомъ на обычную въ подобныхъ случаяхъ тему. Особенно интересовался Дао-тай пустынной дорогой, по которой я только что прошелъ съ караваномъ и ужасался гобійскимъ холодамъ и невзгодамъ. На мою просьбу объ оказаніи содѣйствія по найму подводъ для багажа экспедиціи, губернаторъ отвѣтилъ, „что объ этомъ уже сдѣланы всѣ распоряженія и завтра, несмотря на праздники, на вашу бивуакъ явятся требуемая телѣги“. Слова почтеннаго Дао-тая оправдались.

Чтобы еще больше закрѣпить хорошія отношенія съ губернаторомъ, я, черезъ часъ по отѣздѣ Дао-тая, послалъ ему и его помощнику приличные подарки, съ врученіемъ первому и моеи визитной, китайскаго образца и по китайски написанной, карточки, увѣдомлявшей о моемъ скоромъ къ нему пріѣздѣ. Въ полдень было готово и наше шествіе къ губернатору; впереди шелъ переводчикъ Бадмажановъ въ нарядномъ шелковомъ халатѣ, затѣмъ верхомъ на сѣрой лошади ѣхалъ я, имѣя за собой парадный конвой изъ пяти человекъ гренадеръ съ фельдфебелемъ во главѣ. Гренадеры были въ новыхъ мундирахъ съ ружьями „на плечо“. Въ общемъ шествіе было красивое; китайцы не замедлили составить длинный хвостъ; нѣкоторые забѣгали впередъ, встрѣчные останавливались, толпились вокругъ и созерцали стройное движеніе видныхъ гренадеръ. Мы прослѣдовали по главной улицѣ, состоявшей изъ запертыхъ, по случаю праздниковъ, магазиновъ, переполненной разодѣтыми китайцами. Вблизи губернаторскаго дома шли всевозможныя представленія, въ родѣ нашихъ балагановъ и раздавались звуки заунывной, свистящей музыки; тутъ же открыто читались публичныя лекціи. Во дворѣ Дао-тая не смолкала трескотня хлопущей, а при нашемъ вѣздѣ раздалась и встрѣчная пальба. У себя дома Дао-тай былъ еще любезнѣе и предупредительнѣе. Мой визитъ продолжался столько же времени, сколько и губернаторскій у меня. Обрато мы прошли въ прежнемъ порядкѣ, сопровождаемые, какъ и въ передній путь, многолюдною толпою.

Въ Лянъ-чжоу проживали европейцы протестанскіе миссіонеры—англичане Belcher и Fiddler—общества „China Inland Mission“ и католическій Camille-Coppieters, бельгіецъ родомъ. Я познакомился съ миссіонерами и пріятно провелъ нѣсколько часовъ въ кругу цивилизованныхъ людей.

Съ ближайшихъ къ намъ горъ сосѣдняго Нань-шаня, укрытыхъ временнымъ покровомъ снѣга, спустилось въ оазисъ много интерес-

ныхъ пернатыхъ, давшихъ хорошій вкладъ въ нашу орнитологическую коллекцію; тутъ были щеврицы, синицы, дубоносы, большіе и маленькіе вьюрки, *Pterorhinus Davidi*, горные кулики (*Ibidorhyncha Struthersii*) и многіе другіе. По многочисленнымъ ключамъ оазиса, въ районъ которыхъ стоялъ нашъ бивуакъ, я наблюдалъ зимующихъ плавающихъ и голенастыхъ птицъ, среди которыхъ чаще напоминали о себѣ—турпанъ, крахаль (*Mergus menganser*), утка-кряква, улитъ-чернышъ, бѣлая и сѣрая цапли и бекасъ-отшельникъ; какъ и всегда въ Китаѣ—птицы очень доврчивы къ туземцамъ и крайне строги къ намъ.

На третій день пути отъ Лянъ-чжоу, мы достигли небольшого китайскаго городка Гу-ланъ-сянь, живописно расположеннаго въ сѣверномъ предгорьѣ передовыхъ отпрысковъ Нань-шаня. Не успѣли мы здѣсь еще развьючить караванъ и расположиться лагеремъ, какъ китайцы толпами стали собираться къ мѣсту нашего бивуака. Одни изъ нихъ размѣщались по скатамъ холмовъ, падающихъ къ быстрой и шумной горной рѣчкѣ и только глазѣли на насъ, какъ на иноземныхъ пришельцевъ; другіе же — съ наглою развязностью проникали въ середину нашего лагеря, толкались, заглядывали во-внутрь палатокъ, словомъ держали себя крайне грубо и неприязненно. Обычное въ такихъ случаяхъ обращеніе къ туземцамъ — оставить насъ въ покоѣ, по крайней мѣрѣ пока мы не устроимся, здѣсь не имѣло успѣха, но стоило лишь скомандовать конвою „собраться!“, какъ буяны-китайцы тотчасъ же струсили и, сдѣлавъ удивленные фізіономіи, поспѣшно ретировались въ городъ подъ громкій смѣхъ своихъ же собратьевъ.

Вначалѣ я приписывалъ такое поведеніе китайцевъ и ихъ повышенное настроеніе — излишку возліаній по случаю новогоднихъ празднествъ, но, въ послѣдствіи, наши Чортэнтанскіе друзья-ламы объяснили намъ это иначе: — „наши сосѣди, говорили они, народъ плохой, любятъ ссориться, а при случаѣ готовы и подраться!“.

Къ счастью этотъ непріятный инцидентъ съ китайцами былъ у насъ первый и послѣдній.

Интересно, что и офицеръ германской службы, поручикъ фонъ-Зальцманъ, совершившій поѣздку (въ первомъ полугодіи 1903 года) изъ Пекина въ Восточный Туркестанъ, говоритъ, въ предварительномъ отчетѣ, что онъ всюду на своемъ пути по Китаю видѣлъ добрыя къ нему отношенія китайскаго населенія, за исключеніемъ обитателей Гу-ланъ-сяньскаго округа.

Вступивъ въ провинцію Гань-су и слѣдуя по большой при-наньшаньской магистраліи, мы часто любовались на историческій памят-

никъ Китая—Великую китайскую стѣну, гигантскою змѣю извивавшуюся по гребнямъ горъ. Здѣсь мы вступили въ область порядочно изученную русскими путешественниками, а потому при дальнѣйшемъ изложеніи очерка путешествія до Восточнаго Цайдама, я буду болѣе кратокъ.

Переваливъ крайнюю на сѣверѣ ограду Нань-шаня, и спустившись въ долину рѣчки Чагрынь-голь, мы ненадолго остановились въ одномъ ближайшемъ ущельѣ съ цѣлью устроить временный складъ части багажа экспедиціи и дать отдыхъ на хорошемъ пастбищѣ наиболѣе усталымъ верблюдамъ. Съ остальнымъ же, главнымъ и всегда необходимымъ имуществомъ, на лучшихъ верблюдахъ, я направился въ Чортэнтапъ, который теперь былъ отдѣленъ отъ насъ только стѣною Сѣверо-Тэтунгскаго хребта. Нашъ путь внизъ по Чагрынь-голу шель до впаденія въ него справа Ярлынь-гол'а. Живописнымъ, частью лѣснымъ, частью альпійско-луговымъ, ущельемъ этого послѣдняго, мы, безъ особеннаго труда, поднялись на переваль У-да-линь, (11.350 футовъ надъ морскимъ уровнемъ) и у его южнаго подножья имѣли пріятную стоянку.

Вездѣ на нашемъ пути двигались люди: китайцы, дунгане, тангуты; но теперь насъ занимала главнымъ образомъ грандіозная природа Нань-шаня: передъ нами вставали могучіе хребты и глубочайшія ущелья, наполненные шумомъ, пѣнящихся водъ; въ сосѣднихъ лѣсахъ и кустарникахъ не смолкали голоса массы разнообразныхъ птицъ. Богатая горная жизнь пробуждала въ насъ стремленіе къ естественно-историческимъ изслѣдованіямъ.

Не успѣли мы развьючить караванъ у подножья У-да-линя, какъ на вершинѣ сосѣднихъ сѣверо-западныхъ горъ увидѣли стадо оленей, которое съ любопытствомъ смотрѣло на нашъ лагерь. Несмотря на усталость послѣ горнаго перехода, неутомимый Телешовъ и лучшій изъ новичковъ—охотникъ и стрѣлокъ Шадриковъ, проглотивъ лишь по чашкѣ чаю, заторопились впередъ къ заманчивымъ звѣрямъ, такъ какъ солнце клонилось къ горизонту. Маралы, постоявъ на гребнѣ горъ еще нѣсколько минутъ, скрылись. Охотники догнали звѣрей на сѣверномъ, обильномъ снѣгомъ склонѣ и открыли совмѣстную стрѣльбу уже въ сумерки. Вскорѣ одинъ красавецъ-мараль отсталъ отъ общаго стада и палъ обогранный кровью. Обрадованные успѣхомъ охотники не скупились и на послѣдующіе выстрѣлы, посылая ихъ вслѣдъ медленно уходившимъ оленямъ. Между тѣмъ сумерки сгустились и окрестность озарилась луннымъ свѣтомъ, давшимъ возможность охотникамъ снять шкуру съ добытаго марала.

Изъ разсказовъ людей объ удачной охотѣ я догадывался, что могли быть и тяжело-раненые маралы, а потому на утро, по выступленіи каравана въ путь, направилъ тѣхъ же людей къ мѣсту вчерашней охоты. Мои ожиданія дѣйствительно сбылись: въ близкомъ сравнительно разстояніи отъ мѣста добычи перваго звѣря былъ найденъ окоченѣвшій трупъ другого лучшаго и большаго марала. Словомъ, охотничья экскурсія вознаградилась рѣдкимъ успѣхомъ.

На послѣднемъ ночлегѣ къ Чортэнтану прибылъ къ намъ на встрѣчу В. Ѳ. Ладыгинъ, привезшій полученную въ Сининѣ небольшую почту—первую со дня выступленія экспедиціи изъ Алтайской станицы.

Пересѣченіе Гоби г. Ладыгинымъ исполнено успѣшно. Разставшись со мною въ Далинъ-туру, въ Алтаѣ, въ октябрѣ, товарищъ направился къ юго-юго-западу и, не мѣняя этого направленія, шелъ около трехсотъ верстъ, прежде нежели достигъ хребта, извѣстнаго монголамъ подъ общимъ названіемъ Куку-тѣмэрти. Эти горы имѣютъ характеръ болѣе привѣтливый, нежели тотъ, который свойственъ дикой пустыни: здѣсь не рѣдки ключевые родники, воды которыхъ во многихъ мѣстахъ окаймлены тополевымъ и тальниковымъ лѣсомъ; не рѣдки также густыя заросли гребеньщика, хармыка, розы и другихъ кустарниковъ. Животная жизнь также сравнительно не бѣдна и количествомъ особей, и разнообразіемъ видовъ. Въ общемъ, характеристика этихъ горъ напоминаетъ таковую крайнихъ на востокъ горъ Монгольскаго Алтая.

Познакомившись съ хребтомъ Куку-тѣмэрти на протяженіи свыше двухсотъ верстъ и убѣдившись въ томъ, что эти горы составляютъ непосредственное западное продолженіе Нойонъ-богдо, Ладыгинъ взялъ курсъ къ юго-юго-востоку и достигъ Су-чжоу. Весь маршрутъ моего сотрудника вышелъ въ 1020 верстъ, пройденныхъ съемкою. За исключеніемъ жаркаго лѣта, по описанному пути слѣдуютъ караваны изъ западной Монголіи въ Су-чжоу и обратно. Туда монголы отправляются за хлѣбомъ, назадъ—китайцы везутъ въ Монголію предметы первой необходимости въ жизни кочевниковъ, а также и водку. Изъ Су-чжоу В. Ѳ. Ладыгинъ на наемныхъ подводахъ проѣхалъ по большой при-Нань-шаньской дорогѣ до условнаго пункта, — Чортэнта'а.

На слѣдующій день послѣ тяжелыхъ крутыхъ подъемовъ и скользскихъ отъ выпавшаго снѣга спусковъ, мы увидѣли наконецъ, съ ближайшихъ къ Тэтунгу высотъ, давно ожидаемый Чортэнта'а. Обойдя скалистую, круто обрывающуюся къ рѣкѣ, гору, гдѣ тропинка капризно извивается на головокружительной высотѣ, караванъ благо-

получно спустился въ ту часть долины, которая пріютила монастырь. Вдали, на правомъ берегу рѣки, виднѣлась привѣтливая когда-то луговая площадь, теперь-же темная, взъерошенная — та самая, которая служила нѣсколько разъ мѣстомъ для бивуака экспедиціямъ покойнаго Н. М. Пржевальскаго, а выше по горамъ тянулись густые лѣса, въ которыхъ столько разъ охотился великій путешественникъ. Тэтунгъ, еще не успѣвшій вполне сбросить съ себя ледянаго покрова, глухо рокоталъ, показывая впрочемъ кое-гдѣ свои дивно прозрачныя, голубыя воды и каменистую постель. Еще часъ, и мы успѣли устроиться своимъ бивуакомъ у нижней зоны лѣсовъ.

Съ первыхъ дней пребыванія въ Чортэтанѣ, мы стали, по заявленію старѣйшихъ ламъ этого монастыря, привѣтливо встрѣтившихъ экспедицію, ихъ „дорогими гостями“. Какъ прежде, такъ и теперь намъ были разрѣшены охотничьи экскурсіи вездѣ въ окрестностяхъ, за исключеніемъ лишь одной горы, расположенной недалеко отъ храмовъ.

Устроившись при Чортэтанѣ на продолжительное время, я командировалъ успѣвшаго отдохнуть г. Ладыгина и фельдфебеля Иванова за оставшимися въ долину Чагрынь-гола багажемъ и верблюдами. Въ половинѣ февраля экспедиція собралась во-едино: прибылъ и А. Н. Казнаковъ, блестяще доведя до конца принятую на себя программу развѣзда. Вотъ въ общихъ чертахъ отчетъ о его гобійской поѣздкѣ.

Оставивъ главный караванъ въ кумирнѣ Цзурахай-дацанъ, г. Казнаковъ двинулся 4-го декабря къ юго-западу поперекъ сѣверной части пустыни, до озеръ Эцзинъ-гола. Здѣсь мой сотрудникъ прошелъ съемкою и вокругъ озера Сохо-норъ и вокругъ Гашіунъ-норъ; далѣе онъ направился вверхъ по долину къ ставкѣ Торгоутскаго бэйли. Пройденное низовье долины простирается отъ 20—30 верстъ шириною, гдѣ рѣка Эцзинъ-голь имѣетъ два главныхъ—на западѣ Моринъ-голь, на востокъ Ихэ-голь—и нѣсколько второстепенныхъ рукавовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что рѣка Эцзинъ-голь только въ своей средней трети течетъ однимъ русломъ и именуется Эцзинъ-голь; по раздѣленіи же ея на большія и малыя вѣтви это названіе не сохраняется. Западная вѣтвь—Моринъ-голь направляется въ озеро Гашіунъ-норъ, восточная же—Ихэ-голь дѣлится вблизи озера Сохо-норъ въ свою очередь на два рукава, изъ которыхъ правый впадаетъ непосредственно въ Сохо-норъ, имѣющее до 40 верстъ въ окружности и обильное рыбою; излишекъ водъ этого же рукава сливается съ правомъ рукавомъ рѣчки Нарынъ-голь, соединяющей Сохо-норъ съ озеромъ Гашіунъ-норъ. Первое изъ озеръ будучи проточнымъ содержать

прѣсную воду, второе же, имѣющее вдвое большую, замкнутую окружность, соленое. Берега озеръ, равно и низовье долины густо поросли камышемъ, въ которомъ скрываются волки, рыси, лисицы и другіе болѣе мелкіе звѣрки. Вверхъ по долину замѣчены древесныя заросли (*Populus*).

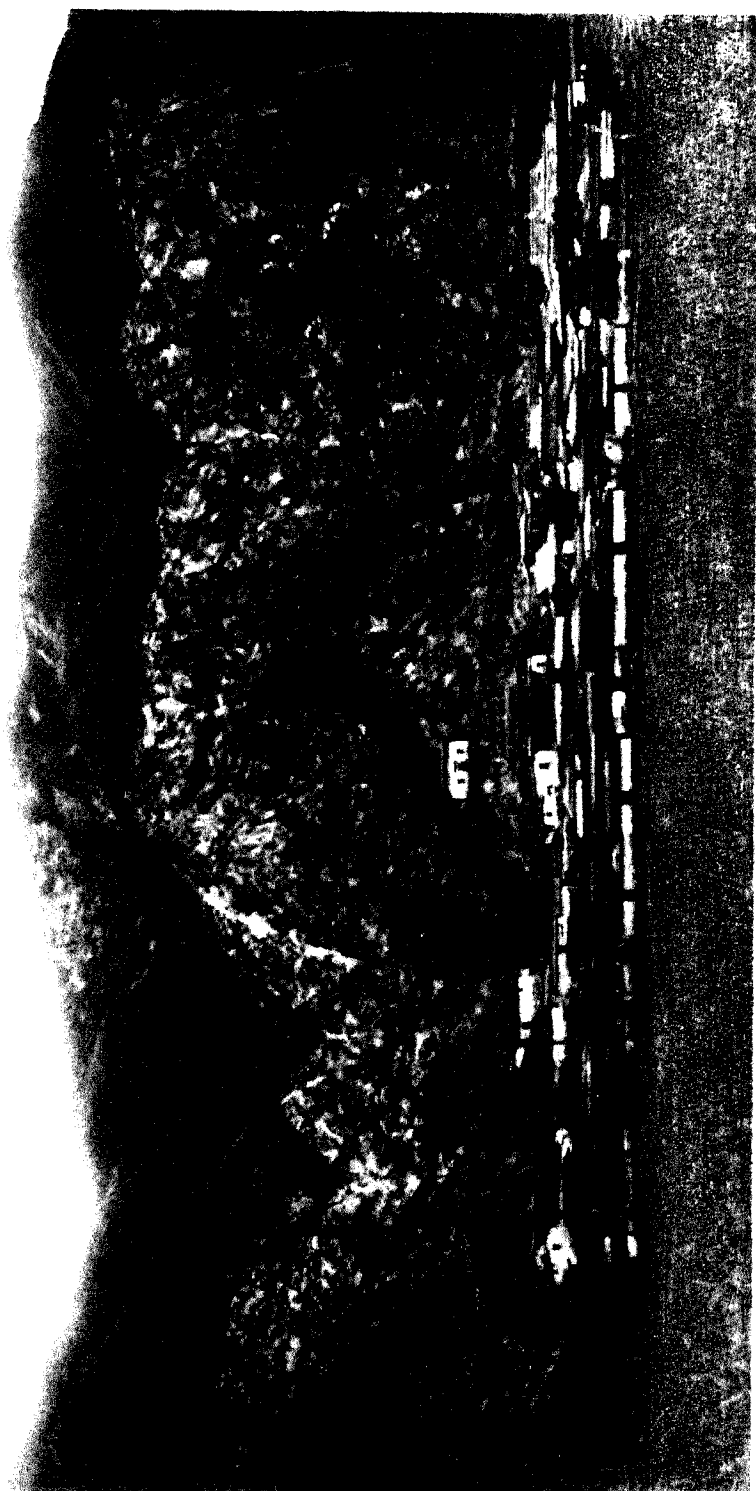
Торгоутскій бэйли принялъ моего сотрудника радушно и далъ ему возможность организовать караванъ изъ свѣжихъ верблюдовъ съ цѣлью пройти пустыню отъ Эцинъ-гол'а до Алаша-ямыпя, т. е. проложить на карту вторую, юго-восточную діагональ. Послѣднюю, бѣльшую часть пути по пустыни А. Н. Казнаковъ прошелъ равнинною частью Гоби, обильной сыпучими песками—Бадакъ-чжарэнгъ,—среди которыхъ нерѣдко встрѣчались большія и малыя солончаковыя котловины, поросшія камышемъ, гребеньщикомъ, хармыкомъ, карагапой и другими формами пустынной растительности. Въ области озеръ Эцинъ-гол'а товарища и его спутниковъ донимали морозы, доходившіе до—45°.

Во избѣжаніе большой дороги, А. Н. Казнаковъ направился изъ Алаша-ямын'я вновь пустыней, по направленію къ Лянъ-чжоу. Послѣдній путь носитъ характеръ подходящій къ таковому центральной пустыни: бѣдень водою, обилень песками, между которыми спорадически залегаютъ лёссово-глинистыя площади съ выпотами соли. Общій маршрутъ продолжительной поѣздки товарища простирается до 1.400 верстъ, пройденныхъ съемкою десяти верстнаго масштаба.

Такимъ образомъ послѣдній, почти или совершенно неизслѣдованный до насъ, уголь Гобійской пустыни наконецъ открылся для науки. Съемка покрыла собою и горную и равнинную части пустыни, представляя въ общемъ линію свыше 3000 верстъ длиною.

Монастырь Чортэнтанъ или Тен-тан-сы, какъ его называютъ катайцы, впервые былъ посѣщенъ Н. М. Пржевальскимъ, о которомъ старѣйшіе ламы до сихъ поръ хранятъ самое лучшее воспоминаніе и берегутъ портретъ моего учителя какъ драгоценность. Надо замѣтить, что и покойный путешественникъ, пребывая даже у себя на родинѣ, не рѣдко вспоминалъ этотъ богатый природою уголокъ, памятный ему, какъ натуралисту, по лучшимъ охотамъ на птицъ, среди которыхъ было добыто до десятка новыхъ формъ. Еще не будучи путешественникомъ, а только готовясь въ таковыя, я такъ много слышалъ о горахъ провинціи Гань-су вообще, о Чортэнтанѣ же въ особенности, что потомъ многое узнавалъ самъ, экскурсируя въ этихъ мѣстахъ. Послѣ Чортэнтана естественника можетъ удовлетворить только Камъ.

Самый монастырь, прижатый къ скалистому подножью священной горы, расположенъ на лѣвомъ берегу многоводнаго и шумнаго Тэтунг'а,

Монастырь Чортэтань (въ Гань-су).

Издание 1-е. Москва, Сибирская Красноармейская 1972
Восток и Китай

въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ края террасы, круто обрывающейся въ его прозрачныя, пѣнящіяся воды. Сѣверные склоны противоположнаго берега сверху до-низу укрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ, къ которому во многихъ мѣстахъ примѣшивается и лиственный. Тамъ же, на правомъ берегу, на прибрежныхъ террасахъ, въ лѣтнее время волнуются поля ячменя и пшеницы, и кое-гдѣ разбросанно стоятъ небольшіе домики или фанзы мѣстныхъ тангутовъ и пришельцевъ китайцевъ. Изъ оконъ монашескихъ келій можно любоваться самыми красивыми видами.

Монастырь Чортэнтанъ основанъ около 450-ти лѣтъ тому назадъ, при Минской династіи. Основаніе ему положили трое ламъ ¹⁾: Моко-Цорчжи, Дургу-лама и Моко-Сырганъ; въ теченіе первыхъ 250-ти лѣтъ община была незначительная, затѣмъ, при Ндань-ма-лама, ставшемъ впоследствии ея настоятелемъ, она стала быстро разрастаться. Ндань-ма-лама отдалъ монастырь подъ покровительство гэгэна Донкоръ-Манчжушри, даровавшаго ему средства на постройку главнаго храма, Мдогунъ, сохранившаго приличный видъ еще и до сего времени. Главное божество храма, стоящее внутри, слѣва отъ входа, называется Цэг-ваг-медъ; направо же отъ входа находится статуя знаменитаго реформатора ламаизма—Цзонъ-хава. Второй храмъ построенъ лѣтъ 75 тому назадъ подвижникомъ Ксеркынъ-ламой. Этотъ послѣдній удалился передъ смертью въ горы Амнэ-мачинъ—Сѣверо-восточный Тибетъ—и поселился въ пещерѣ подлѣ кумирни Ариг-рарчжа-гомба; тамъ онъ и умеръ, завѣщавъ не искать ему перерожденца. Тѣло отшельника Ксеркынъ-ламы было высушено и, одѣтое въ платье, поставлено въ главномъ храмѣ монастыря Рарчжа-гомба и надъ нимъ выстроены субурганъ—Рхкокдунъ-чортэнтъ; въ отверстіе, продѣланное въ субурганѣ противъ того мѣста, гдѣ должны находиться руки этого святого, молящіяся просовываютъ ладонь, въ которую святой будто бы посылаетъ капли чистой ключевой воды, считающейся весьма цѣлебной. Память о строгомъ отшельникѣ сохраняется въ Чортэнтанѣ до сихъ поръ. Означенный храмъ, именуемый Цзю-хынъ, стоитъ западнѣе главнаго храма; онъ построенъ въ честь Цзю-хын'ча-тава, изображеніе котораго находится по правую руку отъ сидѣнья настоятеля. Красивѣе двухъ предыдущихъ храмовъ—маленькій, третій храмъ, расположенный также западнѣе главнаго, между нимъ и вторымъ, построенный сто лѣтъ тому назадъ и также въ честь Цзю-хын'ча-тава. Изображеніе этого святого, величиною въ пять кулачныхъ или маховыхъ

¹⁾ Необходимо замѣтить, что слово „лама“ пишется (б)лама, но „б“ не произносится.

саженъ, стоитъ у задней стѣны по ея серединѣ, прямо противъ входа; оно вызолочено и окружено множествомъ различной величины бурхановъ. Этотъ храмъ извѣстенъ или подъ названіемъ Малый Цзю-хынъ или же Донгэръ-хынъ.

Главныхъ ламъ или гэгэновъ въ монастырѣ Чортэнтан'ѣ восемнадцать; изъ нихъ самый старшій Донгэръ-манчжушри имѣетъ двѣнадцатое перерожденіе; онъ живетъ обыкновенно или въ своей кумирнѣ Донгэръ-гомба, подлѣ Донгэр'а, или въ Чортэнтанѣ, или же, наконецъ, въ Пекинѣ, въ Юнь-хуа-гун'ѣ.

Второй—Моко-Сырганъ, одиннадцать перерожденій; предпоследній перерожденецъ — Моко-юнцзынъ-лама — былъ хорошо знакомъ покойному Н. М. Пржевальскому; послѣдній же его малолѣтній перерожденецъ умеръ весною 1899-го года въ Лабранѣ, куда поѣхалъ учиться; новый еще не найденъ; о его появленіи молится Чойбзэн'скій гэгэнъ.

Третій—Аванъ-лама, третье перерожденіе; постоянно живетъ въ Чортэнтанѣ, нашъ хорошій знакомый.

Четвертый—Нданъ-ма-лама, восемь перерожденій, живетъ въ своей кумирнѣ, за Тэтунг'омъ, Гань-чянь-гомба, хотя въ Чортэнтанѣ имѣетъ свою кумирню и помѣщеніе; для него въ Чортэнтан'скомъ главномъ храмѣ имѣется специальное мѣсто, которое во время богослуженія читается даже и въ отсутствіи послѣдняго, когда на столѣ ставятся чай и хлѣбы; для этого святителя ежегодно выдѣляется общая гэгэнская часть изъ приношеній и отсылается по принадлежности.

Пятый — Гомба-лама живетъ постоянно въ кумирнѣ Ксэркугъ ¹⁾; здѣсь-же, въ Чортэнтанѣ, имѣетъ свой домъ и кумирню; два перерожденія.

Шестой—Хурцза-лама имѣетъ также два перерожденія и живетъ всегда въ кумирѣ Савлунъ-рычѣдъ, расположенной невадалекъ и ниже по Тэтунгу; въ Чортэнтанѣ у него есть и домъ, и кумирня.

Седьмой—Моко-Цорчжи-лама, портретъ котораго приложенъ, насчитываетъ восемнадцать перерожденій и постоянно живетъ въ Чортэнтанѣ; этотъ святитель также нашъ добрый знакомый, которому мы обязаны безупречнымъ береженіемъ принятыхъ отъ экспедиціи на храненіе багажа и коллекцій.

Восьмой — Мани-лама имѣетъ третье перерожденіе и постоянно проживаетъ въ собственной кумирнѣ при Чортэнтанѣ; эта, хорошо

1) Гоманъ-сы или Алтынъ-сумэ.

Дванъ, настоятель монастыря Чортэнтанъ.

Лама Цорчи (евѣтскій управитель).

мнѣ извѣстная, личность является одною изъ самыхъ симпатичныхъ, которыхъ я знаю въ глубинѣ Центральной Азіи.

Девятый—Дорамба-лама, первый святитель этого наименованія; его возвелъ въ безсмертіе Лабранскій Чжаннь-вжяпша, за глубокое знаніе религіи. Дорамба-лама живетъ при монастырѣ Чортэнтанѣ, держась полного уединенія; говорятъ, что онъ избѣгаетъ видѣться даже со своими.

Десятый — Куамбу-лама, имѣющій пятое перерожденіе, живетъ всегда въ монастырѣ Нчжугу-гомба, въ вершинѣ ущелья Мэторъ; теперь онъ временно занимаетъ кафедру настоятеля Чортэнтан'а.

Одиннадцатый—Мазыръ-зыпъ, считающійся также въ пятомъ перерожденіи, находится всегда въ Чортэнтанѣ.

Слѣдующіе три святителя — Мачи-лама, Дургу (Дэргэ)-лама и Цана-лама,—имѣющіе восемь, восемнадцать и четыре перерожденія, пребываютъ при разсматриваемомъ или главномъ центральномъ монастырѣ.

Пятнадцатый — Чжанкъ-лама еще двѣнадцати-лѣтній мальчикъ, находится въ четвертомъ перерожденіи, живетъ въ кумирнѣ Савлунъ-рычѣдъ, расположенной внизъ по Тэтунгу; считается настоятелемъ указанной кумирни, святитель этотъ располагаетъ въ то же время кумирней и помѣщеніемъ для себя въ Чортэнтанѣ.

Слѣдующій—Добцынъ-лама имѣетъ третье перерожденіе и живетъ въ Чортэнтанѣ.

Семнадцатый — Хрчжау-лама, четыре года тому назадъ, на третьемъ перерожденіи, умеръ; Чортэнтанскіе ламы, гдѣ постоянно долженъ пребывать этотъ святитель, ждутъ его перерожденія.

Наконецъ послѣдній, восемнадцатый, гэгень Яньчжа-лама, состоя въ восьмомъ перерожденіи и имѣя кумирню и домъ въ Чортэнтанѣ, постоянно находится въ монастырѣ Хунъ-шань-цзуй, который считается китайскимъ и имѣетъ ламъ изъ китайцевъ и далда. Означенный монастырь расположенъ въ ближайшей окрестности городка Лянь-ченъ.

Въ Чортэнтанѣ кромѣ того живутъ по-долгу или постоянно и имѣютъ свои кумирни и дома также и гэгэны другихъ монастырей.

По штату въ монастырѣ Чортэнтанѣ полагается восемьсотъ ламъ, но на лицо имѣется лишь половина. Настоятелями монастыря являются чередующіеся по старшинству гэгэны; каждый можетъ занимать кафедру неопредѣленное число лѣтъ, по желанію, но совершенно отказаться не можетъ. Слѣдующимъ за настоятелемъ лицомъ является ши-чжунъ, юрисконсультъ, назначаемый китайцами. Его обязанность сносится со свѣтскими и духовными властями по всякимъ монастырскимъ и мірскимъ дѣламъ; онъ же и опекунъ, и смотритель, и казначей, и

экономъ монастыря; въ наше пребываніе въ Чортэнтанѣ эту должность отправлялъ Цорчжи-лама.

Тэтунгскіе тангуты Чортэнтанскаго района состоятъ въ прямомъ подчиненіи ламѣ Цорчжи или бэй-ху, какъ онъ называется въ свѣтскомъ отношеніи, и кромѣ того имѣютъ въ городкѣ Пинь-фань китайскаго начальника, которому ежегодно вносятся черезъ указаннаго бэй-ху повинности, заключающуюся въ хлѣбѣ и деньгахъ. Обыкновенно главными плательщиками являются болѣе зажиточныя семьи, вносящія до 30 ланъ серебра ежегодно, бѣдняки же или совершенно избавлены отъ повинностей, или же платятъ ихъ въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Всѣхъ тангутовъ въ рассматриваемомъ районѣ до двухсотъ семействъ.

Занятіе Чортэнтанскихъ тангутовъ состоитъ въ скотоводствѣ и земледѣліи. Изъ скота мѣстные жители разводятъ лошадей, яковъ, барановъ, козъ и, такъ называемый, рогатый скотъ; поля же засѣваютъ ячменемъ и пшеницей. Населеніе ютится частью по долинѣ самого Тэтунг'а, частью по его боковымъ ущельямъ. Помимо глинобитныхъ фанзъ здѣсь обыкновенны бревенчатые домики, устраиваемые исключительно тангутами, нерѣдко на высокихъ, живописныхъ скалахъ. Домашняя обстановка тангута сильно напоминаетъ таковую же китайца, располагающаго свои фанзы среди построекъ коренныхъ обитателей. Осѣвшие на постоянное жительство китайцы платятъ собственникамъ-ламамъ за право пользованіе землей своимъ половиннымъ трудомъ.

Въ двухъ небольшихъ переходахъ отъ Чортэнтана, внизъ по Тэтунгу, въ расширенной части долины лѣваго берега, расположенъ небольшой городокъ Лянь-ченъ, населенный окитаившимися далда'ми. Управляется онъ, какъ и все земледѣльческое населеніе этого округа, наследственнымъ княземъ лоту-сы. Ляньченцы живутъ въ опрятныхъ домикахъ-фанзахъ, окруженныхъ тѣнистыми садами и парками.

За два года до нашего прихода въ Чортэнтанъ, слѣдовательно въ 1898-мъ году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, отъ длившася цѣлые сутки ливня Тэтунгъ, по словамъ ламъ, необычно поднялся и выступилъ изъ своихъ крутыхъ береговъ, нанеся такимъ образомъ прилежащимъ селеніямъ громадное опустошеніе. Вода лилась всюду; маленькіе ручьи превратились въ грозные потоки, самъ же Тэтунгъ явилъ свою ужасную мощь, яростно набрасываясь на все лежавшее на его расширенномъ пути. Рѣвъ расходившагося Тэтунга заглушалъ все въ окрестности; „казалось, говорили ламы, онъ въ страшномъ гнѣвѣ рѣшилъ поглотить все живущее по его берегамъ человѣчество!“ Слѣды разрушеній, учиненныхъ рѣкою замѣтны были еще и теперь. Въ наше пребываніе

въ Чортэтан'ѣ раннею весною, Тэтунгъ спокойно, хотя въ тоже время величественно, катилъ свои голубыя волны. Бивуакъ экспедиціи болѣе чѣмъ на мѣсяць расположился на луговой террасѣ праваго берега, вблизи той разрушенной наводненіемъ площади, гдѣ подъ тополями укрывались шатры экспедиціи Н. М. Пржевальскаго.

Въ теченіе всего проведеннаго здѣсь времени, мы ежедневно экскурсировали въ окрестныхъ лѣсахъ, охотясь за звѣрями и птицами. Ближайшихъ же нашему бивуаку пернатыхъ, въ особенности красивыхъ фазановъ (*Phasianus Strauchi*), которые частенько въ виду нашихъ палатокъ разгуливали подобно домашнимъ птицамъ, мы старались охранять и не беспокоить. Изъ сосѣдняго лѣса доносились голоса ушастыхъ фазановъ (*Crossoptilon auritum*), рѣже — зеленыхъ сэрмуновъ или франколиновъ (*Ithaginis sinensis*); пѣніе же мелкихъ птичекъ ласкало нашъ слухъ почти ежедневно, въ особенности въ ясное, тихое утро или вечеръ. То же пѣніе птицъ манило скорѣе подъ лѣсную сѣнь, гдѣ бывало, усѣвшись на мху, съ удовольствіемъ, даже больше — съ наслажденіемъ, проводишь нѣсколько часовъ въ наблюденіи надъ ихъ интереснымъ образомъ жизни. Тутъ, вблизи, по стволу могучей ели, скользятъ шишуха-сверчокъ и поползень (*Certhia et Sitta*), рядомъ съ ними монотонно стучитъ черный дятель (*Picus martius*), тамъ, цѣпляясь за вѣточки, съ дерева на дерево перелетаютъ синицы — *Leptorocile Sophiae*, *Lophobasileus elegans*, *Lophophanes dichroides*, *Periparus Beawani* — тамъ, повыше, гималайскіе клесты (*Loxia curvirostra himalayna*), въ гущинѣ ягодныхъ кустарниковъ спрятались *Carpodacus dubius*, по сосѣдству съ которыми невидимкой прыгаетъ по землѣ или нижнимъ вѣточкамъ крапивникъ (*Troglodytes pallidus*); одновременно изъ глухого лѣса слышится свистъ мѣстнаго рябчика (*Tetrastes Sewerzowi*), которому порою вторятъ голубой и зеленый фазаны. Тамъ и сямъ надъ лѣсомъ и скалами гордо проносятся орлы-бѣркуты или бородатый ягнятникъ.

Наша орнитологическая коллекція скоро пополнилась лучшими обитателями здѣшнихъ лѣсовъ, кустарниковъ и альпійскихъ луговъ. Маммологическая — также обогатилась шкурами оленей, кабарги и летягъ; послѣднія, въ теплые февральскіе вечера, оригинально перемѣщались по вѣтвямъ высокихъ, вѣковыхъ тополей. Ганьсуйская летяга оказалась новой; ее описалъ К. А. Сатунинъ какъ *Sciuropterus Buechneri*¹⁾. Здѣсь же добыты и новый видъ мыши (*Mus gan-*

¹⁾ К. А. Satunin. Neue Nagetiere aus Centralasien. Оттискъ изъ Ежегодника Зоологическаго Музея Императорской Академіи Наукъ, т. VII, 1902. Стр. 3.

suensis) и новый подви́дъ полевки (*Microtus flaviventris*), описанные тѣмъ же зоологомъ.

Погода въ февралѣ, который мы провели въ Чортэтанѣ, стояла довольно порядочная, хотя и съ значительно преобладающею облачностью, въ особенности во второй половинѣ мѣсяца, когда кромѣ того воздухъ нерѣдко насыщался пылью, приносимой сѣверо-восточнымъ или юго-восточнымъ вѣтрами, періодически дувшими днемъ; по ночамъ же было постоянно тихо. Выпадавшіе по временамъ атмосферныя осадки, въ видѣ снѣга, на солнцѣ скоро испарялись и очищали воздухъ. Минимальный холодъ доходилъ до -20° , хотя днемъ тепло постепенно увеличивалось: часовыя наблюденія 1-го, 11-го, 21-го и 29-го февраля были слѣдующія — 0, 4.2, 7.4 и 16° .

Какъ и всегда въ горахъ, лишь только скроется солнце, температура быстро падаетъ, и наоборотъ — повышается съ его восходомъ. По той же причинѣ почва сѣверныхъ склоновъ горъ сравнительно не скоро оттаиваетъ и зимній снѣгъ, подъ защитою древесной растительности, держится также довольно долго. Въ долинѣ же и на полуденныхъ скатахъ земная поверхность въ большинствѣ случаевъ была свободна отъ снѣга, который здѣсь исчезалъ или по мѣрѣ своего паденія или же немного позднѣе. Ледяной покровъ Тэтунг'а таялъ энергично; къ вечеру уровень этой рѣки повышался.

Въ особенно теплые дни, на солнцѣ, бѣгали по землѣ пауки и стали показываться мухи; появились кое-какія прилетныя птицы, мѣстныя же начали приступать къ играмъ, сопровождающимъ любовный періодъ. Почки у тополей надулись и къ концу мѣсяца распустились, наполнивъ воздухъ пріятнымъ запахомъ.

Отъ времени до времени мы имѣли свиданіе со старѣйшими ламами монастыря, среди которыхъ были и такіе, которые хорошо помнили меня еще со времени четвертаго путешествія Н. М. Пржевальскаго, когда я впервые увидѣлъ эти мѣста, полныя чарующей прелести. Благодаря любезности ламъ, я рискнулъ оставить при монастырѣ значительную часть багажа и почти всѣ собранныя до того времени коллекціи, что въ суммѣ составило до десяти порядочныхъ व्यюковъ.

Во все время нашего пребыванія въ Чортэтанѣ экспедиціонныя животныя — верблюды и лошади — паслись на лучшихъ пастбищахъ, въ ущельѣ, за 10—12 верстъ къ сѣверу отъ главнаго бивуака. Не смотря на отдыхъ, верблюды худѣли, такъ какъ горы Нань-шаня губительны для этихъ животныхъ по причинѣ отсутствія соли и обилія ядовитыхъ травъ. Въ силу этого обстоятельства большинство уста-

лыхъ верблюдовъ заблаговременно было отправлено съ частью людей отряда въ Цайдамъ, на остальныхъ же и на нанятыхъ въ Донгэр'ѣ у Цайдамскихъ монголовъ, случайно прѣхавшихъ въ этотъ городъ, мы должны были поднять весь свой багажъ. Пока я собирался въ дальпѣйшій путь, оба мои сотрудника были командированы въ города Сининъ и Донгэр-тинъ для заготовленія продовольственнаго транспорта и прочихъ необходимыхъ въ дорогѣ предметовъ на годовой срокъ экспедиціи.

Наше пребываніе на берегахъ красиваго Тэтунга, на этотъ разъ приходило къ концу. Цѣлый мѣсяцъ мы ежедневно засыпали, убаюкиваемые монотоннымъ гуломъ рѣки. Много, много разъ манили насъ къ себѣ грандіозныя прибрежныя ея скалы, въ особенности по вечерамъ, когда ничто не нарушало окрестную тишину, кромѣ рокота стремительныхъ, прозрачныхъ водъ рѣки, и когда мысль, подъ обаяніемъ дикой, величественной природы, воскрешала въ воображеніи образъ покойнаго перваго изслѣдователя, который сравнительно недавно любовался тѣми же прелестными видами и прислушивался къ мягкому всплескиванію волнъ того же красавца Тэтунга.

Отъ монастыря Чортэнтана до Восточнаго Цайдама.

Въ области горъ, прилежащихъ къ Тэтунг'у. Трудность пути по высокимъ карнизамъ. Богатство пернатого царства; оживленіе дороги мѣстными обитателями. Монастырь Чойбзэнъ. Погода ранней весны въ горахъ. Встрѣча съ гг. Казнаковымъ и Ладыгинымъ. Стоянка въ окрестности города Донгар'а. Путь по сѣверо-западному берегу Куку-нора. Стенной пожаръ. Мѣстные кочевники. Хребетъ Южно-Кукунорскій и кумирня Дуланъ-хитъ. Видъ на хребетъ Бурханъ-Будда. Пребываніе въ Цайдам'ѣ и весенній пролетъ птицъ.

Продолжительное пребываніе экспедиціи въ Гань-су, въ одномъ изъ лучшихъ уголковъ этой богатой природой провинціи, дало возможность съ одной стороны произвести отличные зоологическіе сборы, съ другой — позволило участникамъ экспедиціи оправиться отъ зимнихъ изнурительныхъ работъ въ пустынѣ Гоби; поэтому для всѣхъ насъ февраль мѣсяць мелькнулъ незамѣтно.

Съ началомъ марта мы стали собираться въ дальнѣйшій путь, а 5-го числа, раннимъ утромъ, и двинулись.

На прощанье почтенные ламы благословили насъ двумя металлическими (довольно грубой работы) и однимъ писаннымъ на полотнѣ золоченымъ „бурхан'ами“, сильно уменьшенные снимки съ которыхъ у сего прилагаю ¹⁾.

¹⁾ У Манчжуши, бога мудрости, къ сожалѣнію отломанъ мечъ, который онъ держитъ въ правой рукѣ и которымъ разсѣиваетъ тьму невѣжества. Превосходное изображеніе этого бурхана имѣется у Rockhill. Notes on the Ethnology of Tibet I. c. plate 43. См. также С. Θ. Ольденбургъ. Сборникъ 300 бурхановъ. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. СПб. 1903. № 93.

Будда на алмазномъ
престолѣ.

Сладкогласный
Манжушири.

Бѣлая Тѣра.

Амитаюсъ (особый тантрийскій видъ). Ушнйшавиджая.

[Объясненія бурхан'овъ любезно далъ академикъ С. Ѡ. Ольденбургъ].

Не смотря на то, что экспедиція оставила въ Чортэнтапѣ десять вьюковъ, изъ 40 верблюдовъ каравана было занято громоздкими вьюками 33. Избранный экспедиціей маршрутъ пролегалъ значительно сѣвернѣе пути Н. М. Пржевальскаго — съ цѣлью миновать наиболѣе высокій и размытый отъ времени перевалъ Рангхта.

Гору Ртакъ-цанъ, въ системѣ Сѣверно-Тэтунгскаго хребта, лежащую на сѣверѣ отъ нашего бивуака при Чортэнтапѣ, предстояло обойти чуть не кругомъ. Переправившись въ бродъ черезъ шумный и прозрачный Тэтунгъ, экспедиція пошла сперва ущельемъ Мэторъ, а затѣмъ другимъ безымяннымъ, впадавшимъ въ предыдущее справа и вскорѣ достигла вершины „можжевеловаго“ перевала Шуг-ламъ, абсолютная высота котораго приближается къ 9.500 футамъ. Дикій хаотическій видъ открылся на южномъ скатѣ Шуг-лама: высокія вершины, круто ниспадающіе обрывы и мрачныя ущелья — все сливалось въ одно величественное цѣлое, производя своеобразное впечатлѣніе. Дорога, то широкая, то узкая или лѣпилась красивымъ бордюромъ вверху горъ, или змѣю извивалась по дну долинъ. У ногъ разстилались чудныя картины по обѣимъ сторонамъ перевала, изобилующаго богатою растительностью, дающею пріютъ животному міру. Въ можжевеловыхъ заросляхъ держалось много ушастыхъ фазановъ (*Crossoptilon auritum*)¹⁾. Изящныя птицы спокойно расхаживали и по луговымъ скатамъ и на опушкахъ лѣса, иногда показывались даже на деревьяхъ, но при видѣ человѣка тотчасъ слетали съ нихъ; порою отдѣльныя пары даже тихо переступали черезъ нашу дорогу. Во всѣхъ случаяхъ гордая осанка и великолѣпный нарядъ этихъ пернатыхъ приковывали вниманіе путника-наблюдателя. Громкіе, рѣзкіе крики голубыхъ фазановъ неслись отовсюду; изрѣдка къ нимъ присоединялись тонко-свистящіе звуки зеленыхъ франколиновъ (*Ithaginis sinensis*) въ перемежку съ особенно пріятнымъ голосомъ „хэйлапо“ (*Pterorhinus Davidi*) и *Trochalopteron Ellioti*. Въ верхнемъ поясѣ горъ, въ бинокль наблюдались куку-яманы (*Ovis pahaor*), которые паслись по сосѣдству съ домашними яками; пониже, на выступахъ скаль, показывалась на мгновеніе стройная кабарга.

Жителей-тангутовъ на нашемъ пути встрѣчалось также много; ихъ глинобитныя или бревенчатныя постройки ютились въ лучшихъ и защищенныхъ отъ вѣтровъ и зимнихъ холодовъ мѣстахъ, нерѣдко

¹⁾ Голубые фазаны охотно питаются сѣменами древовиднаго можжевельника (*Juniperus Pseudo-Sabina*).

красиво располагаясь не только по дну долины, но и по ея боковымъ скатамъ, до второстепенныхъ вершинъ включительно.

Спустившись внизъ, въ долину Тэтунг'а, мы были обласканы весеннимъ тепломъ и сухостью. Нашъ бивуакъ былъ расположенъ на лѣвомъ, возвышенномъ берегу рѣки, съ шумомъ катившей свои темно-голубыя волны. Невдалекѣ, пока еще на сухомъ пути, стоялъ чернѣ будущій мостъ, къ установкѣ котораго, по словамъ тангутовъ, мастера-китайцы должны были приступить ближайшимъ лѣтомъ; но когда онъ будетъ открытъ для движенія — неизвѣстно. Отсюда вверхъ и внизъ Тэтунгъ сдавливается угрюмо нависшими скалами, а его круто падающее ложе загромождено гигантскими валунами. Сосѣдняя гора Шахэръ, представленная на приложенной фотографіи, смѣло возноситъ свою острую вершину въ мягкую синеву неба; бока этой горы точно отшлифованы и можно съ увѣренностью сказать, что они съ трехъ видѣнныхъ нами сторонъ не доступны человѣку, хотя можжевеликъ ухитряется цѣпляться тутъ своими корнями и расти довольно успѣшно. Многое въ дикомъ, величественномъ созданіи природы здѣсь недосягаемо.

Розыскавъ удобный бродъ¹⁾, экспедиція благополучно переправилась и на другой день двинулась дальше, держа курсъ къ юго-западу. Пройдя около десяти верстъ, мы были принуждены остановиться у подножья перваго изъ пяти переваловъ, предстоявшихъ въ системѣ Южно-Тэтунгскихъ горъ, такъ какъ весеннее солнце къ 10-ти часамъ утра настолько уже растопило выпавшій за-ночь снѣгъ, что поверхность земли стала скользкой и движеніе на верблюдахъ сдѣлалось если не невозможнымъ, то весьма затруднительнымъ. Пользуясь свободнымъ временемъ, мы экскурсировали въ сѣверо-западномъ дикомъ и грандіозномъ ущельи, также обставленномъ тѣснящими каменистое ложе скалами; послѣднія обвиты древесной, кустарной и травянистой растительностью. Здѣсь флора и фауна тѣ же, что и въ горахъ лежащихъ на сѣверъ отъ Тэтунг'а.

На утро, по свѣже выпавшему снѣгу, нашъ караванъ потащился вверхъ и вскорѣ благополучно поднялся на вершину Цэрик'а. Прихотливо извивавшееся ущелье открывало все лучшіе и лучшіе виды. Вступивъ въ верхній поясъ горъ, мы его почти не покидали до двухъ часовъ дня. Дорога тянулась волнистой лентой, послѣдовательно пересѣкая высокіе отроги горъ, шедшіе отъ главнаго гребня; каравану приходилось слѣдовать то въ области древесной, то въ области ку-

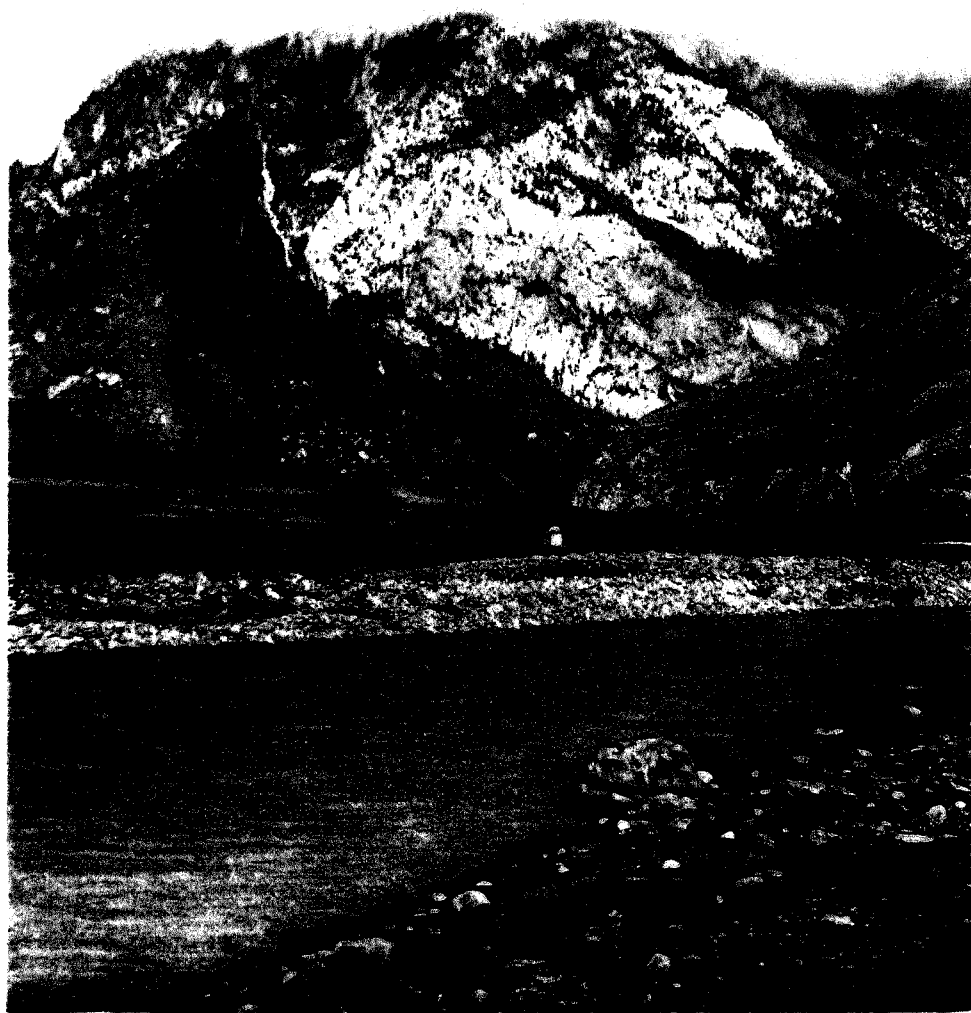
¹⁾ Ширина Тэтунг'а отъ 40 до 50 сажень при глубинѣ въ это время 3—4 фута; теченіе рѣки очень стремительное.

старной или альпійско-луговой растительности; гранитныя скалы то приближались, то удалялись. Панорама мѣнялась послѣ каждаго выступа горъ въ особенности въ синѣющей дали, гдѣ горизонтъ замыкали главныя цѣпи горъ, вершины которыхъ, убѣленные снѣгомъ, казались причудливыми облаками.

Между тѣмъ, проглядывавшее по временамъ, солнце сильно пригрѣвало; снѣгъ таялъ, въ падахъ зажурчали ручьи, смывавшіе узенькую тропинку; въ липкой, грязной почвѣ скользили и копыта коней, и лапы верблюдовъ. Много мѣстъ пришлось миновать съ содроганіемъ и боязнью за участь каравана. И, дѣйствительно, опасенія были не напрасны: одинъ верблюдъ, завьюченный патронами, сдѣлалъ невѣрный шагъ и полетѣлъ съ 40—50 саженой высоты въ пропасть, гдѣ вскорѣ и издохъ; вьюкъ не пострадалъ. Отыскать мало-мальски подходящую площадку для размѣщенія нашего большого каравана не удалось до самаго спуска съ главнаго гребня по перевалу Тэ-па, поднятому надъ морскимъ уровнемъ на 11.300 футовъ. Сосѣднія вершины уносились вверхъ еще на тысячу футовъ, если не болѣе; съ ближайшихъ скалъ доносились голоса тибетскихъ улляровъ (*Tetraogallus thibetanus*); тамъ же, большими стайками перелетали вьюрки (*Montifringilla Adamsi et Leucosticte haematorugia*), и порою гордымъ плавнымъ полетомъ, зорко высматривая добычу, проносились царственные хищники — орелъ беркутъ (*Aquila daphanea*), ягнятникъ бородатый (*Gypaëtus barbatus*) и грифъ снѣжный (*Gyps himalayensis*).

На самомъ перевалѣ и на одной изъ ближайшихъ и труднодоступныхъ вершинъ красовались „обо“. Спускъ на южную сторону вель отличный и мы въ 3 часа дня могли свободно размѣститься во влажной долинѣ, оставивъ главный массивъ за собою. Какой рѣзкій контрастъ въ растительномъ покровѣ горъ сѣвернаго и южнаго склоновъ! Тамъ густыя заросли лѣса и множество разнообразныхъ кустарниковъ, здѣсь только одни луга; тамъ путешественникъ развлекается наблюденіемъ свободныхъ дикихъ представителей животнаго царства; тутъ же ютится полуосѣдлое тангутское населеніе съ своими многочисленными стадами домашняго скота.

На всемъ пути въ горахъ намъ попадались на встрѣчу или перегоняли нашъ медленно двигавшійся караванъ китайцы, дунгане, тангуты, ѣхавшіе верхомъ на лошадахъ или на мулахъ и ослахъ; не мало также тащилось и пѣшаго люда. Колокольчики звенѣли и звонъ ихъ перемѣшивался съ голосами людей, ѣхавшихъ не только днемъ,

Гора „Шахеръ“, на правомъ берегу Тэтунга.

но и ночью; какъ въ послѣднемъ случаѣ проходили туземцы по опаснымъ карнизамъ я и понять не могу!

На пятый день отъ Чортэнтана мы достигли кумирни или монастыря Чойбзэнъ-хитъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ котораго и расположились бивуакомъ.

Означенная кумирня большая, богатая, счастливо уцѣлѣвшая отъ всесокрушающихъ и грозныхъ дунганъ, пользуется высокимъ уваженіемъ. Храмъ этотъ сооруженъ изъ кирпича и имѣетъ форму общую всѣмъ буддійскимъ кумирнямъ; его щедро золоченая кровля великолѣпно блеститъ на яркомъ солнцѣ, а сосѣдніе зеленые скаты холмовъ пріятно гармонируютъ съ общимъ видомъ монастыря.

Въ серединѣ храма, какъ главное божество, возсѣдаетъ Шакія-Муни, въ видѣ золоченаго бурхана сажени въ двѣ вышиною. Передъ этимъ кумиромъ горитъ неугасимый свѣтильникъ и стоятъ большіе томпаковые сосуды съ водою, водкою, рисомъ и ячменною мукою. По сторонамъ, въ рядъ съ Буддою, размѣщены другіе меньшихъ размѣровъ бурханы, передъ которыми также поставлены сосуды съ ѣдою, но свѣтильники горятъ не постоянно. Вокругъ трехъ стѣнъ кумирни помѣщается въ шкафахъ тысяча болѣе мелкихъ мѣдныхъ бурхановъ, величиною въ одинъ — два фута; каждый изъ нихъ имѣетъ особенную позу и атрибуты, между которыми есть, съ нашей точки зрѣнія, до безобразія циничные. Вся тысяча бурхановъ была сдѣлана по заказу Джанджы-гэгэн'а въ Долонъ-нор'ѣ и перевезена отсюда въ Алаша; отсюда до Чойбзэн'а транспортъ доставилъ на свой счетъ Алаша-цинъ-ванъ ¹⁾.

Кромѣ главнаго храма есть много второстепенныхъ, въ разное время пристроенныхъ гэгэнами. Нынѣшній святитель, мой старый знакомый, къ сожалѣнію отсутствовалъ, находясь въ это время на Юлдус'ѣ у торгоутовъ, гдѣ я его видѣлъ и въ минувшее путешествіе. Нирва ²⁾ гэгэна оказалъ намъ большое вниманіе. Этотъ лама, также давнишній знакомый: онъ сопровождалъ Н. М. Пржевальскаго въ его первое путешествіе по Нагорной Азіи отъ Пекина до сихъ мѣстъ и прекрасно помнилъ обыденную жизнь и занятія въ дорогѣ покойнаго путешественника; изъ памяти ламы не исчезли и имена первыхъ спутниковъ Н. М. Пржевальскаго.

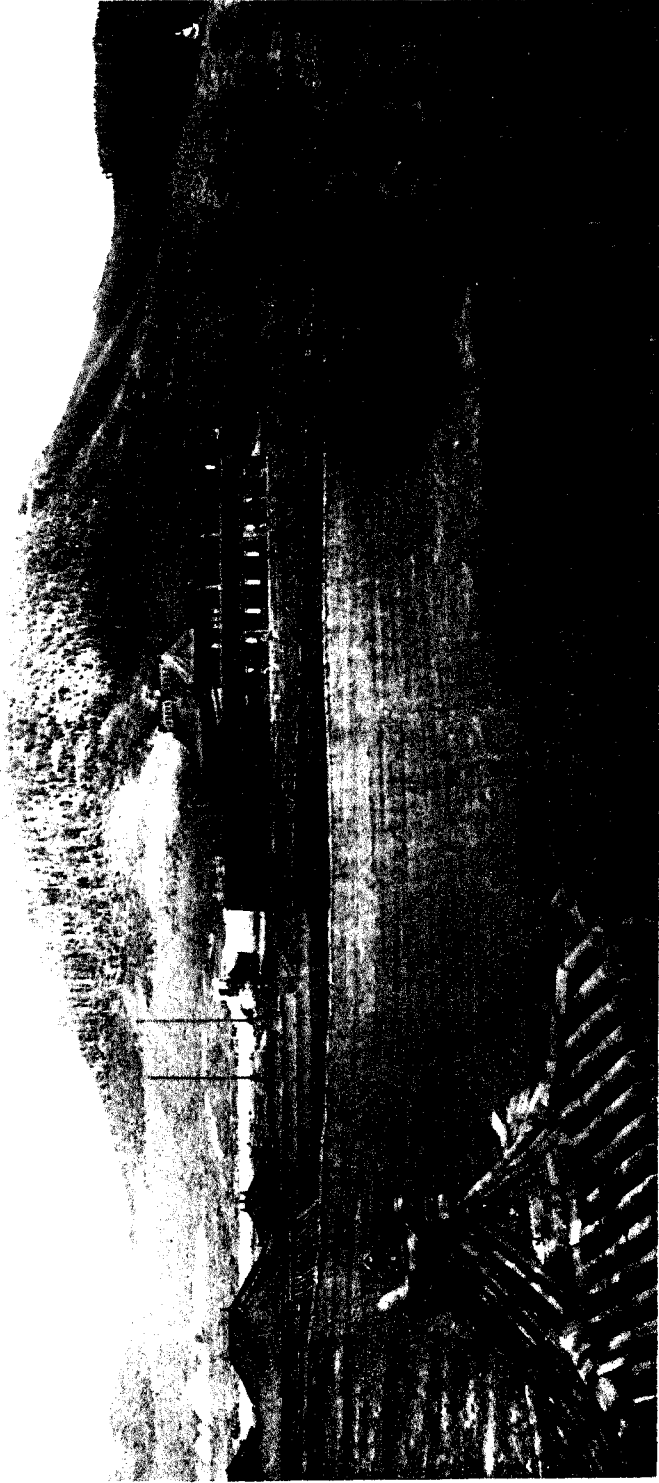
¹⁾ Н. М. Пржевальскій. „Монголія и страна тангутовъ“. Спб. 1875 г. Стр. 226, 227.

²⁾ Нирва или Нярба зовутъ въ буддійскихъ монастыряхъ монастырскаго казначея. См. Позднѣевъ. „Очерки быта буддійскихъ монастырей. I. с. Стр. 166.

— „Годъ тому назадъ, говорилъ сидѣвшій у меня нирва, гэгэномъ, тогда еще пребывавшимъ въ Чойбзэнъ, была получена отъ китайцевъ бумага, извѣщавшая о вашемъ слѣдованіи въ Тибетъ черезъ Чойбзэнъ“. „Нашъ гэгэнъ замѣтилъ, продолжалъ онъ, этотъ путешественникъ мой другъ и ему слѣдуетъ оказать полнѣйшее содѣйствіе даже и въ томъ случаѣ, если бы меня и не было въ то время здѣсь“. Послѣ этого разговора я показалъ нирвѣ прекрасный подарокъ, жалуемый святителю Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ за содѣйствіе В. И. Роборовскому и мнѣ во время минувшаго нашего странствованія по Центральной Азіи. Нирва былъ въ восторгѣ отъ подарка, повторяя все время „драгоценный“ и очень сожалѣлъ объ отсутствіи гэгэна. Въ заключеніе я сказалъ, что завтра посѣщу кумирню и личную, домашнюю молельню гэгэна и самъ поставлю подарокъ на столъ, передъ которымъ часто возсѣдаетъ святитель.

На другой день, согласно обѣщанію, я отправился въ монастырь, гдѣ нирва съ своими приближенными встрѣтилъ меня у входа во второстепенныя молельни и проводилъ къ себѣ въ хорошо убранную фанзу. Здѣсь лама предложилъ мнѣ и моимъ спутникамъ угощеніе, разставленное на нѣсколькихъ столикахъ; видно было, что все это приготовлено заранѣе. Изъ разговора съ нирвой я узналъ также, что этотъ лама побывалъ на своемъ вѣку во многихъ мѣстахъ „страны тангутовъ“, но лучше Кам'а или Восточнаго Тибета, въ смыслѣ богатства и красоты природы, онъ ничего не знаетъ.

Послѣ чаепитія и обычныхъ привѣтствій мы отправились въ сопровожденіи нирвы и многихъ ламъ въ покои гэгэна, гдѣ въ свою очередь служитель монастыря просилъ отвѣдать хлѣба-соли отсутствовавшаго настоятеля и хотя бы не долго посидѣть подъ сѣнью, озаряемой невидимымъ присутствіемъ святителя. Затѣмъ я открылъ дубовый ларецъ, въ которомъ подъ краснымъ атласомъ на золотисто-желтомъ бархатѣ помѣщались восемь—одна большая и семь малыхъ—серебряныхъ чашъ, внутри золоченыхъ, а снаружи покрытыхъ красной эмалью. Всѣ присутствовавшіе выразили большой восторгъ и удивленіе, а нѣкоторые старцы даже умилились, когда увидѣли и прочли надпись, выгравированную на большемъ сосудѣ тибетскими литерами и гласящую: „Великаго Россійскаго Государства Общества Землевѣдѣнія Великаго Дайцинскаго Государства гэгэну Чойбзэнъ-Хитъ жалованный подарокъ“. Нирва, а за нимъ и всѣ ламы почтительно поблагодарили меня, прося закрыть этотъ „драгоценный“ подарокъ до пріѣзда ихъ святителя.

Монастырь Чойбзэнъ.

Восточн. Б. Бадраи, С. Петербурга, Монастыря на 4172
Прим. В. Кавасиц

Обойдя вновь возведенныя постройки кумирни, я невольно остановился на послѣдней, еще не вполне законченной, гдѣ гэгэнъ проживаетъ лѣтомъ. Небольшія уютныя и прилично обставленныя комнаты были оригинально освѣщены краснымъ, фіолетовымъ и голубымъ свѣтомъ, падавшимъ черезъ большія выходящія въ садъ цвѣтныя окна. Это помѣщеніе уже носитъ слѣды знакомства гэгэна съ городами внутренняго Китая и нѣкоторой роскошью. Молодой садъ-цвѣтникъ, которымъ можетъ любоваться святитель кромѣ того съ террасы, разбитъ толково и со вкусомъ. Здѣсь можно видѣть искусственную горку, гротъ, бассейнъ съ рыбами, остовъ бесѣдки, лѣтомъ укрываемый ползучими растеніями и проч. вмѣстѣ съ тѣмъ это уединенное жилище полно глубокой тишины, необходимой буддисту, когда онъ погружается въ созерцаніе.

Въ бесѣдѣ съ нирвой я узналъ между прочимъ, что Чойбзэн'скій гэгэнъ въ тоже время вѣдаетъ большою кумирней Ша-чунь, расположенной при Желтой рѣкѣ и считается главою многихъ небольшихъ второстепенныхъ монастырей, находящихся въ окрестностяхъ Синина. Распрошавшись съ ламами и выразивъ надежду видѣть гэгэна на обратномъ пути, я оставилъ кумирню.

Погода за послѣднее время стояла большею частью облачная, хотя, по временамъ проглядывавшее солнце грѣло ощутительно, и снѣговой покровъ своимъ ослѣпительнымъ блескомъ производилъ нестерпимую боль глазъ, которые приходилось защищать сѣтчатыми очками. Снѣгъ падалъ ежедневно, иногда не переставая нѣсколько часовъ къ ряду, когда его свѣжая толща достигала 7—10 дюймовъ. По выпаденіи осадка въ долинѣ, кучевыя облака долгое время держались у сосѣднихъ горъ, омрачая окрестность. На сѣверъ неслись пролетныя птицы; то были сѣрые журавли (*Grus sinerea*) и рѣже черныя аисты (*Ciconia nigra*); послѣднихъ мы чаще наблюдали отдѣльными парами, въ особенности по утрамъ, когда птицы спиралью поднимались въ туманную высь, прячась и опять появляясь изъ-за кучевыхъ облаковъ. Ночные морозы стояли свыше — 10° и совмѣстно съ западными вѣтрами сильно задерживали движеніе весны. Впрочемъ, въ долинѣ рѣки Сининъ-хэ, климатическія явленія были иныя—почти противоположныя первымъ; въ то время, какъ въ окрестности Чойбзэн'а было очень сыро и прохладно—на пути къ Синин'у и Донгэр'у, земная поверхность была суха, туземцы приступали къ полевымъ работамъ, а пернатые странники чаще и чаще давали о себѣ знать. Въ тихіе солнечные дни ихъ весенніе голоса не

смолкали ни на минуту. Среди отмѣченныхъ ранѣе показались зеленушки (*Chloris sinica*) и полевые жаворонки; послѣдніе и здѣсь своею звонкой въ небѣ пѣсней привлекаютъ сердца любителей природы.

Дальнѣйшій путь экспедиціи шелъ южнѣе дороги Н. М. Пржевальскаго, въ районѣ густого китайскаго населенія, гдѣ красиво распланированныя поля трудолюбивыхъ земледѣльцевъ заполняли собою все видимое по сторонамъ пространство. По многочисленнымъ траншееобразнымъ дорогамъ сновали китайцы и тангуты. Попутныя селенія были сильно разорены послѣднимъ дунганскимъ погромомъ и многія изъ нихъ все еще находились въ совершенномъ запустѣніи, наводя путешественника на грустныя размышленія. О дунганахъ бунтовщикахъ монголы отзываются такъ: „дунгане—не люди“,—помня ихъ безчеловѣчные поджоги камышей, въ которыхъ скрывались кочевники; китайцы же не могутъ подобрать иного названія, какъ „цзэй“, т. е. разбойникъ, воръ, мятежникъ, такъ велика ихъ ненависть къ хуй-хуй'ямъ ¹⁾. Право не вѣрится, когда слышишь рассказы о жестокости дунганъ инсургентовъ, способныхъ, по взятіи извѣстнаго селенія, собрать всѣхъ дѣтей и уложивъ ихъ въ кругъ, составленный изъ матерей, произвести своего рода молотьбу гранитнымъ призматическимъ валомъ, таща послѣдній впряженными быками и лошадьми по головамъ несчастныхъ малютокъ, оглашавшихъ окрестности стономъ. Зрѣлище это еще больше удручало, когда, въ заключеніе варварской забавы, дунгане поднимали нѣкоторыхъ дѣтей на копья, вращая ихъ передъ глазами переживавшихъ ужасъ матерей.

На первой стоянкѣ за Чойбзэн'омъ мы встрѣтились съ г.г. Казнаковымъ и Ладыгинымъ, покончившими дѣла въ Синин'ѣ и Донгэр'ѣ, куда они были командированы мною для переговоровъ съ Сининскимъ Цинь-цай'емъ ²⁾ объ экскурсіи и снаряженіи продовольственнаго транспорта на цѣлый годъ и слѣдовавшими теперь къ условному пункту—въ Чойбзэнъ. Отсюда мы направились вмѣстѣ по знакомой моимъ сотрудникамъ дорогѣ прямо къ Донгэр-тин'у, оставляя болѣе людной городъ Сининъ южнѣе. Мѣстность по-прежнему имѣла волнистый характеръ, постепенно падая отъ сѣвера къ югу. Въ поперечныхъ долинахъ журчали и рокотали ручьи и рѣчки; жителей тѣснилось

¹⁾ Хуй-хуй—дунганинь.

²⁾ Губернаторъ или точнѣе комиссаръ, вѣдающій кочевыми племенами, обитающими въ Кукунурской области, Цайдамъ, а также и въ Северо-восточномъ Тибетѣ.

еще больше и потому было очень не легко отыскать свободное мѣсто для нашего обширнаго бивуака.

По словамъ монахъ сотрудниковъ, они были приняты Сининскимъ Цинъ-цай'емъ очень любезно. Амбанъ на всѣ просьбы экспедиціи старался отвѣтить полной готовностью и, дѣйствительно, сдержалъ свое слово. Благодаря его распоряженіямъ заготовка продовольственнаго транспорта въ Донгэр'ѣ была значительно облегчена, хотя мѣстный начальникъ, повидимому, относился къ моимъ товарищамъ скорѣе холодно, нежели дружелюбно. Точно также и переводчика тангутскаго языка ¹⁾ мы получили изъ Сининскаго ямыня (управленіе), откуда амбанъ снабдилъ экспедицію дополнительнымъ открытымъ листомъ на предстоящій нашъ путь по Кам'у — внутри Тибета; кромѣ того любезность амбаня простерлась дальше нашихъ просьбъ; а именно, выступавшему одновременно съ нами въ означенную мѣстность китайскому посольству было вмѣнено въ обязанность оказывать экспедиціи всякое содѣйствіе. Въ заключеніе Сининскій Цинъ-цай прислалъ мнѣ обычное официальное вѣжливое извѣстіе, въ которомъ предупреждалъ о могущей встрѣтиться непріятности среди непокорнаго племени Н'голок'овъ на Желтой рѣкѣ, и если бы я все-таки не измѣнилъ намѣченнаго маршрута экспедиціи, въ чемъ онъ и не сомнѣвался, то онъ, Цинъ-цай, слагалъ въ такомъ случаѣ съ себя нравственную отвѣтственность.

Города Сининъ и Донгэръ лежатъ въ общей долинкѣ, обставленной мягкими лёссовыми увалами и орошаемой рѣчками обшихъ съ городами названій, которыя составляютъ близъ Синина одну рѣку, вливающуюся справа въ Тэтунгъ, притокъ Хуань-хэ. Сининъ — складочный пунктъ товаровъ и хлѣба, рассылаемыхъ въ мелкіе города, ведущіе мѣновую торговлю съ кочевниками, живущими на обширномъ Амдо'скомъ плато.

Къ юго-западу, верстахъ въ 25-ти отъ Синина, находится большой монастырь Гумбумъ или Ркунъ-бынъ, какъ его называютъ тангуты, насчитывающій въ своихъ стѣнахъ до 3.000 ламъ. Раньше, до перваго дунганскаго возстанія, число служителей монастыря простиралось до 7.000. Номады, пріѣзжая въ города Сининъ и Донгэръ по торговымъ дѣламъ, почти всегда посѣщаютъ и монастырь, оставляя послѣднему щедрія жертвы. Вообще же въ Сининскомъ округѣ большихъ или главныхъ монастырей, которымъ подчинено множество мелкихъ куми-

¹⁾ Въ горахъ Бурханъ-Будда онъ заболѣлъ и былъ отправленъ обратно въ Сининскій ямынь.

рень, семь, считая въ томъ числѣ и указанный Гумбумъ, за которымъ слѣдуютъ — Лабранъ, Ша-чюнъ, Алтынъ-сумэ (Сэр-кугъ)¹⁾, Чойбзэнъ, Хулунъ (Эр-гу-лунъ-сы) и Донгэръ. Во главѣ послѣдняго монастыря стоитъ пожалованный княжескими шарикомъ и печатью, шанцзотба²⁾, одновременно вѣдающей и подчиненными этому монастырю тангутами или какъ ихъ называютъ другіе, сосѣдніе народы, донгэр-ва³⁾. Общее число донгэр-ва простирается до 500 палатокъ, ютящихся въ окрестныхъ городу Донгэр'у горахъ. Донгэр-ва въ значительной степени окитаились; языкъ и одежда ихъ также китайскіе, но еще сохранились тангутскіе обычаи и строгое, сравнительно конечно, исповѣданіе буддизма.

Подобно тому, какъ въ городахъ Сининъ и Донгэръ номады запасаются продовольствіемъ, пришлось и намъ организовать таковой же транспортъ, конечно болѣе сложный, со включеніемъ всевозможныхъ предметовъ, необходимыхъ при коллектированіи звѣрей и птицъ. Годовой запасъ экспедиціи былъ поднять на 25-ти наемныхъ верблюдахъ и въ общей сложности съ другими отдѣлами снаряженія обошелся около двухъ пудовъ серебра.

Такъ какъ гг. Казнаковъ и Ладыгинъ во время пребыванія въ Донгэр'ѣ успѣли ознакомиться въ тоже время и съ ближайшей окрестностью, то мы уже заранѣе рѣшили остановиться бивуакомъ подлѣ кумирни Дацанъ-сумэ⁴⁾, лежащей въ десяти верстахъ къ западу отъ Донгэр'а. Поэтому, въ виду означеннаго города, я распорядился направить караванъ стороною, самъ же, на-легкѣ съ А. Н. Казнаковымъ, поѣхалъ въ Донгэръ съ цѣлью повидаться съ Барунъ-цзасакомъ — правителемъ хошуна въ Восточномъ Цайдамѣ, гдѣ мы имѣли въ виду устроить складъ и метеорологическую станцію экспедиціи. Слышно было, что Барунъ-цзасакъ готовится къ возвращенію домой. Кстати хотѣлось взглянуть и на нашъ транспортъ, долженствовавшій идти въ Восточный Цайдамъ вмѣстѣ съ таковымъ же Барунъ-цзасак'а.

Вѣхавъ въ восточныя ворота города, мы прослѣдовали по главной торговой улицѣ, обставленной большими и малыми лавками и наполненной сынами степей и горъ — съ одной стороны,

1) Оба названія, монгольское и тибетское, значатъ „золотая кумирня“.

2) Шанцзотба —предсѣдатель управленія монастырскими шабинар'ами [крестьянами]. См. Позднѣвъ, „Очерки быта буддійскихъ монастырей“ 1. с. Стр. 166.

3) Дословно это значитъ „жители страны Донгэръ“. Названіе тибетское.

4) Дацанъ по-тибетски значитъ то-же, что сумэ по-монгольски, т. е. кумирня.

монголами и тангутами, съ другой — китайцами и дунганями. Первые являлись продавцами товаровъ. Знакомые товарища любезно раскланивались съ нами, выражая меньшее любопытство, нежели при первомъ здѣсь появленіи А. Н. Казнакова. У западныхъ воротъ, въ подворьѣ, гдѣ всегда останавливаются Цайдамскіе монголы, я встрѣтился съ Барунъ-цзасак'омъ, какъ со старымъ знакомымъ; правитель Восточнаго Цайдама былъ съ семьей и многочисленными подчиненными ему монголами, всегда прїѣзжающими сюда большими караванами. Барунъ-цзасакъ и здѣсь въ городѣ выглядѣлъ такимъ же грязнымъ, лѣшивымъ, неподвижнымъ монголомъ, какъ и у себя дома; въ общемъ онъ мало измѣнился въ тѣ пять лѣтъ, которые истекли со времени моего послѣдняго съ нимъ свиданія. Зато его дочь, тогда еще подростокъ, теперь являла собою вполне сформированную красивую монгольскую княжну, одѣтую по тангутски, съ бросающимися въ глаза серебряными раковинами, нанизанными на ниспадающую по спинѣ шелковую ленту.

Обмѣнявшись съ цзасак'омъ привѣтствіями и выпивъ предложеннаго имъ соленого, жирнаго чая, за которымъ въ общихъ чертахъ выяснился вопросъ о предстоявшемъ нашемъ снаряженіи въ Цайдамъ, мы съ А. Н. Казнаковымъ спѣшно направились вслѣдъ за караваномъ.

Придя въ сосѣдство кумирни Дацанъ-сумэ, мы расположились бивуакомъ немного выше по ущелью, занявъ въ немъ свободную луговую площадку, омываемую съ двухъ сторонъ рукавами рѣчки, шумно катившей кристаллически прозрачную воду. По высокимъ тополямъ держалось много коршуновъ (*Milvus melanotis*), наслаждавшихся любовною игрою. На сосѣднія скалы спускались съ заоблачной высоты снѣжные и бурые грифы, а также усаживались, пролетавшіе вверхъ и внизъ по ущелью, бородатые ягнятники. На противоположномъ берегу скатъ горъ, сохранился, ревниво оберегаемый ламами, лѣсокъ ели и березы, перемежаемыхъ густыми кустарниками. Въ этомъ лѣсу ютились фазаны (*Phasianus Strauchi*) и немного мелкихъ птичекъ; обыкновенно въ ясное тихое утро пернатые издавали свои весенніе ликующіе голоса. Внизу, по сѣрой рѣчной галькѣ, на которой, иныя голенастые птицы едва замѣтны, бродили кулики-серпоклювы (*Ibidorhyncha Struthersii*); тамъ же, усѣвшись на выступъ валуна, мелодично пѣла водяная оляпка (*Cinclus kashmeriensis*), а надъ самой рѣкой порою наблюдалась цапля (*Ardea cinerea*, var. *brag*), изящно проносившаяся плавнымъ, беззвучнымъ полетомъ. Изъ рыбъ мы здѣсь добыли гольцовъ (*Nemachilus Stoliczkae*, var. *leptosoma*).

Небольшая и небогатая кумирья Дацанъ-сумэ подчинена Чойбзэн'скому гэгэну. Она также не избѣгла дунганскаго погрома, послѣ котораго еще долгое время не будетъ въ силахъ подняться до прежняго своего благосостоянія. Служители Дацанъ-сумэ ламы-монголы, которыхъ въ наше время было тридцать человѣкъ. Ближайшимъ покровителемъ этого монастыря намъ называли Кёкёдь-бэйлэ, ставка котораго расположена въ сѣверной части долины Сырхэ-пор'а, хотя и здѣсь въ окрестности монастыря также обитаютъ подчиненные Кёкёдь-бэйлэ монголы числомъ до ста юртъ.

Въ Дацанъ-сумэ удалось произвести астрономическое наблюдение и закончить начатую въ Чортэтанъ почту, чтобы сдать ее въ Сининъ обязательному Цинь-цай'ю лично. Для этой цѣли былъ специально вновь командированъ В. Θ. Ладыгинъ. Пользуясь свободнымъ временемъ и близостью города, мы еще прикупили лошадей, хотя далеко не набрали нужнаго комплекта. Въ общемъ надо замѣтить, что въ Сининскомъ округѣ цѣны на всѣ предметы, въ томъ числѣ и на лошадей, значительно поднялись относительно прежняго времени, когда неоднократно приходилось пополнять запасы экспедиціи въ этомъ самомъ районѣ.

Покинувъ Дацанъ-сумэ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ простились надолго и съ китайской культурой. Впереди лежало занятое кочующими племенами Амдо'ское нагорье, откуда въ теплыя долины Китая часто проникаютъ сильные холодные вѣтры, въ особенности раннею весною. Прослѣдовавъ вверхъ по долинѣ Донгэръ-хэ¹⁾, имѣющей юго-восточное—сѣверо-западное направленіе, мы вскорѣ уклонились къ западу, гдѣ пролегала большая Куку-норская дорога, пересѣкавшая интересные остатки древняго китайскаго города, называемаго монголами Баръ-хото. Преданіе гласитъ, что во времена очень отдаленныя, въ долинѣ Цункутинъ-гол'а, на мѣстѣ Баръ-хото жилъ предокъ Алаша-цинъ-ван'а со своими монголами-торгоутами. Часто враждуя съ сосѣдними номадами, монголы долго не могли тутъ прочно основаться и наконецъ вынуждены были бросить крѣпость и перебраться въ Алашà. Хотя тамъ эти кочевники и пустили глубокіе корни, но много разъ пытались просить богдохана о предоставленіи имъ возможности переселиться въ Илійскій край. Нынѣ, среди слабо сохранившихся признаковъ города, прекрасно уцѣлѣли лишь два каменныхъ пьедестала, на одномъ изъ которыхъ сложено „обо“, а на другомъ покоится каменное же изобра-

¹⁾ Хэ или хо — по китайски рѣка.

женіе звѣря, олицетворяющее собою тигра (баръ), откуда и названіе города — Баръ-хото.

Слѣдующими тремя переходами экспедиція прибыла на рѣчку Ихъ-уланъ-голь. Пройденная мѣстность отливала желтымъ цвѣтомъ прошлогодней растительности, который былъ одинаковъ и по дну широкихъ долинъ и по вершинамъ и бокамъ ихъ мягкихъ уваловъ. Къ сѣверу стояли болѣе грандіозныя горы Нань-шань. Къ югу залегалъ лишь одиночный кряжъ той же системы, однако поднимающійся до 11.530 футовъ надъ морскимъ уровнемъ. Непосредственно же за этимъ кряжемъ разстлалась степная равнина высокаго и, въ это время года, холоднаго Куку-нор'а. На болѣе привѣтливыхъ мѣстахъ скученно жили тангуты со своими большими стадами. По сосѣдству съ этими номадами кочевали и монголы, имѣющіе также тибетскія черныя палатки. Близость тангутовъ и совмѣстное житіе съ ними кладутъ извѣстный отпечатокъ на монголовъ: всѣ они говорятъ по тангутски, одѣваются также одинаково съ ними и я съ товарищами много разъ ошибался, думая, что имѣю дѣло съ тангутомъ, тогда какъ за-частую передъ нами стоялъ добродушный и гостепріимный монголъ; ошибка свободно вкрадывалась еще и потому, что фізіономіи Кукунорскихъ монголовъ много напоминаютъ собою таковыя ихъ близкихъ сосѣдей.

Озеро Куку-норъ, называемое тангутами Цокъ-гумбумъ, а китайцами Цинъ-хай, представляетъ собою величественный, до 350-ти верстъ въ окружности, грушевидной формы водоѣмъ. Абсолютная высота этого озера опредѣляется въ 10.530 футовъ. Съ сосѣднихъ горъ несутся къ нему большія и малыя рѣки, главною изъ которыхъ справедливо считается Бухайнъ-голь, впадающая въ сѣверо-западный уголъ Куку-нор'а.

Изъ темно-синихъ волнъ этого озера красиво выступаетъ его сердце-островъ. Тамъ живутъ пять-семь человѣкъ ламъ-отшельниковъ, отрѣзанныхъ отъ всего окружающаго на семь-восемь мѣсяцевъ, — періодъ, въ теченіе котораго поверхность озера бываетъ открытой и сообщеніе съ островомъ, за немѣніемъ лодокъ, прекращается. Ламы острова живутъ приношеніями паломниковъ, а зимою и сами отправляются за сборомъ подаяній. У отшельниковъ имѣются козы, молоко которыхъ смѣшанное съ соленою водою Куку-нор'а, утоляетъ и жажду, и голодь монаховъ. Относительно этого острова существуетъ слѣдующая легенда. Богъ, принявъ видъ огромной птицы, принесъ сюда въ когтяхъ эту скалу, заткнулъ ею отверстіе, черезъ которое изливалась вода, устре-

мившаяся сюда изъ Лхасы по подземному ходу, и только этимъ путемъ спасъ страну отъ окончательнаго потопленія¹⁾.

Куку-норъ обилень рыбой, которую ловятъ мѣстные монголы, сбывая ее въ ближайшіе города—Сининъ и Донгэръ.

Прибрежная степь Куку-нор'а богата звѣрями и птицами. Среди первыхъ преобладаютъ стада хулановъ (*Asinus kiang*) и антилопъ Пржевальскаго (*Gazella Przewalskii*); не рѣдки также волки, кярсы и зайцы, а пищухи (*Lagomys ladacensis*) даже многочисленны; миллионы этихъ звѣрковъ покрываютъ своими норами не только равнину, но и горную область. Мѣстами луговой покровъ совершенно исчезаетъ, замѣняясь пыльной, разрыхленной почвой, переработанной колоніей пищухъ, гдѣ лошадь на каждомъ шагу проваливается своими копытами и гдѣ поэтому ѣхать рысью весьма затруднительно. Обиліемъ пищухъ обуславливается богатство хищныхъ пернатыхъ; тамъ и сямъ проносятся или сидятъ по холмамъ орлы (*Aquila bifasciata*, *A. clanga*), сарычи (*Buteo et Archibuteo*), сокола Гендерсона и другія. Въ голубой или сѣрой, подернутой облаками, выси кружатся грифы—все три представителя нагорной Азіи. Изъ куриныхъ порою показывались стаями или табунами тибетскіе больдуруки (*Syrrhaptus thibetanus*), перепела (*Coturnix coturnix*) и сѣрая куропатка (*Perdix barbata*). Въ хорошую погоду въ воздухѣ не смолкало пѣніе большихъ и монгольскихъ жаворонковъ (*Melanocorypha maxima et M. mongolica*). Подлѣ норъ пищухъ держались вьюрки (*Onychospiza Taczanowskii*, *Pyrghilauda ruficollis*) и сойки (*Podoces humilis*).

Въ наше пребываніе на озерѣ Куку-норъ поверхность его была свободна отъ льда, хотя у береговъ, равно какъ и по низовьямъ рѣчекъ, питающихъ этотъ огромный замкнутый бассейнъ, держались значительныя скопленія ледяныхъ массъ. Чтобы избѣжать трудныхъ переправъ вблизи озера, наши проводники предложили другую верхнюю, болѣе удобную дорогу, тамъ, гдѣ не было льда и гдѣ русло Бухайнгол'а, разбитое на много рукавовъ, не представляло затрудненій. Мы воспользовались верхней дорогой весьма охотно, тѣмъ болѣе, что тамъ пролегалъ новый, а слѣдовательно и болѣе интересный путь на протяженіи двухсотъ верстъ.

¹⁾ Подробнѣе эта легенда передана у Гюка, см. „Souvenirs d'un voyage“, II, 192, и у Н. М. Пржевальскаго—„Монголія и страна тангутовъ“, I, стр. 279—281. Намъ неоднократно рассказывали ее монголы, причемъ рассказы ихъ лишь въ деталяхъ отличались отъ того, что намъ уже извѣстно изъ книгъ помянутыхъ путешественниковъ.

Погода въ долини Куку-нор'а стояла преимущественно холодная и вѣтреная. Атмосфера затуманивалась то пылью, то облаками, приходившими отъ сѣверо-запада. Днемъ, по временамъ, падала снѣжная крупа; по ночамъ бывали порядочные морозы. Словомъ, весна развивалась крайне медленно. Въ день же прихода на Куку-норъ случилась страшная буря, омрачившая окрестность такими тучами пыли, что буквально въ трехъ—пяти шагахъ ничего нельзя было рассмотреть и за $\frac{1}{4}$ часа передъ тѣмъ ярко-блестѣвшій ледяной покровъ рѣчки Балема ¹⁾, сталъ неотличимъ отъ общаго вида мѣстности; столько лѣссовой пыли нанесло на него. Обыкновенно слѣдующій послѣ бури день отличался хорошею погодой — сравнительнымъ затишьемъ, повышенной температурою, но не всегда прозрачностью атмосферы, такъ какъ пыль поднятая штормомъ, иногда долгое время висѣла въ воздухѣ и солнце представлялось мутнымъ дискомъ.

Всегда по окончаніи бури туземцы энергично разыскиваютъ своихъ, отбившихся отъ стадъ, животныхъ, которыя, забредя далеко, часто попадаютъ на зубы голодныхъ волковъ, стаями рыскающихъ по равнинѣ. Во время прохожденія нашего каравана, мы видѣли много заблудившихся коровъ и лошадей, тревожно подбѣгавшихъ къ нашимъ верблюдамъ, но, понявъ ошибку, бѣжавшихъ дальше; въ одномъ мѣстѣ изъ травяной заросли къ намъ выбѣжалъ барашекъ, радостно блея при видѣ нашихъ барановъ; мы съжалились надъ одинокимъ, безпомощнымъ животнымъ и взяли его въ свой караванъ, гдѣ этотъ красивый барашекъ вскорѣ привыкъ и сталъ нашимъ общимъ любимцемъ. Впослѣдствіи мы его подарили въ стадо нашего пріятеля Цайдамскаго монгола, съ просьбою не убивать нашего „кукунорскаго питомца“.

Вскорѣ послѣ бури мы наблюдали степной пожаръ, жадно истреблявшій сухія прошлогоднія травы. По мѣрѣ сгущенія сумерекъ красно-багровая или ярко-золотистая стѣна пламени выдѣлялась рѣзче и рѣзче; порою она напоминала живую, быстро движущуюся волну, которая, то расширялась и понижалась, то наоборотъ сокращалась и поднималась въ высь, выбрасывая красные языки. По временамъ клубы темнаго дыма скрывали огненные полосы, но затѣмъ яркое пламя снова пробивалось и производило болѣе сильное впечатлѣніе и болѣе эффектный эффектъ. Степной пожаръ свирѣпствовалъ съ ужасающею силою въ теченіе всей ночи, отбрасывая на темное небо свое яркое зарево и ослабѣлъ только къ утру.

¹⁾ У монголовъ подъ словомъ Балема извѣстенъ нашъ, такъ называемый, рогатый скотъ.

Привольныя Кукунорскія степи весьма выгодны для скотоводства своимъ высокимъ положеніемъ надъ моремъ, обуславливающимъ отсутствіе лѣтомъ жаровъ и докучливыхъ насѣкомыхъ, въ связи съ довольно сухимъ вообще климатомъ, обиліемъ соли въ почвѣ, богатствомъ кормовыхъ травъ, отсутствіемъ зимою снѣга, наконецъ, сравнительно ничтожнымъ здѣсь уходомъ за скотомъ. Все это еще съ отдаленныхъ временъ манило кочевниковъ искать въ этой странѣ удовлетвореніе своихъ неприхотливыхъ стремленій. Много разъ Кукуноръ былъ свидѣтелемъ жестокихъ войнъ у помадовъ, оспаривавшихъ право на его владѣніе. Монголы съ сѣвера, тангуты съ юга, подобно могучимъ рѣкамъ, устремлялись съ окрестныхъ горъ въ равнину Кукунор'а и сшибались между собою. Только сравнительно въ недавнее время китайцы своимъ многочисленнымъ войскомъ, и то лишь послѣ цѣлаго ряда неудачъ, положили конецъ жестокимъ распрямъ у кочевыхъ народовъ, хотя и теперь, уже на памяти европейцевъ, пассивная борьба кочевниковъ не прекращается. Болѣе сильные духомъ и тѣломъ южные пришельцы незамѣтно, постепенно тѣснятъ сѣверянъ и становятся, по мѣткому выраженію Н. М. Пржевальскаго, все ббльшими и ббльшими хозяевами этой страны. Только въ одно послѣднее, да и то не полное столѣтіе, цифра монголовъ Кукунорской области съ 20.000 юртъ сократилась до 2.000, тогда какъ число тангутскихъ баньковъ или палатокъ возросло по приблизительному подсчету до 15.000.

Для большей наглядности современной численности Кукунорскихъ монголовъ и тангутовъ привожу данныя, собранныя частью путемъ личнаго наблюденія, частью — при помощи разспросовъ, а также и путемъ выписки изъ книгъ Сининскаго ямыня, Цинь-цай'я.

Начнемъ съ монголовъ.

„Цинь-хай-ванъ“ (цзюнь-ванъ). Этотъ хошунъ, когда-то насчитывавшій въ себѣ болѣе трехъ тысячъ семействъ монголовъ, кочевалъ по рѣчкамъ Дуланъ-голь, Сэрхэ-голь и въ прилежащихъ къ нимъ горахъ. Къ настоящему времени въ немъ едва насчитывается сто тридцать семействъ. Половина ихъ кочуетъ по рѣчкѣ Дуланъ-голь, а половина во главѣ съ ваномъ, по рѣчкѣ Харги, впадающей въ озеро Куку-норъ.

Хошунъ „Кѳкѳдъ-бэйлэ“ по численности населенія раньше сравнивался съ предыдущимъ хошуномъ и кочевья его находились по рѣчкамъ Сэрхэ-голь, Цаца-голь и части Баинъ-голь, а также и въ окрестностяхъ этихъ рѣчекъ. Теперь въ немъ немного болѣе двухсотъ семействъ, кочующихъ по рѣчкѣ Сэрхэ-голь. Тусулакчій или помощникомъ хошуннаго начальника считается дядя самого бэйлэ.

Хошуну „Харакчудь-цзасак'а“ принадлежали кочевья по западной части Южно-Кукунорскаго хребта и по южному берегу Куку-нор'а, а теперь остатки его — тридцать семействъ (прежде было свыше четырехсотъ семействъ) — кочуютъ въ окрестностяхъ озера Далай-дабасу.

Хошунъ „Цзуньгэнь-цзасак'а“ насчитывалъ прежде свыше пяти-сотъ семействъ, кочевавшихъ по юго-восточной части долины Дабасунъ-гоби и въ прилежащихъ къ ней горахъ; теперь хошунъ состоитъ только изъ тридцати — сорока семействъ, кочующихъ близъ кумирни Донгэръ-сумэ.

„Эрхэ-бэйлэ“ хошунъ состоялъ прежде изъ двухъ тысячъ пяти-сотъ семействъ, кочевавшихъ по южному берегу озера Куку-норъ и въ Южно-Кукунорскомъ хребтѣ. Теперь въ этомъ хошунѣ насчитывается всего лишь шестьдесятъ семействъ, кочующихъ въ верховьяхъ рѣчки Цункугэнь-голь.

Хошунъ „Муру-ван'а“ (цзюнь-ванъ) кочевалъ и кочуетъ съ самаго начала по рѣкѣ Тэтунгъ. Прежде въ немъ считалось двѣ тысячи пятьсотъ семействъ, а теперь всего лишь около восьмидесяти.

Хошунъ „Чжунъ-бэйсэ“, состоявшій прежде изъ двухъ тысячъ семействъ, кочевалъ по обоимъ берегамъ рѣчки Чжунъ, впадающей въ озеро Куку-норъ съ сѣвера, и въ прилежащихъ горахъ; теперь въ немъ всего только десять семействъ, живущихъ въ окрестностяхъ города Донгэръ-тинъ.

Хошунъ „Харги-бэйсэ“ раньше кочевалъ по берегамъ рѣчки Харги. Въ немъ насчитывалось свыше тысячи семействъ, сократившихся къ настоящему времени до ста пятидесяти, кочующихъ въ окрестности озера Олунъ-норъ.

Хошунъ „Бухайнъ-гун'а“, насчитывавшій въ себѣ свыше восьмисотъ семействъ, кочевалъ по долинѣ рѣки Бухайнъ-голь. Теперь въ подчиненіи у этого гун'а осталось всего только четыре семейства, живущихъ съ княземъ своимъ подлѣ города Донгэръ-тинъ.

Хошунъ „Холинъ-гун'а“ (онъ же Сэрлу-гунъ) раньше кочевалъ по берегамъ рѣчки Аро-холинъ-голь (Аро-голь). Изъ тысячи семействъ этого хошуна къ настоящему времени осталось только двадцать пять семействъ, кочующихъ подлѣ города Донгэръ-тинъ.

„Шамъ-гун'а“ хошунъ кочевалъ по берегамъ озера Баинъ-норъ, въ верхней части долины Дабасунъ-гоби. Раньше въ немъ числилось до шестисотъ семействъ, изъ которыхъ къ настоящему времени осталось только пятнадцать, живущихъ въ окрестностяхъ все того же Донгэръ-тин'а.

Хошунъ „Цабхагъ-гун'а“ или Дондого-гун'а раньше кочеваль по берегамъ озера Далай-дабасу, въ долину Дабасунъ-гоби; тогда въ немъ числилось свыше пятисотъ семействъ, изъ которыхъ теперь осталось только десять, живущихъ подлѣ Донгэр'а.

Хошунъ „Муру-цзасак'а“, состоявшій прежде изъ трехсотъ семействъ, а теперь — изъ сорока; кочеваль и кочуетъ вмѣстѣ съ хошунемъ Муру-ван'а — по рѣкѣ Тэтунгъ.

„Шарголчжинъ-цзасак'а“ хошунъ (онъ же Дамбо-цзасакъ) состоялъ прежде изъ пятисотъ семействъ и кочеваль по рѣкѣ Тэтунгъ. Теперь у него только четыре семьи, которыя кочуютъ по рѣкѣ Шарголчжинъ, вмѣстѣ съ Курлыкъ-цзасак'омъ.

Хошунъ „Бага-норъ-цзасак'а“, состоявшій изъ двухсотъ семействъ, кочеваль по рѣкѣ Тэтунгъ. Теперь отъ этого хошуна не осталось ничего, кромѣ одной княжеской семьи, живущей подлѣ города Донгэръ-тинъ.

Хошунъ „Торгоутъ-цзасак'а“ не мѣстный, а пришлый съ сѣвера; въ немъ насчитывалось свыше четырехсотъ семействъ, кочевавшихъ въ разбродъ, гдѣ попало, такъ какъ имъ не было отведено постоянныхъ кочевій. Теперь отъ него осталось лишь тридцать семействъ, кочующихъ въ окрестностяхъ Донгэръ-тин'а.

Хошунъ „Халха-цзасак'а“, состоявшій прежде изъ трехсотъ семействъ, кочеваль и кочуетъ по рѣкѣ Тэтунгъ. Въ настоящее время этотъ хошунъ состоитъ всего лишь изъ трехъ семействъ, считая въ томъ числѣ и семью самого князя.

Хошунъ „Цункугъ-цзасак'а“, состоявшій когда-то изъ семисотъ семействъ, теперь едва насчитываетъ шестьдесятъ. Кочеваль и кочуетъ по рѣкѣ Цункугъ-голь (Донгэръ-хэ).

Хошунъ „Чжононь-цзасак'а“, состоялъ прежде изъ двухсотъ семействъ, а теперь въ немъ только тридцать, кочующихъ, какъ и прежде, по Тэтунг'у ¹⁾.

¹⁾ Кромѣ двадцати четырехъ хошуновъ Кукунорскихъ и Цайдамскихъ монголовъ Синин'у подчинены еще четыре хошуна монголовъ-олотовъ, ушедшихъ съ Кукунор'а и поселившихся на нагорья, къ юго-западу отъ монастыря Лабранъ и на извилини въ верхней Хуан-хэ (Рарчжа-гомба и Арчунъ).

Намъ не удалось точно выяснитъ, когда ушли эти хошуны, гдѣ каждый хошунъ кочуетъ и какова численность въ каждомъ изъ этихъ четырехъ хошуновъ. Узнали мы только, что всѣ четыре хошуна „той стороны“ или „отдаленные хошуны“ кочуютъ между Лабран'омъ и Арчун'омъ. Тѣ монголы почти совершенно отангутились, живутъ по большей части въ черныхъ тангутскихъ палаткахъ и говорятъ по тангутски, хотя не совсѣмъ забыли и родной языкъ.

Теперь перейдемъ къ тангутамъ.

Всѣ Кукунорскіе тангуты, подчиненные Сининскому Вань-ши-дачен'ю, раздѣлены на восемь аймак'овъ или па-цзюй. Каждый аймакъ, кромѣ того, дѣлится на нѣсколько мелкихъ аймак'овъ и сумун'овъ (сотень). Главные аймаки управляются поставленными Сининскимъ Цянь-цай'емъ и утвержденными въ наслѣдственности цянь-ху и бэй-ху (монголы называютъ чин-ху и бэй-ху). Мелкія части аймаковъ управляются старшинами, назначаемыми по усмотрѣнію начальниковъ аймаковъ.

Аймакъ „Чамрү“ управляется однимъ цянь-ху. Онъ дѣлится на шесть старшинствъ. Тангуты этого аймака кочуютъ въ горахъ, лежащихъ къ юго-востоку отъ озера Куку-норъ; общая численность ихъ доходитъ до тысячи двухсотъ палатокъ.

Второй аймакъ „Ганца“ управляется также цянь-ху и дѣлится подобно предыдущему на шесть старшинствъ. Населеніе этого аймака лѣтъ сто тому назадъ проживало въ Южно-Кукунорскомъ хребтѣ, откуда перекочевало въ долину рѣчки Харги, гдѣ проживаетъ и по настоящее время въ числѣ около одной тысячи палатокъ.

Слѣдующій аймакъ — „Ванхртакъ“ самый многочисленный, управляется цянь-ху и дѣлится на тринадцать старшинствъ. Его кочевья въ три тысячи палатокъ располагаются на южномъ склонѣ западной части хребта Южно-Кукунорскаго.

Аймакъ „Лхарди“ управляется цянь-ху; дѣлится на три старшинства; обитатели его въ числѣ тысячи пятисотъ палатокъ проживаютъ въ горахъ Амнэ-мачинь.

Пятый аймакъ „Чойчинь“ или „Дэму“, съ населеніемъ въ восемьсотъ палатокъ, кочуетъ къ юго-западу отъ озера Куку-норъ; управляется онъ цянь-ху и дѣлится на четыре сотни (сумунъ).

Слѣдующій аймакъ „Аригъ“ управляется цянь-ху и дѣлится на двѣнадцать старшинствъ; кочуетъ онъ въ числѣ тысячи пятисотъ

Первый—самый большой—хошунъ, говорятъ свыше одной тысячи семействъ, управляется цзюнь-ваномъ по имени Бальчжурь-Рабданъ. Этотъ хошунъ извѣстенъ въ Сининѣ подъ названіемъ „хошунъ вана той стороны“ („тэрэ талаинь вангай хошу“).

Второй — управляется цзасакомъ по имени Цэрень-Дондубъ и называется „Торгоутъ-цзасакъ“.

Третій хошунъ, извѣстный подъ тангутскимъ названіемъ, „Банакъ“, также управляется цзасакомъ, по имени Цэрень-Таръ; и, наконецъ,

Четвертый хошунъ, управляемый цзасакомъ же, носитъ названіе „Рарчжа“; имя цзасака Гомчокъ-Цэбдэнъ.

палатокъ въ окрестностяхъ озера Куку-норъ, въ горахъ, прилежащихъ къ этому бассейну съ юга.

Предпоследній аймакъ „Душу“ численностью въ одну тысячу палатокъ, кочующихъ въ томъ же Южно-Кукунорскомъ хребтѣ, управляется бэй-ху и дѣлится на два старшинства.

Последній—аймакъ „Ранганъ“ также управляется бэй-ху и дѣлится на пять сотенъ (сумун'овъ). Сравнительно немногочисленное населеніе этого аймака, всего около трехсотъ палатокъ, ютится въ горахъ между озерами Куку-норъ на сѣверѣ и Тосо-норъ на югѣ. Цайдамскіе монголы ругаются словомъ „ранганъ“, подѣ которымъ у нихъ извѣстны всѣ вообще Кукунорскіе тангуты.

Два аймака—Лхарди и Аригъ извѣстны у китайцевъ подѣ кличкою „старыхъ тангутовъ“, а остальные шесть—„новыхъ тангутовъ“.

Кромѣ этихъ восьми аймаковъ тангутовъ, существуетъ въ Сининскомъ округѣ еще шесть аймаковъ смѣшаннаго населенія тангутовъ и монголовъ, выходцевъ изъ Кукунорской области, подчиненныхъ цзасакъ-ламѣ, извѣстному также подѣ названіемъ Цаганъ-номунъ-хан'а и проживающему въ монастырѣ Шини-хитъ. Цзасакъ-лама имѣетъ княжеское достоинство и княжескую печать. Всѣ шесть аймаковъ расположены между городами Донгэръ-тинъ и Синь-ченъ, а также въ окрестностяхъ монастырей и города Му-байшинъ.

Одинъ изъ этихъ шести аймаковъ, въ которомъ больше монголовъ, дѣлится на четыре сумун'а и извѣстенъ подѣ названіемъ „Аригъ-дабджи“.

Цаганъ-номунъ-ханъ или Шабранъ-гарба, какъ его зовутъ тангуты, хубилганъ седьмого перерожденія, въ прежнія времена жилъ въ одномъ изъ монастырей верхней долины Желтой рѣки — Шабранъ-гарбаинъ-хитъ, откуда на четвертомъ перерожденіи за свою строго-подвижническую жизнь, благодаря настоятельной просьбѣ Кукунорскихъ тангутовъ и монголовъ передъ богдоханомъ, былъ переведенъ въ долину Донгэръ-хэ. Здѣсь святитель первое время служилъ въ походномъ храмѣ — юртѣ, но лѣтъ пятнадцать тому назадъ перешелъ въ монастырь Шини-хитъ или Халха-Лабранъ, названный такъ въ честь основателя этого монастыря, ламы, выходца изъ Халхи, Цзасакту-ханскаго аймака. Святитель этотъ въ настоящемъ седьмомъ перерожденіи состоитъ роднымъ братомъ Чойбзэнскаго гэгэн'а.

По долиинѣ Донгэръ-хэ проживаютъ также монголы хошуна Бичиханъ-гуна, прикочевавшіе сюда съ Бухайнъ-гол'а лѣтъ около пятидесяти тому назадъ. Къ настоящему времени когда-то многочисленное

и богатое населеніе Бичиханъ-гуна спизошло до шестидесяти небогатыхъ юртъ, да и то на половину принадлежащихъ дунганамъ. Последніе пришли сюда изъ Восточнаго Туркестана въ числѣ двадцати семействъ одновременно съ монголами-олѣтами, покинувшими Илійскій край, добровольно подчинились Бичиханъ-гуну и обзавелись подобно монголамъ юртами; одѣвались дунгане, какъ и продолжаютъ одѣваться теперь, также по монгольски, усвоивъ себѣ въ тоже время и монгольскій языкъ; вѣру же удержали магометанскую, какъ равно и обычаи жениться или выдавать замужъ, ограничиваясь кругомъ своихъ собратьевъ.

Самые отдаленные на сѣверѣ тангуты того же Сининскаго округа, кочуютъ въ верховьи Тэтунг'а, вблизи Юнь-нань-ѣ-фан'я, въ числѣ, судя по свѣдѣніямъ изъ ямыня, шестисотъ пятидесяти палатокъ. Начальникомъ надъ этими тангутами считается Арыкъ-цянь-ху, пожалованный китайскимъ правительствомъ краснымъ шарикомъ.

Изъ приведенныхъ данныхъ о кочевникахъ Куку-нор'а нельзя не придти къ заключенію, что озеро Цокъ-гумбумъ или Куку-норъ фактически перешло во власть тангутовъ, образовавшихъ на его привольныхъ берегахъ тѣсно-сплоченное кольцо. Дѣйствительно, путешествующему по этимъ мѣстамъ европейцу приходится встрѣчаться почти исключительно съ одними угрюмыми тангутами, готовыми при каждомъ удобномъ случаѣ поживиться на счетъ проходящаго каравана. Особенно тяжело въ этомъ отношеніи приходится трусливымъ монголамъ, которые, во избѣжаніе непріятныхъ послѣдствій, стараются проѣзжать по области Куку-нор'а большими партіями, держащими по ночамъ караулы.

На нашъ большой, прекрасно вооруженный караванъ, тангуты всегда смотрѣли съ завистью, а на насъ лично съ какой-то затаенной злобой. Тангутъ далеко не похожъ на остальныхъ обитателей Центральной Азіи, привыкшихъ въ большей или меньшей степени слѣпо повиноваться своимъ завоевателямъ; въ тангутѣ рѣзко обнаруживаются гордость, заносчивость и сознаніе своего превосходства. Вскормленный и выросшій среди свободной, привольной и дикой обстановки, всегда на конѣ и въ боевой готовности, онъ рано привыкаетъ смотрѣть въ глаза смерти, усваивая привычку одерживать побѣды. Европейецъ же даетъ понять тангуту свое неизмѣримое превосходство, чего эти гордые номады уже не могли не признать со времени появленія сюда такого человѣка, какъ покойный Н. М. Пржевальскій. Такъ или иначе, но каждая послѣдующая европейская экспедиція наводитъ тангутовъ на

очень грустныя думы. При появленіи нашего каравана тангуты выражали опасенія и старались держаться не замѣченными, въ сторонѣ; съ своей стороны и мы, не видя въ тангутахъ добродушныхъ, открытыхъ и гостепріимныхъ кочевниковъ, относились къ нимъ крайне недоувѣрчиво, хотя при случайныхъ близкихъ встрѣчахъ съ Кукунорскими тангутами у насъ съ ними завязывались хорошія отношенія.

До сего времени у меня хорошо сохранилась въ памяти общая ночевка съ тангутами на сѣверномъ берегу Куку-нор'а, когда нѣсколько человекъ этихъ кочевниковъ, исключительно мужчинъ, явились къ намъ на бивуакъ, притащивъ съ собою въ подарокъ намъ барана. Въ отвѣтъ тангутамъ на ихъ любезность мы приняли ихъ также по человѣчески, одарили деньгами, а немного позднѣе, по уходѣ ихъ къ себѣ домой, посѣтили и ихъ стойбище, гдѣ уже хлопотали съ приготовленіемъ чая двѣ тангутскія женщины. Изъ разговора съ тангутами я узналъ, что одна изъ этихъ женщинъ годъ тому назадъ совершила романическій побѣгъ съ молодымъ тангутомъ, теперь же, прощенная родителями, бѣглянка съ честью направлялась въ домъ своего мужа. Чтобы еще болѣе закрѣпить хорошія отношенія, я, по возвращеніи къ себѣ на бивуакъ, послалъ молодой тангуткѣ кое-какіе подарки ¹⁾. Какъ оказалось потомъ, такое наше обхожденіе съ тангутами произвело среди этихъ своенравныхъ обитателей Куку-нор'а хорошее впечатлѣніе.

Свадьбы у Кукунорскихъ тангутовъ устраиваются слѣдующимъ образомъ: родители, имѣющіе сына, хотя бы даже не старше шестнадцати лѣтъ, задумавъ его женить, отправляются въ сопровожденіи одного почтеннаго старика въ домъ облюбованной ими дѣвушки, везя ея родителямъ тушу свѣже-убитаго барана, отъ пяти до десяти посуды китайской водки и нѣсколько хадаковъ. Если отецъ и мать дѣвушки выразятъ свое согласіе, то пріѣзжіе дарятъ и угощаютъ ихъ, въ противномъ случаѣ родители молодого человѣка возвращаются домой обиженными, увозя съ собою все привезенные ими предметы.

Получивъ же согласіе, родители жениха посылаютъ того же старика справиться о размѣрѣ выкупа невѣсты. Надо замѣтить, что въ обычаѣ Кукунорскихъ тангутовъ вносить за невѣсту калымъ или выкупъ, представляющій три степени или разряда. Выкупъ перваго разряда состоитъ изъ пятидесяти головъ рогатаго скота и лошадей, пятисотъ барановъ и трехъ большихъ, около пятидесяти ланъ вѣсомъ,

¹⁾ Ножницы, зеркальце и пачку различныхъ величинъ иголокъ.

(стоимостью на наши деньги до ста рублей) китайскихъ ямбъ серебра; выкупъ втораго разряда представляетъ половину означеннаго имущества и денегъ, а выкупъ низшаго разряда — одну треть.

Порѣшивъ относительно размѣра выкупа, родители жениха, черезъ опредѣленный срокъ, обращаются къ ближайшему ламѣ съ просьбою указать имъ счастливый день для доставленія самого выкупа и, согласно ламскаго отвѣта, предупреждаютъ, черезъ того же старика, родителей невѣсты о своемъ прїѣздѣ къ нимъ. Оповѣщенные объ этомъ отецъ и мать невѣсты заблаговременно приглашаютъ на празднество своихъ родныхъ и друзей, которыхъ собирается, смотря по достатку домовъ жениха и невѣсты, 50—200 и болѣе человекъ.

Въ назначенный ламою день, женихъ съ своими родителями, въ сопровожденіи 7—40 человекъ ближайшихъ родственниковъ и знакомыхъ, среди которыхъ должно находиться не менѣе четырехъ женщинъ, прїѣзжаетъ своимъ караваномъ въ домъ невѣсты; послѣдняя однако въ этотъ день находится внѣ родительскаго дома, у кого-либо изъ родныхъ. Съ прїѣздомъ жениха праздникъ открывается во всю ширь; привезенное имъ угощеніе, примѣрно 5—15 бараньихъ тушъ, 30—100 трехфунтовыхъ посудинъ китайской водки и нѣсколько кусковъ сыру поступаетъ на столъ собравшихся гостей, которыхъ женихъ съ своими родителями даритъ вдобавокъ хадаками.

Послѣ пиршества родители жениха и невѣсты, уже совместно обращаются къ ламамъ съ цѣлью узнать день, въ который невѣста могла бы счастливо прїѣхать въ домъ жениха. Согласно второму пророчеству ламъ, отецъ и мать съ своею дочерью невѣстой отправляются въ домъ зятя, имѣя при себѣ компанію родныхъ и знакомыхъ, состоящую преимущественно изъ женщинъ. Въ домѣ зятя собравшимся гостямъ предлагается угощеніе, по прежнему обѣими сторонами. Этимъ свадебный праздникъ и оканчивается.

Спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы, новожены прїѣзжаютъ въ домъ отца молодой, привозя съ собою также угощеніе. Теперь уже тестъ съ своей стороны даетъ за дочерью приданое, въ большинствѣ случаевъ, превышающее раза въ два выкупъ доставленный зятемъ, что вызываетъ со стороны народа похвалу и одобреніе. Другое дѣло, если тестъ одаритъ зятя въ равной мѣрѣ, послѣдній остается очень недоволенъ и считаетъ себя въ правѣ упрекнуть своего новаго родственника въ чрезмѣрной скупости.

Говоря вообще, тангутская свадьба, совершаемая со всѣми указанными церемоніями, крайне тяжела для родителей той и другой

стороны, въ особенности для людей съ малымъ достаткомъ. Вотъ эта-та причина главнымъ образомъ и вынуждаетъ бѣдняковъ прибѣгать къ воровству или умыканію невѣсть, какъ это мы имѣли случай видѣть у встрѣченныхъ нами тангутовъ. У Кукунорскихъ тангутовъ, подобно тому какъ и у ихъ тибетскихъ собратьевъ, практикуется полиандрія; жена старшаго брата одинаково распредѣляетъ свои ласки и между его младшими братьями, дѣля ложе со всѣми ими.

Вернемся снова къ прерванному разсказу о самомъ путешествіи.

Оставивъ Куку-норъ 29-го марта, экспедиція направилась маршрутомъ болѣе приближеннымъ къ подножью Нань-шан'я, по той части долины, гдѣ ровная степь переходитъ въ волнистую, не измѣняя своего растительнаго покрова; измѣняется лишь ровный колоритъ степи, нарушаемый тутъ черными пятнами, выжженныхъ степнымъ пожаромъ, участковъ. При подъемѣ на вершины уваловъ частенько открывалась обширная голубая гладь Куку-нор'а, на которой рѣзко выдѣлялись не только главный, но и второстепенные острова. Порою вдали къ югу видѣлся Южно-Кукунорскій хребетъ.

Рѣка Бухайнъ-голь, черезъ которую мы благополучно переправились на четвертый день по оставленіи Куку-нор'а, несла очень немного воды, вмѣщавшейся въ одномъ каменистомъ руслѣ; въ лѣтнее же время здѣсь образуется сѣть рукавовъ настолько переполненныхъ водою, что переправа не всегда бываетъ возможной. Общій видъ мѣстности оставался прежнимъ; на дальнѣйшемъ пути по лѣвому берегу Бухайнъ-гол'а, мы встрѣтили въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи умирающее озеро Тэгинъ-норъ.

Тотчасъ за Бухайн'омъ поднимается Южно-Кукунорскій хребетъ, достигнувъ сѣверныхъ предгорій котораго, мы расположились бивуакомъ при отличномъ урочищѣ Кундулюнъ. Здѣсь залежали еще лучшія и болѣе привольныя пастбища, нежели въ близкомъ сосѣдствѣ съ оставленной нами рѣкою, гдѣ тѣснились стойбища тангутовъ. Кругомъ же нашего бивуака, паслись на привольи стада хулановъ и антилопъ; въ ближайшихъ ущельяхъ горъ только-что проснувшіеся медвѣди начинали бродить по оттаивавшимъ долинамъ, разрывая землю съ цѣлью добыть любимые корни. Въ такомъ хорошемъ мѣстѣ мы прожили два дня, въ теченіи которыхъ намъ удалось пополнить маммологическую коллекцію прекрасными шкурами антилопъ и хулановъ; попался также и тибетскій медвѣдь.

Южно-Кукунорскій хребетъ можетъ считаться діагональной связью горъ Нань-шан'я съ Кунъ-лун'емъ. Общее направленіе этого хребта

тянется отъ сѣверо-запада къ юго-востоку; мѣстами горы широко расплываются, дробясь на нѣсколько цѣпей, раздѣленныхъ долинами. Сѣверный склонъ горъ уже, южный наоборотъ — шире. Скалистый гребень хребта поднимается выше 14.000 футовъ абсолютной высоты. Верхній поясъ его богатъ альпійскими лугами, средній изобилуетъ кустарниками, а нижній — степной травянистой растительностью. Въ горахъ много большихъ и малыхъ пещеръ; однѣми пользуются пастухи, другими медвѣди-пищуходы, въ особенности въ періодъ зимней спячки.

Оставивъ урочище Кундулюнь, экспедиція двумя переходами прибыла въ кумирню Дуланъ-хитъ. Хребетъ Южно-Кукунорскій мы перевалили въ его пониженной до 12.630 футовъ надъ уровнемъ моря, сѣдловинѣ. Мѣсто прохода называется тангутами Ганчжуръ-нѣха, а монголами Нукиту-дабанъ. Означенный переваль, по обыкновенію, имѣетъ сошкообразное обо. Спускъ и подъемъ отличные. Южнѣе перевала среди долины стоитъ отдѣльная скалистая горка, которая чтится номадами какъ большая святыня и известна имъ подъ названіемъ Ганчжуръ-чулу ¹⁾. Съ западной стороны, скрытно отъ дороги, устроенъ входъ, сложенный изъ мастерски обтесанныхъ плитъ, форма которыхъ напоминаетъ книги, откуда и названія Ганчжуръ (сочиненія состоящаго изъ 108-ми томовъ). Этимъ входомъ можно проникнуть въ огромную пещеру, гдѣ голосъ человѣка звучитъ какъ въ опустѣломъ храмѣ. По словамъ, сопровождавшихъ насъ, тангутовъ и монголовъ, этотъ религіозный памятникъ очень древній. Преданіе гласитъ, что нѣкій царь Гэсуръ-богдо, теперь святой, лѣтъ около тысячи тому назадъ, срѣзавъ у перевала его восточную вершину и перенесъ сюда отрѣзокъ. По устройствѣ пещеры святой въ ней поселился. Въ плоско-вершинной горѣ номады до сихъ поръ усматриваютъ скалу, съ которой была срѣзана Ганчжуръ-чулу, а въ разбросанныхъ по сторонамъ осколкахъ камней — щебенъ, образовавшійся при работѣ Гэсуръ-богдо.

При посѣщеніи этого памятника наши спутники-монголы совершали молитвы, а одинъ изъ нихъ, сбросивъ съ своихъ плечъ шубу, пролѣзъ въ оставленное у передней стѣны боковое отверстіе, помимо главнаго широкаго входа. Совершивъ рядъ такъ называемыхъ круговращеній, т. е. хожденій по солнцу вокругъ горки и пролѣзаній

¹⁾ Объ этой горкѣ, находящейся въ ней пещерѣ и связанныхъ съ нею преданіяхъ и суевѣріяхъ, см. переведенное А. М. Позднѣвымъ „Сказаніе о хожденіи въ Тибетскую страну Мало-дѣрбѣтскаго Ваза-бакши“. СПб. 1897. Стр. 174.

черезъ помянутыя отверстія съ прочтеніемъ подобающихъ молитвъ, вѣрующій буддистъ, по мнѣнію монголовъ, получаетъ крѣпость тѣлесную и долголѣтность.

Прослѣдовавъ внизъ по ущелью около 15-ти верстъ среди массивныхъ горъ, убранныхъ древесной растительностью (*Juniperus Pseudo-sabina*), экспедиція достигла озера Цаганъ-норъ. Последнее мелководное, узкое, вытянуто отъ сѣверо-запада къ юго-востоку и представляетъ соленый водоёмъ, окружностью до 12-ти верстъ; наибольшая ширина

Амитабха въ Сукавати
(небесной его обители).

его около версты ¹⁾. Озеро питается рѣчками сосѣднихъ горъ, которыя лишь въ лѣтнее время несутъ большее или меньшее количество воды; у сѣвернаго берега имѣется кромѣ того отличный родникъ, сильно бьющій прозрачной водой. Въ эту пору года—4-го апрѣля—посрединѣ озера лежала толща льда; вокругъ нея волновались открытыя воды, на которыхъ виднѣлись многочисленныя стаи плавающихъ пернатыхъ.

¹⁾ Абсолютная высота Цаганъ-нор'а опредѣлилась барометромъ въ 10.790 фут.

Тутъ были замѣчены: индѣйскіе и сѣрые гуси, турпаны, нѣсколько видовъ утокъ, а вечеромъ, при косыхъ лучахъ погасавшаго солнца, дивно освѣщавшихъ зеркальную гладь Цаганъ-нор'а, красиво колыхались на его темно-голубыхъ волнахъ бѣлоснѣжныя лебеди. Всю весеннюю ночь доносились съ озера крики приметныхъ гостей; особенно шумнымъ нарушителемъ тишины въ горахъ былъ турпанъ (*Casarca rutila*).

Оставивъ Цаганъ-норъ и пройдя у скалъ, ниспадавшихъ къ его сѣверному берегу, мы вскорѣ затѣмъ миновали слабо выраженный

Одинъ изъ Намсараевъ
(Куберь — богъ богатствъ).

водораздѣлъ Цаганъ-нор'а и впереди лежавшаго озера Сѣрхэ-норъ. Ущелье, ведущее въ Дуланъ-хитъ, имѣетъ большое паденіе. Рощи ели и можжевельоваго дерева попадались все чаще и чаще. Открылось наконецъ и то, лучшее въ этомъ районѣ, ущелье Усу-экинъ-карагайту, въ которомъ я въ предыдущее путешествіе провелъ болѣе недѣли, знакомясь съ животнымъ міромъ Южно-Кукунорскаго хребта. Здѣсь же, поблизости, мы вышли на нижнюю Кукунорскую дорогу и вскорѣ достигли Дуланъ-хит'а.

Эта монгольская кумирня, покровительствуемая Цинъ-хай-ван'омъ, проживавшимъ въ данное время на берегу Куку-нор'а, выглядѣла всегда бѣдной, а послѣ разграбленія ея въ 1895-мъ году дунганамн, представляетъ развалины. По словамъ мѣстныхъ ламъ, бунтовщики убирали сѣдла своихъ лошадей лучшими бурханамн, писанными на шелку; старые же, какъ ненужные, попирали ногами.

Въ бѣдныхъ глиняныхъ лачугахъ, окружающихъ развалины кумирни, проживали жалкіе монголы, у которыхъ намъ удалось кушить лѣсного матеріала на постройку метеорологической будки въ Цайдамъ. Лѣсъ здѣсь дорогъ, не смотря на его обиліе и близость. Своими средствами мы добыли нѣсколько сухихъ бревешекъ въ ближайшемъ ущельи, а за двадцать небольшихъ высушенныхъ досокъ принуждены были заплатить монголамъ почти двадцать рублей. Ламы разоренной кумирни съ своей стороны предложили намъ въ даръ нѣсколько экземпляровъ писанныхъ, золоченыхъ бурхановъ, за которые мы также щедро заплатили.

Теперь намъ предстоялъ уже знакомый путь до Восточнаго Цайдама, видъ на который загорживается впереди лежавшими горами Сарлыкъ- и Тымэртынъ-ула ¹⁾, замыкающими съ юга глубокою солончаковую долину Сэрхэ-нор'а. Въ этой долинь, занятой когда-то однимъ большимъ водоемомъ, нынѣ покоится рядъ соленыхъ озеръ, заканчивающихся на западѣ Тосо-нор'омъ, въ хошунѣ Курлыкъ. Мы прошли между восточными озерами — Дуланъ- и Сэрхэ-норъ, связанными между собою рѣчкой — горломъ — Нуринъ-холъ ²⁾. Послѣдняя, небольшая — до восьми сажень ширины, при глубинѣ въ два-три фута, но имѣвшая топкое, илистое дно, — доставила намъ порядочное затрудненіе при переправѣ. Почти каждаго верблюда приходилось проводить отдѣльно и передъ выходомъ его на противоположный берегъ, дружно хватать за вьюкъ и вытаскивать животное изъ грязи. Однако въ теченіе одного часа мы благополучно закончили переправу и продолжали путь къ ключу Дамъ-намык'у, отстоявшему въ восьми верстахъ отъ Нуринъ-хол'а. Отсюда, съ высоты, пройденная долина открывалась во всю ширину, но еще полнѣе картина получилась на слѣдующій день, когда мы поднялись къ подножью Сарлыкъ-ула, откуда виднѣлись

¹⁾ Объ этихъ горахъ см. въ моемъ трудѣ о предыдущемъ путешествіи: „Труды экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Центральной Азіи, совершенной въ 1893 — 1895 г.г. подъ начальствомъ В. И. Роборовскаго. Часть II. Отчетъ помощника начальника экспедиціи П. К. Козлова“. С.-Петербургъ. 1899. Стр. 225, 226, 233 и 234.

²⁾ Холъ — въ переводѣ значитъ — горло.

ближайшіе къ намъ выступы Нань-шан'я, красиво отражавшаго свои вершины на лонѣ зеркальной поверхности оставленныхъ озеръ.

Прослѣдовавъ тѣснымъ ущельемъ въ горахъ Сарлыкь-ула, въ верхнемъ поясѣ убѣленныхъ снѣгомъ, и поднявшись на глинистыя высоты, образуемая южными второстепенными холмами, мы увидѣли на югѣ въ туманной дали хребетъ Бурханъ-Будда ¹⁾, протянувшійся длиннымъ величественнымъ валомъ съ востока на западъ. Въ тонкой пыльной дымкѣ мутновато виднѣлись снѣга, еще плотно укрывавшіе верхній поясъ горъ.

Мысль невольно перенеслась за этотъ порогъ Тибета, гдѣ исполненной скатертью развертывается высокое суровое нагорье, дающее пріютъ оригинальнымъ представителямъ животнаго царства. Тамъ должна была быть сосредоточена предстоящимъ лѣтомъ наша дальнѣйшая дѣятельность... Что ожидаетъ насъ далеко впереди? поможетъ ли намъ счастье также успѣшно поработать въ завѣтной странѣ, какъ это удалось сдѣлать въ Алтаѣ и въ Центральной Гоби? — вотъ вопросы, неотвязно стоявшіе въ моемъ воображеніи при видѣ убѣленныхъ природою вратъ Тибета...

Отсюда же открывался видъ и на равнину Цайдам'а. Сдѣлавъ въ этотъ памятный день—день православной Св. Пасхи—9-го апрѣля очень утомительный переходъ въ 40 верстъ, мы добрались до начала обширныхъ болотъ Далынъ-тургыньи среди песчаныхъ холмовъ, одѣтыхъ камышемъ и пріютившихъ небольшую площадку воды, имѣли праздничную стоянку. Сохраняя традиціи своего незабвеннаго учителя, я похристовался съ людьми экспедиціоннаго конвоя, давъ каждому вмѣсто краснаго яйца по золотому. Въ окрестныхъ бивуаку ключахъ водилось множество гольцевъ (*Nemachilus Stoliczkae*).

Дальнѣйшій путь поперекъ Восточнаго Цайдам'а былъ крайне затруднителенъ, по причинѣ растворившихся болотъ этой солончаковой страны; въ то же время онъ и удлинялся, такъ какъ часто приходилось дѣлать круговые обходы. Не только долина Баянъ-гол'а, но и всѣ прилежація котловинки выдѣляли красноватую соленую влагу.

¹⁾ О происхожденіи этого названія см. Н. М. Пржевальскій. „Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи“. Стр. 149—150. По Рокхиллю (W. Woodville Rockhill, *The Land of the Lamas*. London 1891, p. 139, note 2), хребетъ, названный Пржевальскимъ Бурханъ-Будда, на самомъ дѣлѣ не имѣетъ названія. Именемъ Бурханъ-бота (*Burhan-bota*), что значитъ по объясненію Рокхилля „Котель Будды“, называется только проходъ, по которому идетъ одна изъ дорогъ, ведущихъ изъ Цайдам'а въ Камъ. Эта дорога называется, судя по Ваза-бакша (см. его Сказаніе I. с. стр. 179), „Бурханъ-бӯддѣйнъ-пѣзмъ“.

По такимъ мѣстамъ, въ особенности же по озеркамъ, окаймленнымъ камышемъ, держалось много плавающихъ и голенастыхъ птицъ, изъ которыхъ порядочное количество остается здѣсь на брачный періодъ и гнѣздове.

Наиболѣе привѣтливимъ мѣстечкомъ на пути къ ставкѣ Барунъ-цзасака было урочище Цзуха, гдѣ мы добыли новый видъ гольца (*Nemachilus altipinnis*); среди же прочихъ рыбъ какъ здѣсь, такъ и въ ближайшей, и болѣе далекой окрестности, чаще другихъ попадались изъ гольцевъ *N. kungessanus*, *N. Stoliczkae* и *N. dorsonotatus*, а изъ карповыхъ или маринокъ — *Schizopygopsis thermalis*. Весенній пригрѣвъ солнца въ Цайдамѣ ощущителенъ: появилась свѣжая зелень, въ тихое время дня въ воздухѣ летали комары, по землѣ бѣгали пауки, и проснувшіяся ящерицы показывались изъ своихъ норокъ. Въ камышахъ отъ зари до зари слышалось оригинальное токованіе мѣстнаго фазана (*Phasianus Vlangalii*) и не смолкали голоса гусей, утокъ, черношейныхъ журавлей, лысухъ и множества куликовъ-улитовъ.

Изъ постоянной боязни тапгутовъ, нерѣдко напоминающихъ о себѣ воровскими наѣздами, кочевники-монголы группировались въ широкія, многолюдныя стойбища.

14-го апрѣля экспедиція, наконецъ, достигла хырмы (хырма — укрѣпленіе) Барунъ-цзасака и расположилась внутри ея глиняныхъ стѣнъ бивуакомъ. Здѣсь мы устроили метеорологическую станцію. Положеніе хырмы Барунъ-цзасака было обстоятельно опредѣлено астрономически; географическія координаты этого пункта получились изъ цѣлаго ряда полныхъ наблюденій и въ передній и въ обратный путь экспедиціи; изъ этихъ наблюденій выведено: сѣверная широта $36^{\circ} 10' 55''$, восточная долгота отъ Гринвича $97^{\circ} 21' 47''$; абсолютная высота хырмы 9.380 футовъ.

Ближайшая окрестность метеорологической станціи выглядитъ крайне печально, въ особенности въ зимнее время. Кругомъ, по сторонамъ, сплошь покрываетъ собою глинистую поверхность довольно высокій кустарникъ — хармыкъ (*Nitraria Schoberi*). Къ сѣверу, по направленію къ рѣкѣ Баянъ-гол'у, мѣстность едва замѣтно падаетъ, къ югу, наоборотъ, постепенно повышается, смѣняя верстъ черезъ пять густой растительный покровъ обнаженною каменистою пустыней, простирающейся еще на 20—25 верстъ по направленію къ горамъ. Послѣднія, не смотря на свои колоссальные размѣры, не всегда были видны отъ хырмы, въ особенности во время вѣтровъ и бурь, наполняющихъ

воздухъ густою пылью. Значительно отрадиѣе становится здѣсь, какъ и вездѣ, весной или въ началѣ лѣта, когда общій сѣрый, удручающій тонъ пейзажа переходитъ въ ласкающій глазъ яркозеленый цвѣтъ и когда монотонная тишина начнетъ нарушаться голосами пролетныхъ птицъ.

Въ этой же хырмѣ Барунъ-цзасакъ а былъ организованъ и складъ коллекцій и багажа, необходимаго на обратный путь экспедиціи. Мѣстный князь, мой старый знакомый, не имѣлъ данныхъ выразить по этому поводу какого либо протеста на томъ основаніи, что ему было предписано изъ Синнича объ оказаніи экспедиціи полного содѣйствія какъ относительно пребыванія въ Цайдамѣ, такъ равно и по снаряженію въ дальнѣйшій путь. Для экспедиціи было отведено двѣ кладовыхъ-землянки или фанзы, въ одной изъ которыхъ помѣстился наблюдатель станціи унтеръ-офицеръ Муравьевъ, имѣя подлѣ себя барометръ, анерондъ, часы обыкновенные, часы Флеше и журналы для записей; въ другой же фанзѣ было сложено имущество экспедиціи.

Метеорологическая будка, матеріаль для которой мы привезли на вьюкахъ за двѣсти верстъ, опиралась восточною стороною на глиняную стѣнку, западную же на деревянные столбы. Болѣе правильной установкѣ будки мѣшало отсутствіе прочныхъ столбовъ, безъ которыхъ періодическія бури могли бы сорвать наше сооруженіе. Надъ будкой, которая выдѣлялась своею высотой надъ общими постройками укрѣпленія, въ свою очередь, возвышались два флюгера и русскій бѣло-синне-красный флагъ. Сѣверная сторона будки, во избѣжаніе залета птицъ и могущихъ пронзойти отъ того неприятныхъ послѣдствій, была забрана на подобіе рѣшетки. Въ будкѣ находились слѣдующіе инструменты: термометры сухой и мокрый, волосяной гигрометръ, термометры минимальный и максимальный. Означенные инструменты были укрѣплены въ деревянной рамкѣ, расположенной въ восточно-западномъ направленіи; съ задней или сѣверной стороны рамка была обтянута тонкой и рѣдкой кисеей. У подножья столбовъ будки, съ южной стороны, въ деревянномъ ящикѣ-футлярѣ былъ погруженъ въ землю на должную глубину термометръ для опредѣленія температуры почвы. Дождемѣръ устанавливался на столбѣ, по сосѣдству съ будкой, и для безопасности былъ огражденъ по сторонамъ плетнемъ.

На юго-западъ отъ хырмы, въ разстояніи одной версты, залегали невысокіе холмы песковъ, гдѣ, по временамъ, наблюдалась температура ихъ поверхности. Примѣрно въ два раза большемъ разстояніи

къ сѣверу, имѣлись ключевые родники, изъ которыхъ добывали воду для питья. Температура этихъ ключей иногда также опредѣлялась и заносилась въ журналъ.

Лучшій человѣкъ отряда экспедиціи, Муравьевъ, въ теченіе почти годового срока по дорогѣ въ Цайдамъ, обучался мною метеорологическимъ наблюденіямъ, обхожденію съ инструментами и отсчетамъ ихъ показаній. Полюбивши это занятіе съ перваго дня моихъ съ нимъ упражненій, и глубоко цѣня оказанное ему довѣріе, Муравьевъ всею душою отдался метеорологіи и сумѣлъ добросовѣстно выполнить не только обычныя ежедневныя періодическія (въ 7 часовъ утра, въ 1 часъ дня и въ 9 часовъ вечера) наблюденія, но даже справиться въ теченіе четырехъ, удачно расположенныхъ мѣсяцевъ съ часовыми наблюденіями, производившимися отъ 7 часовъ утра до 9-ти вечера.

При складѣ въ Цайдамѣ мною были оставлены, кромѣ Муравьева, еще три человѣка, на одного изъ которыхъ — стараго, неизмѣннаго моего спутника по четыремъ путешествіямъ въ Центральной Азіи, и д. фельдфебеля отряда экспедиціи, Гавріила Иванова — было возложено главенство. Ивановъ постоянно жилъ, подобно кочевникамъ монголамъ съ экспедиціоннымъ скотомъ — верблюдами, лошадьми и баранами, перенося свой лагерь то по равнинѣ, то по ущельямъ сосѣднихъ горъ и только по временамъ пріѣзжалъ въ хырму „понавѣдаться“. Остальные двое — малолѣтки Евгеній Телешовъ и Яковъ Афутинъ — говорившіе по монгольски, чередовались въ пребываніи въ укрѣпленіи и при пастьбѣ животныхъ; обыкновенно они перемѣщались изъ одного мѣста въ другое черезъ мѣсяць; случалось однако и такъ, что оба малолѣтка жили недѣлями съ Ивановымъ; тогда наблюдатель Муравьевъ былъ совершенно одинокимъ, если не считать монголовъ.

Мѣстный правитель жилъ, во время пребыванія всей экспедиціи въ Цайдамѣ, въ Хату, — одномъ изъ ущелій хребта Бурханъ-Будда, — откуда по временамъ пріѣзжалъ къ намъ для переговоровъ о предстоявшемъ снаряженіи каравана изъ хайныковъ или быковъ. Не знаю почему, но при этомъ важномъ для насъ вопросѣ, Барунъ-цзасакъ началъ было кривить душою, на что я ему тотчасъ же отвѣтилъ полною холодною отношеніемъ, ставъ на официальную ногу; въ заключеніе же строго напомнилъ о Н. М. Пржевальскомъ, о времени снаряженія покойнаго путешественника въ Тибетъ, а также и о томъ, что по возвращеніи въ Сининъ не премину доложить о немъ Цинъ-цай'ю. Послѣ моего вразумленія Барунъ-цзасакъ долгое время совѣщался съ

своими приближенными; въ концѣ концовъ мы пришли дипломатическимъ путемъ къ мирному соглашенію, но чисто дружескихъ чувствъ къ мѣстному управленію я уже больше не питалъ.

Въ концѣ апрѣля я съ двумя спутниками-казаками уѣзжалъ въ ближайшія горы, гдѣ экскурсировалъ три дня и добылъ одного прекраснаго тибетскаго медвѣдя. Преслѣдованіе второго, прогнаннаго монголами отъ своихъ стойбищъ, гдѣ медвѣдь безнаказанно таскалъ каждую ночь барановъ, завело насъ далеко въ альпійскій поясъ горъ, гдѣ мы, окончательно потерявъ слѣдъ мишки и порядкомъ уставъ, были тѣмъ не менѣе вознаграждены возможностью, впервые въ это путешествіе, полюбоваться на огромное стадо дикихъ яковъ. Растительная жизнь въ горахъ, въ особенности въ верхнемъ и среднемъ поясахъ хребта Бурханъ-Будда, еще почти не пробуждалась; лишь ключевыя площадки по дну ущелій нижняго пояса одѣлись мягкой зеленью; тутъ было взято первое цвѣтущее растение — одуванчикъ и замѣчено много мухъ, комаровъ, пауковъ и другихъ насѣкомыхъ, за которыми болѣе или менѣе удачно охотились водяныя щеврицы, краснохвостки и бѣлыя плиспцы.

Между тѣмъ работа по многимъ отдѣламъ снаряженія въ Цайдамъ подвигалась такъ же быстро, какъ быстро бѣжали и дни въ этой непривѣтливой странѣ, не смотря на наше, повидимому, крѣпостное заключеніе.

Черезъ двѣ недѣли послѣ прихода экспедиціи въ Цайдамъ при- были ея усталые верблюды, которыхъ на лицо состояло къ этому времени 36. По дорогѣ отъ Чортэнтана до склада ихъ убыло 11. Доплывшіе сюда „корабли пустыни“ должны были откармливаться на здѣшнихъ привольныхъ для верблюдовъ пастбищахъ въ теченіи полутора года съ тѣмъ, чтобы потомъ везти экспедицію обратно, къ предѣламъ отечества.

Передъ отправленіемъ въ Тибетъ я послалъ отчетъ и письма на родину черезъ Россійскую миссію въ Пекинѣ, и одновременно просилъ посланника заготовить для экспедиціи извѣстное количество китайскаго серебра съ переводомъ таковаго въ Сининъ, ко времени нашего обратнаго туда слѣдованія. Все же наличное серебро, по обезпеченіи нуждъ на складѣ болѣе нежели на годовой срокъ, я взялъ съ собою въ Тибетъ, такъ какъ по опыту зналъ на сколько будетъ великъ предстоявшій расходъ въ странѣ Далай-Ламы.

Наши спутники ламы, о которыхъ было говорено на страницѣ 74, распрощавшись съ нами, отправились въ Тайчжинэр'скій хошунъ,

гдѣ, по наведеннымъ ими справкамъ, собирался большой караванъ изъ паломниковъ въ Лхасу. Въ минуту разставанія ламы уронили по слезѣ, прося меня на обратномъ пути изъ Тибета снова ихъ взять въ нашъ караванъ для слѣдованія въ Монголію.

Бѣдный, отрывочный пролетъ птицъ этой весны, мы наблюдали частью въ Нань-шан'ѣ и на Куку-пор'ѣ, частью въ Восточномъ Цайдам'ѣ.

Первымъ вѣстникомъ весны въ 1900-мъ году былъ для насъ коршунъ-черноухій (*Milvus melanotis*), показавшійся одиночкой 9-го февраля въ долину Тэтунг'а. Затѣмъ, въ теченіе двухъ слѣдующихъ недѣль мы ничего не наблюдали; 24-го опять показался тотъ же коршунъ и высоко надъ бивуакомъ пролетѣла небольшая стая сѣрыхъ гусей (*Anser sinereus*); 26-го пронеслись первыя утки-кряквы (*Anas boschas*) и крахали (*Mergus serrator*); 28-го надъ Чортэнтаг'омъ кружилось небольшое общество *Milvus melanotis*; 29-го огромная стая грачей (*Frugilegus pastinator*) отдыхала на луговыхъ прибрежныхъ террасахъ; къ вечеру грачи снялись и полетѣли дальше на сѣверъ.

Первые дни марта были сильно омрачены ненастьемъ: солнце не показывалось вовсе, снѣгъ падалъ хлопьями и голоса птицъ замолкли. 4-го показалась бѣлая цапля (*Herodias alba*), подвергнувшаяся со стороны мѣстныхъ черныхъ воронъ жестокому преслѣдованію ¹⁾. 8-го — начался токъ ушастыхъ и красныхъ фазановъ (*Crossoptilon auritum et Phasianus Strauchi*); 9-го надъ монастырскимъ храмомъ Чойбзэн'а кружилась пара черныхъ аистовъ (*Ciconia nigra*).

12-го марта по рѣчкамъ Чойбзэн'ской долины замѣчены одновременно утки-чирки (*Querquedula*) и сѣрые журавли (*Grus sinerea*); въ этотъ же день, чередуясь съ большими стаями журавлей, массами неслись къ сѣверу и сѣрые гуси (*Anser sinereus*); сороки (*Pica*) стали обновлять старыя гнѣзда. 13-го опять показалась бѣлая цапля, а немного позднѣе и ея сѣрая сестрица (*Ardea sinerea*). 14-го ²⁾ долина рѣчки Донгэръ-хэ оживилась весенними голосами мелкихъ птичекъ, въ особенности пѣніемъ полевого жаворонка (*Alauda*). 16-го въ довольно ясный день коршуны начали спариваться, сѣрая цапля также хлопотала у стараго гнѣзда. 17-го появились щеврицы (*Anthus*), 20-го бѣлыя плисицы (*Motacilla alba baicalensis*) и удода (*Upupa epops* ³⁾).

¹⁾ 7-го марта впервые услышали голосъ, проснувшагося въ альпійскомъ поясѣ, сурка (*Argomys*); одновременно съ этимъ было замѣчено и рытье слѣпыша.

²⁾ 14-го же по южнымъ склонамъ горъ зазеленѣла трава.

³⁾ Одновременно въ окрестности Дацанъ-сумэ взяты въ гербарій *Potentilla fruticosa*, *Gentiana*, *Astragalus* и крестоцвѣтное.

22-го марта стайка за стайкой слѣдовали внизъ по Донгэръ-хэ и прямо къ сѣверу только что указанныя бѣлыя плисицы ¹⁾; 23-го появились чекканы (*Saxicola isabellina?*) и каменные ласточки (*Biblis rufestris*); послѣднія вились у скаль, щебеча свой однообразный мотивъ; 24-го, въ окрестности озера Куку-норъ, показались горные гуси (*Anser indicus*), уже разбившіеся на пары; 25-го утки-шилохвосты (*Daifila acuta* ²⁾); 27-го, въ долинѣ и по самому озеру Куку-норъ, замѣчены кроншнепы (*Numenius arquatus*), бакланы (*Phalacrocorax carbo*), турпаны (*Casarca rutila*), чайки (*Larus ichthyaetus*, *L. brunneicephalus*) и прежнія утки-кряквы, крахали и бѣлыя красавицы—цапли.

3-го ³⁾ апрѣля, въ нижнемъ поясѣ Южно-кукунорскаго хребта, по кустарнымъ зарослямъ, обнаружены: слѣгипревидная стрелатка (*Urosynchramus Pylzowi*), сорокопуты (*Otomela isabellina speculigera*) и краснохвостка алашаньская (*Ruticilla alaschanica*); на слѣдующій день, 4-го апрѣля, при озерѣ Цаганъ-норъ, среди массы всевозможныхъ утокъ, показались лебеди (*Cygnus*); въ то же время у прибрежныхъ скаль добытъ въ коллекцію чекканъ (*Saxicola montana*), 7-го по рѣчкѣ Дуланъ-голь найдена красивая краснохвостка (*Ruticilla frontalis*), а 8-го въ долинѣ Сэрхэ-нор'а — улитъ-красноножка (*Totanus calidris*) и черношейный журавль (*Grus nigricollis*); 9-го, въ сѣверо-восточной окраинѣ Цайдам'а, при болотѣ Далынъ-тургынъ, встрѣчены зуйки (*Aegialites cantianus* ⁴⁾). 10-го, на болотѣ Иргицикъ, или, какъ его намъ называли цайдамскіе монголы, Иргицюль были частью уже указанные раньше — кроншнепы, улиты, черношейные и сѣрые журавли, зуйки, утки-кряквы, частью же и вновь замѣченныя—пигалица-чибесъ (*Vanellus cristatus*), лысуха (*Fulica atra*), бѣлоглазый нырокъ (*Fuligula cristata*), желтая плисица (*Budytes citreola*), хохлатая гагара (*Podiceps cristatus*), крачка-ласточка (*Sterna hirundo*), ходулочникъ (*Himantopus himantopus*), водяная курочка (*Rallus aquaticus*), бекасъ (*Scolorax*), утка-широконоска (*Anas clypeata*) и орланъ-долгохвость (*Haliaetus leucorhynchus*).

12-го апрѣля, при рѣчкѣ Баянъ-голь, появились нырки-красноносые (*Fuligula rufina*); 13-го, среди отмѣченныхъ уже утокъ-шило-

¹⁾ Въ тотъ же день показались чуть не первыя въ этомъ—1900-мъ—году бабочки.

²⁾ Тогда же проснулись и ящерицы (*Phrynoscephalus*); озеро Куку-норъ въ большей своей части освободилось отъ льда.

³⁾ 1-го апрѣля проснулись и начали бродить медвѣди-пищухофды (*Ursus lagoturiarius*).

⁴⁾ Жаворонки приступили къ кладкѣ яицъ. Глинисто-песчаная поверхность почвы нагрѣвалась солнцемъ до 41.3°.

хвостовъ, показались утки-свѣязи (*Mareca penelope*); 18-го, въ окрестности хырмы Барунъ-цзасака, запѣлъ скворецъ (*Sturnus*), а черезъ день—20-го — пронеслась къ сѣверу одиночка-ласточка (*Chelidon cashmeriensis*).

27-го ¹⁾ апрѣля коршунъ-черноухій закончилъ кладку яицъ ²⁾. 28-го прилетѣли каменный дроздъ (*Petrocincla saxatilis*) и славка-пересмѣшка (*Sylvia minuscula*).

3-го мая отмѣчена впервые показавшаяся здѣсь, въ Цайдам'ѣ, въ эту весну, стайка куличковъ-песочниковъ (*Tringa Temminckii*), 4-го полуночникъ (*Caprimulgus*).

15-го ³⁾ мая закончили собою списокъ весеннихъ прилетныхъ птицъ ласточка деревенская (*Hirundo rustica*) и стрижъ башенный (*Cypselus arus*). Эти неутомимыя въ полетѣ птички отрадно дѣйствовали на наблюдателя, внося съ собою въ монотонныя равнины Цайдам'а наибольшее оживленіе; пріятное, мелодичное щебетаніе первой и звучный, разсѣкающій воздухъ полетъ второго, вмѣстѣ съ тѣмъ, напоминали и нашъ далекій сѣверъ.

¹⁾ 25-го вечеромъ надъ хырмой кружились летучія мыши.

²⁾ Въ этотъ же день начали распускаться *Tamarix* и *Muricaria*.

³⁾ 5-го мая поверхность песка нагрѣлась на солнцѣ до 59.5°. Кустарники и кое-какія травы зацвѣли и наполнили окрестный воздухъ ароматомъ.

Ц а й д а м ъ.

Географическое положеніе. Исторія Цайдам'скихъ монголовъ. Гэгэнъ Гуши-ханъ. Покореніе шарайгол'овъ китайцами. Добавленіе объ историческомъ прошломъ монголовъ Цайдам'а; Цокто-ханъ и Гуши-ханъ. Административное раздѣленіе покоренныхъ шарайгол'овъ. Какъ монголы начали отаугутиваться. Табунъ-Цайдамъ. Курлыкъ; населеніе, его занятіе и благосостояніе. Тайчжинэръ; происхожденіе этого названія. Цзунъ. Барунъ. Племенной составъ. Администрація. Скотоводство. Курлыкъ-цзасакъ.

„Цайдамъ“ слово не монгольское, а тибетское, вошедшее однако въ монгольскій языкъ, для обозначенія вообще солончаковыхъ болотъ, долинъ и степей; оно составлено изъ двухъ тибетскихъ словъ: „Ца“ — соль и „дамъ“—грязи, болота. Въ частности подъ этимъ словомъ извѣстна обширная долина, заключенная между первостатейными горами Нань-шань и ихъ западнымъ продолженіемъ на сѣверѣ и тибетскимъ окраиннымъ хребтомъ Кунъ-лунъ на югѣ. Протянувшись въ длину отъ восточнаго узла этихъ горъ до западнаго ихъ сближенія—на восемьсотъ верстъ, Цайдамъ, не смотря на свою значительную абсолютную высоту ¹⁾, представляетъ котловину, прострающуюся въ ширину, по срединѣ, верстъ на 150, но постепенно суживающуюся, по мѣрѣ удаленія къ западной и восточной крайнамъ.

Вся эта замкнутая страна, бывшая, по всему вѣроятію, въ сравнительно недавнюю геологическую эпоху, дномъ моря, состоитъ изъ двухъ, довольно рѣзко различающихся между собою частей: „южной—болѣе низменной, совершенно ровной, изобилующей ключевыми боло-

¹⁾ Въ восточной части около 9.300 футовъ, въ средней—9.000 футовъ и въ западной снова 9.300 футовъ.

тами, почти сплошь покрытой солончаками и сѣверной—болѣе возвышенной, состоящей изъ мѣстностей гористыхъ или изъ бесплодныхъ глинистыхъ, галечныхъ и частію солончаковыхъ пространствъ, изърожденныхъ невысокими горами“ ¹⁾.

Съ юга, со стороны Тибетскаго нагорья, текутъ въ Цайдамъ воды многихъ рѣчекъ, которыя въ совокупности съ главной и самой лучшей рѣкой въ Цайдам'ѣ—Баянъ-голо'мъ—вытекающей изъ озера Тосоноръ, образуютъ большія и малыя горько-соленныя озера.

Глинисто-соленая почва этой страны, конечно, не способна производить разнообразной растительности. И только „берега Баянъ-гола довольно густо поросли кустарниками, среди которыхъ рѣшительно преобладаютъ хармыкъ (*Nitraria Schoberi*) и тамарискъ (*Tamarix Pallasii*); въ меньшемъ grado числѣ встрѣчается сугакъ (*Lucium ruthenicum*, рѣже *L. turcomanicum*) и кой-гдѣ кендырь; на болѣе влажныхъ мѣстахъ изобилуетъ тростникъ (*Phragmites communis*). Изъ другихъ же травъ кромѣ нѣсколькихъ злаковъ, здѣсь обыкновенны касатикъ (*Iris*) и *Sal-sola sphaerophyza*“ ²⁾.

Изъ звѣрей свойственны Цайдаму: антилопа хара-сульта, хуланъ или дикій оселъ; кромѣ того волки, лисицы, зайцы и другіе болѣе мелкіе грызуны. Осенью, когда созрѣютъ ягоды хармыка, съ Тибетскихъ горъ спускаются медвѣди и лакомятся этими красивыми и густо-нанизанными на вѣтви сладко-солеными ягодами. „Пища эта, вѣроятно отъ неумѣреннаго ея употребленія, дѣйствуетъ расслабляющимъ образомъ на желудокъ медвѣдя, который нерѣдко оставляетъ на своихъ слѣдахъ характерные признаки собственнаго обжорства“. Малое количество звѣрей обуславливается, помимо непригодности страны, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что лѣтомъ болота Цайдама кишатъ мириадами комаровъ, мошекъ и оводовъ, такъ что даже мѣстные жители откочевываютъ на это время въ горы со своими стадами.

Что касается до пернатата царства Цайдам'а, то лѣтомъ, или въ періоды весеннихъ и осеннихъ перелетовъ, а также и гнѣздовья, оно имѣетъ здѣсь довольно много представителей, въ особенности въ отрядахъ водяныхъ и голенастыхъ; но зато зимою тишину и однообразіе мѣстнаго грустнаго ландшафта изрѣдка нарушаютъ лишь его немногіе коренные обитатели: цайдамскій фазанъ (*Phasianus Vlangalii*), *Rhopophilus albosuperciliaris*, біармійская синица (*Panurus barbatus*),

¹⁾ Н. М. Пржевальскій. Третье путешествіе въ Центральной Азіи. СПб. 1883. Стр. 146—147.

²⁾ Н. М. Пржевальскій. Тамъ же. Стр. 169—170.

Цайдамская равнина; на первом плане солончаки.

жаворонки (*Otocorys et Alauda*), пустынная сойка (*Podoces Hendersoni*), красный въорокъ (*Carpodacus rubicilloides*), полевой воробей (*Passer montanus*), горный или каменный голубь (*Columba rupestris*), да изрѣдка, залетающіе изъ горъ въ попскахъ добычи, бѣлые или бурые грифы и ягнятникъ-бородатый.

Цайдамскія рѣчки и ключи изобилуютъ рыбой, принадлежащей къ родамъ маринокъ *Schizopygopsis*, губачей (*Diplophysa*) и гольцевъ *Nemachilus*).

Въ административномъ отношеніи весь Цайдамъ дѣлится на пять хошуновъ и извѣстенъ какъ у монголовъ, такъ и у китайцевъ, подъ названіемъ „Цзаха-табунъ-цайдамъ,“ т. е. крайніе пять цайдам'овъ или просто „Табунъ-Цайдамъ,“ т. е. пять цайдам'овъ ¹⁾. Слово Цзаха—крайній—прибавляется для того только, чтобы выдѣлить эти пять цайдам'овъ отъ хошуновъ монголовъ, кочующихъ въ окрестностяхъ озера Куку-норъ и въ бассейнѣ Хуанъ-хэ.

О весьма интересной исторіи заселенія Цайдам'а монголами, о ихъ еще болѣе интересномъ прошломъ, мы вынуждены, къ сожалѣнію, ограничиться лишь передачей преданій, записанныхъ нами со словъ стариковъ отцовъ нынѣшнихъ цзакаковъ Барун'а и Цзун'а и со словъ старыхъ людей, какъ въ этихъ хошунахъ, такъ и въ хошунѣ Тайчжинэр'скомъ.

Никакихъ письменныхъ документовъ о прошломъ здѣшнихъ монголовъ не сохранилось ²⁾. Покоривъ монголовъ Цайдама и Кукунорской области, китайцы, подъ угрозой смерти, потребовали уничтоженія всѣхъ древнемонгольскихъ историческихъ книгъ, записей и документовъ, относившихся ко времени предшествовавшему покоренію. Затѣмъ, въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ, китайцы отъ времени до времени повторяли требованіе и сдѣлали это въ послѣдній разъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Но съ покореніемъ монголовъ и утвержденіемъ для нихъ особыхъ княжескихъ домовъ, имъ было строго приказано вести исторіи этихъ новыхъ князей, что и было исполняемо; при чемъ въ эти новыя исторіи однако не входили древнія преданія. И эти записи, которыя велись въ продолженіе болѣе двухсотъ лѣтъ, были всѣ уничтожены 53 года (въ 1848 году) тому назадъ тангутами во время перваго страшнаго ихъ набѣга на Цайдамъ и Куку-норъ. Особенно пострадали при этомъ Кукунорскіе монголы какъ болѣе богатые. На Куку-нор'ѣ же и

¹⁾ Объясненіе происхожденія этого названія даетъ и Ваза-бакша. См. его Сказаніе, I. с. стр. 174—175.

²⁾ Здѣсь мы подразумѣваемъ лишь Цайдамскихъ монголовъ.

къ югу отъ него до Хуанъ-хэ кочевали со своимъ огромными хошунами самыя старыя монгольскія князья, у которыхъ еще можно было бы найти что-либо изъ остатковъ древнихъ записей и документовъ. Тангуты не только разграбили имущество монголовъ, но и уничтожили все книги, записи, документы — старыя и новыя. Такимъ образомъ намъ не на что сослаться для подтвержденія преданій, слышанныхъ нами отъ монголовъ.

Преданія эти, передающіяся изъ поколѣнія въ поколѣнне, гласятъ вотъ что: весь бассейнъ Желтой рѣки, отъ верховьевъ ея до Ордос'а, извѣстный у древнихъ монголовъ подъ названіемъ Шарай-голъ и область Куку-нор'а были заселены монголами-шарайгол'ами. Очень давно, быть можетъ тысячу лѣтъ тому назадъ, шарайгол'ы дѣлились на пять огромныхъ ханствъ, названій которыхъ преданіе не сохранило. Съ теченіемъ времени изъ пяти ханствъ образовалось на томъ же мѣстѣ три ханства. Въ этотъ періодъ времени шарайгол'овъ начали вытѣснять съ востока китайцы, а съ юга тибетцы. Шарайгол'ы должны были шагъ за шагомъ уступать свои кочевья къ югу отъ Хуанъ-хэ и наконецъ перешли Желтую рѣку, на ея лѣвый берегъ и, образовавши одно ханство, расселились по лѣвому ея берегу, въ Нань-шан'ѣ до Тэтунг'а и въ долинѣ Цайдам'а. Мѣста эти были заняты однако большей частью шарайгол'ами пяти древнихъ ханствъ и только меньшая ихъ часть отчасти была покорена китайцами и тибетцами, отчасти разбрелась неизвѣстно куда. Какъ долго существовало это ханство до покоренія его болѣе двухсотъ пятидесяти лѣтъ тому назадъ Китаемъ, монголы не помнятъ, какъ не помнятъ и того сколько смѣнилось хановъ со времени перехода шарайгол'овъ съ южнаго на сѣверный берегъ Желтой рѣки и въ Цайдамъ.

Больше подробностей въ этихъ преданіяхъ мы находимъ лишь со времени послѣдняго шарайгол'скаго хана и со времени покоренія его ханства Китаемъ.

Послѣднимъ ханомъ шарайгол'овъ около трехсотъ лѣтъ тому назадъ былъ гэгэнъ Гуши-ханъ.¹⁾ Ставка его находилась на правомъ берегу рѣчки Дуланъ-голъ, впадающей въ озеро Дуланъ-норъ, въ сѣверо-восточномъ углу Цайдам'а. Развалины его ставки существуютъ и до нынѣ.

¹⁾ Въ 1640-мъ году Гуши-ханъ покорилъ Тибетъ и подарилъ его затѣмъ тогдашнему настоятелю Брайбун'скаго монастыря Агванъ-Лобсан'у (1617—1682), которому вмѣстѣ съ тѣмъ пожаловалъ титулъ „Далай Лама.“ Агванъ „Великій“ былъ такимъ образомъ первымъ тибетскимъ іерархомъ этого званія.

Какъ самъ онъ, такъ и всѣ его подданные тогда еще не знали буддизма и исповѣдывали какую-то другую вѣру. Покойниковъ своихъ они зарывали въ землю.

Населеніе жило въ глиняныхъ и каменныхъ постройкахъ, сооружавшихся также какъ и теперешнія юрты, т. е. куполообразно. Нѣкоторыя постройки этого типа имѣли до пяти саженой въ діаметрѣ. Развалины ихъ еще сохраняются и по сіе время въ Цайдамѣ, по рѣчкѣ Номо-хунъ-голъ, выше развалинъ китайской крѣпости Номохунъ-хото.

Кромѣ этихъ памятниковъ по Номохунъ-гол'у существуютъ еще развалины водяныхъ мельницъ, заброшенные жернова и каменные бороны. Но не всѣ монголы однако считаютъ эти послѣднія принадлежавшими ихъ предкамъ—шарайгол'амъ, а очень многіе говорятъ, что жернова, бороны, развалины мельницъ принадлежатъ китайцамъ, которые вначалѣ, послѣ покоренія монголовъ, стали было селиться въ Цайдамѣ, гдѣ занимались земледѣліемъ. Кромѣ этого всюду по ущельямъ сѣвернаго склона Бурханъ-Будда существуетъ много древнихъ оросительныхъ канавъ или арыковъ, которые одни считаютъ принадлежавшими шарайгол'амъ, также жившимъ земледѣліемъ, а другіе—китайцамъ.

Гэгэнъ Гуши-ханъ—первый шарайголъ, принявшій буддизмъ. Онъ вмѣстѣ съ ламою Данцзынь-хутухту, перерождающимся и по сіе время въ кумирнѣ Дуланъ-хитѣ, сталъ распространять буддизмъ среди шарайгол'овъ. „Какъ приняли наши предки буддизмъ, какія мѣры принималъ при этомъ гэгэнъ Гуши-ханъ, рассказываютъ монголы, преданій не сохранилось.“ Говорятъ только, что съ переменной религіи измѣнились и нравы, и обычаи ихъ предковъ. Ко времени смерти гэгэна Гуши-хана всѣ его подданные шарайгол'ы были уже буддистами.

Послѣ смерти гэгэна Гуши-хана ханомъ шарайгол'овъ долженъ былъ стать его сынъ Галданъ-Данчжинъ-хунъ-тайчжи. Но половина шарайгол'овъ не захотѣла имѣть его ханомъ и выставила противъ него своего кандидата. Произошла междуусобная война. Моментомъ этимъ воспользовался Китай и отправилъ во владѣнія шарайгол'овъ сильную армію, которая начала быстро покорять ослабленныхъ войною шарайгол'овъ.

Тогда Галданъ Данчжинъ-хунъ-тайчжи оставилъ вмѣстѣ со своими приверженцами Кукунорскую область и ушелъ къ сѣверу. Оставшіеся шарайгол'ы стали съ тѣхъ поръ называть ушедшихъ своихъ единоплеменниковъ олѣт'ами, т. е. бѣглецами (олѣтъ или ойлѣтъ въ переводѣ значить бѣглець). Нынѣшніе же монголы Цайдам'а и Кукунор'а олѣт'ами

себя не считаютъ и упорно говорятъ, что они не пришельцы съ сѣвера, а коренные здѣшніе жители, потомки шарайгол'овъ гэгэна Гуши-хана и древнихъ пяти хановъ. Олѣтамъ же называютъ именно тѣхъ шарайгол'овъ, которые отдѣлились и ушли къ сѣверу съ Галданъ-Данчжингъ-хунь-тайчжи, сыномъ послѣдняго хана ихъ гэгэна Гуши-хана.

Во время междоусобицы китайцы начали уснѣшно завоевывать владѣнія шарайгол'овъ, а послѣ бѣгства Галданъ-Данчжингъ-хунь-тайчжи дѣла ихъ пошли еще лучше. Сначала шарайгол'ы оказали китайцамъ серьезный отпоръ, но не прекращавшіяся смуты и наконецъ бѣгство половины шарайгол'овъ во главѣ съ Хунь-тайчжи, какъ чаще называютъ монголы сына гэгэна Гуши-хана, заставили ихъ искать спасенія въ бѣгствѣ къ сѣверу. Китайцы же заняли все проходы въ Нань-шан'ѣ и заставили вернуться шарайгол'овъ на берега Куку-нор'а и въ Цайдамъ. Тамъ они произвели страшную рѣзню, при чемъ по преданіямъ погибла половина всего оставшагося населенія шарайгол'овъ. Говорятъ, что рѣзня на пространствѣ между двухъ рѣчекъ Бага-уланъ и Ихэ-уланъ была такая, что эти двѣ рѣчки текли кровью шарайгол'овъ полными руслами. Съ тѣхъ поръ поэтому за ними и сохранились названія уланъ, т. е. красный (отъ крови). Но не всегда китайцамъ доставались побѣды легко. Такъ въ Цайдам'ѣ, на западѣ хошуна Курлыкъ-бэйсэ, одно небольшое озеро носить названіе Ша-хай-норъ, т. е. озеро китайскихъ башмаковъ ша-хай, которыми оно было покрыто послѣ пораженія китайцевъ на берегахъ его. Впрочемъ шарайгол'ы сопротивлялись не долго и послѣ нѣсколькихъ страшныхъ погромовъ, въ которыхъ погибла ббльшая половина всего населенія, шарайгол'ы были покорены Китаемъ.

Для удержанія за собою покореннаго народа, китайцы построили въ Цайдам'ѣ на Номохунъ-гол'ѣ и въ другихъ мѣстахъ болѣе или менѣе значительныя крѣпости, въ которыхъ оставили сильныя гарнизоны. Самой большой крѣпостью считалась — Номохунъ-хото, которая просуществовала однако не долго, но ея развалины существуютъ и по нынѣ.

Кромѣ устройства крѣпостей, китайцы стали посылать сюда колонистовъ, которые начали заниматься земледѣліемъ въ Цайдам'ѣ всюду, гдѣ только было возможно поселиться. Остатковъ или развалинъ ихъ поселеній не сохранилось, но въ Восточномъ Цайдам'ѣ, среди песчаныхъ бугровъ, и теперь находятъ гробы китайцевъ, сдѣланные пѣз кирпича, и подлѣ нихъ человѣческія кости.

Однако китайцы — войска и земледѣльцы — не долго жили въ Цайдам'ѣ, такъ какъ китайскія верховныя власти получили извѣстіе

о томъ, что начальникъ гарнизоновъ въ земляхъ шарайгол'овъ, которому была поручена постройка города Номохунъ-хото, выстроилъ его въ ббльшихъ, чѣмъ указано было, размѣрахъ. Вслѣдствіе такого проступка онъ былъ отозванъ и казненъ. Вскорѣ послѣ этого были отозваны и гарнизоны, а за ними ушли обратно и колонисты, которые уже успѣли разработать на большомъ пространствѣ зѣмли и провести оросительныя каналы. Землями этими пользуются теперь монголы. Въ крѣпости Номохунъ-хото долгое время сохранялись и поддерживались постройки китайцевъ — ямынь, дома, конюшни, — въ которыхъ монголы хранили свои пожитки. Ворота, окованныя желѣзомъ и глинобитныя стѣны сохранялись еще дольше и во время набѣга тангутовъ, 53 года тому назадъ, въ ней спаслось не мало монголовъ со своимъ имуществомъ. Но затѣмъ ворота были сломаны, а стѣны, въ двухъ-трехъ мѣстахъ подмытыя водою, рушились. Теперь и сами монголы очень жалѣютъ и пеняютъ на себя, что во-время не поддержали укрѣпленія Номохунъ-хото, которое защитило бы ихъ отъ тангутовъ лучше китайцевъ.

На пути изъ Цайдам'а къ Синин'у намъ пришлось услышать другой вариантъ рассказовъ о гэгэнѣ Гуши-ханѣ. Этотъ вариантъ подтверждаетъ мнѣніе о происхожденіи цайдам'цевъ отъ олѣтовъ.

По обыкновенію не указывая точно времени, а начиная рассказъ словами „давно, давно“... монголы рассказываютъ о Гуши-ханѣ и Цокто-ханѣ слѣдующее.

Одинъ изъ шарайгол'скихъ хановъ по имени Цокто-ханъ жилъ въ глиняномъ городѣ на лѣвомъ берегу рѣчки Дуланъ-голь. Развалины его городка сохранились еще до сего времени. Цокто-ханъ и его народъ не были буддистами, а исповѣдывали иную религію. При жизни этого хана явились съ сѣвера монголы олѣты подъ предводительствомъ гэгэна Гуши-хана, которые и начали войну изъ-за религіи съ Цокто-ханомъ. Долго ли длилась война—не извѣстно. Сохранилось лишь преданіе о томъ, что въ этой войнѣ погибъ самъ Цокто-ханъ, а народъ его былъ изгнанъ отсюда обратно на Желтую рѣку. На мѣстѣ же осталась только часть шарайгол'овъ, которые и смѣшались съ олѣтами.

Гэгэнъ Гуши-ханъ поселился въ городкѣ Цокто-хана, но жилъ въ немъ недолго, предпочитая проводить ббльшую часть года въ юртѣ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто въ Восточномъ Цайдам'ѣ.

Послѣ его смерти произошли описанныя уже выше смуты и народъ Гуши-хана былъ покоренъ китайцами, а сынъ его Хунъ-тайчжи

съ частью олѣтовъ бѣжалъ обратно на старыя свои кочевья — на сѣверъ.

Остатки покоренныхъ монголовъ-шарайгол'овъ были раздѣлены китайцами на 32 княжества, съ учрежденіемъ для каждаго хошуна потомственныхъ князей. Изъ этихъ 32 ханствъ — два, съ разрѣшенія богдохана, ушли: одно въ Алаша, другое на рѣку Эцзинь-голь. Затѣмъ пять хошуновъ, съ разрѣшенія или нѣтъ — монголы не знаютъ, ушли къ югу, за Желтую рѣку, и поселились рядомъ съ н'голок'ами¹⁾.

Такимъ образомъ на прежнихъ мѣстахъ осталось только 25 хошуновъ. Приводимъ здѣсь ихъ названія, къ которымъ приданы и названія князей, управляющихъ хошунами. Перечень названій дается здѣсь по старшинству князей.

1. Цинъ-хай-ванъ (Цзюнь-ванъ).	13. Шарголчжинъ-цзасакъ.
2. Муру-ванъ (Цзюнь-ванъ).	14. Бага-норъ-цзасакъ (Хара-норъ ²⁾).
3. Кѣкѣдь-бэйлэ.	15. Торгоуть-цзасакъ.
4. Эрхэ-бэйлэ.	16. Халха-цзасакъ.
5. Курлыкъ-бэйсэ.	17. Цункугъ-цзасакъ.
6. Чжунъ-бэйсэ.	18. Цзульгәнъ-цзасакъ.
7. Харги-бэйсэ.	19. Чжононъ-цзасакъ.
8. Бухайнъ-гунъ.	20. Харакчудъ-цзасакъ.
9. Холинъ-гунъ.	21. Курлыкъ-цзасакъ.
10. Шамъ-гунъ.	22. Тайчжинеръ-цзасакъ.
11. Дондого-гунъ.	23. Цзунъ-цзасакъ.
12. Муру-цзасакъ.	24. Барунъ-цзасакъ.

и Аригъ-дабчжи-дүрбүнъ-сумунъ, т. е. четыре сотни, которыя управлялись не княземъ, а ламою. Подъ названіемъ же „Аригъ-дабчжи“ эти четыре сотни стали извѣстны лишь въ послѣднее время послѣ того, какъ населеніе это окончательно отангутилось³⁾.

¹⁾ Какъ назывались эти семь шарайгол'скихъ хошуновъ, монголы не помнятъ.

²⁾ Близъ сѣверо-восточнаго берега Куку-нор'а.

³⁾ Только по прибытіи въ Сининъ, намъ удалось получить выписку изъ книгъ въ ямынѣ Вань-ши-да-чен'я названія Кукувор'скихъ и Цайдам'скихъ монгольскихъ хошуновъ, съ отмѣткою къ какому эдегату каждый хошунъ принадлежитъ.

Всѣ 24 хошуна монголовъ (Аригъ-дабчжи, какъ уже и сказано было выше, къ это число не входитъ) раздѣлены на два эдегата въ третій годъ правленія шестого государя настоящей династіи — Циня. Тогда же эти эдегаты были утверждены и чигулган'амъ посланы были печати.

Цзунъ-эдегатъ составляется изъ хошуновъ:

1. Цинъ-хай-ванъ (Цзюнь-ванъ).	5. Аро-холинъ-гунъ.
2. Кѣкѣдь-бэйлэ.	6. Шамъ-гунъ (Тогмедь-гунъ).
3. Курлыкъ-бэйсэ.	7. Торгоуть-цзасакъ.
4. Бухайнъ-гунъ.	8. Цзульгәнъ-цзасакъ.

Съ утверждениемъ этого управленія, богдоханъ послалъ въ Сининъ своего чиновника Цинъ-цай'я, которому ввѣрено было устройство покореннаго народа и наблюденіе за порядкомъ среди хошуновъ.

Первый Цинъ-цай остается извѣстнымъ монголамъ и до сей поры подъ именемъ Далай-да-жень-амбанъ. (Далай—монгольское слово—великое море океанъ; да-жень—китайское—большой человекъ, генераль; амбанъ—манчжурское—генераль, сановникъ). Этотъ Далай-да-жень самъ лично раздѣлилъ земли шарайгол'овъ, указалъ каждому хошуну границы его земель, далъ новые, китайскіе, законы и проч., словомъ, устроилъ ихъ такъ, что они были довольны новымъ управленіемъ.

Около двухсотъ лѣтъ, со времени покоренія китайцами, монголы не имѣли ни малѣйшаго повода жаловаться на новое управленіе, такъ какъ китайскія власти взятокъ не брали, народъ не обирали, судили и разбирали тяжбы со всею справедливостью. Подарки двора князьямъ выдавались всегда исправно и полностью. Кромѣ того китайцы поставили по границамъ монгольскихъ земель, тамъ, откуда можно было ожидать нападеній со стороны тангутовъ, караулы, благодаря которымъ населеніе областей Куку-нор'а и Цайдам'а жило совершенно спокойно, не нося, какъ теперь, оружія, и сильно богатѣло.

Однако спокойствію и процвѣтанію ихъ пришелъ конецъ.

Лѣтъ 60 тому назадъ, съ 1840 года, китайцы круто перемѣнились къ монголамъ. Власти перестали быть справедливыми, начали брать взятки, пустили въ ходъ вымогательства, обирание народа и даже насиліе. Единственный важный карауль Цаганъ-яньпинъ на Желтой рѣкѣ, выше Гуйдэ-тин'а, сдерживавшій напоръ тангутовъ, былъ снятъ. Послѣ этого, въ 1847-мъ году, тангуты, не сдерживаемые болѣе силою, въ теченіе года наводнили не только всю Кукунор'скую область,

9. Чжонокъ-цзасакъ.
10. Харакчюдъ-цзасакъ.

11. Курлыкъ-цзасакъ.
12. Тайчжинеръ-цзасакъ.

Тэргун-да (чигулганъ-да) этого эдегата нынѣ состоитъ Кёкёдь-бэйлэ, а его помощникомъ, дэд-да—Курлыкъ-бэйсэ.

Барунъ-эдегаты состоятъ изъ хошуновъ:

1. Муру-вацъ (Цзюнь-ванъ).	7. Шарголчжинъ-цзасакъ.
2. Эрхэ-бэйлэ.	8. Бага-норъ-цзасакъ.
3. Чжунъ-бэйсэ.	9. Халха-цзасакъ.
4. Харги-бэйсэ.	10. Цункугъ-цзасакъ.
5. Дондого-гунъ.	11. Цаунъ-цзасакъ.
6. Муру-цзасакъ.	12. Барунъ-цзасакъ.

Тэргун-да Барунъ-эдегата — Муру-цаюнъ-ванъ, а его помощникъ, дэд-да, — Чжунъ-бэйсэ.

но даже и Цайдамъ, при чемъ не только совершенно ограбили все имущество беззащитныхъ монголовъ, но и истребили почти половину населенія. А тогда населеніе Куку-нор'а превышало теперешнее разъ въ тридцать, а цайдамское было противъ теперешняго болѣе разъ въ десять.

Множество монголовъ было уведено въ плѣнъ и не вернулось, а населеніе нѣкоторыхъ хошуновъ разбѣжалось въ разныя стороны и лишь въ послѣдующіе пять-шесть лѣтъ хошунны эти снова возобновились, благодаря бѣглецамъ, возвращавшимся на старыя свои земли. Послѣ этого перваго набѣга тангуты вернулись за Желтую рѣку, но съ того же года они начали уже селиться не только по лѣвому берегу Желтой рѣки, вытѣсняя и даже истребляя монгольское населеніе, но начали постепенно проникать и селиться по долинѣ Куку-нор'а. Сосѣдей своихъ монголовъ, тогда безоружныхъ, они не только грабили, но и истребляли десятками и сотнями семействъ. Жалобы монголовъ китайскимъ властямъ въ Синин'ѣ не имѣли и не имѣютъ успѣха, такъ какъ тангуты успѣваютъ каждый разъ хорошо задарить китайцевъ. Волей неволей монголы сами вооружились и уже безъ помощи китайцевъ отбивались, какъ могли, отъ тангутовъ. Но и это не помогло, и теперь монголы почти совершенно вытѣснены не только изъ горъ, окружающихъ Куку-норъ, но даже и съ долины этого озера. Тамъ остаются пока лишь жалкіе остатки когда-то огромныхъ хошуновъ Цинъ-хай-ван'а, Харги-бэйсэ, Бухайнъ-гун'а и нѣкоторыхъ другихъ.

Нѣсколько меньше пострадалъ Цайдамъ, но и здѣсь, наприм., въ хошунѣ Цзунъ-цзасака, послѣ этого погрома осталось, по словамъ отца нынѣшняго управителя, родившагося на другой годъ, въ Бага-цайдам'ѣ, всего лишь 13 юртъ изъ пятисотъ-шестисотъ семействъ, которыя собрались лишь въ теченіе послѣдующихъ пяти-шести лѣтъ. Не тронуты были только самыя отдаленныя хошунны — Тайчжинер'скій и Муру-ван'а въ Нань-шан'ѣ.

Грабежи, разбои, убійства совершенно безнаказанно производятся тангутами и до настоящаго времени и населеніе съ каждымъ годомъ уменьшается все болѣе и болѣе, не говоря уже о томъ, что оно прогрессивно бѣднѣетъ. Видя собственную слабость и силу тангутовъ, монголы — коренные жители Куку-нор'а и Цайдам'а — начали переходить подъ власть тангутовъ, гдѣ и теряютъ не только свой языкъ и обычаи, но и совершенно забываютъ о своемъ происхожденіи; бѣглые тангуты находили иногда спокойный пріютъ у монголовъ:

оставались среди нихъ на житье, женились на монголкахъ. Въ Цайдам'ѣ ежегодно оставались и остаются пришельцы монголы-олѣты, халха'сцы, ордос'цы, алаша'нцы, харчи'нцы и другіе, которые ходили съ родины въ Лхасу' и которымъ, конечно, дома жилось много хуже, чѣмъ они могли бы жить въ Цайдам'ѣ.

Такимъ то образомъ, по словамъ старика Цзунъ-цзасак'а, въ Цайдам'ѣ, не говоря уже о Куку-нор'ѣ, коренныхъ шарайгол'овъ остается не болѣе двухъ третей всего теперешняго населенія этихъ областей.

До перваго прихода въ Кукунорскую область и Цайдамъ тангутовъ, этихъ послѣднихъ монголы видѣли мало. Съ тѣхъ поръ заполоненіе тангутами всей Кукунор'ской области и заселеніе ими горъ, ограничивающихъ Цайдамъ съ востока, пошло очень быстро.

Такъ какъ китайцы не принимали никакихъ мѣръ къ огражденію беззащитныхъ монголовъ отъ тангутскихъ набѣговъ и захватовъ, то коренное населеніе этихъ областей, вынужденное жить вмѣстѣ или рядомъ съ тангутами, стало очень скоро терять свою самобытность. Кукунор'скіе монголы прежде всѣхъ остальныхъ своихъ соплеменниковъ перемѣнили образъ жизни и начали жить по тангутски, отчасти для того, чтобы меньше отличаться отъ тангутовъ и тѣмъ спасти и себя, и свое имущество отъ грабителей. Монголы эти начали заводить оружіе, съ которымъ не разставались, выходя изъ дома, какъ и тангуты. Затѣмъ оставили прежній свой монгольскій покрой платья — шубъ, штановъ, рубахъ и шапокъ, замѣнивъ все это платьемъ тангутскаго покроя. Въ этомъ отношеніи за мужчинами послѣдовали женщины и дѣвушки, начавшія одѣваться также какъ и тангутки. Только старухи и пожилыя женщины еще продолжаютъ упорствовать въ ношеніи двухъ косъ въ чехлахъ по старинному монгольскому обычаю.

Чтобы еще больше походить на тангутовъ, населеніе Куку-нор'а начало оставлять свой родной языкъ и говорить теперь главнымъ образомъ по тангутски. Дома родители и дѣти между собою говорятъ чаще также по тангутски. Молодые люди — парни и дѣвушки поютъ тангутскія пѣсни, разговариваютъ между собою всегда по тангутски, не говоря уже о томъ, что стараются походить не только платьемъ, украшеніями, нарядами, но даже и манерами на тангутскую молодежь.

Мягкость характера, пріятныя мягкія манеры, гостепріимство, — свойственныя монголу — уступили грубости и негостепріимству тангутовъ. Словомъ, теперь отличить Кукунорскаго монгола отъ его сосѣда тангута почти или даже совершенно не возможно.

Та же участь ожидаетъ и монголовъ, живущихъ въ Цайдам'ѣ. Еще лѣтъ 20 тому назадъ въ Цайдам'ѣ половина населенія жила чисто по монгольски; но съ той поры и цайдам'цы перемѣнили покрой платья на тангутскій и хотя нравы ихъ пока еще сохраняютъ свой прежній характеръ, но и это, по словамъ старика Цзун'а, продержится вѣроятно не долго: — много, много два-три десятка лѣтъ, „а черезъ сотню лѣтъ, говорить этотъ старикъ, пріѣзжій не найдетъ у насъ и признака монгольскаго происхожденія“.

Разительнымъ примѣромъ постепеннаго отангутиванья можетъ теперь служить хошунъ Тайчжинэръ. 53 года тому назадъ этотъ хошунъ избѣжалъ тангутскаго набѣга, вслѣдствіе удаленности его кочевій. Населеніе восточной части этого хошуна, соприкасаясь съ кочевьями Цзун'а, лѣтъ 20 тому назадъ приняло тангутскій покрой платья, хотя во всемъ остальномъ тайчжинэр'цы остаются еще монголами. Языкъ пока также остался неприкосновеннымъ, хотя молодежь вмѣсто монгольскаго „ча“ или „цзэ“, употребляемаго стариками, говорить уже „лаксу“, что одинаково означаетъ—хорошо-хорошо, да-да и проч. Средняя часть этого хошуна приняла тангутскій покрой платья всего лишь пять-шесть лѣтъ тому назадъ, да и то лишь мужчины и дѣвушки. Женщины же пока держатся монгольскихъ образцовъ, какъ въ покроѣ платья, такъ и въ прическѣ. Зато западная часть этого хошуна, остается еще совершенно не тронутой; здѣсь сразу же глазъ поражается отсутствіемъ тангутскихъ шапокъ, оружія, мѣшковъ на спинѣ и женскихъ украшеній и причесокъ. Изрѣдка лишь можно встрѣтить молодого монгола въ рубашкѣ съ широкимъ воротникомъ тангутскаго покроя. Манеры, мягкій характеръ, гостепрѣимство, довѣрчивость, отсутствіе корысти и жадности, свойственныхъ отангутившимся монголамъ, не отличаютъ западно-тайчжинэрскихъ монголовъ отъ монголовъ Халхи.

Но долго ли это продлится, сказать нельзя; вѣроятнѣе всего, что черезъ десятокъ-другой лѣтъ и эти монголы не будутъ отличаться отъ монголовъ Восточнаго Цайдам'а. Этому отангутиванью особенно способствуетъ то обстоятельство, что всѣ мальчики монголы учатся писать главнымъ образомъ по тибетски. Что же касается монгольской грамоты, то она съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе забывается. Дѣло дошло даже до того, что многія буквы монгольскаго алфавита совершенно забыты, а очень многія исковерканы почти до неузнаваемости. Монголы, живущіе далеко одинъ отъ другого, въ случаѣ необходимости переписываются уже не по монгольски, а по тибетски.

Китайцы въ Синин'ѣ, по установленнымъ законамъ, сносятся съ Цайдам'скими и Куконоор'скими монголами на монгольскомъ языкѣ. Для этого въ Синин'скомъ ямынѣ постоянно держатъ нѣсколькихъ человѣкъ монголовъ писцовъ-переводчиковъ. Казенныя бумаги изъ ямыня князьямъ Куку-нора и Цайдам'а, написанныя по монгольски, почти всегда остаются на половину не понятными. Точно также и въ ямынѣ монголы-писцы не всегда точно понимаютъ смыслъ бумаги, написанной монголомъ этихъ областей, такъ какъ многія слова пишутся сокращенно, съ опущеніемъ слоговъ и нѣсколькихъ буквъ.

Добровольно монголы и не учатся писать на родномъ языкѣ. Обученіе монгольской грамотѣ, къ стыду монголовъ, введено лишь какъ повинность для того только, чтобы въ хошунѣ имѣть своего писаря для сношеній съ Синин'омъ. Такихъ грамотѣевъ на хошунѣ приходится не болѣе двухъ-трехъ человѣкъ, за исключеніемъ лишь хошуна Тайчжинэръ, гдѣ ихъ много, и Курлык'а, гдѣ ихъ больше чѣмъ въ другихъ хошунахъ отангутившихся монголовъ.

Нельзя однако сказать, что монголы всѣ сразу — и князья, и простой народъ — приняли тангутское платье и проч., что сдѣлало ихъ похожими на этихъ грабителей. Вначалѣ князья и чиновники строго запрещали такія перемѣны, но это ни къ чему не привело. Старики впрочемъ и по нынѣ еще ворчатъ и упрекаютъ своихъ за это, справедливо замѣчая: „тангуты насъ разоряютъ, глумятся надъ нами, а мы стараемся походить на нихъ!“

Названіе Табунъ-цайдамъ для описываемой страны установилось послѣ покоренія монголовъ китайцами и послѣ распредѣленія земель между ними. „Далай-да-жень“, который отводилъ участки для раздѣленныхъ имъ на хошуны монголовъ, отвелъ долину Цайдам'а для пяти меньшихъ тогда по численности населенія хошуновъ и назвалъ ихъ вообще „пятью цайдам'ами.“ Это названіе сохранилось и по сіе время. Южная часть долины, съ прилегающимъ къ ней сѣвернымъ склономъ хребта Бурханъ-Будда, была отведена для двухъ хошуновъ Барунъ и Цзунъ цзасак'овъ; сѣверная часть Цайдам'а—Курлыкъ-бэйсэ и Курлыкъ-цзасак'у, и западная—хошуну Тайчжинэръ.

Эти пять хошуновъ до тангутскаго набѣга имѣли во много разъ большее населеніе, чѣмъ теперь. Такъ до 1847-го года считалось семействъ ¹⁾:

¹⁾ Въ среднемъ, въ монгольской семьѣ слѣдуетъ считать отъ четырехъ до пяти душъ.

въ Курлыкь-бэйсэ	около 2000 (семействъ)
„ Курлыкь-цзасакъ	600 „
„ Тайчжинэръ-цзасакъ	1000 „
„ Цзунь-цзасакъ	900 „
„ Барунь-цзасакъ	900 „

Уменьшаясь съ каждымъ годомъ, вслѣдствіе тангутскихъ набѣговъ, населеніе этихъ хошуновъ въ настоящее время достигаетъ:

въ Курлыкь-бэйсэ	800 семействъ
„ Курлыкь-цзасакъ	24 „
„ Тайчжинэръ-цзасакъ	600 „
„ Цзунь-цзасакъ	300 „
„ Барунь-цзасакъ	280 „

Теперь перейдемъ къ описанію административнаго устройства по хошунамъ, но прежде чѣмъ приступить къ этому, мы должны въ общихъ чертахъ сказать о томъ, какъ китайцы, для удобства и облегченія сношеній съ монголами, подраздѣлили послѣднихъ на два отдѣла и указали каждому изъ ихъ представителей, обязанности и порядокъ сношеній каждаго съ Синин'омъ. Для этого китайцы раздѣлили всѣ хошуну монголовъ Куку-нор'а и Цайдам'а на два отдѣла—эдегэть: Барунь-эдегэть и Цзунь-эдегэть, въ каждомъ по 12-ти хошуновъ. Аригъ-дабчжи въ это дѣленіе не входитъ. По положенію, представителемъ эдегэта назначается по очереди одинъ изъ старшихъ князей на три года; но такъ какъ званіе представителя эдегэта ¹⁾ оказывается выгоднымъ въ матеріальномъ отношеніи (взятки, подарки), то такой представитель эдегэта обыкновенно старается, по возможности, продлить срокъ этотъ, задаривая Синин'скихъ властей, отъ которыхъ зависитъ назначеніе и смѣщеніе чигулган'а. Поэтому неудивительно, если нѣкоторые князья остаются чигулган'омъ эдегэта пожизненно.

Въ настоящее время чигулган'омъ Барунь-эдегэта состоитъ Муруванъ (Цзюнь-ванъ), а чигулган'омъ Цзунь-эдегэта—Кѳкѳдъ-бэйлэ. Помощниками имъ назначаются тоже князья. Нынѣ для чигулган'а Барунь-эдегэта помощникомъ назначенъ Чжунъ-бэйсэ, а для чигулган'а Цзунь-эдегэта—Курлыкь-бэйсэ. Главный представитель эдегэта вообще официально извѣстенъ у монголовъ подъ названіемъ тергун-да, а его помощникъ—дэд-да.

Назначивъ подобныхъ представителей отдѣловъ, Сининскія власти освободились такимъ образомъ отъ необходимости по всякому дѣлу сно-

¹⁾ Монголы именуютъ это званіе чигулганъ-да.

ситься съ каждымъ хошуннымъ княземъ отдѣльно. Въ дѣлахъ, касающихся отдѣльнаго хошуна, китайцы запрашиваютъ свѣдѣній или же дѣлаютъ распоряженіе тэргун-да или дэл-да, смотря по тому, чьи кочевья расположены ближе къ данному хошуну. Прежде, сношенія съ хошунами велись болѣе строго, но нынѣ, когда хошунны и того и другого отдѣловъ перемѣшались между собою, китайцы позволяютъ себѣ, напримѣръ, отдавать приказаніе хошунному князю Барунъ-эдегэта черезъ какого либо „да“ Цзунъ-эдегэта, если его кочевья находятся ближе къ хошуну князя другого эдегэта. Точно также прежде каждый хошунный начальникъ по своимъ дѣламъ сносился съ Сининскими властями чрезъ посредство своихъ „да“, не иначе. Но теперь, по причинѣ, указанной выше, они иногда или сносятся съ Сининомъ непосредственно, или же черезъ „да“ другого эдегэта, если свои кочуютъ гдѣ-либо далеко.

Прежде, до 1847-го года, когда порядки были строже и когда за ними безкорыстно и справедливо слѣдили китайцы, администрація въ каждомъ хошунѣ Цайдам'а и Куку-нор'а была одинакова. Въ хошунѣ, кромѣ его князя—ван'а, бэйсэ или цзасак'а и т. д., имѣлись по одному или по два тусулакчи, смотря по численности населенія. За ними слѣдовали по нѣсколько человѣкъ чиновниковъ: цзахиракчи, мэйрэнъ, цзаланъ, цзангинъ, и хундэ.

Князья, которые, по старости или болѣзни, желали передать своимъ наслѣдникамъ управленіе хошуномъ, или же представить кого-либо изъ приближенныхъ къ званію тусулакчи или цзахиракчи, писали объ этомъ чрезъ посредство своихъ „да“ Сининскимъ властямъ (Цинь-цай), которые обыкновенно и представляли ежегодно списки такихъ лицъ въ Пекинъ на утверженіе, каковое безъ затрудненій и исполнялось. Нынѣ же дѣла такого рода дѣлаются несравненно труднѣе, такъ какъ только для того, чтобы передать управленіе хошуномъ своему наслѣднику, князь долженъ потратить на взятки въ Сининѣ по нѣсколько сотенъ и даже тысячъ ланъ серебра. Приведемъ и примѣры. Четыре года тому назадъ Цзунъ-цзасакъ больной, привязанный къ постели, рѣшилъ сложить съ себя управленіе хошуномъ и передать его своему сыну. Для выполненія этого намѣренія онъ долженъ былъ дать взятку въ Сининѣ около трехсотъ ланъ серебра, что ему было очень не легко. Два года тому назадъ тоже самое сдѣлаъ цзасакъ Тайчжинерский, которому это удовольствіе обошлось болѣе чѣмъ въ шестьсотъ ланъ серебра. Наконецъ въ прошломъ году и Курлыкъ-бэйсэ сталъ хлопотать о передачѣ его хошуна своему уже взрослому сыну. Въ первое же

время онъ долженъ былъ раздать взятокъ свыше чѣмъ на тысячу ланъ серебра. Но утвержденія своего сына въ тотъ же годъ бэйсэ не получилъ, такъ какъ въ Китаѣ произошли осложненія съ европейцами, что, по словамъ китайцевъ въ Синин'ѣ, помѣшало отправить это представленіе. Хотя теперь дѣла эти и уладились, но китайцы представленія не послали и ожидаютъ, что бэйсэ явится въ Сининъ вновь хлопотать объ этомъ, а слѣдовательно и снова изъ рукъ его польется серебро.

Что же касается представленія князей на утвержденіе въ званіи прочихъ чиновъ—тусулакчи и цахиракчи—, то и въ этомъ случаѣ представленіе и утвержденіе въ этомъ званіи въ Пекинѣ Синин'скія власти продаютъ не дешево—отъ двухсотъ до трехсотъ ланъ серебра для тусулакчи и около ста ланъ—для цахиракчи. Остальные чиновники—мэйрэнъ и хундэ утверждаются самими Синин'скими властями „даромъ“.

Ясное дѣло, что подобныя издержки на взятки китайцамъ князья тусулакчи и цахиракчи стараются возмѣститъ поборами съ своихъ подчиненныхъ, что вмѣстѣ съ уменьшеніемъ населенія и его обѣднѣніемъ отъ постоянныхъ набѣговъ тангутовъ, ложится тяжелымъ бременемъ на монголовъ. Поэтому-то князья стараются въ послѣднее время возможно болѣе ограничивать штатъ хошунной администраціи, назначая себѣ помощниковъ по своему усмотрѣнію безъ вѣдома китайскихъ властей и не испрашивая ихъ утвержденія. Такимъ образомъ тусулакчи теперь имѣются лишь въ двухъ хошунахъ Цайдам'а—Тайчжинеръ и Курлыкъ—, а въ остальныхъ нѣтъ этихъ помощниковъ главныхъ управителей, но есть только цахиракчи; этихъ послѣднихъ, впрочемъ, нѣтъ лишь у Курлыкъ-цзасака, Тайчжинеръ и нѣкоторыхъ Кукунорскихъ князей. Взяточничество китайцевъ распространяется главнымъ образомъ на хошуны богатые и многочисленные по населенію; хотя нерѣдко китайцы не брезгаютъ брать взятки, даже въ видѣ худой лошаденки или барана, и отъ такихъ Кукунорскихъ князей, въ хошунахъ которыхъ считается всего только двѣ семьи или немногимъ болѣе.

Для характеристики нынѣшняго китайскаго управленія въ Синин'ѣ слѣдуетъ упомянуть и о томъ, какъ монгольскіе князья получаютъ установленное для нихъ жалованье отъ богдоханскаго двора. Такъ для цзасака полагалось изъ Пекина сто ланъ серебра и нѣсколько кусковъ шелковой матеріи. Прежде, все это получалось въ Синин'ѣ и выдавалось полностью цзасак'у; теперь же это дѣлается иначе. Являясь за полученіемъ богдоханскаго жалованья, цзасакъ почти всегда выслушиваетъ

слѣдующее: „вотъ получено ваше серебро изъ Пекина; за доставку его мы должны вычесть изъ него такую-то сумму, за продовольствіе животныхъ въ пути столько-то, за прокормъ ихъ здѣсь, въ Сининѣ, гдѣ кормъ нынче особенно вздорожалъ—столько-то, за сбереженіе его въ теченіе такого-то времени—столько-то, на уплату расходовъ по такому-то дѣлу вашего хошуна—столько-то; наконецъ—„дэчжи“ нашему амбаню—столько-то“; дэчжи монгольское—пригубить, попробовать,—обычай предлагать почетному гостю или старшему изъ вѣжливости пригубить вино, прежде чѣмъ самому его выпить. Или же:—„мы получили предназначенное вамъ серебро полностью, но у насъ случилась нужда въ немъ и мы его истратили; поэтому не откажите взять отъ насъ на эту потраченную сумму серебра что хотите:—матеріи или чаю, или что-либо другое.“ Въ первомъ случаѣ за вычетомъ всѣхъ расходовъ, которые тщательно въ такихъ случаяхъ выписываются въ реестръ, князю достается получить изъ ста ланъ или половину, или треть—одну пятую или даже всего только одну десятую часть всей суммы, да и то чаще товарами, которые ставятся ему гораздо дороже, чѣмъ онъ самъ могъ бы ихъ купить на рынкѣ; во второмъ случаѣ—онъ получаетъ въ дѣйствительности на какую-нибудь одну пятую всей суммы ненужныхъ для него товаровъ, которые оцѣниваются китайцемъ во всю сто-ланную сумму серебра. Что же касается матеріи, то таковыя выдаются князьямъ сполна, но не тѣхъ уже качествъ какъ прежде и не тѣ матеріи, которыя присланы изъ Пекина для раздачи князьямъ, а матеріи худшаго качества, купленные тутъ же въ Сининѣ. Если ко всему этому прибавить и неизбѣжные расходы на подарки, состоящимъ при князьяхъ, во время ихъ проживанія въ городѣ, переводчикамъ и полицейскимъ, то изъ всѣхъ богдоханскихъ щедротъ, называемыхъ жалованьемъ, останется одно лишь жалкое воспоминаніе.

Трудно допустить, чтобы всѣ эти безобразія производились съ вѣдома самихъ цинь-цай'евъ; вѣроятно же всего, что вслѣдствіе замкнутости крупныхъ китайскихъ сановниковъ, вслѣдствіе огромнаго штата мелкихъ чиновниковъ, состоящихъ при нихъ на службѣ „за-столь“ и „подачки“, эти послѣдніе творятъ сообща именемъ своего патрона все, что угодно, тщательно скрывая грязь отъ него. Монголы же вообще въ загонѣ и почти совсѣмъ не имѣютъ доступа къ самому Цинь-цай'ю, а сносятся съ нимъ въ Сининѣ чрезъ посредство „сюмбу“, совѣтниковъ (ши-ѣ) и переводчиковъ (тунъ-ши), которымъ это правило открываетъ широкое поле для мошенничествъ и вымогательствъ.

Хошунъ Курлыкъ управляется княземъ пятой степени — бэйсэ. Издавна для обозначенія размѣра кочевій хошуна, численности его населенія о Курлыкѣ говорятъ: „Курлыкъ-гурбанъ-сумунъ, долонъ-тоукъ“, т. е. Курлыкъ въ три сотни, кочующихъ на семи участкахъ.

Прежде населеніе Курлык'а кочевало по долинамъ озера Курлыкъ-норъ, рѣки Баинъ-голъ (Алихани-голъ) и по ущельямъ южныхъ склоновъ окраины Нань-шан'я или Курлыкъ-ула. На правомъ берегу Баинъ-гол'а были выстроены хырмы и управленіе бэйсэ, гдѣ хранилась и его печать. Но послѣ 1896-го года въ Курлыкъ нагрянули толпы повстанцевъ-дунганъ и разорили эти укрѣпленія, а населеніе хошуна вынуждено было бѣжать на западъ въ Махай, Сыргынъ, Бага- и Ихэ-цайдамы и Шарголчжинъ. Только небольшая часть населенія вновь вернулась на родину въ Курлыкъ-норъ, гдѣ имѣются у нихъ поля и хорошія пастбища въ камышевыхъ заросляхъ. Бэйсэ уже сюда болѣе не возвращается, такъ какъ рѣшилъ кочевать только по долинамъ озеръ Бага- и Ихэ-цайдаминъ-норъ и по долиніѣ Шарголчжин'а. Хырмы и управленіе его строятся нынѣ въ долиніѣ Ихэ-цайдаминъ-нор'а.

Пока, до окончанія постройки его управленія, такое помѣщается въ юртѣ, подлѣ помѣщенія бэйсэ. Въ этой юртѣ хранится его княжеская печать, при которой постоянно, въ качествѣ охраны и судей, состоятъ одинъ или двое чиновниковъ, слѣдующихъ за цзахиракчи. Весь штатъ управленія бэйсэ, кромѣ тусулакчи—родного брата бэйсэ, состоитъ изъ 25 человекъ чиновниковъ, назначенныхъ большею частью самимъ бэйсэ безъ утвержденія китайцами. Утвержденныхъ этими послѣдними имѣется только одиннадцать. Какъ уже сказано было выше, въ этомъ хошунѣ, благодаря алчности китайцевъ, нѣтъ утвержденнаго ими цзахиракчи; но самъ бэйсэ награждаетъ своихъ чиновниковъ этимъ званіемъ.

Бэйсэ, какъ человекъ умный, справедливый и добрый, очень любимъ своими хошунцами. Въ этомъ я вижу подтвержденіе собственнаго убѣжденія, вынесеннаго мною почти за десятилѣтній періодъ времени, въ который я знакомъ съ этимъ монгольскимъ чиновникомъ и его народомъ. Что касается до отношеній бэйсэ къ намъ, русскимъ путешественникамъ, то въ этомъ не остается желать ничего лучшаго. Никогда не забуду какъ въ минувшее путешествіе наша экспедиція совершенно спокойно располагала своими отдѣльными поѣздками по землямъ Курлыкъ-бэйсэ и какъ этотъ чиновникъ первый пришелъ къ намъ на помощь во время обострившейся болѣзни горла В. И. Роборовскаго и

отыскалъ тибетскаго ламу-знахаря, который скоро угадалъ болѣзнь и успѣшно ее вылѣчилъ.

Относительно же честности бэйсэ могу сказать слѣдующее. Узнавъ о приходѣ моей экспедиціи въ Цайдамъ, въ хошунъ Барунъ-цзасак'а, Курлыкъ-бэйсэ тотчасъ же командировалъ ко мнѣ нѣсколько человѣкъ чиновниковъ съ привѣтственнымъ письмомъ, подарками и небольшою, въ шестнадцать ланъ китайскаго серебра, суммой денегъ. Послѣдняя препровождалась мнѣ какъ члену минувшей экспедиціи за розысканную и проданную русскую лошадь, убѣжавшую изъ табуна бэйсэ. Признаться, я только тогда вспомнилъ, что одна изъ нашихъ неважныхъ лошаденокъ дѣйствительно затерялась въ Курлыкѣ на пастбищѣ и до нашего отхода въ Са-чжоу не была найдена. Разыскали же ее тогда, когда доставить въ нашъ лагерь не было никакой возможности, такъ какъ экспедиція уже находилась въ Са-чжоу-Хамійской пустынѣ. Огорченный Курлыкъ-бэйсэ продалъ эту лошадь одному изъ своихъ монголовъ и вырученное за нее серебро, рѣшилъ хранить до извѣстнаго времени. Курьезнѣе всего то, что продавъ лошадь, бэйсэ въ кругу своихъ приближенныхъ замѣтилъ: „русскіе скоро опять придутъ, тогда мы имъ и отдадимъ серебро по принадлежности, а пока запечатаемъ и будемъ его беречь въ общей казнѣ“. По возвращеніи моемъ въ Петербургъ я вмѣстѣ съ поклономъ бэйсэ передалъ моему товарищу В. И. Роборовскому, какъ бывшему начальнику экспедиціи, эти деньги, и подтвердилъ тѣмъ самымъ справедливость моего взгляда по отношенію къ монголамъ Курлык'а вообще, а къ ихъ управителю въ особенности.

Наслѣдникъ престарѣлаго бэйсэ уже и теперь пользуется у народа большою любовью за справедливость, строгость и энергичное отстаиванье интересовъ собственнаго хошуна.

Населеніе хошуна Курлыкъ-бэйсэ въ настоящее время довольно смѣшанное. Благодаря обширности удобныхъ для земледѣлія и пастбищъ мѣстъ, сюда приходятъ и остаются на постоянное жительство, въ подчиненіи бэйсэ, халха'сцы; остаются здѣсь и монголы другихъ родовъ, ходившіе на богомолье въ Лхасу. Среди населенія Курлык'а довольно много омонголившихся китайцевъ и даже дунганъ. Послѣдніе живутъ по монгольски — въ юртахъ или съ женами-дунганками или же женятся на монголкахъ, но при этомъ сохраняютъ свою религію. Омонголившіеся тангуты также встрѣчаются, хотя и очень рѣдко. Вообще въ Курлыкѣ остаются монголы съ сѣвера еще и потому, что въ этомъ хошунѣ, по сравненію съ прочими цай-

дамскими хошунами, особенно много дѣвушекъ, на которыхъ можно жениться.

Населеніе, кромѣ скотоводства, занимается земледѣліемъ въ большихъ, чѣмъ прочіе цайдамцы, размѣрахъ, засѣвая поля исключительно ячменемъ, котораго оказывается не только достаточно для довольствія населенія хошуна, но еще и остается порядочное количество для продажи монголамъ сосѣднихъ хошуновъ Цайдам'а — Цзунъ и Тайчжинеръ. Курлыкъ не безъ основанія считается монголами самымъ богатымъ. Дѣйствительно, здѣсь рѣдко можно встрѣтить такую нищету, какую часто приходится видѣть въ особенности въ хошунахъ Цзунъ и Барунъ-цзасак'овъ, не говоря уже о монголахъ Кукунорскихъ. Самымъ богатымъ человѣкомъ считается въ Курлык'ѣ его князь, бэйсэ; онъ имѣетъ около тысячи головъ рогатаго скота, свыше трехсотъ верблюдовъ, болѣе пятисотъ лошадей и свыше тысячи барановъ. Стада барановъ въ Курлык'ѣ вслѣдствіе падежа, продолжавшагося въ теченіи четырехъ послѣднихъ годовъ, сильно побавились.

Люди, считающіеся состоятельными, а такихъ въ Курлык'ѣ, говорятъ, довольно много, имѣютъ до восьмидесяти верблюдовъ, около ста штукъ рогатаго скота, трехсотъ головъ лошадей и пятьсотъ—шестьсотъ барановъ.

До 1896-го года курлыкцы два раза въ теченіе года очень большими партіями ѣздили въ Донгэръ-тинъ и Сининъ съ продуктами своего скотоводческаго хозяйства: шерстью верблюжьей, бараньей, шкурами и масломъ; сырье это они продавали на серебро или мѣцяли на предметы домашняго обихода, чай, матеріи и обувь. Туда же они ежегодно увозили большое количество нашатыря и свинца, которые они добываютъ въ горахъ Цапчимыль-ула и въ предгорьяхъ Наньшан'я. Свинца же они обязаны были представлять ежегодно известное количество въ Сининъ взамѣнъ податей и повинностей ¹⁾. Нынѣ же курлыкцы, окончательно поселившіеся на западѣ своего кочеваго района, ѣздятъ за покупками не въ Сининъ, а въ Са-чжоу, который гораздо ближе.

Слѣдующій затѣмъ хошунъ — Тайчжинеръ — названіе свое получилъ по слѣдующей причинѣ. Когда Далай-да-женъ распредѣлялъ шарайгол'овъ на хошуну и ставилъ во главѣ ихъ старшихъ потомковъ рода гэгэна Гуши-хана, то оказалось, что для младшихъ членовъ

¹⁾ Свинецъ поступалъ для потребностей войскъ, расположенныхъ въ Сининскомъ округѣ.

этого дома не изъ чего составить удѣла. Поэтому эти тайчжи начали устраниваться при князьяхъ въ разныхъ хошунахъ по одному, по три, по пяти и т. д. Послѣ устройства послѣдняго, западнаго хошуна въ Цайдамѣ, выяснилось, что въ немъ находилось въ то время 33 члена (тайчжи) Гуши-хан'ова дома, кромѣ цзасака, которые пожелали остаться въ этомъ хошунѣ. Вслѣдствіе такого обилія тайчжи въ описываемомъ хошунѣ онъ и названъ былъ Тайчжинер'скимъ, т. е. дворянскимъ; тайчжи — дворянныя. До сихъ поръ монголы этого хошуна гордятся своимъ дворянскимъ происхожденіемъ и пользуются всякимъ случаемъ, чтобы высказаться въ этомъ духѣ передъ прочими цайдам'цами. „Гурбанъ-тулай-нутук-тэ, гучинъ-гурбанъ тайчжинеръ“, т. е. по мѣсту жительства — съ трехъ заячьихъ ключей ¹⁾, по происхожденію — отъ 33 дворянъ (тайчжи)“, говорятъ обыкновенно тайчжинер'цы.

По числу населенія и по благосостоянію хошунъ этотъ слѣдуетъ тотчасъ же за Курлык'омъ. Населеніе Тайчжинеръ-хошуна занимаетъ главнымъ образомъ скотоводствомъ и въ очень небольшихъ размѣрахъ земледѣліемъ, разведенномъ по долинѣ рѣчки Номохунъ-голь, вмѣстѣ съ Цзун'омъ. Населеніе хошуна остается пока еще чистымъ отъ пришельцевъ, которыхъ въ немъ не много; четыре семьи халха'сцевъ и дѣрбѣтовъ и пять — шесть семействъ тибетцевъ изъ подъ Лхасы. Хошунъ этотъ по богатству своему нисколько не отличался бы отъ Курлык'а, если бы не повальная болѣзнь, пять лѣтъ тому назадъ поголовно выкосившая верблюдовъ во всемъ хошунѣ.

Въ своемъ хошунѣ тайчжинер'цы добываютъ селитру, извѣстную часть которой они, какъ и курлык'цы, доставляютъ для войскъ Синин'скаго гарнизона въ видѣ повинности. Для сбыта сырья эти монголы путешествуютъ въ Сининъ и Донгэръ также раза два въ теченіи года. Хырмъ монголы этого хошуна не строятъ, а пожитки свои обыкновенно зарываютъ въ песокъ, гдѣ либо въ укромномъ мѣстѣ, среди песчаныхъ бугровъ. Тоже самое дѣлаютъ и нѣкоторые курлык'цы.

Цзасакъ хошуна Тайчжинеръ не имѣетъ постояннаго помѣщенія для своего управленія. Печать его и охраняющіе ее и назначаемые по очереди для разбирательства дѣлъ чиновники помѣщаются всегда въ юртѣ, которая при перекочевкахъ ставится рядомъ съ юртою цзасака. Цзасакъ, и лѣто и зиму, кочуетъ на урочищѣ Уланъ-хачжиръ.

¹⁾ Гурбанъ-тулай — три ключевыхъ урочища въ среднемъ Тайчжинеръ-хошунѣ.

Нынѣ во главѣ управленія описываемаго хошуна стоитъ молодой человѣкъ, шестнадцати лѣтъ отъ роду. Утвержденъ онъ былъ въ 1900 году и въ тотъ же годъ женился на тринадцатилѣтней дѣвочкѣ своего хошуна. Этотъ цзасакъ умомъ не отличается и держитъ себя еще какъ мальчишка. Отецъ же его продолжаетъ управлять хошуномъ и старается приучить къ дѣлу и сына. Старикъ очень любимъ народомъ за свою доброту и справедливость.

По штату, въ этомъ хошунѣ полагается послѣ цзасака — тусулакчи, цзахиракчи, мэйрэнъ, цзаланъ, цзангинъ и хундэ. Всѣ эти чиновники утверждены китайскими властями, но, помимо штатныхъ чиновниковъ—помощниковъ цзасака, въ этомъ хошунѣ имѣется еще человѣкъ до 140, отличенныхъ какимъ-либо званіемъ или чиномъ по желанію самаго цзасака, безъ вѣдома китайцевъ. Званіемъ и чиномъ награждаетъ цзасакъ конечно любого монгола, который съумѣетъ чѣмъ-либо понравиться ему; такъ званіемъ мэйрэнъ, цзангинъ или хундэ цзасакъ награждаетъ за мелкія услуги, за хорошо спѣтую пѣсню, за веселый нравъ, за благополучную съ нимъ поѣздку въ Сининъ и т. д. Съ прошлаго же года такихъ чиновниковъ стало еще больше; говорятъ, что половина населенія хошуна получила различныя званія и чины отъ молодаго цзасака совершенно зря: понравится ему фیزیономія конюха, пастуха, онъ его назначаетъ цзангин'омъ, хундэ и проч.

Кромѣ этихъ чиновъ управленія въ хошунѣ въ настоящее время насчитывается до двухсотъ семействъ тайчжи — потомковъ тридцати трехъ членовъ дома Гуши-хана. Всѣ тайчжи не несутъ никакихъ повинностей и не служатъ. Они приходятъ, впрочемъ, на помощь цзасаку въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднему понадобится серебро на взятки китайцамъ для скорѣйшаго утвержденія его на слѣдника въ званіи цзасака.

Такъ какъ хошунъ очень растянутъ и цзасакъ, живущій на самой западной окраинѣ его, рѣдко объѣзжаетъ свои владѣнія, то среди чиновничества развилось непомѣрное взяточничество и обирательство рядомъ съ несправедливостью въ рѣшеніяхъ дѣлъ, что остается въ большинствѣ случаевъ неизвѣстнымъ цзасаку.

Въ объясненіе названія хошуна Цзунъ, слѣдуетъ сказать, что слова цзунъ и барунъ здѣсь, въ Цайдам'ѣ, понимаются совершенно иначе. Въ Халха и у другихъ сѣверныхъ монголовъ подъ словомъ цзунъ подразумѣвается востокъ, а подъ словомъ барунъ — западъ. Тамъ почетной стороной считается югъ и потому всѣ монголы ставятъ тамъ свои юрты дверями на югъ. Въ Цайдам'ѣ же слово цзунъ слу-

жить для обозначенія сѣвера, а барунъ — юга; передней, почетной стороною считается востокъ и здѣсь монголы ставятъ свои юрты дверями на востокъ. Поэтому-то и два хошуна, расположенные одинъ отъ другого, на сѣверо-сѣверо-западъ—юго-юго-востокъ названы Цзунъ и Барунъ — сѣвернымъ и южнымъ хошунами.

Хошунъ Цзунъ-цзасакъа, расположенный на сѣверо-сѣверо-западъ отъ кочевій Барунъ-цзасакъа, кочуетъ зимою по обонмъ берегамъ рѣчки Баянъ-голь и къ западу отъ своей хырмы, до рѣчки Номохунъ-голь. Лѣтомъ большею частью монголы этого хошуна скучиваются между укрѣпленіями Барунъ- и Цзунъ-цзасакъовъ и кочуютъ здѣсь вмѣстѣ съ населеніемъ хошуна Барунъ-цзасакъа, укрываясь, благодаря обилію вязкихъ болотъ и песчаныхъ бугровъ, отъ нападеній тангутовъ, ежегодно являющихся лѣтомъ на грабежъ въ Цайдамъ. Въ годы особенно обильные комарами и оводами или во время повальныхъ болѣзней, монголы этого хошуна отправляютъ стада верблюдовъ въ ущелья сѣвернаго склона Бурханъ-Будда, сами же кочуютъ по долинамъ.

Населеніе описываемаго хошуна значительно бѣднѣе населенія первыхъ двухъ хошуновъ. Достаточнымъ, богатымъ монголою здѣсь считается такой, который имѣетъ 30 головъ верблюдовъ, столько же лошадей, около 60 штукъ рогатаго скота и 300—400 барановъ. Населеніе Цзунъ-хошуна на половину бѣдняки, имѣющіе всего лишь 1—2 лошади, съ десятокъ коровъ и десятка $1\frac{1}{2}$ —2 барановъ. Есть не мало и такихъ, которые не имѣютъ ни одной лошади и коровы и живутъ только молокомъ отъ домашнихъ козъ.

Западная часть хошуна по рѣчкѣ Номохунъ-голь имѣетъ удобныя для земледѣлія земли и эксплуатируетъ ихъ. Большая же часть монголовъ хошуна ѣздитъ за хлѣбомъ или въ Шанъ, или въ Курлыкъ.

Ранѣе цзунъцы хранили свою рухлядь или въ Номохунъ-хото, или же закапывали ее въ песчаные бугры, но послѣ тангутскаго погрома, въ 1847-мъ году, они выстроили хырму и управленіе, и теперь уже не прячутъ своего имущества въ пескахъ.

Штатъ администраціи Цзунъ-хошуна, во главѣ котораго стоитъ цзасакъ, состоитъ изъ тѣхъ же чиновъ, что и въ предыдущихъ двухъ хошунахъ, съ тою лишь разницею, что цзасакъ не имѣетъ тусулакчи—главнаго помощника. Его замѣняетъ ему цзахиракчи, личность котораго на столько интересна, что заслуживаетъ чтобы на ней остановиться.

Цахиракчи, по имени Дамба, родной братъ нашего переводчика Дадай'я¹⁾, родомъ монголь хошуна Цзунь-цзасак'а. Родился онъ въ окрестностяхъ Лхасы, куда родители его бѣжали изъ Цзунь-хошуна въ 1847-мъ году отъ тангутскаго нашествія. Родители Дамба, оставивъ его мальчикомъ въ Шихацзэ, въ Тибетъ, вернулись въ Цайдамъ, въ свой родной хошунъ. Дамба сначала учился у ламъ, а затѣмъ, благодаря уму, расторопности и несмотря на молодость, былъ назначенъ начальникомъ одного тибетскаго хошуна, численностью около трехсотъ семействъ, занимавшагося земледѣліемъ подлѣ Шихацзэ. Вернувшись къ родителямъ, онъ затѣмъ поѣхалъ въ Пекинъ, гдѣ съумѣлъ устроиться у одного крупнаго гэгэн'а въ качествѣ шанцзотба и прожилъ у него пять лѣтъ. Оттуда онъ съѣздили въ Ургу, потомъ переехалъ въ У-тай и тамъ снова было устроился у гэгэн'а въ качествѣ шанцзотба. Но здѣсь онъ пробылъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ и былъ вытребованъ Цзунь-цзасак'омъ на родину, въ Цайдамъ.

По возвращеніи на родину онъ женился, а черезъ годъ цзасакъ представилъ его китайскимъ властямъ въ Пекинѣ для утвержденія въ должности цахиракчи. Въ этомъ званіи Дамба состоитъ уже десять лѣтъ и своимъ умомъ, тактомъ и умѣньемъ быстро и справедливо оканчиваетъ всякое спорное дѣло, а также и своею неумолимою строгостью, заслужилъ большую славу во всемъ Цайдам'ѣ. Монгольской грамоты онъ не знаетъ, но тибетскую литературу изучилъ основательно и языкомъ этимъ владѣетъ въ совершенствѣ.

Благодаря такому цахиракчи, а также и честности, строгости и уму самого цзасак'а, теперь большого старика, въ хошунѣ Цзунь нѣтъ и въ поминѣ взяточничества, насилій, несправедливостей и другихъ злоупотребленій мелкаго чиновничества. Всякое маленькое, неважное дѣло не минуетъ цахиракчи и цзасак'а; каждая малѣйшая несправедливость, грубость какого нибудь мэйрэн'а, цзангин'а или хундэ не останется скрытой и жестокая кара ожидаетъ виновнаго. О тѣхъ наказаніяхъ, которыя цзасакъ и его помощникъ Дамба налагаютъ на провинившихся своихъ подчиненныхъ за малѣйшіе проступки, мы здѣсь не будемъ говорить, а приведемъ ихъ ниже, въ слѣдующей главѣ, въ отдѣлѣ „юридическіе обычаи“.

Народъ, не обираемый и не притѣсняемый никѣмъ, спокойно живетъ и не нарадуется на своего цзасака и его помощника. Четыре года тому назадъ старикъ-цзасакъ официально сложилъ съ себя управ-

¹⁾ Имя это будетъ не рѣдко упоминаться въ слѣдующей, второй, части книги, при описаніи путешествія въ самомъ Тибетѣ.

леніе хошуномъ и передать его своему, нынѣ двѣнадцати-лѣтнему сыну. Но пока сынъ возмужаетъ, старый цзасака не хочетъ оставить хошуна и по-прежнему, уже именемъ сына, продолжаетъ вмѣстѣ съ Дамба управлять имъ.

Управленіе ¹⁾ находится въ хырмѣ. Тамъ же хранится и княжеская печать цзасака, которую постоянно охраняютъ два чиновника съ шестнадцатью воинами. Одинъ чиновникъ приставленъ исключительно къ печати и кромѣ того обязанъ принимать монголовъ по ихъ дѣламъ и докладывать о нихъ цзасаку или его цзахиракчи; другой чиновникъ является начальникомъ конвоя. Чиновники смѣняются черезъ каждые три мѣсяца, а воины черезъ пятнадцать дней. Въ ставкѣ цзасака постоянно, чередуясь черезъ полмѣсяца, также находится по пяти воиновъ, обязанныхъ охранять цзасака. Эти конвойцы дежурятъ и по ночамъ, чтобы тангуты не могли застать спящихъ врасплохъ. Кромѣ того на ихъ обязанности лежитъ собраніе топлива, ношеніе воды, присмотръ за животными и прислуживаніе прѣзжающимъ къ цзасаку чиновникамъ и гостямъ.

Хошунъ Барунъ-цзасака, расположенный ближе къ окраинѣ хребта Бурханъ-Будда, нѣсколько менѣе сосѣдняго по числу населенія, но по благосостоянію своему онъ равняется ему. Барунъ-цы, какъ и ихъ сосѣди, занимаются, главнымъ образомъ, скотоводствомъ и немного земледѣліемъ.

Племенной составъ, какъ хошуна Барунъ-цзасака, такъ и хошуна Цзунъ-цзасака почти одинаковъ — населеніе смѣшанное монгольское и тангутское; разница только въ числѣ омонголившихся тангутовъ, проживающихъ въ этихъ хошунахъ и въ отношеніяхъ цзасаковъ, къ пришельцамъ. У Цзунъ-а ихъ меньше, такъ какъ онъ принимаетъ тангутовъ осторожно и съ разборомъ, и держитъ ихъ у себя въ хошунѣ строго. Другое дѣло въ Барунъ-хошунѣ; здѣсь бѣглые тангуты и тибетцы, омонголившіеся и поженившіеся на монголкахъ, составляютъ четверть всего населенія хошуна. Вслѣдствіе этого нерѣдко такіе пришельцы, хорошо ознакомившись съ мѣстностью, угощаютъ монгольскій скотъ, а въ придачу еще прихватываютъ съ собою и красивыхъ дѣвушекъ. Двѣ сестры Барунъ-цзасака выданы замужъ за бѣглыхъ тибетцевъ, а старшая дочь его, молодая дѣвушка, вскорѣ будетъ выдана замужъ за бѣглаго же тангута, который уже въ теченіе года состоитъ ея самымъ близкимъ другомъ...

¹⁾ Хыры и управленія извѣстны у монголовъ подъ названіемъ Кан-саръ (тангутское; „Кан“—постройка, „саръ“—новый) или „хэрмэ“ (монгольское—крѣпость), или наконецъ „хуре“—монастырь ламъ или дворъ чиновника (ставка).

Какъ и у Цзунъ-, у Барунъ-цзасака не имѣется тусулакчи; всѣ же прочіе чины, начиная съ цзахиракчи и кончая хундэ, въ хошунѣ утверждены китайцами. Но здѣсь отношенія населенія къ своимъ властямъ и цзасаку уже имѣютъ совершенно противоположный характеръ. Все населеніе съ ненавистью говоритъ о своемъ цзасакѣ, который является первымъ въ хошунѣ безчестнымъ человѣкомъ и, благодаря своей глупости, распустилъ окончательно всѣхъ чиновниковъ, которые беззащитно обираютъ его именемъ народъ, посредствомъ вымогательства и даже грабежей. Монголы съ сожалѣніемъ вспоминаютъ объ управленіи хошуномъ отцомъ теперешняго цзасака. Старикъ этотъ ослѣпъ и въ настоящее время не вмѣшивается въ дѣла, предоставивъ ихъ всецѣло своему сыну.

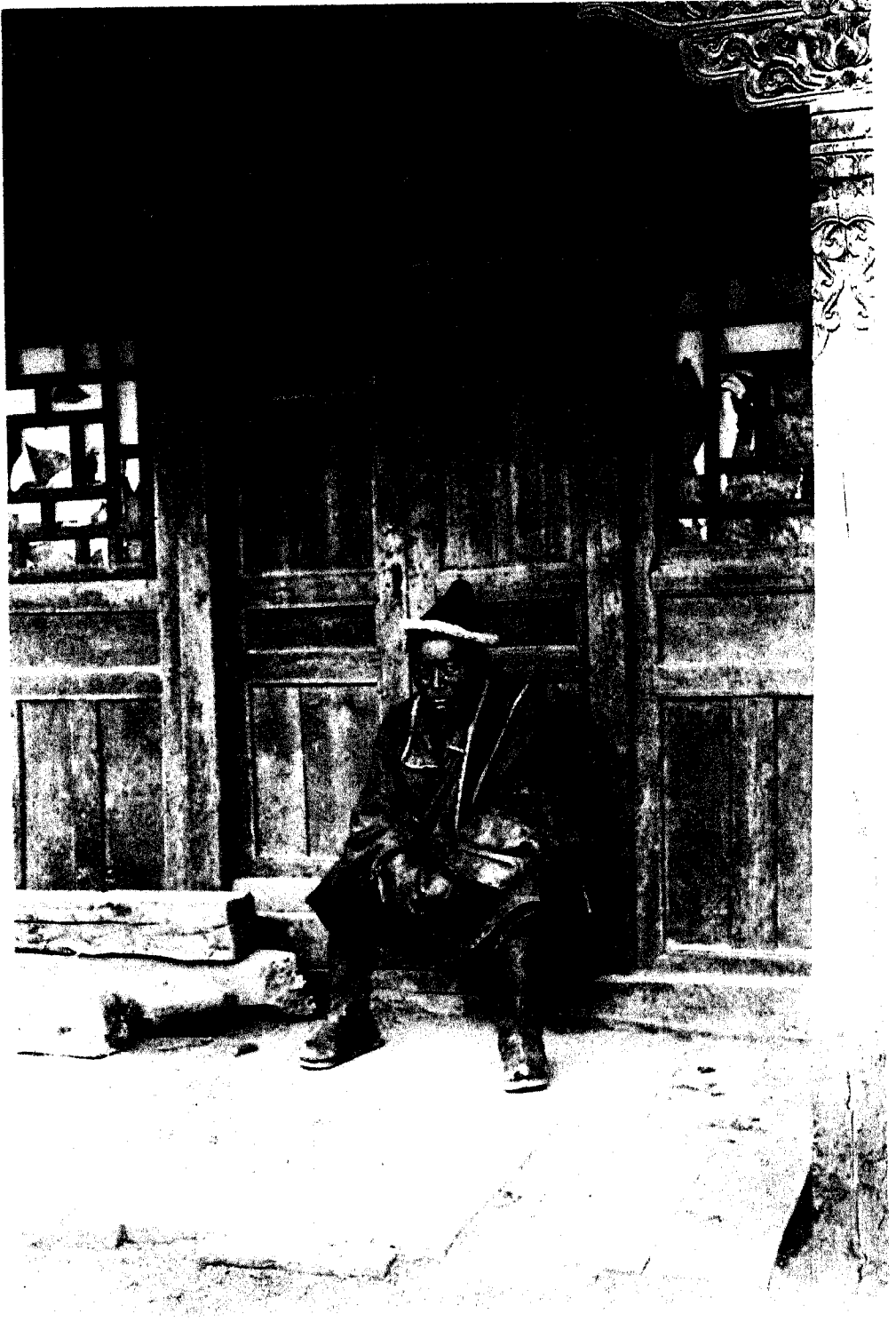
Единственнымъ честнымъ человѣкомъ въ администраціи Барунъ-цзасака является его цзахиракчи, но онъ безсиленъ, такъ какъ самъ цзасакъ, обязанный защищать интересы своихъ хошунцевъ, поощряетъ злоупотребленія, лично обирая народъ. Дѣлъ онъ самъ не разбираетъ и даже не поручаетъ разбирательство ихъ своему цзахиракчи, а предоставляетъ ихъ рѣшеніе исплутовавшимся мелкимъ чиновникамъ, которые выдѣляютъ ему часть взятокъ, полученныхъ съ той и другой стороны.

Нерѣдко барунцы въ болѣе серьезныхъ дѣлахъ уже не обращаются къ своимъ властямъ, а ѣдутъ къ Цзунъ-цзасаку, который рѣшаетъ дѣло справедливо. Иногда же они просто приглашаютъ чиновниковъ цзунской администраціи для разбора дѣла въ свой хошунъ. Въ очень важныхъ дѣлахъ они или обращаются къ Синин'скимъ властямъ, или цѣлымъ хошуномъ просятъ Цзунъ-цзасака быть посредникомъ въ дѣлѣ и дать свой приговоръ, которому всегда и подчиняются безприкословно.

Самымъ богатымъ въ хошунѣ Барунъ-цзасака считается самъ управитель, князь, который имѣетъ около пятидесяти верблюдовъ, до ста лошадей, головъ сто пятьдесятъ рогатаго скота и болѣе пятисотъ барановъ. Бѣдняковъ, почти ничего не имѣющихъ, въ этомъ хошунѣ значительно больше, чѣмъ у его сосѣда Цзунъ-цзасака.

Продукты своего скотоводческаго хозяйства какъ барунцы, такъ и цзунцы, составляя смѣшанныя партіи, увозятъ на продажу въ Сининъ, гдѣ промѣниваютъ ихъ на чай, чаши, котлы, матеріи и другіе товары, необходимые въ обиходѣ монголовъ.

Остается сказать теперъ о самомъ маленькомъ хошунѣ, Курлыкъ-цзасака.

Барунъ-цзасакъ, начальникъ Вост. Цайдама.

Когда-то, еще до тангутскаго погрома, въ этомъ хошунѣ числилось шестьсотъ семействъ, которыя были отчасти вырѣзаны, а отчасти разбѣжались неизвѣстно куда. Въ то время какъ прочіе хошунуны въ пяти-шести лѣтній промежутокъ времени были болѣе или менѣе порядочно возстановлены, этотъ хошунъ собирался и продолжаетъ собираться послѣ позднѣйшаго дунганскаго возстанія, 1895—96 гг., чрезвычайно туго. Теперешнему цзасаку досталось въ наслѣдство всего лишь шестнадцать семействъ. Цзасакъ еще очень молодой человѣкъ, двадцати съ небольшимъ лѣтъ, однако подаетъ большія надежды. Говорятъ онъ очень уменъ и добръ.

Недавно ему удалось обстоятельно разузнать о томъ, что въ сосѣднемъ хошунѣ Курлыкь-бэйсэ проживаетъ восемь семействъ монголовъ, принадлежавшихъ до 1847-го года хошуну Курлыкь-цзасака. Молодой цзасакъ ловко съумѣлъ поднять дѣло о возвращеніи ему этихъ восьми юрть и выигралъ его безъ особенныхъ затрудненій. Это-то обстоятельство и подняло молодаго управителя въ глазахъ цайдамцевъ, которые пророчатъ ему быстрое увеличеніе его хошуна. Теперь у него въ хошунѣ пока только двадцать четыре семьи. Благодаря удаленности отъ тангутовъ его хошунцы не подвергаются нападеніямъ и, пользуясь хорошими пастбищами по Шарголчжин'у и въ Сыртын'ѣ, считаются богатыми.

Единственный чиновникъ въ этомъ хошунѣ, помощникъ цзасака — мэйрэнъ, обладаетъ стадомъ барановъ въ тысячу головъ и имѣетъ порядочный табунъ лошадей и штукъ до двухсотъ яковъ. Всѣ прочіе хошунцы Курлыкь-цзасака также живутъ въ хорошемъ достаткѣ. Они вмѣстѣ съ монголами Курлыкь-бэйсэ ѣздятъ только въ Са-чжоу, въ Сининъ же, безъ требованія китайцевъ, не заглядываютъ.

Этнографическій очеркъ Цайдамскихъ МОНГОЛОВЪ.

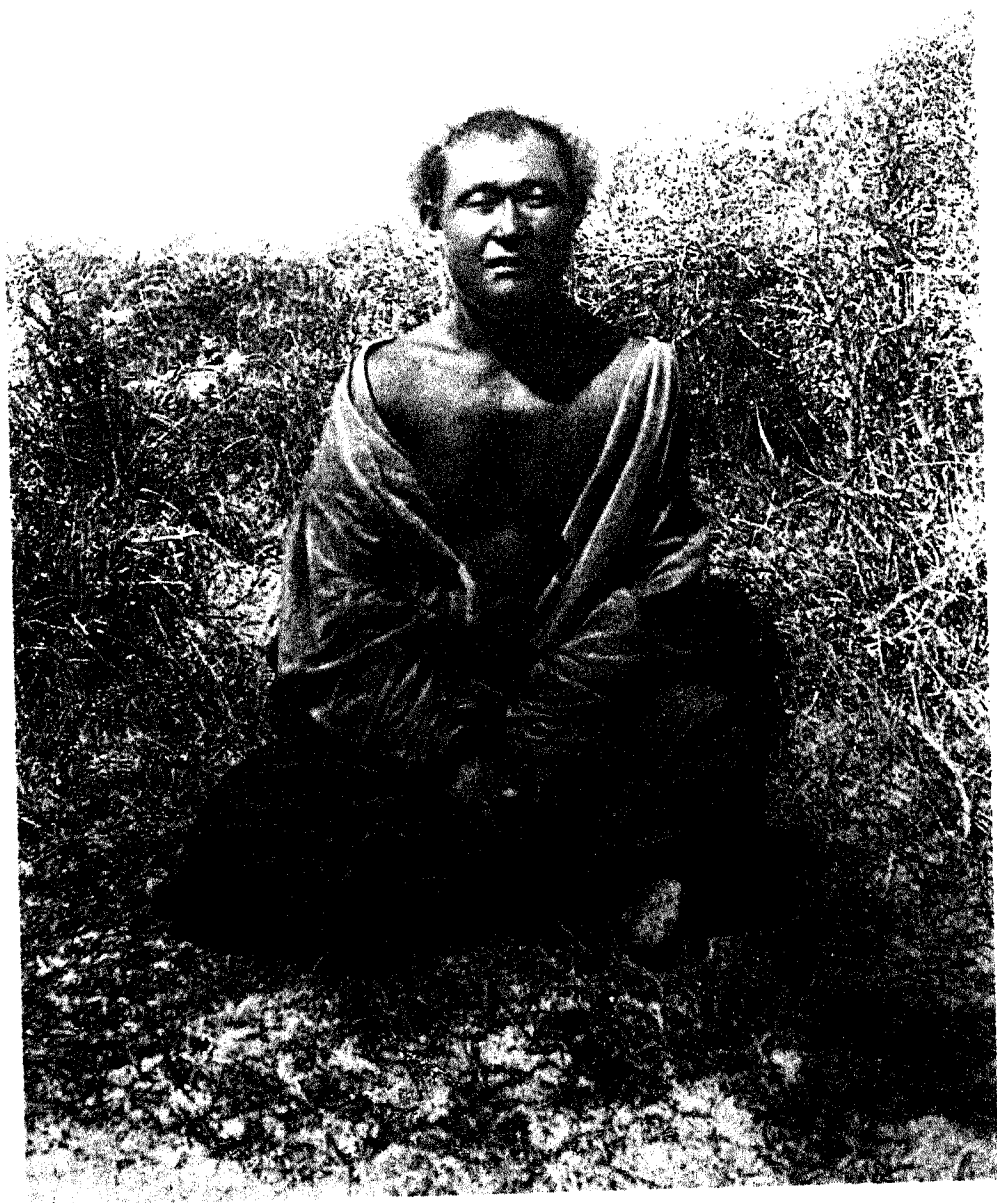
Наружный типъ, одежда, жилище, домашняя утварь, пища и занятія. Приемъ и угощеніе гостя. Отношенія половъ. Выборъ невѣсты. Сватовство. Свадьба: перемѣна прически, подарки невѣстѣ и посѣщеніе ея дома женихомъ; прибытіе невѣсты, поклоненіе небу, солнцу и лунѣ — клятва въ вѣрности. Посѣщеніе родителей новой юрты. Роженица и новорожденный; стриженіе волосъ. Похороны. Юридическіе обычаи. Перебѣжчики. Примѣты и пословицы. Новый годъ, праздникъ печати и хуралы. Военные смотры. Хамба-лама.

По своему наружному типу обитатели Цайдам'а представляютъ пеструю смѣсь фizioномій: монголы хошуновъ Барунъ и Цзунъ трудно отличимы отъ тибетцевъ, кочующихъ въ сѣверо-восточномъ углу этой обширной страны, тогда какъ монголы хошуна Тайчжинэръ нерѣдко напоминаютъ собою тюркскій типъ и только обитатели Курлык'а стоятъ ближе къ чистокровнымъ монголамъ.

Одѣваются монголы также различно, хотя самое различіе происходитъ не столько отъ разнообразія одеждъ, сколько отъ способовъ ихъ одѣванія или подпоясыванія. Одинъ и тотъ же монголъ въ одно и тоже время своимъ костюмомъ можетъ походить и на тангута, и на монгола. При поѣздкахъ на Тибетское нагорье, онъ принимаетъ обличье тибетца, когда же направляется въ китайскіе города Донгэръ и Сининъ или въ Тайчжинэр'скій хошунъ, или въ хошуны Курлык'скіе, онъ ѣдетъ туда монголомъ.

Вотъ списокъ одеждъ цайдамскихъ монголовъ.

„Лабашигъ“ — лѣтній, тонкій халатъ изъ бумажной или шелковой ткани съ подкладомъ или безъ подклада. Носится иногда и

Чакдуръ, цайдамекій монголь.

зимою поверхъ мѣховой шубы, чтобы прикрыть ее безобразіе или сберечь парядную покрывку.

„Цува“ — лѣтній халатъ изъ тибетскаго или европейскаго сукна безъ подклада.

И тотъ и другой — лабашингъ и цува — тибетскаго покроя.

„Кулугъ“ — короткая, до талин, матерчатая, распашная рубашка тангутскаго покроя съ длинными, широкими рукавами, имѣющими широкій обшлагъ, отороченный узкой полоской выдры; воротникъ, широкій, откинутый назадъ, квадратной формы, вышитъ шелками и отороченъ выдрой. Застегивается у шен мѣдной англійской пуговицею или завязывается тесьмою. Шьется изъ англійской бумазеи или далимбы и китайскаго шелка—краснаго, синяго и другихъ цвѣтовъ, кромѣ чернаго и желтаго.

„Учи“ — мѣхвая шуба, крытая какой либо бумажной или шелковой матеріей.

„Дэвэль“ — баранья шуба, не покрытая матеріей.

„Кэмэлэкъ“ или „кэмлэкъ“. Заимствованъ отъ тангутовъ; шьется изъ войлока съ рукавами и съ разрѣзами или безъ разрѣзовъ на подолѣ по сторонамъ. Этотъ широкій обыкновенно плащъ служить для защиты отъ дождя и снѣга.

„Малахай“ или „малхай“ — шапка вообще. Обыкновенно носятъ шапку тангутскаго покроя, съ острымъ верхомъ, покрытымъ синей матеріей и опускающейся съ его вершины красной шелковой кистью (цзала); узкія поля покрыты красной матеріей. Шьется изъ бѣлой мерлушки. Носятъ оба пола и лѣтомъ, и зимою. Иногда носятъ „торцыкъ“—мѣховыя шапочки китайскаго покроя, которыя приобрѣтаются въ Сининѣ (носятъ чаще тайчжинер'цы и курлык'цы). Цзун'цы часто носятъ китайскія войлочные шляпы, барун'цы — тангутскую шапку; чиновники же этого послѣдняго хошуна, „шика ради“ носятъ и островерхія войлочные шляпы, покрытыя бѣлой матеріей, съ большими полями. Эти шляпы носятъ обыкновенно н'голоки и кам'цы. Тайчжинер'цы, кромѣ того, сохранили широкую плисовую лѣтнюю шляпу халха'скаго, т. е. настоящаго монгольскаго покроя. Цайдам'цы, особенно барун'цы, вмѣсто шапки или шляпы, покрываютъ голову длиннымъ кускомъ темнокраснаго сырцеваго полушелка, наматывая его вокругъ головы, какъ сарты чалму.

„Гудусу“ ¹⁾ — обувь. Всѣ носятъ, и зимою и лѣтомъ, исключительно сапоги китайскаго покроя (сѣ-цзы). Покупаютъ ихъ въ Донгэр'ѣ,

¹⁾ „У“ произносится какъ среднее между у и о.

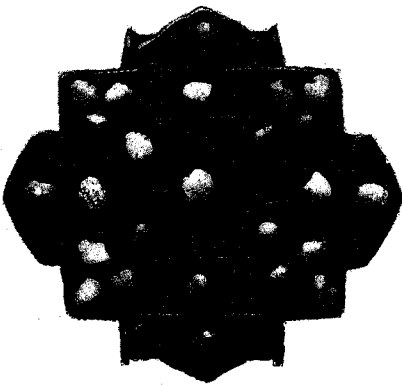
гдѣ китайцы шьютъ эти сапоги для потребностей монголовъ изъ кожи хулановъ. Пара стоитъ около трехъ цянъ серебра (60 коп.).

„Омуду“ — штаны. Носятъ всѣ; шьются для лѣта изъ бумажной матеріи; подвязываютъ какой нибудь веревкой. Зимой носятъ штаны изъ бараньихъ овчинъ, мѣхомъ внутрь, или изъ грубой шерстяной матеріи, а иногда и изъ войлока. Женщины и дѣвушки лѣтомъ панталонъ не носятъ, зимою же одѣваютъ ихъ въ дорогу или на пастбу скота, при верховой ѣздѣ. Женскія штаны шьются изъ войлока или шерстяной матеріи съ разрѣзомъ сзади, какъ у нашихъ маленькихъ дѣтей.

„Тэрлэгъ“ — женскій халатъ изъ бумажной матеріи или изъ сукна; воротникъ тангутскій, квадратный, широкій, какъ у рубашки; застегивается у ворота; отъ ворота запахивается къ правому плечу, гдѣ пуговицы; отъ плеча идетъ внизъ черезъ правую грудь, ниже сосца застегивается опять пуговицею, а затѣмъ запахивается позади къ спинѣ, гдѣ снова застегивается на пуговицу.

„Цэгэдэкъ“ чисто монгольская женская безрукавка; длинная верхняя одежда, шьется изъ разныхъ бумажныхъ или шелковыхъ тканей. Носится только во время свадьбы и, рѣдко, при поѣздкахъ на богомолье въ кумирни и на хуралы.

„Усуни-гэръ“ — чехлы на женскія косы, шьются исключительно изъ черной матеріи. Украшаются шитьемъ, мишурнымъ или шелковымъ, камнями, серебряными бляхами. У бурятъ называется „шэбэргэль“.

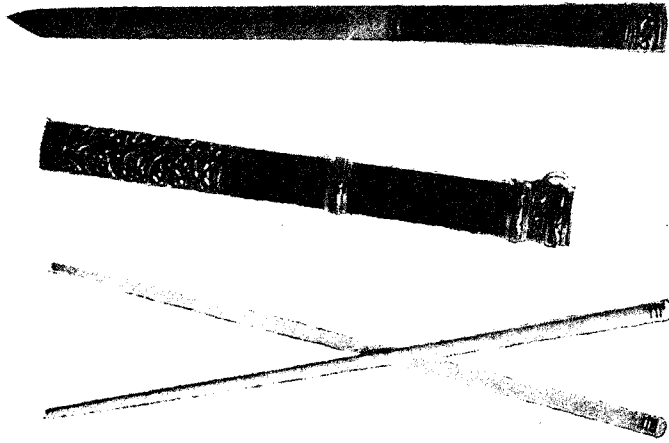
„Гаву“ или „гау“¹⁾ — ладанки изъ серебра или красной мѣди, иногда съ камнями; носятъ на груди. Въ нихъ заключаются бурханы, молитвы и лекарства (рѣлу). Тѣ, которые не имѣютъ средствъ завести себѣ серебряное гау, носятъ на шеѣ по нѣскольку штукъ ладанокъ, сшитыхъ изъ кожи или матеріи.

„Хутуга“ — ножъ съ ножнами и костяными палочками, замѣняющими вилку; приобретається главнымъ образомъ у китайцевъ города Донгэръ.

„Сэлэмэ“ — сабля съ широкимъ, тонкимъ, прямымъ клинкомъ, которая носится сбоку, привѣшенною къ поясу.

¹⁾ О „Гаву“ см. томъ II, въ отчетѣ А. Н. Казнакова.

„Чжибсакъ“ ¹⁾ — сабля, короче первой, прямая; носится за поясомъ. Ножны и той и другой украшаются бѣлой мѣдью, серебромъ,

рѣже золотомъ и камнями. Рукоятка обвивается серебряной или мѣдной проволокой; темлякъ — свитый изъ тонкихъ ремней.

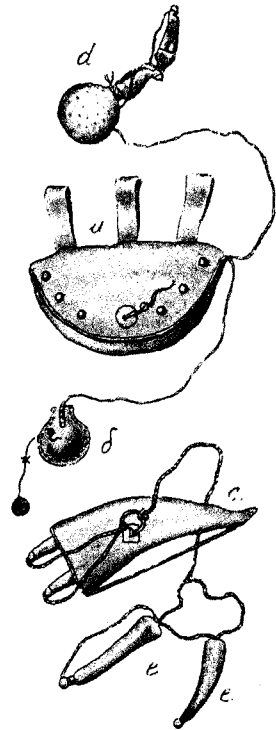
„Бу“ — фитильное ружье, на сошкахъ.

„Хабтага“ (а) — кожаная сумка для пороха, пуль и ружейныхъ принадлежностей. Въ ней заключается: „обшуръ“ (d) — мѣшечекъ съ пулями. „хото“ (с) — пороховница изъ рога или изъ кожи, вмѣстѣ съ пороховою мѣлкой — „цэнэгъ“, изготовляемой также изъ рога или мѣди; „бэлэнъ“ (е) — гильзы для пороха, на одинъ зарядъ, роговыя или мѣдныя; „шахагъ“ (б) — мѣшочекъ для пороховой мякоти, насыпаемой на полку ружья передъ производствомъ самаго выстрѣла.

Терминъ „хабтага“ служитъ также для обозначенія футляра для чайной чашки.

„Чжада“ или „чжида“ — тангутская желѣзная пика съ древкомъ, нерѣдко обвитымъ у основанія желѣзнымъ прутомъ или проволокой, для лучшаго сопротивленія сабельнымъ ударамъ.

„Суйкэ“ — сережка изъ серебра, съ камнями.

¹⁾ Цзэбсагъ — по тибетски.

„Биласэкъ“ — серебряныя кольца на пальцы.

„Буга“, „бугубчи“ — серебряныя браслеты.

Кромѣ того каждый монголь носить съ собою чѣтки изъ дерева или стекла, а богатые изъ коралловъ, бирюзы, янтаря и проч.

Жилищемъ для Цайдамскаго монгола служить сѣрая войлочная юрта (гэръ) на мѣстѣ, въ районѣ кочевокъ, и бѣлая или синяя, изъ бумажной ткани, палатка (майханъ), разбиваемая для ночлеговъ или временнаго отдыха въ дорогѣ.

Живя такимъ образомъ на открытомъ воздухѣ, лѣтомъ въ горахъ, зимою въ равнинѣ, Цайдамскіе монголы чувствуютъ себя въ физическомъ отношеніи довольно удовлетворительно, и нерѣдко, доживъ до преклоннаго возраста, еще сохраняютъ способность крѣпко держаться верхомъ на лошади или верблюдѣ и переносить далекія поѣздки въ караванѣ. Мѣстные кочевники чаще всего жалуются на болѣзнь глазъ, происходящую, по всему вѣроятію, отъ соленой пыли, всюду проникающей во время вѣтровъ или бурь. По словамъ монголовъ болѣзнь глазъ проходитъ только въ горахъ при естественномъ улучшеніи гигиеническаго состоянія.

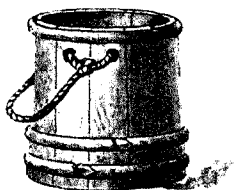
Леченіемъ больныхъ здѣсь занимаются мѣстные ламы или знахари изъ Лхасы, случайно проѣзжающіе въ Монголію. Изъ лекарствъ общеупотребительными служатъ различные порошки, изготовляемые главнымъ образомъ въ Тибетѣ, изъ цвѣтовъ и листьевъ горныхъ травъ и кустарниковъ, принимаемые больными внутрь. Глубокія раны и порѣзы монголы лечатъ простыми перевязками, производимыми крайне небрежно и грязно.

Во время пребыванія экспедиціи въ Цайдамѣ ближайшіе кочевники часто приходили въ нашъ лагерь съ цѣлью полечиться нашими средствами. Во дворѣ укрѣпленія, гдѣ помѣщался нашъ бивуакъ, одну изъ юртъ казаки прозвали „пріемнымъ покоемъ“. Успѣшно вылеченный монголь, ходившій до того времени на четверенькахъ нѣсколько лѣтъ, доставилъ славу русскимъ лекарствамъ и русскому умѣнью. Монголы продолжали обращаться къ нашему содѣйствію и по уходѣ экспедиціи въ Тибетъ, когда въ распоряженіе наблюдателя метеорологической станціи было оставлено значительное количество медикаментовъ.

Теперь нѣсколько словъ о домашней утвари.

„Домбо“ — деревянное ведро, разныхъ величинъ, круглое или овальное, стянутое деревянными или желѣзными обручами; служить для носки воды. Существуетъ и другой видъ „домбо“ для чая и

кумыса: высота такого домбо около полуаршина; дно у него широкое, горло болѣе узкое; мастерится изъ дерева и украшается снаружи рисунками изъ бѣлой или красной мѣди и обтянуто такими же обручами. У верхняго края этого домбо выдается носокъ ввидѣ совочка или горлышка изъ металла. Иногда такіа домбо дѣлаются сплоскъ изъ красной мѣди, украшенной снаружи рисунками драконовъ и проч.; работают домбо китайцы.

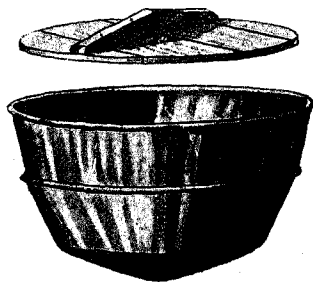
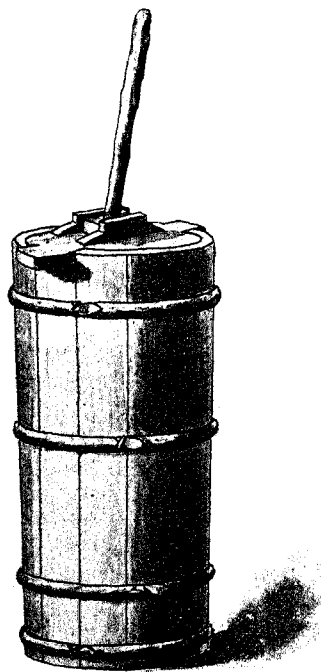
„Чжарагъ“ — деревянная кадка, высотой отъ 1 аршина до 1 аршина 8 вершковъ; стянута желѣзными или деревянными обручами; дно нѣсколько шире отверстія, которое приспособлено для крышки; въ этой послѣдней, въ свою очередь, продѣлано круглое отверстіе для палки, на нижнемъ концѣ которой находится деревянный кругъ (иногда его замѣняетъ сшитый изъ войлока шаръ). Въ это же отверстіе вливается кумысъ или молоко; и то, и другое взбалтывается палкою для полученія кумыса или масла; палка называется „булюръ“.

„Таха“ — лагунъ; деревянное ведро, круглое или овальное; разныхъ величинъ; имѣетъ глухую крышку (какъ у бочѣнка), въ которой продѣлано квадратное отверстіе, затыкаемое деревянною втулкою. Служитъ для храненія вина и растительнаго масла.

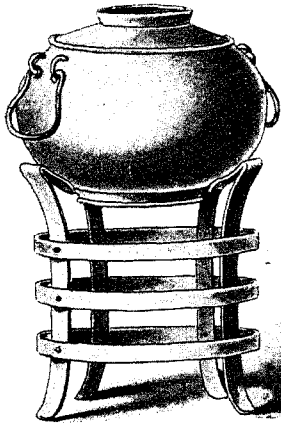

„Сулга“ — деревянный, низенькій подойникъ, безъ крышки, стянутъ обручами; вмѣсто дужки служитъ продѣтая по бокамъ веревка.

„Хайсэ“ — большіе котлы и чаши, которые ставятся на очагъ (тулуга); они отливаются изъ чугуна, и не имѣютъ ручекъ.

Плоскія чашки — желѣзныя и мѣдныя, съ нѣскольکو сѣуженными отверстіемъ и дномъ и выпуклыми боками, имѣють крышку.

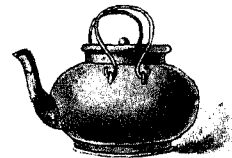
Мѣдныя и желѣзные котлы служатъ для варки чая и пиши въ дорогѣ; крышка замѣняетъ блюдо. Чугунные употребляются дома.

„Гунчжи“ или „хасрагъ“ — чайникъ желтой мѣди; имѣетъ форму кувшина; дѣлается изъ желтой мѣди, съ крышкой и ручкой; работается китайцами въ Донгэр'ѣ.

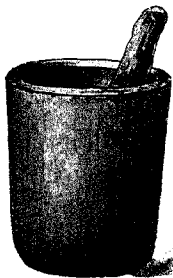

„Танха“ — маленький, красной мѣди,

чайникъ, по формѣ очень похожій на нашъ фарфоровый; разница лишь въ томъ, что у нашего ручка устроена на противоположной носку сторонѣ, а у „танха“ двѣ ручки-дужки, придѣланы по бокамъ отверстія чайника. Имѣется крышка.

„Нюдуръ“ — деревянная ступка, выдолбленная изъ обрубка дерева; разныхъ величинъ; большія

служать для обдиранія ячменнаго зерна, среднія — для разбиванія кирпичнаго чая, малыя для соли и для лекарствъ (у ламъ). Для обдиранія зерна употребляется пестъ деревянный, а въ прочихъ — каменный.

„Шанага“ или „шаныгъ“ — разливательная ложка, желѣзная, мѣдная или деревянная; служитъ для разливанія чая, молока, кумыса и прочихъ жидкостей.

„Борби“ или „борбэ“ — посуда изъ кожи, очень похожая на киргизскую „сабы“; употребляется какъ эта послѣдняя для кумыса, а также служитъ и для водки и воды; изготовляется только въ Тайчжинэр'скомъ хошунѣ, гдѣ и имѣетъ большое пространство.

„Мар-суи“ — буракъ для масла, съ крышкой. Иногда употребляется точеный, чаще же гнутый. Монголы и тангуты обязательно имѣютъ мар-суи при себѣ въ дорогѣ.

„Багъ-баръ“ — точеная изъ дерева и раскрашенная чаша для дзамбы, подается съ дзамбою гостямъ; такая же чашка, только значительно поменьше, подается съ чурой (сушеный творогъ).

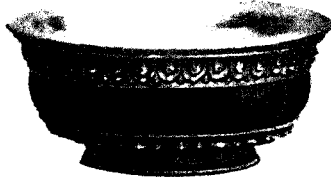
„Дэрэмъ“ или „дэрмэ“ — деревянные блюда и тарелки разныхъ величинъ, грубой работы.

„Сава“ — всякая глиняная посуда, съ узкимъ отверстіемъ на верху, затыкаемымъ тряпичей или травой: служитъ для водки и кумыса.

„Цуцугъ“ — всякая деревянная чашка для чая, кумыса, дзамбы и водки;

у богатыхъ она нерѣдко отдѣляется въ серебро.

„Шацзунъ“ или „шацзынь“ — вся-

кая фарфоровая чашка.

„Хундуга“ — маленькая деревянная, около 1 вершка въ діаметрѣ, чарка для вина; богатые отдѣлываютъ ее серебромъ.

„Тэрмэ“ — ручная мельница — для дзамбы; діаметръ около полуаршина.

Главное занятіе цайдамскихъ монголовъ — скотоводство, подспорьемъ котораго служитъ также и земледѣліе. Изъ скота монголы держатъ верблюдовъ, лошадей, коровъ, домашнихъ яковъ, барановъ и козъ. Избытокъ своего скотоводческаго хозяйства цайдамцы сбываютъ въ ближайшихъ китайскихъ городахъ Донгэр'ѣ и Синин'ѣ, играющихъ роль мѣновыхъ рынковъ. Если цайдамскіе монголы порядочные скотоводы, то нельзя сказать того же относительно ихъ второстепеннаго занятія — земледѣлія.

Это послѣднее стоитъ на самой низкой ступени; цайдамцы сѣять ячмень, преимущественно при устьяхъ горныхъ ущелій, или неподалеку отъ нихъ, въ равнинѣ, чтобы легче справиться съ поливкой полей, производимой посредствомъ оросительныхъ канавъ. Земледѣльческія орудія также примитивны. Осенью, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, сжатый и обмолоченный хлѣбъ прячутъ подлѣ пашенъ въ спеціальныя ямы или пещеры, откуда, по мѣрѣ надобности, и берутъ зерно. Особыхъ мельницъ для перемола зерна, за исключеніемъ ручныхъ, цай-

дамцы не имѣютъ. Обыкновенно небольшое количество ячменя поджаривается въ чугунной чашѣ или котлѣ надъ огнемъ, въ юртѣ, а потомъ поджаренныя зерна пропускаются черезъ жернова.

Полученная такимъ образомъ сухая мука, подъ названіемъ „дзамба“, есть главный предметъ питанія не только мѣстныхъ монголовъ, но и всѣхъ вообще номадовъ Центральной Азии и Тибета. Богатые кочевники ѣдятъ, кромѣ того, мясо, молоко, масло; лѣтомъ и осенью пьютъ въ большомъ количествѣ кумысъ. Обыкновеннымъ же повседневнымъ напиткомъ служить кирпичный чай, приправленный солью, молокомъ, масломъ и проч., который служитъ и главнымъ предметомъ угощенія. На этомъ же чаѣ замѣшивается до густоты крутого тѣста дзамба, часть которой съѣдается на мѣстѣ, часть же частенько прячется въ видѣ колобка за пазуху, въ дорогу.

Присмотрѣ за скотомъ лежитъ главнымъ образомъ на обязанности женщинъ или дѣвушекъ, тогда какъ мужчины позволяютъ себѣ или предаваться лѣни, сидя дома или же, скуки ради, сѣвъ на лошадей, всегда засѣдланыхъ и привязанныхъ у юрты, развѣзжаютъ по сосѣднимъ стойбищамъ для пріятнаго время-препровожденія. И здѣсь ходьба пѣшкомъ въ крайнемъ пренебреженіи, въ особенности у мало-мальски зажиточныхъ людей, не говоря уже о чиновникахъ.

Охотники монголы предпринимаютъ экскурсіи въ горы иногда за сотню и болѣе верстъ отъ своихъ кочевій; въ такія экскурсіи собираются обыкновенно значительными партіями.

Гостепрѣимство у цайдамцевъ, вообще говоря, развито также, какъ и у халхаскихъ монголовъ. Кто бы ни вошелъ въ юрту цайдамца, онъ можетъ быть увѣренъ, что его не отпустятъ хотя бы безъ чая. Не угостить, или, по крайней мѣрѣ, не предложить, случайно вошедшему чашку чая, кумыса или молока, считается въ высшей степени неприличнымъ (эвэ-угэ). Этотъ обычай угощать вошедшаго распространяется и на бѣдняка, и на богатаго, на простого хошунца и на князя. Если въ юрту князя войдетъ постороннее лицо, по дѣлу или безъ дѣла — безразлично, ему непременно будетъ предложенъ чай и дзамба.

Гостя обыкновенно встрѣчаютъ внѣ юрты. Затѣмъ, если онъ является очень почетнымъ — князь, хамба-лама, родные князя —, то передъ нимъ поднимается и забрасывается дверь (на верхнюю часть юрты), а если онъ младше хозяина, то самъ открываетъ двери — лѣвую ея половину лѣвою же рукою — и входитъ въ юрту. Тамъ ему указываютъ мѣсто на лѣво отъ входа; садится гость на войлочную под-

стилку. Чѣмъ старше и почетнѣе гость, тѣмъ выше — ближе къ бурхапамъ — усаживаютъ его.

Хозяинъ дома, а если его нѣтъ, то его братъ, сынъ или жена, ставятъ переть гостемъ прежде всего столикъ или замѣняющій его отръзокъ доски: затѣмъ на столикъ ставятъ двѣ деревянные чашки (багъ-баръ): одна „горкою“ наполнена дзамбою, другая — чурою. На вершинѣ горки дзамбы кладутся крестомъ кусочки или ленточки сливочнаго масла. Въ то же время хозяинъ спрашиваетъ гостя о его здоровьи, о домѣ, о скотѣ, о кормахъ и проч. Хозяйка же готовитъ чай и послѣ того, какъ на столикъ будетъ выставлена дзамба и чура, беретъ фарфоровую или деревянную чашку, наполняетъ ее чаемъ ковшомъ изъ котла и передаетъ ее хозяину, а тотъ ставитъ чашку чая (съ дзамбою на днѣ, которую сначала кладетъ туда хозяйка, прежде чѣмъ налить чай) передъ гостемъ. Чашка подается, поддерживаемая обѣими руками; въ обѣ же руки принимается чашка и гостемъ. Подать гостю чашку одною рукою — значитъ показать ему неуваженіе или презрѣніе: точно также какъ и принять ее одною рукою — обидѣть хозяина.

Если гость лицо обыкновенное или онъ очень молодъ — ему даже не ставятъ багъ-баръ, а подаютъ чай съ дзамбой, наложенной въ чашку рукою прямо изъ мѣшка; этимъ чаемъ для такого гостя и ограничивается все угощеніе. Другое дѣло съ гостемъ почетнымъ. Послѣ чая его угощаютъ кумысомъ, виномъ и даже мясомъ. Прежде чѣмъ подать гостю кумысъ, человекъ, разливающій его, беретъ изъ ведра или чаши кумыса въ разливательную ложку и, кашнувъ его сначала на столикъ передъ гостемъ, чтобы „особенно почтить его исполненіемъ этого стариннаго монгольскаго обычая“, брызгаетъ кумысомъ на юрту, въ сторону двери. Дѣлается это для того, „чтобы счастье не оставляло дома, чтобы кумысъ никогда не переводился“. Послѣ этого кумысъ наливается уже въ чашку и хозяинъ передаетъ ее гостю. Тотъ долженъ только пригубить изъ чашки и передать ее сидящему рядомъ. Этоть тоже только пригубить и передаетъ чашку слѣдующему и т. д., пока чашка не обойдетъ всѣхъ присутствующихъ. Это называется „дэчжилнэ“ или „амсына“, т. е. попробовать всѣмъ или пригубить раньше, чѣмъ начать пить.

Если въ домѣ въ это время нѣтъ вина, то гостю подаютъ кумысъ; если же есть вино, то кумыса не пьютъ, — ставятъ его передъ гостемъ, а подаютъ вино. Вино наливаютъ въ глиняный горшокъ, „сава“, горло котораго покрыто кусочкомъ масла. Хозяинъ или самый младшій,

конечно не дитя, изъ родни этого дома или вообще изъ присутствующихъ, беретъ горшокъ обѣими руками и, наклонившись всѣмъ корпусомъ впередъ, подносить его сначала гостю. Послѣдній, поддерживая дно горшка лѣвой рукой, беретъ безымяннымъ пальцемъ правой руки кусочекъ масла и либо бросаетъ его въ сторону бурхановъ, или кладетъ его въ ротъ, или мажетъ имъ свой лобъ (только тайчжинэр'цы), или же наконецъ, сбрасываетъ его въ очагъ или на стѣнку юрты. Человѣкъ же съ горшкомъ, сдѣлавъ поклонъ, опускаетъ до земли одно колѣно и приложивъ ко лбу въ то же время большой палецъ правой руки, подходитъ къ слѣдующему и т. д., пока не обойдетъ всѣхъ безразлично — мужчинъ и женщинъ. Каждый изъ нихъ продѣлываетъ тоже самое, т. е. сначала прикладываетъ палецъ ко лбу, а затѣмъ беретъ масло съ горлышка.

Послѣ этого хозяинъ убираетъ масло съ горлышка и наливаетъ вино въ чашку, которую и подаетъ гостю. Тотъ только долженъ пригубить вино, омочивши сначала въ немъ безымянный палецъ и брызнувъ съ него на бурхановъ или на юрту, а затѣмъ обязанъ передать чашку слѣдующему. Когда пригубятъ всѣ, то чашку вновь наполняютъ и подаютъ гостю, который и выпиваетъ вино все разомъ или въ нѣсколько глотковъ. Чашка тогда вновь наполняется и передается слѣдующему и т. д., пока очередь опять не дойдетъ до гостя.

Виночерпій (сунъчи) долженъ сидѣть „ради уваженія къ вину“, на одномъ мѣстѣ, не выходя изъ юрты и не выпуская изъ обѣихъ рукъ горшка, пока гости не уйдутъ. Онъ не встаетъ даже и тогда, когда почетный гость — князь или лама — встаетъ и уходитъ.

Затѣмъ, когда вино выпито и гость собирается уходить, хозяинъ снова наливаетъ ему чашку кумыса, который считается болѣе почетнымъ напиткомъ, на прощанье. Чашка опять обходитъ всѣхъ присутствующихъ, начиная съ гостя и кончая хозяйкой. Лишь только гость поднимается съ своего мѣста, встаютъ и всѣ присутствующіе и начинаютъ выходить вонъ: сначала выходятъ дѣти и женщины, затѣмъ младшіе гости и уже послѣднимъ выходитъ изъ юрты почетный гость.

Внѣ юрты ему подводятъ его лошадь, поддерживаютъ ее подъ уздцы и за стремя и, наконецъ, подсаживаютъ гостя на сѣдло.

Въ былыя времена, когда монголы въ Цайдам'ѣ были богаты скотомъ, они и жили веселѣе, и пиры давали богатые, непременно убивали барана даже пріѣзжему пріятелю, не говоря уже о томъ, что барана убивали для каждаго чиновнаго гостя. Нынѣ не то: цайдамецъ самого дорогого своего пріятеля угоститъ только чаемъ да водкой и

дзамбой: слишкомъ мало теперь у нихъ барановъ. Обычай угощать цѣлымъ бараномъ сохранился только у болѣе богатыхъ князей. Эти послѣдніе убиваютъ барана для угощенія пріѣхавшаго къ нимъ въ гости князя другого хошуна, или сына такого князя. Если случится, что къ нимъ пріѣдетъ гэгэнь, то пожалуй и для него будетъ убитъ баранъ. Курлыкъ-бэйсэ, самый богатый изъ воѣхъ цайдамскихъ князей¹⁾, убивалъ барана каждый разъ, какъ къ нему пріѣзжали въ гости В. И. Роборовскій и я въ минувшее путешествіе.

Нельзя однако сказать, что цайдамцы совершенно не убиваютъ теперь барановъ для пріѣзжихъ къ нимъ гостей или чиновниковъ — китайцевъ, являющихся по службѣ. Баранъ для такого гостя²⁾ закалывается и теперь, но не изъ стада того хозяина, въ домѣ котораго помѣстился гость, а рѣжутъ барана купленного цѣлымъ хошуномъ. Такимъ образомъ угощеніе бараномъ является въ настоящее время вынужденнымъ, повинностью всего хошуна, на который и раскладывается расходъ на такое угощеніе. Впрочемъ угощаютъ цѣлымъ бараномъ, который специально для этого убивается только тогда, когда гость остается ночевать.

Заколотаго барана разлѣляютъ ножомъ на нѣсколько частей, причемъ задняя часть туши, безъ реберъ, ляжекъ и головы, но съ цѣлымъ курдюкомъ, на концѣ котораго оставляется кусокъ кожи съ шерстью, варится цѣликомъ.

Сваривъ мясо „виросыр“ его вынимаютъ изъ котла и укладываютъ на большомъ блюдѣ. При этомъ „шагайто“ или берцовая кость съ мясомъ кладется на самый верхъ, а ребра по бокамъ куска съ курдюкомъ; кусокъ съ курдюкомъ имѣетъ особое названіе — „уца“. Остатки мяса кладутъ на другія блюда и ставятъ передъ прочими гостями, если такіе есть, или же прячутъ про запасъ. Блюдо же съ уца ставится передъ гостемъ такъ, чтобы задняя часть уца съ клокомъ шерсти находилась на противоположной отъ гостя сторонѣ, т. е. чтобы блюдо съ мясомъ стояло передъ гостемъ, какъ живой баранъ — лицомъ къ лицу.

Гость долженъ взять сначала шагайто и, отвѣдавъ отъ него немного мяса, положить кость обратно на то же мѣсто. Послѣ этого человекъ, специально приставленный для разрѣзыванія мяса на куски,

¹⁾ О Кукунорскихъ монголахъ мы не говоримъ, такъ какъ это все бѣдняки.

²⁾ Китайца-переводчика, русскаго переводчика во время его развѣдочъ по дѣламъ, для пріѣзжихъ чиновниковъ монголовъ другого хошуна, для своего Хамбалы и проч.

береть блюдо и, поставивъ его передъ собою, рѣжетъ по бокамъ уца и вдоль этого куска мясо на тонкія пластины и кладетъ ихъ поперегъ оголенной хребтовой кости. Потомъ блюдо снова ставятъ передъ гостемъ и тотъ ѣстъ, сколько хочетъ, но обыкновенно ѣдятъ, приличія ради, немного. Затѣмъ гость самъ поворачиваетъ блюдо курдюкомъ къ себѣ и передаетъ его прислуживающему монголу, который и распредѣляетъ остатки мяса между присутствующими. Таковъ обычай и его исполняютъ только монголы. Китайскіе же переводчики, которые требуютъ на каждый ночевкѣ себѣ барана, поведеніемъ своимъ — несоблюденіемъ этого обычая — возмущаютъ монголовъ. Туи-сы или переводчикъ вырѣзываетъ сначала курдюкъ и прячетъ его въ свой мѣшокъ съ частью мяса, котораго не въ силахъ былъ съѣсть. Это неприлично и доказываетъ, по словамъ монголовъ, не только его неуваженіе къ монгольскимъ обычаямъ, но и чрезмѣрную жадность.

Послѣ мяса въ обычаѣ угощать кумысомъ и виномъ, чашка съ которыми отъ гостя переходитъ къ слѣдующему и обходить всѣхъ присутствующихъ, которые стараются только пригубить изъ нея, а не выпить.

„Прежде, рассказываютъ старики, всѣ обычай мы сохраняли старинно-монгольскіе, но вслѣдствіе сосѣдства съ оронгынами и постоянныхъ съ ними сношеній, монгольскіе обычай стали забываться и теперь уже не выполняются. Всѣ стали подражать тангутамъ, перестали уважать старшихъ, перестали оказывать имъ заслуженныя почести и проч. Такъ, прежде, на примѣръ, каждый молодой человекъ или женщина обязательно слѣзали съ лошади, когда имъ приходилось проѣзжать мимо юрты, въ которой живетъ старикъ, чиновникъ или князь, не говоря уже о томъ, что всякій, кто бы онъ ни былъ, объѣзжалъ юрту съ южной стороны. Тогда каждый монголъ подъѣзжалъ къ юртѣ съ южной стороны и не доѣзжая 20—30 шаговъ, слѣзая съ лошади и привязавши ее, пѣшкомъ подходилъ къ юртѣ. А теперь — нравы испортились и даже мальчишки и женщины, не разбирая ни простолодина, ни старца, ни князя, подъѣзжаютъ, иногда на всемъ скаку, къ юртѣ и съ сѣвера, и съ запада, и съ востока, чуть не заскакивая въ юрту съ конемъ“.

„Точно также, на прим., прежде ни одинъ посторонній мужчина не посмѣлъ бы войти въ юрту и съѣсть на-право отъ входа, тамъ, гдѣ обыкновенно располагается постель; прежде съ мужчины, который, войдя въ юрту вдовы, слѣлъ бы на-право отъ двери, взымался большой штрафъ, кромѣ внушенія и даже тѣлеснаго наказанія за такой про-

ступокъ. Теперь же на это не обращаютъ вниманія и вошедшіи въ юрту садятся на-право и на-лѣво; женщины лѣзутъ на-лѣво и т. д., словомъ, обычаи забылись, а если нѣкоторые ихъ еще и помнятъ, то все же изъ подражанія оронгын'амъ, не исполняютъ ихъ“.

„Прежде, бывало, каждый монголъ при встрѣчѣ со старшимъ, почетнымъ или чиновнымъ хошунцомъ сходилъ заранѣе съ коня и, приложивъ руку ко-лбу, присѣдать пониже и выставлялъ къ проѣзжему обѣ ладони, въявлю спрашивая или освѣдомляясь: „амуръ байна та?“ — т. е. спокойны ли вы? Нынѣ и это уже выводится. Какойнибудь дерзкій мальчишка не только не сходитъ съ лошади — развѣ только при встрѣчѣ съ княземъ. — но и не выставитъ обѣихъ ладоней, а очень небрежно, какъ бы швыряя въ лицо встрѣчнаго чѣмъ-либо, выбрасываетъ одну ладонь, коротко и грубо произнося: „амуръ!““

„Теперь и князь, и хамба-лама, и чиновникъ, и старикъ, если имъ случится надобность куданибудь поѣхать, сами правятъ своимъ конемъ и подвергаются такимъ образомъ неудобствамъ въ пути и даже опасности быть сброшеннымъ лошадыю. А по старинѣ, коня каждаго почетнаго лица долженъ былъ вести въ поводу кто-нибудь изъ младшихъ членовъ семьи или прислуги. Теперь ведутъ въ поводу коня только какого-нибудь гостя — князя или хамба-ламы, да и то лишь за нѣсколько шаговъ отъ той юрты, куда такой гость подъѣзжаетъ или уѣзжаетъ“.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію порядка сватовства у монголовъ-цайдамцевъ и самой свадьбы, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ половъ.

Отношенія эти во времена шарагол'скихъ хановъ были очень строги, но съ теченіемъ времени послѣ китайскаго завоеванія, они стали постепенно падать. Послѣ же знакомства монголовъ съ тангутами, и наконецъ, особенно подъ вліяніемъ всевозможныхъ пришельцевъ изъ Халхи и Китая, проходящихъ черезъ Цайдамъ въ Лхасу и обратно, — отношеніе между полами стало на столько свободнымъ и явнымъ, что обратило на это вниманіе покойнаго Н. М. Пржевальскаго; таковымъ нашли его и мы.

Свобода въ половыхъ сближеніяхъ вкоренилась и охватила всею монгольскаго населенія и даже все возрасты, начиная съ двѣнадцати-лѣтняго. Монголы совершенно спокойно рассказываютъ, что дѣти — дѣвочки и мальчики уже въ двѣнадцать лѣтъ, съ цѣлью сближенія, ищутъ другъ друга обыкновенно во время пастбы скота. Въ 13—14 лѣтъ дѣвочки имѣютъ уже постоянныхъ поклонниковъ

16—20 лѣтнихъ мужчинъ, а въ 15—16 лѣтъ въ Цайдамѣ, по признанiю монголовъ, уже нѣтъ ни одной дѣвушки-дѣвственницы. Родители положительно не обращаютъ вниманiя на это и дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ какъ ихъ 13—15-ти лѣтняя дочь не особенно осторожно приводитъ ночью къ себѣ своего поклонника. По этому, случаи рожденiя дѣтей у дѣвочекъ довольно не рѣдки и родители такой дочери, обыкновенно безъ всякихъ упрековъ и наказанiй, принимаютъ ребенка и воспитываютъ его у себя.

Несомнѣнно, что дѣти не усваиваютъ отъ родителей и сосѣдей взглядовъ о необходимости половыхъ воздержанiй, такъ какъ послѣднiе нисколько не скрываютъ отъ дѣтей своихъ любовныхъ похожденiй. Особенно же растлѣвающимъ образомъ на молодыхъ дѣвушекъ и даже дѣвочекъ влiяютъ проѣзжiе тибетцы-торговцы и богомольцы-монголы. Говорятъ, впрочемъ, что среди монголовъ-мужчинъ встрѣчаются иногда люди, которые всегда остаются вѣрными своимъ женамъ, какъ есть и жены вѣрныя своимъ мужьямъ, но это бываетъ довольно рѣдко. Обыкновенно же замужняя женщина имѣетъ по нѣскольку друзей или поклонниковъ, что не остается секретомъ для мужа, который не обращаетъ вниманiя на невѣрность жены.

На возрастъ мужчины женщины не смотрятъ и имѣютъ „друзей“ 30—40 лѣтняго, а въ то же время и 16-ти лѣтняго возраста. Точно также и мужчины любятъ одновременно и съ сорока-лѣтней женщиной и съ 14—15-ти лѣтней дѣвушкой. Недавно изъ одного хошуна бѣжала неизвѣстно куда интересная пара: женщина 48 лѣтъ, оставившая домъ, мужа и дѣтей, и молодой 24-ти лѣтъ монголъ, сблизившiйся съ нею еще раньше. Случается даже, что такой близкiй другъ дѣвицы или замужней женщины, иногда женатый и имѣющiй дѣтей, оставляетъ свой домъ и окончательно поселяется въ семью своей новой возлюбленной. Послѣднее впрочемъ очень осуждается, но только на словахъ.

Не лучше въ этомъ отношенiи и ламы-монголы; они не только открыто живутъ съ дѣвицами и замужними женщинами, но и женятся форменно, обзаводясь хозяйствомъ и семьей.

Особенно свободно держитъ себя населенiе хошуна Барунъ-цзасака, вслѣдствiе того, что въ этотъ хошунъ прiѣзжаютъ на жительство бѣглецы тангуты и въ немъ же обыкновенно останавливаются для окончательнаго снаряженiя большiя толпы богомольцевъ-монголовъ, направляющихся въ Лхасу или возвращающихся оттуда. Богомольцы выбираютъ для своихъ стойбищъ мѣсто вблизи монгольскихъ юртъ и

немедленно же заводят любовныя связи съ мѣстными дѣвицами и женщинами. Послѣднія обыкновенно сдаются на подарки и на серебро—деньги.

Бываютъ случаи, что молодые монголы практикуютъ и насилія. Такъ, нынѣшній Барунъ-цзасака въ молодые годы—теперь ему около сорока лѣтъ—въ обществѣ двухъ—трехъ сорванцовъ, отправлялся, вооруженный веревкою съ петлею на поиски молоденькихъ пастушекъ—дѣвушекъ—знакомыхъ и незнакомыхъ безразлично—и, набрасывая на нее веревку, затаскивалъ ее въ заросли хармыка... При этомъ, ни мольбы, ни слезы, ни другія какія-либо попытки дѣвушки сберець себя—ни-что не сдерживало грубаго юношу... Все эти его похождения, конечно, не оставались ни для кого тайной, но сходили ему безнаказанно.

Ежегодно бываетъ по нѣсколько случаевъ бѣгства изъ Цайдама молодыхъ дѣвушекъ съ караванами тибетскихъ торговцевъ или съ молодыми тангутами; послѣдніе обыкновенно прѣзжаютъ въ хошунъ Барунъ-цзасака, какъ бы за дѣломъ, высматриваютъ лучшихъ дѣвиць и сговариваютъ ихъ бѣжать въ кочевья тангутовъ.

Дѣвушки въ Цайдамѣ выходятъ замужъ обыкновенно въ возрастѣ отъ 16-ти лѣтъ. Молодые же люди женятся съ 18-ти лѣтняго возраста. И только сыновья князей и самыхъ крупныхъ и богатыхъ чиновниковъ женятся съ 14-ти лѣтъ на дѣвочкахъ съ 13-ти лѣтняго возраста.

Молодые люди вступаютъ въ любовную связь съ дѣвицами и если дѣвица особенно понравится парню, то онъ и имѣетъ ее ввиду для женитьбы. Парень выказываетъ своей возлюбленной свою привязанность и постоянствомъ, и какими нибудь ничтожными подарками, въ родѣ мѣдныхъ или серебряныхъ колець и браслетовъ, или нѣсколькихъ аршинъ бязи или далимбы на рубашку, на оторочку шубы. Дѣвица же даритъ своего близкаго друга вышитыми ею мишурою чехлами на огниво или кisetомъ подъ табакъ.

Не всегда родители приневоливаютъ сына жениться на той, которая имъ нравится. Обыкновенно и мать, и отецъ заявляютъ сыну, что собираются его женить и спрашиваютъ его: желаетъ ли онъ ту или вотъ ту, или другую, называя по имени дѣвиць или ихъ родителей. Сынъ конфузится, но если имя его возлюбленной не названо родителями, то онъ въ такомъ случаѣ отказывается отъ женитьбы подъ какимъ-либо предлогомъ, стыдясь прямо назвать при нихъ милую ему дѣвушку. Когда-же родители настаиваютъ на своемъ, то сынъ посылаетъ къ нимъ одного изъ своихъ пріятелей, которому и наказы-

ваеть сказать отцу и матери, что не женится ни на какой другой, кромѣ своей возлюбленной и поручаетъ ему назвать ее имъ по имени. Тогда родители, уже не возобновляя разговора, засылаютъ сватовъ къ родителямъ возлюбленной ихъ сына.

Но бываетъ и такъ, что родители не обращаютъ вниманія на выборъ сына и настаиваютъ на томъ, чтобы сынъ ихъ женился на дѣвицѣ, указанной ими. И, конечно, сынъ, любящій своихъ родителей, уступаетъ имъ. Иногда, впрочемъ, когда любовь къ дѣвушкѣ пересиливается, влюбленные сговариваются бѣжать (бѣгутъ исключительно къ тангутамъ), и дѣйствительно довольно часто бѣгутъ, уворовавъ для бѣгства нѣсколько лошадей у своихъ сосѣдей. У родителей воруютъ рѣдко.

Люди богатые, особенно же чиновники, уговариваются поженить своихъ сыновей и дочерей уже въ то время, когда дѣти еще не достигли и десяти-лѣтняго возраста. Родители мальчика и дѣвочки, которыхъ они рѣшаютъ между собою поженить, по достиженіи ими совершеннолѣтія, утверждаютъ сговоръ обмѣномъ хадаковъ и подарковъ. Такой сговоръ имѣетъ силу, и молодые люди, по достиженіи совершеннолѣтія, непременно должны пожениться, если бы они и ненавидѣли одинъ другого.

Лишь сыновья и дочери князей имѣютъ право выбирать себѣ женъ и мужей по своему усмотрѣнію, не слушая приказаній родителей и совѣтовъ ближайшихъ родственниковъ. Въ Цайдамъ рассказываютъ только объ одномъ случаѣ насилія надъ волей княжны. Лѣтъ пять тому назадъ Барунъ-цзасакъ насильно выдалъ свою родную сестру за понравившагося ему бѣглаго тибетца изъ Шигадзэ, которому вмѣстѣ съ сестрою далъ богатое приданое, состоящее изъ юрты, утвари и стада домашняго скота.

Остановившись на той или другой дѣвицѣ, съ согласія или противъ воли сына—безразлично, родители молодого человѣка посылаютъ къ родителямъ дѣвушки двухъ сватовъ, избираемыхъ изъ среды своей родни или сосѣдей. Эти два свата, люди обыкновенно пожилые, везутъ къ родителямъ дѣвицы два хадака, двѣ посуды водки и одну—кумыса. Сваты входятъ въ юрту, гдѣ ихъ встрѣчаютъ, и за обычными привѣтственными фразами, разпросами и отвѣтами о скотѣ, о кормахъ и проч., угощаютъ чаемъ или кумысомъ (лѣтомъ).

Наговорившись о постороннемъ, сваты начинаютъ осторожно приступать къ выполненію возложеннаго на нихъ порученія. Они сначала говорятъ вообще о томъ, что „молодымъ парнямъ и дѣвуш-

камъ, по обычаямъ — да-ёсытэ байна — слѣдуетъ жениться и выходить замужъ. Вотъ, наприм., у васъ есть дочь, которую пора выдать замужъ“. Вслѣдъ за этимъ сваты вынимаютъ и подаютъ родителямъ дѣвушки привезенное ими вино, кумысъ и хадаки и говорятъ при этомъ: „эти подарки посылаетъ съ нами вамъ такой-то; онъ желаетъ женить своего сына на вашей дочери и послалъ насъ просить васъ отдать дочь его сыну; онъ ждетъ отъ васъ хорошаго, т. е. желательнаго отвѣта и думаетъ, что вы не откажете“. Они объявляютъ лѣта претендента, при чемъ, хотя бы ему и было 30—35 лѣтъ, его называютъ ребенкомъ — кукусъ. — „Вамъ извѣстна эта семья и мы много о ней вамъ не будемъ говорить“.

Родители дѣвушки серьезно или только изъ вѣжливости стараются отклонить предложеніе, упрямятся, возвращаютъ сватамъ хадаки и говорятъ: „какъ можно! наша дочь еще ребенокъ, — хотя бы ей было 17—20 лѣтъ и она имѣла близкихъ друзей — ничего еще не понимаетъ! Пусть подрастетъ, тогда мы и будемъ говорить объ этомъ дѣлѣ“. — Сваты снова передаютъ родителямъ дѣвушки хадаки и снова стараются краснорѣчивыми словами вытянуть у нихъ слово, могущее подать хотя бы слабую надежду на окончательное соглашеніе. Поэтому-то этотъ первый актъ сватовства и называется у цайдамцевъ „Амы-татаха“, т. е. вытянуть слово, получить предварительное согласіе; ама — ротъ, татаха — вытянуть, тянуть.

Этотъ первый актъ сватовства — амы-татаха — является рѣшающимъ. Если слово „вытянуто“ — дѣло считается безповоротно рѣшеннымъ, если нѣтъ — оно или возобновляется впослѣдствіи, или же и совсѣмъ не возобновляется. Но разъ слово дано, то родители жениха, въ сопровожденіи нѣсколькихъ родственниковъ, черезъ неопредѣленный промежутокъ времени, отправляются къ родителямъ невѣсты „поймать вытянутое у нихъ слово“ — „амы-асхуль“. Они везутъ на этотъ разъ съ собою пятнадцать посуды вина и кумыса, варенаго барана и столько хадаковъ, сколько родственниковъ у невѣсты.

Пріѣзжіе, войдя въ юрту, заявляютъ, что они получили благоприятный для нихъ отвѣтъ и вотъ теперь явились поймать вытянутое слово — амы-асхуль — и закрѣпить поимку его обычнымъ небольшимъ хуримъ или пиршествомъ. Въ это время собираются сюда-же и всѣ родственники невѣсты, которые живутъ по близости и начинается это пиршество—хуримъ. Пріѣзжіе угощаютъ родителей и родственниковъ невѣсты водкой, кумысомъ, мясомъ, и раздаютъ всѣмъ присутствующимъ хадаки. Разговоры о предстоящей свадьбѣ, о женихѣ и

невѣстѣ, не бываетъ. Пьютъ, ѣдятъ и говорятъ о вещахъ совершенно постороннихъ. Вечеромъ же возвращаются домой.

Третій актъ сватовства называется „цзуса“ — клей. Этимъ актомъ какъ бы склеиваютъ навсегда жениха и невѣсту. На этотъ разъ къ родителямъ невѣсты снова приѣзжаютъ отецъ, мать и нѣсколько родственниковъ жениха и привозятъ съ собою: одинъ хадакъ съ кусочкомъ клея, одну посудину водки и мотокъ краснаго шелка (нитки). Отецъ жениха, говоря, что „привезъ „клей“ по установленному обычаю“, кладетъ хадакъ съ кусочкомъ клея, вино и мотокъ шелковыхъ нитокъ передъ бурханами. Клей и прочее имѣютъ каждый свое символическое значеніе; клеимъ какъ бы склеиваютъ жениха и невѣсту навсегда, посудина съ водкою служитъ синонимомъ колышка, а хадакъ—веревки, на которую должны быть наарканены или привязаны на всю жизнь молодые; мотокъ красныхъ шелковыхъ нитокъ долженъ связать собою души молодыхъ. Вино это выпивается тутъ же, а все остальное лежитъ передъ бурханами въ теченіе трехъ дней, послѣ чего прячется въ ящикъ отцомъ невѣсты.

Въ этотъ день хозяева дома угощаютъ приѣзжихъ виномъ и мясомъ. Пирушка—цзусын-хуримъ—длится весь день; вечеромъ пьяные гости возвращаются домой.

Наконецъ, наступаетъ послѣдній, четвертый, установленный обычаемъ, день сватовства. Онъ называется „шагайто“, — т. е. такъ же какъ и нижняя часть бараньей задней ляжки — самый лакомый и почетный кусокъ мяса изъ всей туши — называется такъ потому, что въ этотъ день происходитъ самый обильный, торжественный и важный пиръ или хуримъ, на которомъ въ первый разъ открыто появляется въ семьѣ невѣсты женихъ и въ которомъ принимаетъ участіе невѣста и вся родня ея—отъ малаго до великаго.

„Шагайто“ происходитъ въ домѣ невѣсты.

Надо однако сказать, что этотъ пиръ обязателенъ только для людей состоятельныхъ; бѣдные же обходятся безъ него и прямо приступаютъ къ свадьбѣ. Да и богатые люди не могутъ сами, безъ помощи родни, собрать для этого пиршества достаточное количество вина, кумыса, мяса, хлѣбовъ и проч., а также и хадаковъ. Родные жениха стараются помочь ему каждый, по силѣ возможности. Тоже самое дѣлаютъ и родные невѣсты, доставляющіе въ этотъ день въ домъ ея кто что можетъ по части угощенія.

Съ ранняго утра въ домъ невѣсты собираются ея близкіе родные, а въ домъ жениха его родственники. Когда всѣ будутъ въ сборѣ,

везуть жениха къ невѣстѣ. Вмѣстѣ съ женихомъ ѣдутъ его родители и всѣ собравшіеся родственники. При женихѣ безотлучно состоитъ женщина — или жена старшаго брата жениха, или какая-либо молодая женщина, ближайшая его родственница; она называется „бѣргѣнъ“. Ея обязанности состоятъ въ томъ, что она должна вѣ-время предупредить жениха, что требуется говорить или дѣлать, гдѣ садиться и т. д.; ея обязанности и обязанности бѣргѣнъ невѣсты будутъ, впрочемъ, обрисованы въ своемъ мѣстѣ. Поѣздъ жениха забираетъ съ собою не менѣе 25 посудинъ или лонхоновъ кумыса и водки, нѣсколько вареныхъ бараньихъ тушъ, коня и массу хадаковъ. Везутъ также и хлѣбы, и масло, и другую ѣду.

У юрты невѣсты, жениха и его родственниковъ встрѣчаютъ, помогаютъ сойти съ лошадей и убрать ихъ въ сторону или отпустить на пастбу, и потомъ вводятъ наиболѣе почетныхъ гостей — родителей жениха и нѣкоторыхъ его родственниковъ — въ юрту вмѣстѣ съ женихомъ и его провожатой — бѣргѣнъ. На самомъ почетномъ мѣстѣ усаживаютъ самыхъ извѣстныхъ людей изъ родныхъ жениха, потомъ родителей его и прочихъ гостей, строго слѣдя за тѣмъ, чтобы младшій по положенію, извѣстности — не попалъ на болѣе почетное мѣсто. Жениха съ его бѣргѣнъ усаживаютъ гдѣ либо, въ сторонкѣ.

Остальные родственники жениха располагаются гдѣ попало, подлѣ юрты и вблизи ея на лужайкахъ. Этимъ гостямъ подстилаютъ войлока.

Въ другой юртѣ находится невѣста съ ея роднею. Такъ какъ всѣхъ родственниковъ юрта вмѣстить не можетъ, то гости со стороны невѣсты также усаживаются вблизи ея юрты. На этомъ пиршествѣ, ни съ той ни съ другой стороны, дѣвушки — родственницы и знакомыя — не участвуютъ, это не въ обычаѣ. Не принимаютъ онѣ участія и въ предшествующихъ двухъ пирушкахъ. Онѣ не допускаются даже и во время свадьбы. Можетъ присутствовать на этихъ пирахъ только сестра невѣсты, но ее не угощаютъ и она играетъ только роль служанки.

Пріѣзжающихъ гостей сначала угощаетъ хозяинъ дома и его родня чаемъ, хлѣбомъ, дзамбой, мясомъ, виномъ и кумысомъ. Затѣмъ и родственники жениха достаютъ свои посудины съ водкою, кумысомъ и проч. и угощаютъ родныхъ невѣсты. Въ юрту къ послѣдней родственники жениха сами пока не входятъ, а угощеніе отправляютъ туда съ ея родственниками. Пирушка въ полномъ разгарѣ. Въ юрты гости перемѣшиваются; здѣсь и родственники жениха, и родственники невѣсты — и дѣти, и женщины, старые и малые, мужчины и маль-

чики — всё ѣдятъ, пьютъ, громко говорятъ. Пѣсенъ не слышно, ихъ монголы во время пирушекъ на свадьбахъ не поютъ.

Въ самый разгаръ попойки, одинъ изъ родственниковъ жениха, на котораго возложена обязанность раздавать хадаки, подноситъ отцу и матери неврѣсты по хадаку и тутъ же передаетъ имъ коня, играющаго роль калыма за неврѣсту. Потомъ онъ же раздаетъ хадаки тѣмъ изъ родни неврѣсты, которые не получили хадаковъ раньше—во время „амы-асхуль“. Родители неврѣсты тщательно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы при раздачѣ хадаковъ со стороны родственниковъ жениха ни кто — даже грудныя дѣти, не былъ обойденъ. Если родня неврѣсты собралась не вся, если кто-либо изъ ея родни не могъ пріѣхать на пиръ вслѣдствіе удаленности кочевковъ, то родители неврѣсты берутъ отъ раздающаго хадаки на всѣхъ не прибывшихъ родственниковъ—ближайшихъ или самыхъ отдаленныхъ. Поэтому въ этотъ день расходъ на хадаки огромный; ихъ раздается по нѣсколько сотенъ!

Передъ концомъ дня собираютъ остатки водки изъ всѣхъ недопитыхъ посуды и наполняютъ ею чашу на очагѣ въ юртѣ родителей неврѣсты. Затѣмъ родители ея и родители жениха подаютъ по хадаку кому-либо изъ болѣе опытныхъ и умѣющихъ краснѣ говорить гостей съ просьбою сказать „славу“ пиршеству и вину. Эта слава или похвальное слово вину называется „сун-ёрёны“. Приглашенный сказать ее, говоритъ сидя, повернувшись лицомъ къ очагу. Прежде всего онъ, по возможности стихами, хвалитъ вообще пиршество, а затѣмъ переходитъ къ восхваленію водки и кумыса, веселящихъ сердце человѣческое ¹⁾.

„Кумысъ и вино изобрѣтены Чингисъ-богдо-ханомъ; добыты они изъ молочныхъ родниковъ — усун-булыкъ-экигэ, — изъ озеръ съ масломъ—Тосо-норъ-экигэ. Это въ высшей степени высокіе напитки нашихъ предковъ и наши! Они оживляютъ пиръ и увеселяютъ пирующихъ! Вотъ теперь вино здѣсь, въ чашѣ! Оно развеселило насъ, заставило забыть горе. Оно вселило въ cadaго изъ пирующихъ веселіе, радость! Пусть же и потомки, которые будутъ въ этой юртѣ пользоваться этимъ очагомъ и чашею, пьютъ изъ нея всегда эти напитки! Пусть эти напитки не переводятся никогда въ этомъ домѣ, на радость людей. Пусть наши потомки пьютъ ихъ и будутъ ими богаты!“ и т. д..

¹⁾ Ёрёлъ—слава. Всего ёрёл'я мы не можемъ здѣсь привести, а приведемъ изъ него лишь болѣе характерныя части.

Затѣмъ, изъ этой чаши вино вновь раздается гостямъ и попойка продолжается, такъ какъ вина обыкновенно привозятъ очень много и ко времени „сунъ-ёрл’а“ его еще остается много.

Спустя нѣкоторое время въ юртѣ, у самой двери, разстилается невидѣланная баранья шкура, шерстью вверхъ, и изъ другой юрты приглашается сюда, въ юрту жениха, невеста, сопровождаемая своей „бэргэнтъ“. На шкуру становится женихъ, справа отъ него невеста, а по сторонамъ ихъ, внѣ шкуры, становятся ихъ бэргэни. Тогда родители невесты, передавая хадакъ „ёрльчи“ — мастеру говорить похвальное слово — просятъ его высказать стихами ихъ добрыя пожеланія жениху.

Ёрльчи, сидя на своемъ мѣстѣ, говоритъ долго. Кое-что мы приведемъ; всего же собрать не могли, такъ какъ не имѣли возможности лично видѣть такихъ ёрльчи; простые же монголы рассказали намъ лишь главные, характерные отрывки изъ такихъ стиховъ.

...„Да будешь ты всегда счастливъ и долголѣтенъ; да будешь всегда здоровъ и силенъ. Пусть никакая болѣзнь тебя не коснется и будешь ты вліятельнымъ, славнымъ и мудрымъ попономъ! Пусть въ дѣлахъ твоихъ во всю жизнь шея твоя будетъ толста! ¹⁾ Пусть ты будешь всю жизнь богатъ во всемъ. Вздвигь бы тебѣ только на хорошихъ лошадяхъ“ и т. д.

Окончивъ ёрль, онъ передаетъ заранѣе приготовленные родителями невесты хадакъ и мѣшокъ съ чашкой и въ ней, въ узелкѣ, зерна хлѣба ²⁾ бэргэнтъ жениха, которая набрасываетъ хадакъ на шею жениха и опоясываетъ его новымъ поясомъ, съ привѣшеннымъ къ нему вышитымъ чехломъ—мѣшкомъ—и чашкой ³⁾.

Вслѣдъ за этимъ и родители жениха съ хадакомъ просятъ того же ёрльчи высказать и ихъ пожеланія невестѣ. Ей говорится въ общемъ тоже самое лишь съ небольшой разницей. Кромѣ пожеланій богатства, долголѣтія, счастья, разума и проч., ей желаютъ: „Имѣть тебѣ всегда длинные волосы; имѣть тебѣ много скота и ухаживать за нимъ безъ усталости! Вставать бы тебѣ какъ можно раньше и ложиться спать—какъ можно позже!“ Въ заключеніе рѣчи ёрльчи, обращаясь уже къ обоимъ вмѣстѣ, говоритъ: „Благославляемъ мы всѣ васъ на доброе дѣло!“

¹⁾ То есть чтобы выносить всякую трудность и легко ее разрѣшать.

²⁾ Чтобы быть богатъ.

³⁾ Чехоль или мѣшечекъ съ чашкой называется „хамтага“.

Въ продолженіе этихъ рѣчей женихъ и невѣста стоятъ на шкурѣ¹⁾ и повидимому чувствуютъ себя очень неловко. Женихъ потѣетъ, обтирается и не поднимаетъ глазъ; невѣста тоже: она старается закрывать глаза руками, и какъ только ёрблчи кончить говорить и ей позволено будетъ уйти, она быстро убѣгаетъ и скрывается въ своей юртѣ²⁾.

Послѣ рѣчей гости нѣкоторое время еще пьютъ водку и кумысъ и начинаютъ развѣзжаться по домамъ. Остаются здѣсь только горькіе пьяницы, зная, что ихъ не прогонять и въ водкѣ не откажутъ.

Назначается, наконецъ, по совѣту съ ламами³⁾ и день свадьбы. Какъ свадьба, такъ и „шагайто“ обыкновенно происходятъ лѣтомъ, потому что въ это время года особенно много добывается водки и готовится кумысъ. Сватовство же происходитъ иногда и зимою, но „шагайто“ — заключеніе сватовства — всегда лѣтомъ.

Наканунѣ свадьбы разсылаются приглашенія всѣмъ родственникамъ и знакомымъ. Приглашенные жениха собираются у него наканунѣ свадьбы, а родные и знакомые невѣсты, собираются наканунѣ же въ ея домѣ. Въ домѣ или вѣрнѣе въ ставкѣ — по монгольски айль — жениха идутъ приготовленія къ слѣдующему дню; ставится новая юрта, предназначенная для молодыхъ, устанавливается въ ней всевозможная утварь, чаши, котлы, столикъ-жертвенникъ для бурхановъ и постель изъ войлоковъ, на которую сверхъ того кладутся другіе войлочные матрацы — приданое невѣсты. Въ изголовьи постели кладется одна подушка, другая въ ногахъ будетъ положена впоследствии, самой невѣстой. Родители жениха и его ближайшіе родственники занимаются приготовленіемъ мяса, хлѣба, кумыса и водки для угощенія на слѣдующій день.

Въ то же время и въ айль невѣсты происходитъ оживленное движеніе; готовятъ кумысъ и водку, которую повезутъ на слѣдующій день къ жениху вмѣстѣ съ невѣстой. Послѣдняя окружена своими родственниками. Вечеромъ бѣргэнъ невѣсты съ помощью другихъ женщинъ расплетаетъ ея тангутскую прическу, состоящую изъ мелкихъ косичекъ, и раздѣливъ волосы вдоль головы — отъ середины лба до затылка — заплетаетъ ихъ въ шесть косъ, по три съ каждой стороны. Смысла перемѣны прически, монголы не могли намъ объяснить, но намъ

¹⁾ Какой смыслъ становить ихъ именно на сырую шкуру, узнать не удалось.

²⁾ Невѣстѣ подарковъ не полагается. На шею ей набрасывается только одинъ хадакъ.

³⁾ Съ ламами совѣтуются и въ предыдущихъ трехъ случаяхъ.

кажется, что это дѣлается наканунѣ свадьбы для того, чтобы придать дѣвушкѣ видъ настоящей монголки; въ Монголіи дѣвицы носятъ именно шесть косъ. Во время этого обряда, а также до и послѣ него, собравшихся родныхъ и знакомыхъ угощаютъ виномъ и проч., и попойка длится до ночи.

Въ этотъ день родственники невесты привозятъ ей посильные подарки — кто шубу или халатъ изъ цвѣтной матеріи, кто даритъ серебряныя кольца, кто браслеты, кто вышитыя чехлы на косы и т. д.

Въ этотъ же, опять-таки, день и женихъ, въ сопровожденіи двухъ-трехъ сверстниковъ, долженъ посѣтить юрту родителей его невесты ¹⁾ для того, чтобы „потрясти юрту“—„гэръ-хуньдуху“. Яснаго объясненія этого обряда намъ монголы не дали, но изъ ихъ темныхъ рассказовъ можно вывести заключеніе, что женихъ является въ цѣляхъ „растрясти, разорить семью“, т. е. отнять у нея одного ея члена (дѣвушку). Являясь въ юрту, женихъ однако не трясетъ ее, а ограничивается только прикосновеніемъ пальцевъ къ двери или войлоку. Разговоры женихъ здѣсь не ведетъ, а коротко лишь отвѣчаетъ на вопросы о его здоровьѣ, о здоровьѣ его родителей и на другіе обычные вопросы. Его угощаютъ чаемъ, виномъ и кумысомъ; но онъ старается поскорѣе отдѣлаться отъ этого и собирается уѣзжать. Лишь только онъ поднимется съ мѣста, какъ присутствующія здѣсь „бэргәнъ“ невесты и другія молодыя женщины ухватываются за его руки и платье и уговариваютъ его остаться „ночевать“, при чемъ хохочутъ и очень не двусмысленно подмигиваютъ и гримасничаютъ. По обычаю и родители невесты просятъ его остаться „переночевать“, но все это дѣлается только для того, чтобы выполнить обычай. Остаться же ночевать онъ не долженъ и поэтому рвется изъ рукъ молодыхъ женщинъ, которыя ухватываются еще крѣпче и еще усерднѣе, со смѣхомъ и подмигиваніями и довольно ясными намеками на возможность весело и пріятно провести въ ихъ обществѣ ночь, уговариваютъ его остаться ночевать. Но онъ, сконфуженный, покраснѣвшій и растерянный наконецъ вырывается и, вскочивъ на коня, быстро, безъ оглядки, удираетъ домой.

Слѣдующій день—день самой свадьбы. Родители невесты еще заранѣе получили указанія отъ ламъ въ какого цвѣта платье:—красномъ, желтомъ, синемъ, бѣломъ или черномъ—ѣхать невестѣ въ домъ жениха. Какіхъ лѣтъ мужчина долженъ вести за поводъ лошадей

1) Которымъ привозить въ подарокъ лонхонъ водки и хадакъ.

невѣсты, какихъ лѣтъ мужчина долженъ нести рисунокъ жабы ¹⁾, съ какой стороны подѣхать къ юртѣ жениха и, наконецъ, въ какой изъ двѣнадцати цак'овъ ²⁾, на которые монголы и тибетцы дѣлятъ сутки, слѣдуетъ прибыть къ юртѣ жениха.

Если у невѣсты нѣтъ указаннаго ламами цвѣта одежды, то ограничиваются небольшимъ кускомъ матеріи того цвѣта, который пришивается на спинѣ халата, которымъ она покрывается съ головы до ногъ во время пути къ дому жениха.

До означеннаго цак'а въ домѣ невѣсты идетъ попойка. Потомъ всѣ садятся на коней и везутъ невѣсту и все ея дѣвичье имущество, а также вино, кумысъ, баранью грудину и вареное мясо и проч. Впереди поѣзда несутъ изображеніе—на полотнѣ или бумагѣ—жабы и кушугъ—занавѣсъ для жертвенника передъ бурханами.

Между тѣмъ и въ домѣ жениха въ этотъ день идутъ приготовленія. Заранѣ увѣдомленные о времени прибытія поѣзда невѣсты, передъ новой юртой разстилаютъ большой новый войлокъ. Посреди войлока ставится мѣрка съ хлѣбнымъ зерномъ, въ которую воткнута стрѣла, обвѣшанная хадаками; по сторонамъ этой мѣрки ставится по лонхону кумыса и рядомъ съ послѣдними по лонхону водки. До пріѣзда невѣсты, на этомъ войлокѣ садятся приглашенные ламы и отправляютъ богослуженіе, которымъ испрашиваютъ у неба испосланія счастья и благополучія новому дому, а также чтобы во время свадьбы не случилось несчастія, которое могло бы омрачить не только пиршество, но и всю жизнь молодыхъ ³⁾. Послѣ богослуженія они уходятъ съ войлока, оставляя на немъ все поставленное. Подлѣ юрты стоятъ двое сильныхъ молодыхъ людей, держа въ поводу выхлеченныхъ быстрыхъ лошадей. Имъ предстоитъ, какъ увидимъ ниже, сыграть очень опасную роль. Съ ними же, подлѣ юрты родителей жениха, стоитъ, въ ожиданіи своего дѣла, ловкій и сильный мужчина, которому, въ свою очередь, предстоитъ также примѣнить свою ловкость и силу, чтобы удачно снять съ сѣдла быстро скачущую верхомъ невѣсту. Женихъ, съ находящейся при немъ безотлучно бѣргәнъ, сидитъ все время въ своей новой юртѣ.

Лишь только родственники жениха увидятъ вдали приближающійся тихимъ шагомъ поѣздъ невѣсты, какъ немедленно же высы-

¹⁾ Объясненія значенія и смысла изображенія жабы не могли мы добиться; никто этого не знаетъ: „надо такъ по обычаю“—вотъ отвѣтъ.

²⁾ Цакъ равняется нашимъ двумъ часамъ.

³⁾ Ламы собираютъ отовсюду счастье и благополучіе, которыя будто бы, по мнѣнію монголовъ, укладываются въ зерно.

лають на встрѣчу двухъ верховыхъ съ лонхонами кумыса и водки для привѣтствія поѣзжанъ. Вслѣдъ за ними ѣдутъ двое другихъ на лучшихъ лошадяхъ. Въ рукавахъ этихъ послѣднихъ спрятаны чашки, наполненныя мясомъ, дзамбой, кумысомъ, водкой и проч. снѣдью, вмѣщающейся въ одной общей чашкѣ. Первые двое угощаютъ первыхъ встрѣчныхъ поѣзжанъ, окружающихъ невесту и не ожидая приближенія другихъ, возвращаются обратно къ юртамъ. Тогда вторая пара быстро наскакиваетъ на невесту и еще быстрѣе выбрасываетъ на голову ея коня всю дрянъ изъ чашекъ и скачетъ въ карьеръ обратно. Вслѣдъ за ними въ погоню несется изъ поѣзда невесты съ десятокъ молодцевъ, вооруженныхъ нагайками и горе первымъ, вылившимъ снѣдь на голову коня невесты, если ихъ лошади не успеютъ донести бѣглецовъ до юрты; они будутъ безошадно избиты нагайками по лицу, по головѣ, по чѣмъ попало!

Обычай выливать на голову лошади невесты чашку, наполненную всевозможными нажитками и ѣдою, очень древній. Дѣлается это для того, чтобы съ поѣздомъ невесты, въ образѣ гостя, не явился на пиръ въ домъ жениха „читкуръ“, т. е. чортъ, злой духъ, а съ нимъ и несчастье. По вѣрованію монголовъ, читкуръ и вообще всѣ злые духи должны непременно наброситься на выброшенную ѣду и слѣдовательно не попадутъ на пиръ къ жениху. Подозрѣніе въ томъ, что въ поѣздѣ невесты, въ образѣ человѣка, можетъ оказаться читкуръ оскорбляетъ поѣзжанъ и они стараются поймать и жестоко наказывать обидчиковъ, что нерѣдко имъ и удается. Но ссоры отъ этого произойти не можетъ, да и обидчики не имѣютъ права защищаться иначе, какъ только бѣгствомъ.

Тѣмъ временемъ невеста приближается къ юртѣ родителей жениха и, остановившись на одно мгновеніе противъ дверей, начинаетъ быстро скакать на конѣ вокругъ юрты — по солнцу. Въ то время когда она, объѣзжая въ третій разъ юрту, поровняется съ дверью ея, ожидающій этого момента мужчина долженъ быстро бросить хадакъ ведущему въ поводу коня невесты и снять или вѣрнѣе сорвать дѣвушку съ сѣдла. Если бы это ему не удалось, то дому жениха ужасный срамъ. Поэтому-то для такого порученія выбирается изъ родни или знакомыхъ самый сильный и ловкій мужчина.

Какъ только невеста будетъ снята, подбѣгаетъ ея бѣргәнъ и ведетъ, и усаживаетъ ее на войлокъ у новой юрты, лицомъ къ мѣркѣ съ зерномъ и стрѣлою, т. е. на востокъ, спиною къ двери юрты. Въ то же время изъ юрты выходитъ и женихъ въ сопровожде-

ни своей бѣргѣнъ. Онъ усаживается на томъ же войлокѣ, рядомъ съ невѣстой, по правую ея руку. Обѣ бѣргѣнъ придавливаютъ полы одежды жениха и невѣсты камнями, чтобы молодые люди, стыдясь своего положенія и сотенъ, устремленныхъ на нихъ глазъ, „не вскочили бы какъ малые дѣти и не убѣжали бы въ юрту“. Затѣмъ имъ выдаютъ кусокъ вареной баранины, шагайто, обязанной хадакомъ. Шагайто держатъ одновременно и женихъ, и невѣста; первый лѣвой рукою, вторая правой, при чемъ женихъ держитъ толстый ея конецъ, а невѣста тонкій, нижній. Въ это время ёрѣльчи произносятъ за нихъ клятву въ вѣрности другъ другу: „клянемся и беремъ солнце, луну, небо въ свидѣтели, что не оставимъ другъ друга; такъ какъ теперь держимся мы за шагайто — мы будемъ держаться другъ-друга“. И женихъ, и невѣста, при произнесеніи ёрѣльчи словъ „солнце“ „луна“, „небо“ — должны сдѣлать по одному поклону свѣтиламъ и небу; не выпуская изъ рукъ кости, они сидя на одномъ колѣнѣ одновременно склоняютъ головы.

Послѣ произнесенія этой клятвы обѣ бѣргѣнъ, сидяція во все время этого обряда по сторонамъ жениха и невѣсты, разомъ снимаютъ съ обоихъ шапки и бросаютъ ихъ черезъ двери въ юрту. Туда же торопливо уводятъ жениха и невѣсту ихъ бѣргѣни.

Пока длится обрядъ поклоненія солнцу, лунѣ и небу, вещи невѣсты вносятся въ юрту и въ ней готовится постель изъ привезенныхъ невѣстою матрасовъ. Постель эта завѣшивается привезеннымъ ею же занавѣсомъ — кушугъ. На эту постель сначала, у изголовья, садятъ жениха; рядомъ съ нимъ садится его бѣргѣнъ. Затѣмъ садится невѣста, а за нею ея бѣргѣнъ. Занавѣсъ скрываетъ ихъ отъ всѣхъ входящихъ или заглядывающихъ въ юрту. Жениха и невѣсту угощаютъ виномъ, кумысомъ, чаемъ и проч. Угощеніе предлагается и со стороны дома жениха и со стороны невѣсты. Послѣ угощенія обѣ бѣргѣнъ, сидяція по сторонамъ невѣсты, берутъ ея заплетенныя косы и вновь переплетаютъ ихъ уже въ двѣ женскихъ косы и одѣваютъ на нихъ чехлы. Этотъ обрядъ называется „обращеніемъ въ женщину“. Послѣ уборки косъ на невѣсту одѣваютъ старинную длинную монгольскую безрукавку, съ разрѣзомъ сзади и сборками впереди, въ тальи. Она называется „цэгэдѣкъ“.

Когда такимъ образомъ дѣвушка не будетъ уже отличаться отъ женщины по наружности — по платью, — молодыхъ ведутъ на поклоненіе родителямъ ихъ въ юрту отца жениха. Занавѣсъ отъ постели снимается и уносится раньше; потомъ выходятъ молодые въ сопро-

вожденіи своихъ бѣргѣнъ. Женихъ и невѣста идутъ рядомъ — невѣста по лѣвую руку жениха, — бѣргѣни по сторонамъ. Когда молодые приближаются къ юртѣ родителей молодого, то дверь ея закрывается и придавливается камнемъ, а подлѣ, для охраны ея, стоитъ мужчина. Какъ только молодые подойдутъ къ двери, караульный преграждаетъ имъ путь и спрашиваетъ: „куда вы идете?“ — Бѣргѣны молодыхъ отвѣчаютъ: „мы идемъ поклониться родителямъ“, при чемъ бѣргѣнъ невѣсты подаетъ караульному хадакъ. Послѣ этого камень отваливается и дверь поднимается. Сначала туда вносятъ кушугъ или занавѣсъ и протягиваютъ ее въ юртѣ передъ дверь. Въ образумомъ занавѣсомъ и частью юрты у двери пространство становятся молодые рядомъ — невѣста слѣва, — а подлѣ нихъ ихъ бѣргѣни.

Между тѣмъ въ юртѣ, скрытые занавѣсомъ отъ взоровъ вошедшихъ, сидятъ слѣва при входѣ отецъ и мать молодой и ея старшіе родственники. По правой сторонѣ отъ входа юрты сидятъ родители и старшіе родственники молодого. Подлѣ бурхановъ, впереди на самомъ почетномъ мѣстѣ, сидитъ ёрѣльчи, который во все время этой церемоніи читаетъ ёрѣль, въ которомъ испрашивается богатство, счастье, долголѣтіе дому родителей и молодыхъ конечно. Молодые слушаютъ за занавѣсомъ ёрѣль и когда ёрѣльчи упоминаетъ объ очагѣ „чтобы огонь никогда не потушалъ, т. е. чтобы потомство рода не вымирало“, — молодые одновременно дѣлаютъ одинъ земной поклонъ очагу. Для этого бѣргѣни поднимаютъ временно занавѣсъ на столько, чтобы молодые могли видѣть очагъ. Обыкновенно, прежде поклона огню, молодые молятся бурханамъ, но это не входитъ въ кругъ церемоніи, такъ какъ это обязательно всегда и во всякое время, при входѣ въ юрту. Послѣ этого ёрѣльчи упоминаетъ о посудинѣ для кумыса или водки „чтобы она всегда была полна и поила бы вѣчно потомство“, и этой посудинѣ молодые кладутъ земной поклонъ. Затѣмъ ёрѣльчи упоминаетъ отцовъ молодыхъ. Сначала кланяется молодой отцу невѣсты, послѣ него — молодая отцу жениха. Потомъ слѣдуютъ поклоны матерямъ, и тоже, — сначала молодой кланяется своей тещѣ, а послѣ него молодая своей свекрови — хадамъ. Послѣ поклоновъ тестю и тещѣ, свекру и свекрови, кладутся поклоны всѣмъ, находящимся въ юртѣ по старшинству, родственникамъ. Молодой дѣлаетъ поклоны роднѣ тестя, а молодая роднѣ своего мужа. Каждый разъ бѣргѣнъ приподнимаетъ уголь занавѣса, чтобы указать лицо, которому слѣдуетъ кланяться; послѣ поклона занавѣсъ опускается.

Когда поклоненіе кончится, молодые выходятъ изъ юрты свекра и направляются въ свою юрту. Туда приносятъ занавѣсъ и вѣшаютъ его снова передъ постелью, на которой въ томъ же порядкѣ садятся молодые и ихъ бѣргэнн.

Тѣмъ временемъ въ юртѣ молодыхъ приготовляются къ встрѣчѣ гостей: варятъ чай, раскладываютъ мясо, хлѣбъ, ставятъ посудины съ водкой и кумысомъ. Когда все приготовлено, идетъ человекъ въ юрту свекра пригласить отъ имени молодыхъ всѣхъ въ ней сидящихъ „въ гости въ новую юрту“. Родня молодыхъ переходитъ „въ новую юрту“ и усаживается уже въ иномъ порядкѣ. Почетную сторону, отъ входа на-лѣво, занимаетъ родня молодого, а у постели, отъ входа на-право, — родители и родственники молодой.

Молодые встрѣчаютъ гостей стоя у дверей, тамъ, гдѣ сложена домашняя утварь, т. е. справа при входѣ. Съ ними стоятъ и бѣргэнн. Какъ только гости займутъ свои мѣста, одна изъ бѣргэнн подаетъ ёрѳльчи хадакъ и проситъ его отъ имени молодыхъ сказать ёрѳль на разливательную ложку — шананага. Ёрѳльчи говоритъ приблизительно слѣдующее: „пусть эта ложка наполняется угощеніемъ — виномъ, кумысомъ, чаемъ и молокомъ—всегда такъ же, какъ и сегодня; пусть пища налитая ею будетъ здорова, обильна и приноситъ всегда счастье и долгоденствіе какъ ей хозяйкамъ, такъ и ихъ гостямъ сегодня, завтра и всегда въ будущемъ“. Послѣ этихъ словъ онъ обвязываетъ ложку хадакомъ и передаетъ ее „бѣргэнн“, а эта послѣдняя молодой, которая подходитъ къ очагу и начинаетъ разливать ею въ чашки чай изъ котла, стоящаго на очагѣ. Чашки съ чаемъ, по указанію бѣргэнн, подноситъ гостямъ молодой.

Тѣмъ временемъ обѣ бѣргэнн перебираютъ и пересматриваютъ всю снѣдь, сложенную подлѣ домашней утвари; кое-что передаютъ гостямъ, вообще дѣлаютъ видъ, что заботятся объ угощеніи яствами, привезенными съ собою невѣстой, хотя бы на самомъ дѣлѣ этого и не было. Привезенную же молодую вареную баранью грудину обѣ бѣргэнн съѣдаютъ тутъ же вмѣстѣ.

Побывъ здѣсь не долго гости уходятъ обратно въ юрту родителей молодого и продолжаютъ тамъ попойку.

Послѣ возвращенія изъ юрты молодыхъ, во время попойки, извѣстное лицо изъ родственниковъ молодой громко перечисляетъ все приданое, привезенное ею въ домъ мужа. Перечисленіе начинается со скота — „унъчи“. Обыкновенно называютъ у богатыхъ по нѣскольку десятковъ головъ лошадей и рогатаго скота, равно барановъ и козъ;

бѣдные же даютъ только по нѣскольку штукъ барановъ или козъ. Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе имущества — „инцзе“. Столько-то шубъ, столько-то шапокъ, столько-то халатовъ — и изъ какихъ матерій, — столько-то рубашекъ, сапогъ. Такія-то кольца, серьги, браслеты, ожерелья.

По окончаніи этого перечисленія, родители молодого подносятъ матери молодой какой-либо матеріи на халатъ, бѣдные — на рубашку, а отцу халакъ. Послѣ этого родители молодого дарятъ матери молодой или кобылицу съ жеребенкомъ, или корову съ теленкомъ, у богатыхъ, или же козу съ дѣтенышемъ, у бѣдныхъ. Это называется „платою за материнское молоко“, иначе говоря „за воспитаніе“.

Уже въ концѣ дня кто-либо изъ родственниковъ молодого объявляетъ: „цулбуринъ-гила-дэчжи цэочжи байнымъ-ди“, т. е. „теперь подаемъ прощальный кумысъ-вино“. Вслѣдъ за этимъ приносятъ одну или нѣсколько посудинъ кумыса и водки и разливаютъ напитки гостямъ; когда все будетъ выпито — гости собираются и развѣзжаются по домамъ.

Молодые остаются одни въ своей юртѣ; съ ними, въ продолженіе трехъ сутокъ послѣ свадьбы, по обычаю, должны оставаться обѣ бэргэни, которая обязана пріучать молодую къ роли хозяйки и жены, а молодого — къ роли хозяина и мужа. Онѣ же должны помогать одѣваться и раздѣваться молодымъ и укладывать ихъ въ постель. Но бэргэни обыкновенно уѣзжаютъ въ тотъ же день и молодые остаются совершенно одни. Занавѣсъ передъ постелью остается висѣть трое сутокъ для того, чтобы молодые могли спрятаться за него, если бы имъ вдругъ стало стыдно постороннихъ посѣтителей. Сами они выходятъ изъ своей юрты только по крайней необходимости и все время остаются вмѣстѣ. Молодая сама варитъ чай и сама же поитъ имъ мужа и вообще кормитъ его.

На третій день послѣ свадьбы къ молодымъ пріѣзжаютъ обѣ бэргэни и нѣкоторые близко живущіе родственники, съ цѣлью „снять занавѣсъ“, т. е., сдѣлать новую семью всѣмъ доступной, чтобы молодые вошли въ обычную семейную жизнь и, никого не стѣняясь, могли бы выходить куда угодно и принимать кого угодно.

Занавѣсъ снимаютъ бэргэни и передаютъ молодой, которая прячетъ его въ сундукъ. Затѣмъ родители молодого подносятъ обѣимъ бэргэни по хадаку за службу и помощь. Гостей угощаютъ виномъ, кумысомъ и чаемъ съ дзамбой.

Въ заключеніе всего просятъ ламъ указать счастливый день, черезъ одинъ или нѣсколько мѣсяцевъ, въ который молодые должны

отправиться въ гости къ отцу и матери молодой. Въ указанный день они собираются: берутъ съ собою двѣ или больше посудинъ кумыса и водки и вареную баранью тушу и завьючивъ все это, вдвоемъ, верхомъ на лошадахъ, ѣдутъ къ юртѣ родителей молодой.

Тамъ они проводятъ весь день, угощая родителей, привезенными напѣтками и мясомъ. Вечеромъ молодой уѣзжаетъ домой одна, а молодая остается у своихъ. Погостивъ здѣсь нѣсколько дней, она уѣзжаетъ къ мужу. Обыкновенно ее провожаетъ домой братъ или сестра, которые также остаются погостить день-два въ домѣ молодыхъ.

Этимъ свадебныя торжества и пирушки заканчиваются.

Признакомъ беременности монголы считаютъ прекращеніе менструаціи и частое головокруженіе и обмороки, въ особенности у перворождающихъ. Чтобы облегчить роды, беременную женщину обяыываютъ какъ можно больше ходить и нести не тяжелую работу; нерѣдко также запрещаютъ въ этотъ періодъ ѣсть мясо дикаго яка, которое, по мнѣнію монголовъ, способствуетъ замедленію или затрудненію родовъ. Срокъ нахожденія плода въ утробѣ матери монголы полагаютъ для перворождающей — одиннадцать мѣсяцевъ, для второй и третей разъ разрѣшающейся отъ бремени десять и только при послѣдующихъ отправленияхъ родильнаго акта—девять мѣсяцевъ.

Къ роженицѣ приглашается бабка—„экэ“. Если роженица очень мучается, то приглашенный лама служитъ „гурумъ“. Для ускоренія появленія на свѣтъ ребенка, роженицу часто пугаютъ неожиданнымъ выстрѣломъ подлѣ юрты. Практикуется также и массажированіе. Если и это не облегчаетъ острия страданія и не помогаетъ правильному ходу родовъ, то роженицу кладутъ на войлокъ или полотнище и перевертываютъ ее на этихъ предметахъ съ боку-на-бокъ. Послѣднее средство примѣняется по указанію бабки, когда ребенокъ неправильно расположенъ—не внизъ головою. Какъ только ребенокъ появится на свѣтъ, пуповину завязываютъ коровьей жилой—„шурбусъ“—и обрѣзаютъ ножницами.

Послѣдъ кладутъ тутъ же въ юртѣ, обернувъ его въ ту грязную подстилку, на которой женщина родила. Онъ лежитъ въ юртѣ до того „счастливаго дня“, который укажетъ лама, а затѣмъ относится куда-либо подальше и непременно на сухое мѣсто, гдѣ и выбрасывается.

Часть пуповины, отпадающей дня черезъ два-три, берсугутъ дома въ продолженіи двухъ—пяти лѣтъ, какъ средство для ускоренія прорѣзыванія коренныхъ зубовъ у ребенка или при болѣзни полости рта у дѣтей, выражающейся обильнымъ слюотеченіемъ; въ первомъ случаѣ пуповиной трутъ дѣсны, а во второмъ даютъ ребенку подержать пуповину во-рту.

Новорожденнаго завертываютъ въ грязное тряпье, въ которомъ ребенокъ лежитъ въ теченіе трехъ сутокъ послѣ появленія на свѣтъ. Его поятъ только чаемъ, безъ молока, или отваромъ цвѣтовъ растенія „гургумъ“. Роженица же эти первые три дня можетъ питаться мяснымъ супомъ, дзамбой безъ масла и чаемъ, употребляя все это въ небольшомъ количествѣ.

По истеченіи извѣстнаго времени, роженицу и чашку, изъ которой она питалась въ теченіе указанныхъ трехъ дней, обмываютъ святой водой — „аршанъ“. Роженицѣ моютъ руки, колѣни, лицо, голову и проч. Ребенка же сначала вынимаютъ изъ грязныхъ тряпицъ, которыя выбрасываются, потомъ моютъ соленой водою, смѣшанной съ молокомъ, а послѣ этого омовенія уже поливаютъ начисто освященной ламою водою и завертываютъ въ сложенную конвертомъ выдѣланную баранью шкуру, мѣхомъ внутрь. На шкурѣ этой подъ мягкую часть дитяти кладется войлочный футляръ, безъ крышки, наполненный перломъ и золою, которыя прикрываются мягкой козьею шерстью. Этотъ пакетъ съ золою принимаетъ и впитываетъ въ себя жидкія выдѣленія дитяти. Золю смѣняютъ каждый день нѣсколько разъ. Чтобы струя мочи, у мальчика, не била вверхъ и не увлажняла шкуры, надъ лобковою костью ребенка кладется навѣсомъ кусокъ твердой кожи такъ, чтобы струя мочи, ударившись въ эту кожу, сбѣгала внизъ на пакетъ съ золою.

Затѣмъ лама, послѣ омовенія и очищенія роженицы, окуриваетъ ее, ея постель, платье, ребенка и всю юрту дымомъ арцы (*Jupiregus Pseudo-sabina*) и другихъ благовонныхъ кустарниковъ и травъ... Теперь уже роженица допускается, если ей позволяютъ силы, нести домашнюю работу, а еще черезъ мѣсяць она становится способной отпирать и суирусскія обязанности.

По истеченіи года родители даютъ имя ребенку сами, безъ всякихъ торжествъ по этому случаю.

Спустя же три года или семь — по совѣту съ ламами, родители назначаютъ день остриженія волосъ у ребенка — дѣвочки или мальчика безразлично. Къ этому дню готовятся усиленно. По обыкновенію приготавливаютъ много вина, а если торжество происходитъ лѣтомъ, то и кумыса; кромѣ того—чаю, дзамбы, хлѣба и мяса. Разсылаютъ приглашенія на торжество и роднымъ, и знакомымъ.

Когда гости соберутся, то родители, въ ихъ присутствіи, остригаютъ волосы ребенка ножницами, по возможности „до-гола“. Затѣмъ начинается попойка, во время которой раскутившіеся и подпившіе

гости дѣлають остриженному ребенку подарки. Дарятъ обыкновенно лошадей, коровъ, барановъ, козъ, монеты, огнива, ножи и проч., кто что можетъ. Нѣкоторые же ограничиваются обѣщаніемъ подарить лошадь или корову, когда ребенокъ достигнетъ возраста жениха или невѣсты и будетъ устраивать свадебное торжество. Обѣщанія, конечно, строго выполняются въ свое время. Этотъ пиръ, по случаю остриженія волосъ, называется „урюльбугъ-ен-хуримъ“¹⁾.

Теперь о похоронахъ²⁾.

Умершаго раздѣвають до-гола и кладутъ въ той же юртѣ на обнаженную земную поверхность, во избѣжаніе скорой порчи, на спину и въ томъ именно положеніи рукъ и ногъ, которое принято было имъ въ моментъ смерти, подложивъ подъ голову небольшой, съ кулакъ величиною, и непременно бѣлый камень. Лицо покойника покрывается хадакомъ, а тѣло шубой или халатомъ, въ которомъ онъ умеръ.

При этомъ покойника кладутъ въ извѣстномъ мѣстѣ, смотря по его полу и положенію. Такъ ламъ-покойниковъ кладутъ на почетной половинѣ, при входѣ въ юрту на-лѣво, ближе или дальше отъ бурхановъ, въ зависимости отъ того положенія — въ кумирнѣ или монастырѣ, — которое занималъ покойный. Хозяина дома, сына, отца, брата—кладутъ обыкновенно на хозяйской, при входѣ на-право, половинѣ, ближе къ бурханамъ. Если умереть, проживавшій у хозяина юрты, какой-нибудь бѣдный родственникъ или работникъ — его кладутъ на почетной же сторонѣ, на-лѣво отъ входа, но ближе къ дверямъ. Умершихъ женщинъ помѣщаютъ подлѣ домашней утвари вблизи дверей, справа отъ входа, но самая утварь обыкновенно выносится вонъ, пока въ юртѣ находится покойникъ.

Передъ умершимъ вѣшаютъ занавѣсъ, скрывающій его отъ взоровъ присутствующихъ. Въ тотъ же день приглашаютъ ближайшихъ ламъ, родственниковъ и постороннихъ, а также и главнаго въ хошунѣ ламу — хамба-лама, — которые отправляютъ установленное на этотъ случай богослуженіе до дня похоронъ, происходящихъ черезъ нѣсколько дней со времени смерти.

Хамба-лама, прослуживъ въ юртѣ покойника нѣсколько часовъ, съ наступленіемъ вечера или ночи уѣзжаетъ обратно, назначивъ заблаговременно день самыхъ похоронъ.

¹⁾ Объ участіи ламъ на свадьбахъ, при родинахъ, остриженіи см. Позднѣевъ. Очерки I. с. стр. 412—426, 433—441.

²⁾ Объ обрядахъ „на исходъ души“ и при похоронахъ. См. тамъ же стр. 457—474.

Зимому ламы служатъ въ той же юртѣ, гдѣ лежитъ покойникъ, а лѣтомъ, когда трупъ отъ разложенія издаетъ дурной запахъ, для нихъ ставится подлѣ палатка или другая юрта.

Въ назначенный день — черезъ 2—5 дней — должны состояться похороны.

Покойника завертываютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ, въ войлокъ, или въ то платье, въ которомъ онъ умеръ и выносятъ тѣло изъ юрты не въ дверь, такъ какъ „покойники не должны выходить тѣмъ ходомъ, которымъ выходятъ живые“, а отвязываютъ отъ двери рѣшетку—хапа или тэрмэ —и въ образованное такимъ образомъ отверстие выносятъ тѣло. Для мужчинъ отнимаютъ рѣшетку на-лѣво отъ двери, а для женщинъ или дѣвицъ на-право. Выносятъ головою впередъ и обыкновенно родственники; а если ихъ нѣтъ, то нанимаютъ для этого постороннихъ мужчинъ.

Загѣмъ покойника вычатъ на лошадь, при чемъ тѣло составляетъ полувьюкъ, которому противовѣсомъ на другомъ боку лошади служить мѣшокъ съ землею. Вьюкъ этотъ везутъ на указанное ламою мѣсто и тамъ кладутъ его головою на западъ, а ногами на востокъ ¹⁾. Лама, сопровождающій умершаго, указываетъ мѣсто, гдѣ именно слѣдуетъ положить его.

Тѣло оставляется обнаженнымъ и лишь на лицо покойника кладется хадакъ. Одежда-же, въ которую былъ завернутъ покойникъ, если она еще годна для ношенія, отдается тутъ же ламѣ или постороннему лицу, помогавшему везти умершаго. Если же она плоха, то ее рвутъ на части и бросаютъ вблизи покойника.

Лошадь, на которой было привезено тѣло, отдается хамба-ламѣ, но въ томъ лишь случаѣ, когда семья умершаго живетъ въ достаткѣ; иначе, — вмѣсто лошади, хамба-лама получаетъ теленка или барана.

Часть имущества — скотомъ, — которая должна бы была быть выдѣлена умершему въ случаѣ раздѣла, — выдѣляется послѣ похороны и либо жертвуется въ Лхасу, какому-нибудь хутухтѣ — Далай-ламѣ или другому, — или же раздается ламамъ въ своемъ хошунѣ, съ тѣмъ, чтобы послѣдніе молились известное время за умершаго. Кромѣ того отъ юрты перебрасывается къ дереву или скалѣ бичевка, на которой навязываются лоскутки бумаги или матеріи, покрытыя надписью „ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ“. Такіе же „мани“ протягиваются близъ того мѣста, гдѣ былъ положенъ покойникъ и гдѣ онъ находился вначалѣ

¹⁾ И здѣсь покойника кладутъ на спину, а подъ голову — тотъ же бѣлый камень, на которомъ лежала голова умершаго въ юртѣ.

Послѣ покоренія цайдам'овъ китайцами, нынѣшняя манчжурская династія дала завоеваннымъ шарайгол'амъ тѣ же законы, которые дѣйствуютъ и по нынѣ въ Халхѣ. Но эти законы здѣсь, въ Цайдамѣ, не могли цѣликомъ привиться. У цайдамцевъ еще и до сихъ поръ сохраняютъ силу нѣкоторыя законоположенія, данныя когда-то гэгэн'омъ Гуши-ханомъ. Мы приведемъ здѣсь два такихъ сохранившихся законоположенія; вообще же говоря, монголы Цайдама въ юридическихъ обычаяхъ слабы и большинство изъ нихъ не въ силахъ отлпчить свои старинные законы отъ таковыхъ же манчжурскихъ или тибетскихъ.

Законъ „Хара-цаганъ дэ курнэ“, т. е. „достигнуть обѣдѣнія или очернѣнія“, установленъ Гуши-ханомъ съ цѣлью разомъ покончить старое, сложное дѣло, въ которомъ власти не въ силахъ самостоятельно разобраться. Теперь цайдамцы, да и Спинн'скія власти, также прибѣгаютъ къ нему всякій разъ, когда не могутъ или не имѣютъ основаній обвинить или оправдать одну изъ тяжущихся сторонъ.

„Хара-цаганъ“ заключается въ слѣдующемъ. Судьи сами предлагаютъ сторонамъ предоставить рѣшеніе дѣла провидѣнію, на что обыкновенно и изъявляется согласіе. Обѣ стороны даютъ подписку на согласіе и въ назначенный день собираются во главѣ съ княземъ и судьями въ условленное мѣсто. Въ юртѣ или въ фанзѣ помѣщаются власти, внѣ — тяжущіяся стороны. Судьи отыскиваютъ два небольшихъ одинаковыхъ круглыхъ камня, черного и бѣлаго цвѣтовъ. Камни вѣсятъ на дынцахъ или вѣсахъ и только тогда пускаютъ ихъ въ дѣло, когда оба камня будутъ имѣть одинаковую тяжесть. Каждый камень въ отдѣльности обертывается въ кусокъ одинаково окрашенной матеріи, при чемъ обязательно и совершенно одинаковое расположеніе на томъ и другомъ камняхъ складокъ и узелковъ нитокъ, прикрѣпляющихъ матерію къ камню. Затѣмъ кладутъ оба камня, предварительно припечатанныя печатью князя, на одинаковыхъ же мѣстахъ, на столикъ передъ бурханами.

Тѣмъ временемъ въ большой желѣзной чашѣ, наполненной до верха водою, разводять глину и помѣшивая ее палочкою, кипятятъ воду. Водѣ однако не даютъ кипѣть, но непремѣнно нагрѣваютъ ее на столько, что держать въ ней не только руку, но и палецъ можно только одно мгновенье. Когда вода готова,—приглашаютъ жалобщика и отвѣтчика и предлагаютъ имъ помолиться бурханамъ, чтобы они указали праваго и виноватаго. Послѣ молитвы князь опускаетъ оба узелка въ котель съ горячею водою и кто-либо изъ сторонъ, по жребію,

долженъ вынуть изъ котла свой приговоръ. Жалобщикъ или отвѣтчикъ, чья выпадеть очередь — засучивъ рукавъ правой руки, по командѣ „бери!“—быстро опускаетъ въ котель съ горячей водой руку, схватываетъ попавшійся подъ руку узелокъ и вынимаетъ его. За нимъ слѣдуетъ другой и вынимаетъ такимъ же образомъ свой камень. Вода нагрѣвается почти до кипѣнія для того, чтобы вынимающій камень не могъ выбирать, а сразу бралъ бы то, что попадется.

Вынувшіе камни въ присутствіи князя и судей, развертываютъ каждый свой узелокъ и узнаютъ приговоръ и рѣшеніе судьбы. Кому достался бѣлый камень, тотъ обѣленъ, выигралъ дѣло; кому — черный, тотъ проигралъ. До вынутія же камней сторонамъ объявляютъ ту кару, которая должна постигнуть вынутаго черный камень.

Точно такой же смыслъ имѣетъ и другой законъ—„цукэ улайтхэна“, т. е. нагрѣвать до красна топоръ или „халунъ томырь барина“, что въ переводѣ означаетъ держать горячее желѣзо. И жалобщикъ, и отвѣтчикъ должны пронести на ладони правой руки, раскаленный до красна, топоръ известное число шаговъ. Чья рука болѣе обгоритъ, обуглится и приметъ болѣе черный цвѣтъ, тотъ обвиняется или проигрываетъ дѣло; тотъ же чья рука обуглится меньше и будетъ выглядѣть чище и бѣлѣе, — оправдывается, выигрываетъ процессъ.

Къ этимъ обоимъ законамъ, существующимъ со времени Гушнхана, въ настоящее время прибѣгаютъ все рѣже и рѣже.

Съ ворами поступаютъ не одинаково, смотря по важности преступленія, а также и по тому новичекъ онъ или неисправимый рецидивистъ. Въ первомъ случаѣ виновный кромѣ штрафа, за одно украденное животное—девять головъ или за одну вещь—девять предметовъ — показывается плетью. Если же воръ неисправимъ и несмотря на тѣлесныя наказанія и штрафы, все-таки продолжаетъ упорно воровать въ своемъ хошунѣ, то у него конфискують лошадей и оружіе и подрѣзають сухожилья выше пятки, чтобы лишить его возможности ходить.

Рѣдко бываетъ, чтобы такого вора казнили, хотя право на это и имѣютъ князья. Было впрочемъ нѣсколько случаевъ казни въ хошунѣ Барунъ-цзасака. По большей же части князья уклоняются отъ подписанія смертныхъ приговоровъ, а предоставляютъ хошунцамъ „самимъ избавиться отъ вора“. Въ такомъ случаѣ цайдамцы неожиданно нападаютъ на жилище однохошунца-вора, схватываютъ его и увозя въ горы или степь, отпускають и либо стрѣляютъ по бѣгущему, либо, преслѣдуя на коняхъ, рубятъ преступника саблями или колютъ пиками, стараясь, конечно, не оставить его живымъ.

Воръ, который не только самъ воруетъ, но еще указываетъ пути и служить проводникомъ и сообщникомъ для воровъ - тангутовъ—подлежитъ смертной казни. Такого преступника схватываютъ и послѣ короткаго суда отрубаютъ ему голову у дверей управленія, гдѣ хранится печать; чаще, впрочемъ, казнь замѣняется подрѣзываніемъ сухожилій на ногахъ выше пятокъ.

Мы видѣли нѣсколькихъ монголовъ въ хошунахъ Барунъ и Цзунъ-цзасаковъ, подвергнутыхъ этой операціи за воровство, измѣну и попытки бѣжать съ родины къ тангутамъ. За измѣну и попытку бѣжать въ первый разъ, виновный лишается всего своего боеваго снаряженія въ пользу печати; за повторные проступки того же рода—его казнятъ или подрѣзываютъ сухожилія.

Въ прежнія, давнія времена перебѣжчики считались явленіемъ рѣдкимъ и власти того хошуна, куда бѣжить монголь, не ввязывались въ дѣло и либо выдавали перебѣжчика, либо скрывали его. Теперь—другое дѣло: каждый монголь, не довольный своимъ княземъ или его чиновниками, убѣгаетъ въ сосѣдній хошунъ и жалуется на своего князя или чиновниковъ. Князь, принявшій перебѣжчика, спонсится съ княземъ того хошуна, изъ котораго къ нему явился жалобщикъ и требуетъ пересмотра дѣла, являясь уже какъ бы судьей между княземъ и его подчиненнымъ. Если слѣдствіемъ будетъ обнаружена безусловная виновность перебѣжчика—его наказываютъ и возвращаютъ въ его хошунъ; если же обнаружится, что виноваты власти перебѣжчика, то его оставляютъ въ новомъ хошунѣ, а съ князя требуютъ подписку „впередъ“ не дѣлать несправедливостей и не обижать своихъ подданныхъ. Иногда даже перебѣжчика и возвращаютъ при этомъ въ его хошунъ и тогда таковой смѣло можетъ разсчитывать на безопасность, если, конечно, князь выдастъ подписку не обижать своихъ подданныхъ.

Слѣдуетъ сказать, что Цзунъ-цзасакъ строже всѣхъ прочихъ князей Цайдама блюдетъ законы старины и новые манчжурскіе. Для этого князя нѣтъ ни родныхъ, ни пріятелей, разъ дѣло касается соблюденія обычая или законоположенія. Такъ, наприм., опъ отрѣзалъ родной своей сестрѣ носъ за то, что она сошлась съ какимъ-то тангутомъ и сдѣлала попытку бѣжать съ нимъ изъ хошуна. За невѣрность управитель западнаго хошуна наказываетъ женщинъ такимъ образомъ: приказываетъ отрѣзать одну полу верхней одежды, до колѣнъ, на шею одѣть тяжелую деревянную колодку и въ такомъ видѣ съ однимъ или нѣсколькими людьми изъ управленія обойти и зайти въ каждую юрту всего хошуна. Мужчинъ за то же нарушеніе

супружескихъ правъ или посягательство на нихъ наказываютъ плетью и ношеніемъ колодки, а иногда и подрѣзываніемъ сухожилій выше пятки. Если женщина, сойдясь съ кѣмъ либо постороннимъ, задумаетъ извести мужа и приведетъ этотъ дерзкій, коварный замыселъ въ исполненіе, то таковая подвергается страшной казни. Изъ собственнаго ея же табуна лошадей, а если таковыхъ нѣтъ, то изъ чужаго, берется самый дикій жеребецъ и къ хвосту его или къ гривѣ привязываютъ преступницу живою; привязавъ отпускаютъ жеребца, который со страха и бѣшенства бьетъ ногами и носится по степи до той поры, пока не истреплетъ тѣла казнимой.

Вообще же говоря, во всѣхъ дѣлахъ по воровству и убійствамъ, монголы Цайдама придерживаются тангутскихъ обычаевъ и ограничиваются взысканіемъ штрафовъ и куна, такъ какъ и сами китайцы стараются ради взятокъ не придерживатья своихъ законовъ.

Небезынтересно также будетъ привести здѣсь нѣсколько монгольскихъ „примѣтъ“ и „поговорокъ“.

Примѣты. Рѣзать ножомъ или саблею, держа ихъ остриемъ къ себѣ,—нажить врага или опасность.

Брать что-либо, поданное сосѣдомъ одною рукою, не прикрывши ее рукавомъ—поссориться съ подающимъ.

Примѣрно показывать человѣку какъ кто-нибудь кого либо кололъ, стрѣлялъ или билъ, указывая при этомъ на слушателя и мѣста, получившія уколъ или ударъ — къ худу.

Женщина не должна брать рукою саблю или ружье, особенно передъ охотой или сраженіемъ—не будетъ успѣха, такъ какъ оружіе этимъ прикосновеніемъ оскверняется, портится и лишается силы и мѣткости.

Женщина, несущая воду въ ведрѣ, не должна переходить дороги проѣзжему—не будетъ пути; онъ преградится водою.

Если вошедшій въ юрту проѣзжій или странникъ найдетъ въ ней только-что вскипѣвшій чай — это предвѣщаетъ ему удачу и счастье.

Еще лучше, если проѣзжій войдетъ въ юрту въ тотъ моментъ, когда хозяйка вынимаетъ изъ посуды только-что сбитое масло—его во весь путь будетъ сопровождать счастье.

Если кость „шагайто“ окажется бѣлой — успѣхъ, и наоборотъ — если она будетъ черной. ¹⁾ Въ день новаго года бѣлая шагайто обѣщаетъ успѣхъ и счастье на цѣлый годъ.

¹⁾ „Замѣчательно, говорятъ монголы, что не бывало случая, чтобы Сининскимъ китайскимъ переводчикамъ когда-либо приходилось получить бѣлую шагайто“.

Встрѣтить покойника—ожидать большое счастье.

Встрѣтить поѣздъ съ невѣстою — ожидать крупнаго несчастья.

Если въ пути нѣсколько разъ подъ-рядъ вьюкъ сваливается съ вьючнаго животнаго на одну и ту же сторону — жди успѣха и богатой добычи.

Пословицы. Знакомому богу помолиться въ шапкѣ—простить.

У себя на головѣ не видитъ роговъ, а замѣчаетъ на отдаленной сопкѣ вѣточку.

Самъ ходитъ безъ панталонъ, а у другого видитъ прорванное у колѣнъ.

Этотъ человѣкъ гордится своимъ именемъ, а павлинъ своимъ хвостомъ.

Не говори человѣку дурнаго прежде, чѣмъ больно не ущипнешь самого себя.

Не говори тайны одному — отъ одного узнаютъ сто человѣкъ.

Сто незавязанныхъ мѣшковъ можно завязать; сотню ртовъ людей нельзя заставить молчать.

Сторонись начальника, сторонись и собаки.

Думаешь — расходясь, — что не встрѣтишь этого человѣка, а выйдетъ — встрѣтишь его еще три раза.

Не хвастай, что знаешь сотню извѣстныхъ людей, а лучше подружись съ однимъ.

Въ Цайдамѣ нѣтъ постоянныхъ монастырей или кумиренъ; женатые ¹⁾ и не женатые ламы живутъ въ собственныхъ юртахъ или у знакомыхъ и родственниковъ. Кумирни замѣняются въ каждомъ хошунѣ большими палатками и юртами, выставляемыми въ степи на короткое время (3—10 дней) для отправленія богослуженія.

Поэтому здѣсь праздникамъ Новаго года и печати не предшествуютъ, обычныя въ Монголіи и Китаѣ, богослуженія. И тотъ, и другой праздники проходятъ одинаково какъ въ Цайдамѣ, такъ и въ Халхѣ, и продолжаются въ теченіе трехъ дней.

Наканунѣ Новаго года „цаганъ-сара“ цзасакъ — въ данномъ случаѣ хошуна Барунъ — пріѣзжаетъ съ семьей въ хырму, куда также собираются и ламы, и чиновники, и многіе простые однохошунцы. Всѣ монголы одѣваются по-праздничному; цзасакъ наряжается въ парадную форму, наслѣдникъ также; жена князя имѣетъ

¹⁾ Женятся лишь ламы красношапочники — старовѣры, желтошапочники же принадлежатъ къ сектѣ „гелюкба“, не женятся и не употребляютъ опьяняющихъ напитковъ.

на головѣ чиновничью, соответствующую чину мэйрэнъ¹⁾, форменную шляпу.

По приѣздѣ на мѣсто, ламы, числомъ около пятнадцати человекъ, идутъ въ часовню и здѣсь, одни изъ нихъ, во главѣ съ хамба-ламой, служатъ хуралъ, другіе же, завязавъ себѣ рты тряпицами, приступаютъ къ лѣпленію изъ крутого тѣста — дзамбы и масла — кумира Будды и такъ называемаго дорма²⁾. Рты завязываются для того, чтобы во время работы не выпустить согрѣшеній.

По изготовленіи всего сказаннаго, хамба-лама относитъ вновь сдѣланнаго Будду, къ престолу часовни и устанавливаетъ его здѣсь, на мѣсто стараго, подобнаго же кумира, цѣлый годъ покоившагося на престолѣ; старое изображеніе Будды передаютъ князю. Балины³⁾ ламы размѣщаютъ на престолѣ же, передъ бурханами, предварительно поставивъ ихъ на металлическія блюда и чаши. Ламы-повара присоединяются къ ламамъ, непосредственно отправляющимъ богослуженіе. Громкіе голоса молящихся, звуки ламскихъ бубновъ, трубъ и морскихъ раковинъ, порою сливаются въ общую, дикую гармонию разносящуюся по окрестной равнинѣ.

Въ первый день „цаганъ-сара“, чиновники въ полномъ составѣ являются къ цзасаку съ кувшинами вина и по одному подходятъ къ князю, который, омочивъ пальцы (указательный и средній) въ винѣ, брызжетъ имъ въ воздухъ, затѣмъ, чиновникъ отливъ немного вина въ тазикъ, остальное выливаетъ въ большую чашу. По окончаніи подобной процедуры съ виномъ послѣдняго изъ присутствующихъ, цзасакъ направляется въ княжеское парадное помѣщеніе, предварительно приказавъ одному изъ чиновниковъ взять тазикъ, и за стѣной хырмы покропить воздухъ; остальные же чиновники слѣдуютъ за княземъ, неся и чашу наполненную виномъ.

Вслѣдъ затѣмъ, князь достаетъ изъ ящика печать, и ставитъ ее на возвышеніе. Каменная, темно-сѣрой окраски, печать состоитъ изъ нераздѣльныхъ квадратнаго пьедестала и полусидячей фигуры тигра; подъ основаніемъ печати вырѣзаны китайскія письмена. Этотъ символъ власти замѣняетъ отсутствующаго богдохана, съ мыслью о которомъ чиновники, начиная съ самаго цзасака, по-старшинству, соблюдая строгую благопристойность, подходятъ къ печати, прикасаются

1) Который жалуется женѣ цзасака только по рожденіи ею сына-наслѣдника.

2) Дорма или балинъ, также „Соръ“ Халха'скихъ монголовъ. См. Позднѣвъ. Очерки I. с. стр. 325—327, 380—384.

3) Изображенія балиновъ см. Позднѣвъ. Очерки I. с. рисунокъ, приложенный къ стр. 328.

къ ней лбомъ, вѣшаютъ хадаки и подносятъ дары ихъ страны — вино, дзамбу, и одну, общую отъ всѣхъ чиновниковъ, тушу барана. Жена князя принимаетъ участіе въ отданіи этихъ почестей лишь въ томъ случаѣ, если она подарила князю наследника и имѣетъ слѣдовательно чиновничій—мэйрэн'скій—шарикъ.

Принеся новогоднія поздравленія богдоханской печати, чиновники, имѣя во главѣ князя и его семью—не исключая и малолѣтнихъ дѣтей, усаживаются, опять-таки соблюдая старшинство, вокругъ чаши съ виномъ и вареныхъ кусковъ бараньяго мяса и начинаютъ проговать. Въ роли виночерпія или „сунъчи“ состоитъ одинъ изъ чиновниковъ, назначенный заранѣе самимъ цзасакомъ. Чашка съ виномъ все время переходитъ изъ рукъ въ руки пирующихъ. Сначала обыкновенно, пирушка мало оживлена и тиха, такъ какъ монголы усердно заняты ѣдою, но по мѣрѣ насыщенія, а главное обильнаго возліянія, лица цайдамцевъ краснѣютъ, глаза становятся безсмысленными, языки развязываются. Отъ времени до времени голоса людей заглушаются звуками молитвенныхъ бубновъ, трубъ и раковинъ, приводимыхъ въ дѣйствіе ламами часовни. До поздней ночи, монголы, какъ говорится, „пьютъ, ѣдятъ, рѣчи гуторятъ“... Наконецъ князь тяжело поднимается, идетъ къ печати, беретъ ее въ руки и возлагаетъ на голову каждаго изъ смиренно подходящихъ къ нему чиновниковъ. Затѣмъ, князь прячетъ печать на прежнее мѣсто. Торжество оканчивается.

На второй день Нового года, монголы-хошунцы обмѣниваются хадаками и угощаются между собою; теперь и чиновники и не-чиновники—всѣ перемѣшиваются другъ съ другомъ, составляя большія и малыя компаніи. И этотъ день, какъ и два предыдущіе, для монголовъ проходитъ быстро, не замѣтно. Общее празднество оканчивается принесеніемъ жертвы—сожженіемъ дорма¹⁾.

Обыкновенно, вечеромъ, процессія монголовъ—князь, ламы, чиновники и простые хошунцы—направляется изъ укрѣпленія въ открытое поле, къ мѣсту, гдѣ уже заранѣе сложенъ большой костеръ. Хамба-лама торжественно несетъ дорма, изрѣдка позванивая колокольчикомъ; прочіе ламы громко читаютъ подъ еще болѣе громкіи акомпаниментъ бубновъ, трубъ и раковинъ. Придя къ костру, хамба-лама устанавливаетъ дорма на столъ. Здѣсь, кромѣ ламъ, князя и человѣкъ двадцати монголовъ, расположившихся съ ружьями вокругъ костра, никто изъ прочихъ монголовъ не присутствуетъ. Они стоятъ

¹⁾ W. W. Rockhill. The Land of the Lamas I. с. p. 113—115.

на почтительномъ разстояніи, откуда и наблюдаютъ за дѣйствіемъ главныхъ лицъ. Между тѣмъ костеръ разгорается все ярче и ярче, свѣтъ сильнѣе борется съ тихимъ, холоднымъ мракомъ ночи. Монголы-стрѣлки застыли въ своихъ позахъ. Вниманіе всѣхъ напряжено до крайности. Среди общей тишины, голоса ламъ и звуки духовныхъ инструментовъ усиливаютъ впечатлѣніе. Наконецъ, колокольчикъ хамба-ламы смолкаетъ. Хамба-лама беретъ въ руки дорма, поднимаетъ его вверхъ и, обнеся нѣсколько разъ вокругъ головы, бросаетъ его подъ грохотъ ружейнаго залпа въ костеръ... Князь, а за нимъ и стрѣлки-монголы бѣгомъ, безъ оглядки, удираютъ въ хырму, вслѣдъ за исчезнувшими уже прочими монголами. Ламы бѣгутъ не такъ быстро и пробѣжавъ нѣсколько десятковъ шаговъ останавливаются, повертываются лицами къ костру съ горящимъ дорма, и вновь читаютъ молитвы; затѣмъ, слѣдуютъ безостановочно въ укрѣпленіе.

Въ сожженіи на кострѣ дорма и разсѣяніи невидимыхъ его остатковъ выстрѣлами изъ ружей, монголы склонны видѣть съ одной стороны—искупленіе грѣховъ минувшаго года, съ другой же—избавленіе отъ всѣхъ золъ и напастей, которыя иначе могли бы явиться и тяготѣть надъ хошуномъ, въ наступившемъ году. Удаленныя отъ хошуна всевозможныя бѣдствія не должны возвратиться обратно въ хошунъ, подобно тому, какъ не оглядывался назадъ и самъ управитель его, когда убѣгалъ отъ костра въ хырму.

Что же касается до изображенія Будды, то это послѣднее хамба-лама передаетъ князю, который съ своей семьей съѣдаетъ его, какъ выраженіе благодарности старому году.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, ежегодно, на избранныхъ давно уже мѣстахъ, въ каждомъ хошунѣ Цайдам'а, выставляются палатки и юрты для отправленія богослуженій. Со всего хошуна сюда съѣзжаются ламы, всѣ чиновники и толпы простыхъ монголовъ. Въ палаткѣ или юртѣ усаживаются по старшинству ламы и простые монголы — грамотные по тибетски и отправляютъ установленныя богослуженія. Среди ламъ не рѣдко можно встрѣтить какого-либо простаго монгола или цзангина, еще наканунѣ одѣтаго въ обыкновенную широкую баранью шубу съ саблей за поясомъ или ружьемъ за плечами — теперь нарядившагося въ ламское платье. Послѣ богослуженія, тутъ же у палатки, какой-либо лама снимаетъ съ себя ламское одѣяніе, передаетъ его женѣ и дѣтямъ, а самъ набрасываетъ на себя прежнюю шубу, засовываетъ за поясъ саблю и отправляется въ ближайшія юрты пьянствовать.

Рядомъ съ мѣстомъ настоятеля въ походной кумирнѣ устраивается одинаковой высоты и богатства мѣсто для цзасака—будь онъ лама, остриженный, или съ косою—„хара“.

Въ дни хураловъ, съ населенія хошуна собирается чай, дзамба, мясо и масло для угощенія ламъ и богомольцевъ. Для этого еще заранѣе производится раскладка; конечно не возбраняется внести изъ означенныхъ предметовъ и гораздо больше нежели сколько причитается согласно росписанію, хотя, впрочемъ дѣлается это крайне рѣдко и неохотно.

Послѣ окончанія хураловъ, въ томъ же мѣсяцѣ происходятъ въ каждомъ хошунѣ военные смотры: упражненія въ стрѣльбѣ на мѣстѣ съ лошади или съ земли, на скаку и проч. Начинаются смотры въ указанный ламами счастливый день. Изъ каждой юрты хошуна на означенное мѣсто собираются взрослые воины, а за немѣнѣемъ такихъ, и подростки, и цзасакъ съ чиновниками прежде всего осматриваетъ оружіе и боевые припасы.

Воинъ съ ружьемъ долженъ имѣть не менѣе трехъ ланъ ¹⁾ пороха, пятнадцати штукъ пуль и пяти четвертей фитиля; въ Курлык'ѣ—вдвое больше — при ружьѣ запасъ: пять ланъ пороха, тридцать штукъ пуль и полторы кулачныхъ сажени фитиля, спрятанныя въ узель, опечатанный печатью князя.

Бѣдные воины являются на смотръ съ пикою или саблею; но и ихъ обязываютъ имѣть небольшой запасъ пороха, пуль и фитиля на случай недостатка этихъ припасовъ во время войны у кого-либо изъ вооруженныхъ ружьемъ. Запасы эти также запечатываются и передаются владѣльцу, который на слѣдующій годъ обязанъ представить ихъ на смотръ не распечатанными. Если же случится, что воинъ не привезетъ этихъ боевыхъ запасовъ съ собою, а продастъ или потеряетъ, то такового жестоко наказываютъ плетями тутъ же, на смотре. Здѣсь же исправляются списки лицъ, имѣющихъ извѣстное оружіе и запасы; вносятся имена подроставшихъ воиновъ, съ указаніемъ чѣмъ молодой „цэрикъ“ долженъ быть вооруженъ, и какое количество припасовъ обязанъ представить на слѣдующемъ смотре, вычеркиваются имена умершихъ или обѣднѣвшихъ воиновъ и т. д.

Послѣ этого приступаютъ къ стрѣльбѣ въ цѣль на различныхъ разстояніяхъ съ сошекъ и съ лошади. Стрѣляютъ по чучелу на скаку. Затѣмъ выступаютъ вооруженные саблями и пиками и на скаку

¹⁾ Одиннадцать ланъ вѣсятъ одинъ фунтъ.

колятъ и рубятъ то же чучело. Послѣ упражненій съ оружіемъ выступаютъ борцы, а потомъ производятся и скачки на лучшихъ лошадяхъ.

Все это происходитъ чисто по-азиатски—не торопливо, съ отдыхомъ—согласно укоренившемуся убѣжденію, что „спѣшать лишь воры и разбойники“. Для смотровъ выставляются юрты, свозится со всего хошуна масса снѣди, равно и пнтій — кумыса и водки; такимъ образомъ смотры являются рядомъ празднествъ, во время которыхъ и дѣло дѣлается, и пьянство не прекращается. До послѣдняго дунганскаго возстанія, 1895—96 г.г., смотры въ Курлыкѣ продолжались по десяти и болѣе дней и проходили настолько пышно и весело, что на нихъ съѣзжались князья и чиновники не только изъ Цайдама, но и изъ области Кукунор'ской. Но послѣ возстанія мусульманъ, во время котораго Курлыкъ особенно сильно пострадалъ, веселые смотры были здѣсь сокращены до двухъ дней. Всѣ монголы рѣшили, что сколько ни готовься, сколько ни запасай оружія и снарядовъ,—такъ же будетъ худо и поэтому на смотры не стали обращать должнаго вниманія.

Если же смотровыя празднества продолжаются и теперь иногда дольше, чѣмъ два или три дня, то это происходитъ потому, что въ періодъ смотровъ стараются заканчивать всевозможныя тяжбы, такъ какъ сюда собираются всѣ мужчины хошуна. Здѣсь же производится раскладка повинностей; здѣсь же награждаютъ заслуженныхъ монголовъ или разжалываютъ провинившихся.

Въ заключеніе этого очерка скажемъ о хамба-ламѣ.

У Эркэ-бэйлэ, въ хошунахъ Цзунъ- и Барунъ-цзасаковъ и въ Шан'ѣ издавна находится по одному хамба-ламѣ, присылаемыхъ изъ Тибета. Хамба-лама въ хошунъ Цзунъ-цзасака присылается изъ монастыря Галданъ главнымъ гэгэномъ Галданъ-Туби; хамба-лама Барун'а и Шан'а—изъ Шигадзэ отъ Баньчэнь-Рембучи и хамба-лама Эркэ-бэйли — изъ Галдан'я.

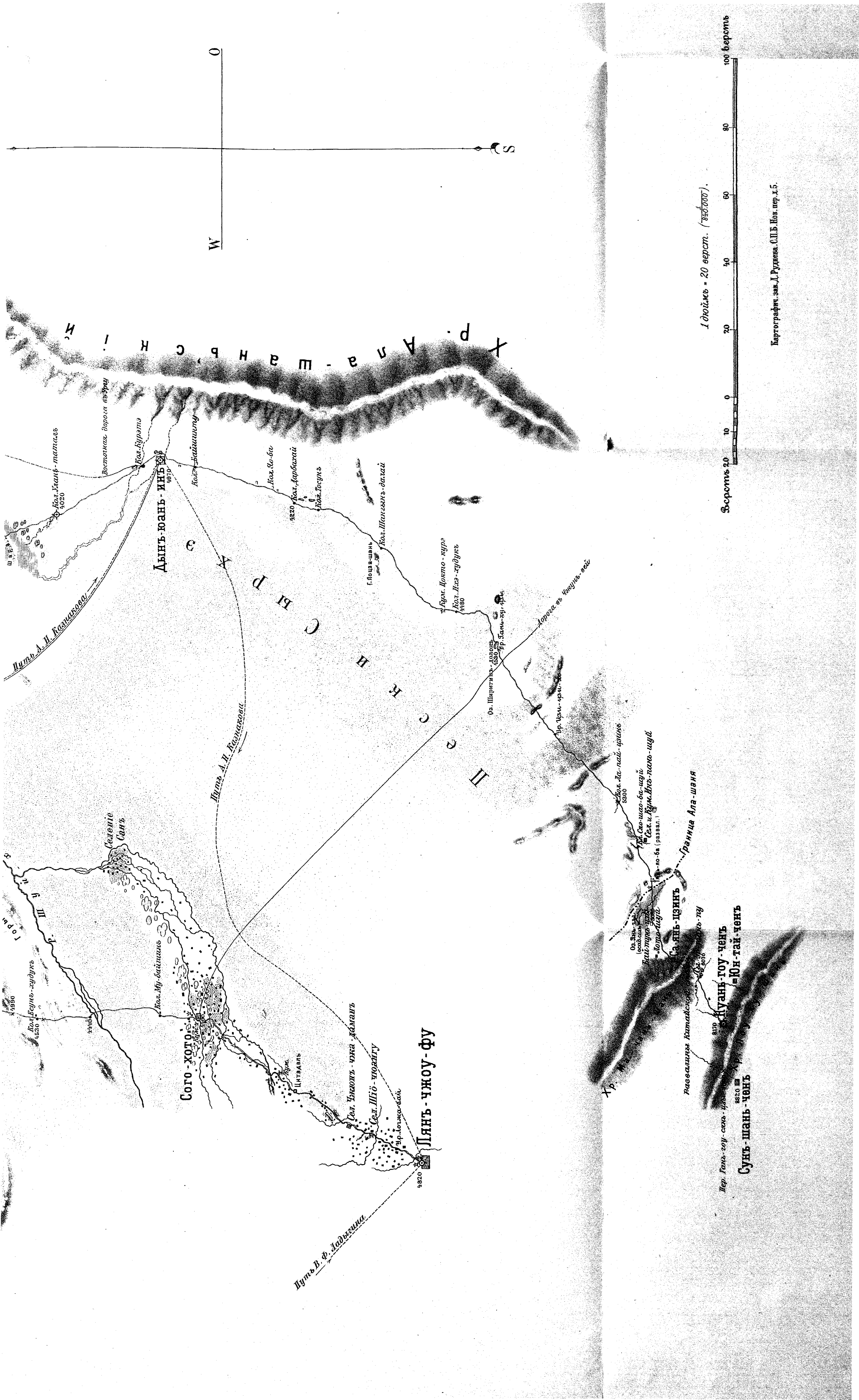
Ламы эти присылаются по просьбѣ хошуновъ на трехлѣтній срокъ по истеченіи котораго ихъ обязываютъ вернуться назадъ въ свой монастырь. Проѣздъ хамбы изъ Тибета въ монгольскій хошунъ и обратно, содержаніе его въ теченіи трехъ лѣтъ въ хошунѣ, хошунцы берутъ на себя.

На обязанности хамбы лежитъ главнымъ образомъ „отчитываніе“ или отпѣваніе умершихъ, богослуженія по случаю несчастій — падежа скота, неурожая травъ, повальныхъ болѣзней и пр. За всѣ эти требы хамба, конечно, получаетъ плату, — кто что можетъ, — придерживаясь обычая,—и обязанъ поэтому представить въ Тибетъ своему патрону, разъ въ три года, не менѣе 15—20 большихъ ямбъ сере-

бра. Кромѣ того хамба-лама удерживаетъ порядочную часть доходовъ въ свою пользу и небольшую часть для раздачи милостыни ламамъ своего монастыря въ Тибетѣ. Серебро это онъ представляетъ въ Тибетъ либо самолично, либо, если его удержать полюбившіе его хошунцы, съ посланцами изъ хошуна. Эти послѣдніе, отвозя серебро хамба-ламы въ Галдань, Галдань-Туби, или въ Шигадзэ — Баньчэнь-Рембучи, просятъ гэгэновъ разрѣшить понравившемуся хамбѣ остаться еще на одно трехлѣтіе, на что и слѣдуетъ по обыкновенію согласіе, такъ какъ такой хамба-лама общаетъ и большія выгоды. Бываетъ такимъ образомъ, что любимый народомъ хамба-лама проживаетъ въ хошунѣ по нѣсколько трехлѣтій подрядъ.

При отправленіи изъ Тибета эти ламы снабжаются отъ гэгэновъ паспортами и бумагами, удостоверяющими ихъ личность и званіе.

Довольно часто въ Цайдамѣ встрѣчаются странствующие ламы изъ монастырей Амдо и изъ У-тай-шан'я, извѣстные подъ именемъ „Буудэдъ“. Эти ламы являются сюда съ китайскими паспортами и охранными листами за сборамъ подаяній на построеніе храмовъ, на возобновленіе ихъ, на пріобрѣтеніе изображеній Будды и проч. Подѣзжая къ стойбищу монголовъ, они трубятъ въ трубы, читаютъ у дверей юрты молитвы и подавая хозяину хадакъ и пачку изюма или сахара, просятъ пожертвовать что-либо въ ихъ монастырь. Они обыкновенно получаютъ, кромѣ снѣди, живьемъ барана, лошадь, корову и проч. Путешествуютъ они лѣтомъ, въ пору лучшаго состоянія пастбищъ, и собравъ къ осени порядочное стадо барановъ, рогатаго скота и лошадей, возвращаются домой, подобно торговцамъ, промѣнивая скотъ на серебро, которое и представляютъ въ свой монастырь.

Х И Н Ш А Я Ш Е Л А Р Д

Путь А. Н. Козначева

Путь В. Ф. Ледягина

ДЫНЬ-ЮАНЬ-ИНЬ

СОГО-ХОГО

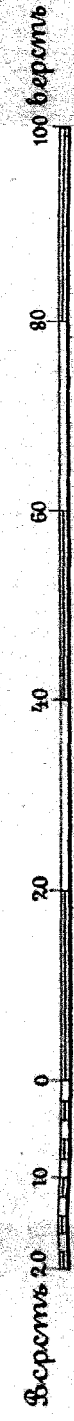
ЛЯНЬ-ЧЖОУ-ФУ

СА-ЯНЬ-ЦЗАНЬ

СУЙ-АНЬ-ГОУ-ЧЕНЬ

СУНЬ-ШАНЬ-ЧЕНЬ

1 дюйм = 20 верст. (1:400000)

Картографич. зав. А. Руднева. С. П. Б. Нов. пер. х. б.

МОНГОЛЬСКІЙ АЛТАЙ

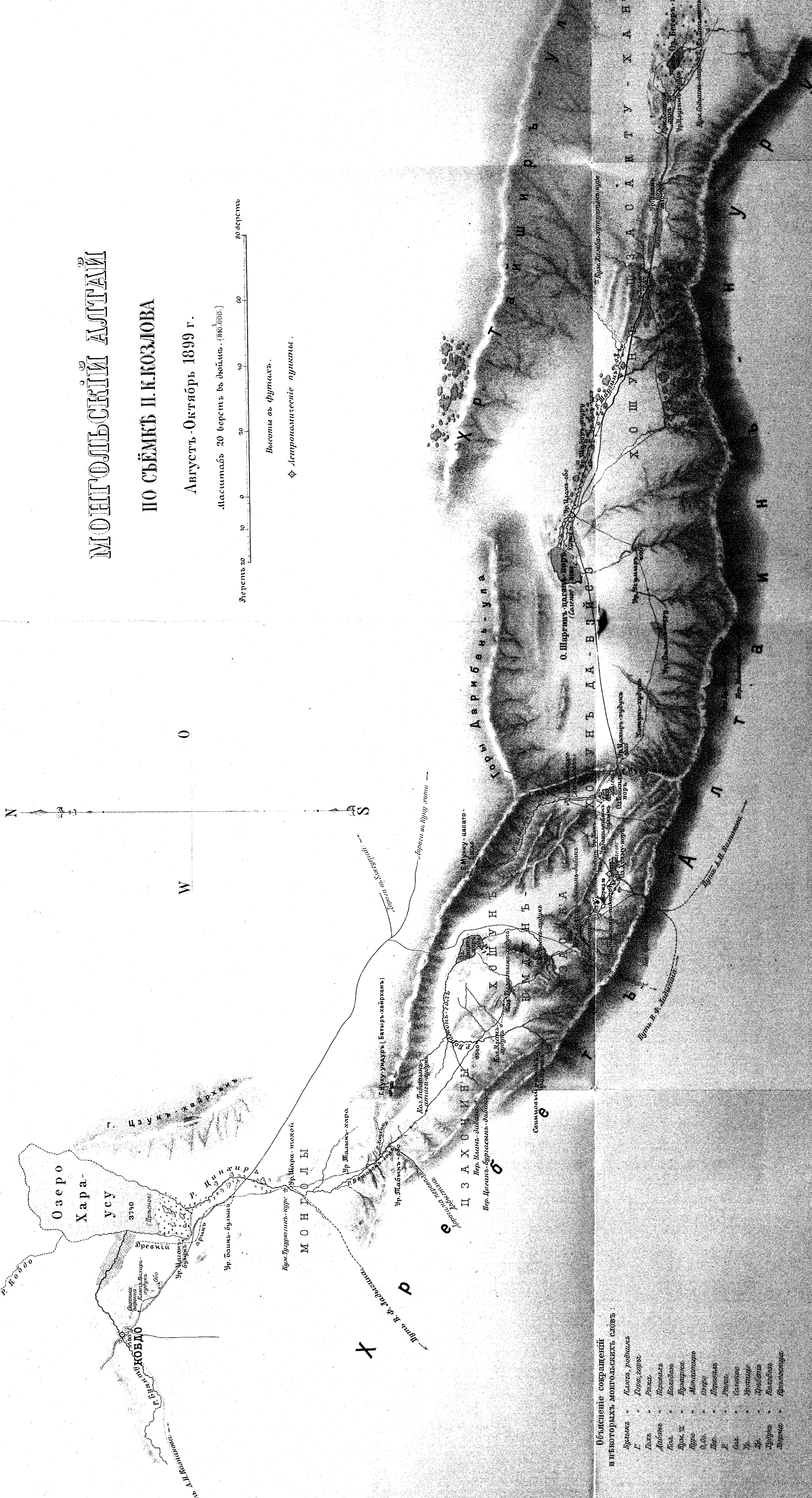
ПО СЪѢМЪ П.К.КОЗЛОВА

Августъ - Октябрь 1899 г.

Масштабъ 20 верстъ въ дюймѣ. (840:5000.)

Высоты въ футахъ.
 ☉ Астрономическіе пункты.

- Объясненіе сокращеній и нѣкоторыхъ монгольскихъ словъ:
- Булагъ * Колодезь, родникъ
 - Г * Горы, горы
 - Дала * Рѣка
 - Дабанъ * Перевалъ
 - Болъ * Колодезь
 - Буръ * Буряты
 - Буръ * Монастырь
 - О. Со. * Озеро
 - Шеръ * Перевалъ
 - Р. * Рѣка
 - Салъ * Селенге
 - Ур. * Урочище
 - Ур. * Урочище
 - Дуръ * Дурбанъ
 - Зоръ * Зорганъ